

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

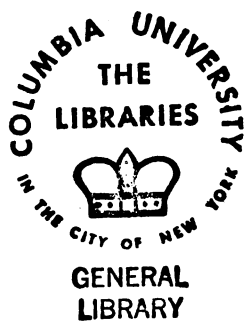
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

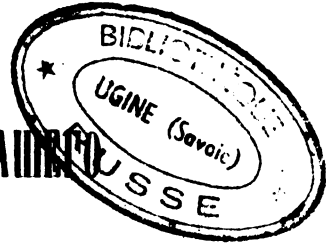
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

041

ТВОРЕНІЯ

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕИ

ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ СЕМЕНА

1847.

88686

JP

v. 5

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Марта 31-го дня, 1847 года.

Московская Духовная Академія.

Цензоръ, Визанской Семинаріи Ректоръ
Архимандритъ Филовей.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПѢСНЬ БОГУ.

1.

О, Ты, Который превыше всего! ибо что иное позволено мнѣ изречь о Тебѣ? Какъ воспѣснословить Тебя слово? ибо Ты неизрекаемъ никакимъ словомъ. Какъ воззрѣть на Тебя умъ? ибо Ты непостижимъ никакимъ умомъ. Ты единъ неизглаголанъ; потому что произвелъ все изрекаемое словомъ! Ты единъ недовѣдомъ; потому что произвелъ все объемлемое мыслию. Тебѣ воздаеть честь все и одаренное и не одаренное разумомъ! Къ Тебѣ устремлены общія всѣхъ желанія; о Тебѣ болѣзнують всѣ сердца; Тебѣ все возсылаеть моленія; Тебѣ все, уразумѣвающее Твои мановенія, изрекаеть безмолвное пѣснословіе. Тобою единымъ все пребываетъ. Къ Тебѣ все въ совокупности стремится Ты конецъ всего; Ты единъ и все; Ты ни единъ, ни единое, ни все. О Всеименуемый! Какъ наименую Тебя, единого неименуемаго? Да и какой небесный умъ проникнетъ сквозь заоблачные покровы? Будь милосердъ, о Ты, Который превыше всего! ибо что иное позволено мнѣ изречь о Тебѣ?

Дай воспѣснословить, дай прославить Тебя, нетлѣннаго Единодержца, Царя, Владыку! Тобою пѣснь и хвала, и ангельскіе лики, и нескончаемые вѣки; Тобою сіяетъ солнце, Тобою путь луны, и вся красота звѣздъ; Тобою человекъ, отличенный честью, какъ животное разумное, получилъ въ удѣлъ мысль о Божествѣ. Ты создалъ все, каждой вещи указываешь ея чинъ и все объемлешь Своимъ промысломъ. Ты изрекъ слово, и совершилось дѣло. Ибо слово Твое есть Богъ Сынъ, единосущный и равночестный Родившему. Онъ привелъ все въ устройство, чтобы надъ всѣмъ царствовать. А всеобъемлющій Святый Духъ Богъ хранить все Своимъ промышленіемъ.

Воспѣваю Тебя, живая Троица, единая и единственно единоначная, Естество неизмѣняемое, безначальное, Естество неизглаголанной сущности, Умъ непостижимый въ мудрости, небесная Держава, непогрѣшимая, неподначальная, безпредѣльная, Сіяніе неудообразимое, но все обозрѣвающее, отъ земли и до бездны ни въ чемъ не знающее для Себя глубины!

Будь милостивъ ко мнѣ, Отецъ! даруй мнѣ, чтобы всегда служилъ я сей святинѣ; а грѣхи мои отринь, очистишь совѣсть отъ всякаго худаго помышления, чтобы я прославилъ Бога, воздѣвая преподобныя руки; благословилъ Христа, и козленно-преклонно испросилъ у Него—принять меня, раба Своего, когда прійдетъ Онъ во царствіи!

Будь милостивъ ко мнѣ, Отецъ! да обрѣту у Тебя милость и благодать; потому что Тебѣ слава и благодареніе въ безмѣрные вѣки!

МОЛИТВА КО ХРИСТУ.

1.

О если бы и мнѣ не забыть Тебя, и Ты не забылъ меня, Царь, предметъ исканія мудрыхъ, и Тройственный Свѣтъ! О если бы не похитилъ меня непріязненный и не скрылъ въ табунахъ ада, за ненавистными затворами тмы! Онъ страшенъ и злокозненъ для друзей Твоихъ. Но знаю, что избѣгну его, если Ты обо мнѣ памятуешь, и непрестанно ограждаешь меня словомъ Своимъ и мыслию о Тебѣ.

2.

Наставникъ! меня, ученика Твоего, объемлетъ страшная волна; пробудись, пока я не умерь! Повели только, и буря умретъ. Осмѣливаюсь нѣчто сказать Тебѣ, Христось мой: не попусти, чтобъ подавила и угасила меня тяжесть скорбей! Ибо многіе у Тебя ниже меня, и Ты помиловалъ ихъ; не суди же и меня по заслуженному мною; но сними, сними съ меня большую часть бремени! Кто понесетъ тяготу даже и одного только дня? Къ кому прибѣгну обремененный злостраданіями?

3.

Если бы разстроился у меня тѣлесный составъ; то поискалъ бы я врача. А если бы я былъ какой ни-

будь бѣднякъ, то пошелъ бы къ богатому. Во время бури укрылся бы въ пристанище. И если бы меня обидѣли; то прибѣгнувъ бы къ законамъ и судилицамъ. Падающаго съ стремнины спасалъ иногда кусть. Но если запинаетъ меня растлитель во мнѣ Божіа образа; то въ комъ найду я опору, кромѣ Тебя, Повелитель?

4.

Новое, новое что-то, о Божіе Слово! новое что-то происходитъ со мною! Глубина сердца моего опустѣла; не стало въ ней ни мудраго слова, ни мудрой мысли. Правда, что лукавый духъ стремительно бѣжитъ отъ меня; однако же его мѣсто не занято во мнѣ ничѣмъ лучшимъ. Наполни меня Ты Своими благами, чтобы опять не пришла ко мнѣ зависть, и не обратила меня въ свою рабочую хранину,—что будетъ хуже прежняго!

5.

Опять пришелъ змій; за Тебя емлюсь, Христе! Да предстанетъ Давидъ, и да бряцаетъ въ гусли! Отойди, отойди отъ меня, духъ, который давишь зло (1 Цар. 15, 14.)!

6.

Опять пришелъ ко мнѣ змій. За Тебя емлюсь, Боже; поддержи, поддержи меня, не предавай на поруганіе Своего образа, да не похититъ меня врагъ, какъ птицу изъ гнѣзда!

Увы! и суда боюсь, и желаю разрѣшенія. Здѣсь я гонимъ, не имѣю минуты отдыха въ жизни. А туда Ты меня зовешь, но не имѣю дерзновенія. Твой я, Христе! спаси меня, какъ Самъ благоизволишь!

МОЛИТВА УТРЕННЯЯ.

Утро! Даю десницу мою Богу—не дѣлать и не одобрять дѣлъ темныхъ, но Тебѣ преимущественно принести въ жертву сей день, пребывая непоколебимымъ и самовластителемъ страстей. Если же проведу его худо; стыдно мнѣ будетъ старости и этой Трапезы, которой предстою. Таково мое желаніе, Христе; успѣхомъ же увѣнчай его Ты!

МОЛИТВА ВЕЧЕРНЯЯ.

Солгалъ я предъ Тобою—Истиною, Слово, когда посвящалъ Тебѣ настоящій день. Не совершенно свѣтлымъ застигла меня ночь, не какимъ общался и надѣялся быть. Но въ иномъ преткнулись мои ноги; потому что наступилъ мракъ, венавистникъ спасенія. Ты, Христе, возсіяй свѣтъ Свой, и снова двись мнѣ!

МОЛИТВА НА ДРУГОЕ УТРО.

Погибъ для меня вчерашній день, Христе! Нашелъ и мгновенно овладѣлъ мною гнѣвъ. О если бы нынѣшній день сталъ для меня днемъ свѣта!

МОЛИТВА БЪ БОЛѢЗНИ.

1.

Стражду отъ болѣзни и изнемогаю тѣломъ. Иные высокоумныя, можетъ быть, смѣются надъ моимъ страданіемъ. Разолабли мои члены, и ноги ходятъ не твердо. Не знаю, слѣдствіе ли это воздержанія, или слѣдствіе грѣховъ, или какая нибудь борьба. Впрочемъ, благодареніе моему Правителю! это, можетъ быть, для меня же лучше. Но запрети болѣзни, запрети словомъ Своимъ; Твое слово—для меня спасеніе! А если не запретишь; дай мнѣ терпѣніе—все переносить. Пусть тля и достанется тлѣ; соблюди образъ: тогда будешь имѣть во мнѣ и совершеннаго раба.

2.

Укрѣди меня, Христе! Отчего расслабъ я—Твой служитель? Бездѣиственъ языкъ, Тебя пѣснословящій; и Ты допускаешь сіе? Возстанови меня, и не отринь Своего священника!

Снова желаю востать, быть проповѣдникомъ спасенія и очищать народъ. Умоляю Тебя, Крѣпость моя, не оставь меня! А если измѣнилъ я Тебѣ во время бури; то да обуреваюсь еще!

МОЛИТВА ШЕСТВУЮЩАГО ВЪ ПУТЬ.

Царь мой, Христось! Ты, въ Которомъ всѣ блага для Твоихъ человекъ; Ты, Который во всемъ для нихъ путь прямой; Ты огнемъ и облакомъ вель воинство; Ты возлюбленнымъ Своимъ открылъ путь въ разсѣченномъ морѣ, а Фараона въ немъ потопилъ; Ты посмалъ имъ съ неба необычайный хлѣбъ, изъ твердаго камня источилъ рѣку; Ты (о великое чудо!) остановилъ въ пустынѣ стремительность людей непріязненныхъ, когда Моисей распростиралъ руки, прознаменуя крестъ—мою помощь; Ты остановилъ теченіе луны и солнца, содѣлалъ, что рѣка отступила предъ поспѣшающими, и открылся удобный путь въ землю, которую самъ Ты обѣщалъ и указалъ; Ты показалъ, напоследокъ, людямъ стезю въ самое небо, и къ древнему пути присоединилъ новый, когда пришелъ на нашу землю Ты—вмѣстѣ Богъ и человекъ, и опять вознесся отсюда на небо, чтобы прійти къ ожидающимъ свѣтоноснѣе прежняго. Ты Самъ ходилъ по морямъ, Своими стопами поплралъ волны, обуреваемыя сильными вѣтрами. Прійди же нынѣ, Блаженный,

сопутствовать и мнѣ зовущему! Дай мнѣ доброе шествіе и благаго Ангела, путеводителя, защитника, помощника, чтобы онъ, и ночью, и днемъ, какъ можно дальше, отводя меня отъ всякаго зла, и послѣ трудовъ доставивъ мнѣ желанный конецъ пути, какъ изъ дома извелъ невредимымъ, такъ и возвратилъ меня опять домой—къ роднымъ и къ друзьямъ, возлюбившимъ подобный путь жизни, я я, свободный и ничѣмъ не возмущаемый, могъ день и ночь возносить къ Тебѣ молитвы, ведя жизнь не оскверняемую грѣхами, и окриленный умъ непрестанно восторгая къ Тебѣ, Свѣтъ моей жизни, пока не совершу послѣдняго и общаго всѣмъ пути, и пока не достигну одинаго съ благочестивыми конца трудовъ! Для Тебя живу я, Царь мой Христосъ, для Тебя и говорю, для Тебя сижу на одномъ мѣстѣ, для Тебя заносу стопу моей ноги; потому что Ты покрываешь меня Своею рукою. Но и теперь приведи меня къ доброму предѣлу моего путешествія!

2.

Безъ Тебя, Христе Царю, не возможно поднять и стопу ноги; въ Тебѣ всѣ блага для Твоихъ челоуѣковъ; Ты во всемъ для нихъ путь прямой; на Тебя уповая, иду и по этой стезѣ. Препроводи же меня невредимымъ, и даруй мнѣ, чего надѣется сердце! Приведи и обратно меня, Царь, въ скудный мой домъ, гдѣ бы я могъ на свободѣ умиливать Тебя и день и ночь!

3.

Ты, Который огнемъ и облакомъ вель воинство;
Ты, Который открылъ путь въ морѣ гонимымъ, и
волны сдѣлалъ для нихъ твердыми, хлѣбъ же не-
обычайный съ неба дождилъ нечающимъ, изъ уте-
систаго камня источилъ потокъ! прійди и нынѣ со-
путствовать зовущему Тебя служителю, Христе,
Свѣтъ чловѣковъ, Податель всякаго успѣха!

4.

Въ Тебѣ, Божіе Слово, упокоиваемся мы, нахо-
дась дома; Тебѣ посвящаемъ свой досугъ; Ты—мое
сѣденіе; Ты—мое пробужденіе и мое стояніе; Ты
также—мое шествіе. И теперь по Твоему манове-
нію шествую прямою стезею. Но пошли мнѣ какого
нибудь Ангела путеводителя, благоуспѣшнаго пред-
стателя, который бы вель меня столпомъ огнен-
нымъ и облачнымъ, разсѣкъ море, остановилъ рѣки
словомъ, обильно препиталъ небеснымъ и дольнимъ
хлѣбомъ, руками же изображая крестъ, обуздаль
дерзость враговъ, не пожигалъ меня зноемъ въ по-
лудни, не причинялъ мнѣ страха въ ночи! А не-
ровную и крутую стезю содѣлай для меня, служи-
теля Твоего, гладкою и удобопроходимую, какъ
и прежде неоднократно, покрывая Своею рукою, на
сушѣ и на морѣ спасалъ Ты меня отъ опасностей,
отъ жестокихъ болѣзней и отъ всего непріязненна-
го, чтобы, совершивъ все благоуспѣшно и согласно
съ надеждами, потомъ получивъ счастливый конецъ

пути, опять возвратился я къ друзьямъ и сродникамъ, и съ радостію встрѣченъ былъ дома радующимися, а по успокоеніи отъ труда, поклонился Тебѣ, моля о томъ, чтобы и окончательный путь мой былъ спокоенъ и легокъ!

ПЛАЧЪ И МОЛЕНІЕ КО ХРИСТУ.

1.

Увы мнѣ! Спѣшу къ небу, къ Божіей обители; но меня держитъ эта плоть: нѣтъ мнѣ выхода изъ многоскитальческой жизни, изъ ненавистнаго грѣха, который привязалъ меня къ дольному, отовсюду оглушая внезапными заботами, посядающими красоту и дарованія души. Но Ты, Царь, разрѣши, разрѣши меня отъ земныхъ узъ, и вчини въ небесное ликостояніе!

2.

Матерь моя, для чего ты родила меня, когда родила на труды? Для чего извела въ эту жизнь, усѣянную терніями? Если сама ты жила безпечно, какъ безплотная; то это—великое чудо. А если и ты страдала; то не изъ любви ко мнѣ родила меня.—Всякій идетъ своею стезею жизни: иный—земледѣлецъ, а другой—мореплаватель; иный—какойнибудь звѣроловъ, а другой вооружилъ руку копьемъ; иный—искусный пѣвецъ, другой—побѣдитель на поприщѣ. Но мой жребій — Богъ; мой удѣлъ — тер-

пѣтъ множество скорбей, изнемогать здѣсь отъ мучительной болѣзни. Терзай, терзай меня, злодѣй, до времени! Скоро съ радостію оставлю тебя, а съ тобою и всѣ тяжкія бѣдствія.

Матерь моя, для чего ты родила меня, когда не могу ни мыслию постигнуть, ни изречь Бога, сколько желаю? Осіяло, правда, очи ума моего малое какое-то озареніе пренебесной, равносвѣтлой Троицы; но большая часть (къ скорби моей) ускользнула отъ меня, пролетѣвъ быстро, какъ молнія, прежде нежели насытился я свѣтомъ. А если бы здѣсь могъ я постигнуть Тебя, возлюбленная Троица; то не сталъ бы жаловаться на родившую меня утробу матери: это значило бы, что я родился въ доброй часъ. Но спаси, спаси меня, Божіе Слово; и извлеки изъ горькой тины, веди въ иную жизнь, гдѣ чистый умъ, не покрываемый болѣе примрачнымъ облакомъ, ликуеть предъ Тобою, о Пресвѣтлый!

3.

О, я несчастный! Чтѣ будетъ со мною? Могу ли какъ избѣжать пороковъ, укрывъ жизнь въ глубинахъ, или въ облакахъ? Говорятъ, что есть страна, гдѣ нѣтъ ни звѣрей, ни болѣзней; о если бы нашлось гдѣ мѣсто свободное отъ грѣха, чтобы мнѣ туда убѣжать! На сушу укрылся мнѣ отъ тревожнаго моря, другой спасся подъ щитомъ отъ копья, и подъ крышею дома—отъ хладнаго снѣга. А грѣхъ всесторонень, — обширное и неизбѣжное царство. Илія на огненной колесницѣ возшелъ на

небо. Моисей избѣжалъ нѣкогда опредѣленія дѣтоубійцы—мучителя. Невинный Іона спасся отъ безвѣстной смерти въ китовомъ чревѣ. Даниилъ избавленъ отъ звѣрей, а отроки—отъ пламени. Но мнѣ какъ избѣть отъ грѣха? Ты спаси меня, Царь мой Христось!

4.

Увы мнѣ, Христось мой! опять пришелъ ко мнѣ змій. Увы мнѣ! пришелъ ко мнѣ весьма устрашенному. Увы мнѣ! я вкусилъ съ этого древа познанія. Увы мнѣ! зависть увѣрила меня, что мнѣ завидуютъ. Богомъ не сталъ я, и изринуть изъ мѣста наслажденія. Угаси нѣсколько, о мечъ, паящій твой пламень, и опять прійми меня подъ сѣнь райскихъ деревъ, какъ разбойника, который взошелъ туда со Христомъ съ крестнаго древа!

5.

Увы! тѣсно мнѣ въ этомъ мірѣ; знаю, что большая часть жизни протекла, и отъ меня пахнетъ уже мертвецомъ; а пороки мои не хотятъ истребляться вмѣстѣ съ лѣтами жизни. Или продли время мое, Дыханіе челоуѣковъ; или избавь меня отъ золь! Это—дѣло Твоей благодати. А если не угодно сіе Тебѣ; то уже я мертвъ. Чего же еще больше? Развѣ ждетъ меня милосердый огонь?

6.

Увы! тѣсно мнѣ и въ жизни, и при концѣ жизни, Здѣсь грѣхъ, а тамъ наказаніе. Стою въ срединѣ,

боясь огненной рѣки. Надѣюсь больше на Тебя, Христось, нежели на здѣшніе подвиги. Если бы у меня была возможность, хотя нѣсколько, отчиститься; это было бы всего лучше. Но если непрестанно умножается во мнѣ зло; то пора разрѣшиться, пока не постигла меня худшая участь.

7.

Какое это принужденіе! Вступилъ я въ жизнь?—прекрасно! Но для чего же обуреваюсь тревоженіями жизни? Скажу слово; оно смѣло, однако же скажу его. Если бы не Твой былъ я, Христѣ; мнѣ стало бы это обидой. Мы родимся на свѣтъ, утомляемся, насыщаемся, спимъ, бодрствуемъ, ходимъ, бываемъ и больны и здоровы; есть у насъ и удовольствія и труды. Но временами года и солнцемъ наслаждается и все, что есть на землѣ. А умиряють и согниваютъ тѣломъ и скоты, которые, правда, презрѣнны, но не подлежатъ и отвѣтственности. Въ чемъ же мое преимущество? Ни въ чемъ, кромѣ Бога; и если бы не Твой былъ я, Христѣ, мнѣ стало бы это обидой.

8.

Обманулся я, Христѣ мой, и чрезъ мѣру понадеявшись на Тебя, занесся высоко,—и очень глубоко ниспалъ. Но опять подними меня вверхъ; ибо сознаю, что самъ себя ввелъ я въ обманъ. А если опять превознесусь; то пусть опять паду, и паденіе мое да

будеть сокрушительно! Если Ты меня пріймешь, я спасенъ; а если нѣтъ, то я погибъ. Но ужели для меня одного исчерпана Твоя благость?

ПЛАЧЪ ГРИГОРІЯ О СЕБѢ САМОМЪ.

1.

Увы, увy! какія страданія! Въ чемъ согрѣшилъ я? Или одинъ касаюсь чистыхъ жертвъ Твоихъ не преподобно? Меня ли Ты, Очиститель, пережигашь страданіями, или сокращаешь кичливость другихъ, или для того обнажаешь меня, чтобы вывести въ борьбу съ противникомъ? Все это распредѣляешь Самъ Ты, Царь мой—Слово. Но я едва перевожу на землѣ послѣднее дыханіе; выплакалъ всѣ слезы; одно у меня занятіе—плакать. Долго ли же оставаться мнѣ въ рукахъ нечестивыхъ? Но Ты, Блаженный, возставь меня; пусть я худъ, однако же священникъ; — возставь, чтобы не соблазнился кто нибудь моими бѣдствіями! Утратилась моя похвала; да исчезнуть и тѣлесныя скорби! Утрачена для меня Анастасія; да прекратится и грѣхъ! Увы! увy! слезы мои не пересыхаютъ, сердце цѣпенѣетъ въ груди. Удержи, Царь, сугубую болѣзнь! Удержи болѣзнь, — я погибаю. Ужели милосердіе заключено для одного, служителя Твоего, Григорія? Многими бѣдствіями и тѣлесными скорбями сокрушенъ я. А у Тебя, Христе, есть благодать,—у Тебя, Который пережигашь меня страданіями. Или останови бѣдствія, и умилосердись надъ рабомъ Твоимъ; или дай силу переносить все съ твердымъ духомъ!

Христось, свѣтъ человѣковъ, столпъ огненный душъ Григоріевой, блуждающей по пустынь горестной жизни, удержи зломысленнаго Фараола и безстыдныхъ приставниковъ; избавь меня отъ неважущагося брениа и отъ тяжкаго Египта, смривь позорными казнями моихъ непріателей, и даруй мнѣ гладкій путь! Если же преслѣдующій врагъ достигнетъ меня, разсѣки для меня Черное море, чтобы перейти мнѣ по отвердѣвшимъ водамъ, посибшая въ чудную землю, въ мое достояніе, какъ общалъ Ты; останови широкіа рѣки, отклони стремительное и стенищее копье иноплеменниковъ! Если же взойду въ святую землю; буду славословить Тебя немолчными пѣснопѣніями.

Царь мой Христось, для чего Ты опуталъ меня этими сѣтями плоти? Для чего ввергъ въ жизнь — въ этотъ холодный и тинистый ровъ, если, какъ слышу, дѣйствительно я — богъ и Твое достояніе? Утратидась во мнѣ крѣпость членовъ, не слушаются колѣна; меня разслабило время, сокрушила болѣзнь, изнурили заботы и друзья, расположенные ко мнѣ не дружелюбно. А грѣхи не хотятъ покорится; но еще сильѣе наступаютъ на меня, и изнемогшаго, какъ робкаго зайца или серну, окружають эти псы, желая насытить свой голодь. Или останови бѣдствія, и умилосердись; или прійми меня къ Себѣ послѣ долговременныхъ подвиговъ, и положи мѣру скорбямъ; или благое облако забвенія да покроетъ мои мысли!

3.

Увы мнѣ! изнемогъ я, Христе мой, Дыханіе челоуѣковъ! Какая у меня брань съ супружницей — плотью! Сколько отъ нея бурь! Какъ долга жизнь, какъ долговременно пресельничество! Сколько бореній и внутри и совнѣ, въ которыхъ можетъ повредиться красота Божія образа! Какой дубъ выдерживаетъ такое насиліе вѣтровъ? какой корабль сражается съ столькими волнами? Меня сокрушаютъ трудъ и стеченіе дѣлъ. Не по своей охотѣ принялъ я на себя попеченіе о родительскомъ домѣ. Но когда вступилъ въ него; нашелъ расхищеннымъ. Меня привели въ изнеможеніе друзья, изнурила болѣзнь. Другихъ встрѣчаютъ съ цвѣтами; а меня встрѣтили камнями. У меня отняли народъ, надъ которымъ поставилъ меня Духъ. Однихъ чадъ я оставилъ, съ другими разлученъ, а иныя не воздали мнѣ чести. Подлинно, жалкій я отецъ! Тѣ, которые со мною приносили жертвы, стали ко мнѣ непризнанными самыхъ враговъ: они не уважили таинственной Трапезы, не уважили (не говорю о чемъ другомъ) понесенныхъ мною дотолѣ трудовъ (а ихъ обыкли нерѣдко уважать и порочные); они нимало не думаютъ заглушить молву о нанесенныхъ мнѣ оскорбленіяхъ, но домогаются одного — моего безславія.

4.

Весьма много потерпѣлъ я бѣдствій, и, что составляетъ верхъ бѣдствій, претерпѣлъ, отъ кого всего менѣе думалъ терпѣть. Однако же я не потерпѣлъ

ничего такого, что потерпять сдѣлавшіе мнѣ зло. Мои страданія проходятъ, а ихъ злыя дѣла, сколько знаю, Правосудіе записало въ желѣзныя книги.

5.

Друзья, сограждане, недруги, враги, начальники! много испыталъ я отъ васъ тяжкихъ ударовъ. Знаю, вы скажете: нѣтъ. Но это записано въ книгахъ; не утаитесь отъ меня.

6.

Мои страданіями и скорбями да не утѣшается порочный, и да не смущаетъ слабаго ума добрый! Кто безъ болѣзней содѣлалъ хорошаго лучшимъ? А страждущій знаетъ, что и болѣзнь ему помощникъ, что она или врачество для оскверненныхъ, или борьба и слава для очищенныхъ. Другому, Царь, дай славу безъ трудовъ; а для меня вождельно — приобрѣсти Тебя страданіями и скорбями.

КЪ САМОМУ СЕБѢ.

1.

Помни самъ себя, чтобы не забыться тебѣ, взирая на Бога; ты далъ клятву, помни о своемъ спасеніи! Увы! увь! обаятель обманываетъ тебя своими лжеумствованіями, обманываетъ, обманываетъ тебя непризнанный. Обратись скорѣе къ Слову, чтобы не пасть глубже. Обними крестъ, и остановишь вредъ.

2.

Истощается во мнѣ образъ Божій ; какое разсужденіе поможетъ мнѣ? Истощается образъ — даръ пречистаго Бога, и предается поруганію. О зависть, зависть! меня воспаменяють чуждыя мнѣ ученія и умствованія.

3.

Не струись, источникъ зла, не источай суетнаго, мысль! О если бы языкъ не осквернился нечистою! О если бы рука не касалась худаго! Тогда бы образъ Божій пребывалъ во мнѣ нетлѣннымъ.

4.

Посредствомъ настоящаго приобрѣтай міръ великій, безъ труда презирая все здѣшнее, какъ одно подражаніе высшему зрѣлищу! Покорись Слову, Которое ради тебя стало плотію. Чтò жъ говоритъ Слово? *Идемъ отсюда* (Іоан. 14, 31.)! Для того пришелъ Я сюда, чтобы преселить въ горнее тебя, низринутаго грѣхомъ. — Такъ повелѣваетъ Богъ; поспѣшимъ, какъ окрыленные. Уготовь себя, какъ можно скорѣе, для неба, окрыливъ Словомъ драгоценную душу. Не оставляй при себѣ ничего лишняго, но сбрось съ себя всякую тяготу суетной жизни и здѣшнихъ бѣдствій!

5.

Я живъ и мертвъ. Кто мудрецъ, тотъ согласи это. Душею я мертвъ, а плоть хочетъ быть у меня сильною. Пусть лучше живетъ душа, а плоть моя умретъ!

КЪ ДУШЪ СВОЕЙ.

1.

Есть тебѣ дѣло, душа моя, и, если угодно, дѣло немаловажное. Изслѣдуй сама себя, что ты такое, куда тебѣ стремиться, откуда ты произошла, и гдѣ должно остановиться; дѣйствительно ли то жизнь, какую теперь живешь, или есть и другая кромѣ ея?

Есть тебѣ дѣло, душа моя! очищай жизнь слѣдующимъ способомъ: размышляй о Богѣ и о Божіихъ тайнахъ; размышляй, что было прежде вселенной, и что для тебя значить эта вселенная; откуда она произошла, и до чего дойдетъ?

Есть тебѣ дѣло, душа моя! очищай жизнь такими размышленіями: какъ Богъ править кормиломъ вселенной, и обращаетъ ее; отчего иное постоянно, а иное скоротечно, особенно же наша жизнь подлечь изворотамъ?

Есть тебѣ дѣло, душа моя! обращай взоръ къ единому Богу. Какую славу имѣлъ я прежде, и въ какомъ поруганіи теперь? Что это за сопряженіе во мнѣ, и какой конецъ моей жизни? Размышляй о всемъ этомъ, и остановишь шатанія ума.

Есть у тебя дѣло, душа моя! что ни терпишь, не изнемогай!

2.

Душа, зрирай горѣ, а земное все забудь, чтобы тѣло не покорило тебя грѣху! Коротка жизнь сія; счастливецъ наслаждается, какъ бы во снѣ. Всякому

выпадаетъ разная судьба. Одна чистая жизнь всегда постоянна и многолѣтна, и всего лучше — жить такою жизнью. Иные уважаютъ или золото, или серебро, или продолжительную трапезу — эти дѣтскія забавы въ настоящей жизни; а другимъ дороги или прекрасныя шелковыя ткани, или поля засѣянная пшеницею, или стада четвероногихъ. Но для меня великое богатство — Христосъ. О если бы мнѣ когда нибудь увидѣть Его чистымъ, неприкровеннымъ умомъ! Прочимъ же пусть владѣетъ мѣръ!

3.

Куда идешь, духъ мой? Остановись! Куда рвешься, несчастный? Увы! увy! обаятель обманываетъ тебя своими лжеумствованіями. Подойдетъ онъ нѣсколько, и опять отступить назадъ, и снова подойдетъ ближе, какъ волкъ къ тельцу, ласкаясь, заманивая дикими своими прыжками, пока не отвлечетъ тебя отъ Божіихъ законовъ, и не уловитъ въ снѣдь губительнымъ зубамъ.

ПЛАЧЪ О ДУШѢ СВОЕЙ.

1.

Часто, юная новобрачная, сидя еще на дѣвственномъ ложѣ, оплакиваетъ смерть возлюбленнаго супруга, и въ брачномъ уборѣ начинаетъ свою жалобную пѣснь; а рабыни и подруги, стоя здѣсь и тамъ, плачутъ попеременно въ облегченіе ея грусти.

И мать оплакиваетъ любезнаго сына, еще не достигшаго юношескихъ лѣтъ, и послѣ мукъ рожденія терпитъ новыя муки. А иной сѣтуетъ о своемъ отечествѣ, которое опустошено стремительнымъ Аремъ. Иной скорбитъ о домѣ, который истребленъ небеснымъ огнемъ. Какой же плачь приличенъ тебѣ, душа, которую умертвилъ губительный змій, Божій образъ запечатлѣвъ горькою смертію? Плачь, плачь, окаянная; это одно для тебя полезно. Покину дружескіе и веселые пиры; покину великую славу красворѣчія и благородство крови; покину дома съ высокими кровлями и все земное счастье; покину даже сладостный солнечный свѣтъ, самое небо и блистательныя звѣзды, которыми оно увѣнчано. Все это оставлю тѣмъ, которые будутъ послѣ меня; а самъ, съ повязкой на головѣ, какъ мертвецъ и бездыханный, возлягу на одрѣ, послѣднимъ сѣтованіемъ утѣшу сѣтующихъ, получу не надолго похвалу и непрекословную любовь, потомъ камень, и подъ нимъ неумирающее тлѣніе. Впрочемъ не отъ этого смущается мое сердце; трепещу единственно правдивыхъ Божіихъ вѣсовъ.

2.

Какъ могъ демонъ отдалить тебя на столько отъ Христа, уловить твой языкъ, и слухъ, и зрѣніе, о несчастная душа? Гдѣ ты блуждаешь въ кроткаго Свѣта, волнуемая желаніями и безпокойными заботами, трепеща одной тѣни страха, служа обольщеніямъ, изсыхая и истаявая въ порывахъ кипящаго гнѣва? Не предавайся, душа, круженіямъ парящаго

ума, но и не забывай своей жизни, когда приближаешься къ плоти, къ прикровеннымъ и явнымъ плотскимъ недостаткамъ! Пусть въ дольномъ мѣрѣ возмущается все жестокими житейскими бурями; пусть здѣсь время, какъ шашками, играетъ всѣмъ: и красотою, и доброю славою, и богатствомъ, и могуществомъ, и невѣрнымъ счастіемъ! А я, крѣпко держась за Христа, никогда не покину надежды, что увижу сіяніе во едино сочетаваемой Троицы, когда достояніе великаго Бога, теперь смѣсившееся съ плотію, а прежде образъ Божій, вступитъ въ единеніе съ небеснымъ.

УПРЕКИ

НЕРАЗУМНЫМЪ СТРЕМЛЕНІЯМЪ ДУШИ.

Ночное привидѣніе, менада—бѣдное сердце мое! Ночное привидѣніе, менада, долго ли будешь ты гоняться за удовольствіями, заглядываясь на все тебя окружающее? Ужели не уцѣломудришься? Ужели не угасишь огня, который воспламеняетъ въ тебѣ незаконныя пожеланія? Ужели не возгнетешь въ себѣ прирожденной тебѣ разумной силы, принявъ въ поборники раздражительную силу? Чтò стало съ тобою, душа моя? Для чего помышляешь о томъ, чтò не соотвѣтственно твоему достоинству? Или не знаешь, что тебѣ одной даны броды, и что ты должна управлять какъ бы колесницей, въ которую впряжены три коня несходныхъ свойствъ? Одинъ конь благородень, другой безчинень, третій кро-

токъ. И если ослабишь броды буйному, онъ встанетъ на дыбы, упрямится, приводитъ тебя въ затрудненіе во время пути, кидаясь, самъ не зная, куда; онъ присоединяетъ къ себѣ и средняго коня, убѣждаетъ его быть съ нимъ за-одно, а коня благороднаго, какъ плѣнника, поработываетъ и увлекаетъ противъ воли, хотя онъ и скорбитъ о совращеніи съ пути. Но буйный конь, безчинно, съ самымъ бессмысленнымъ стремленіемъ, неудержимо несясь внизъ, какъ съ крутизны, нимало не смотритъ впередъ, не останавливаетъ своего бѣга, пока не вринется во врата адовы, погубивъ и себя, и тебя, несчастная душа! А если бы ты рассуждала сообразно съ своею природою, то съ радостію бы представила весь путь благородному коню, который хорошо знаетъ стезю, ведущую въ горнее; ты и среднему коню строго бы внушила, чтобы онъ показывалъ свою рыаность, гдѣ только должно, и бѣжалъ за-одно съ конемъ умнымъ; а коня безчиннаго стала бы усмирять сильными бодцами, ни на минуту не ослабляя узды. Тогда путь твой былъ бы радостенъ, добропорядоченъ, спокоенъ, безпечаленъ, исполненъ надежды. Ибо разсудокъ, какъ благородный конь, которому отъ природы дава сила брать верхъ, препобѣждаетъ, и непрестанно простираясь впередъ, безтрепетно устремляя взоръ горѣ, минуя всѣ здѣшнія затрудненія, не убавляетъ скорости своего бѣга, пока не достигаетъ назначеннаго Богомъ жребія, спасая и себя, и тебя, блаженная душа!

НА ПЛОТЬ.

1.

Гибельная плоть — черная волна зломудренного Веліара! Гибельная плоть — корень многовидныхъ страстей! Гибельная плоть — подруга дольняго скоротечнаго міра! Гибельная плоть — противница небесной жизни! Плоть—мой врагъ и другъ, пріятная война, невѣрное благо, плоть, непрестанно вкушающая плодъ челоуѣкоубійственнаго древа, брєніе, грязная цѣпь, тяжелый свинець, неукротимый звѣрь, порожденіе воюющаго со мною вещества, негодная кипучесть, гробъ и узы царя твоего — небснаго образа, который получилъ я отъ Бога! Еще ли не положишь конца безстыднымъ порокамъ, не покоришься духу и сѣднѣ, о окаанная злоумышленница? Тебя одну Христось, когда неблагообразіе вещества приводилъ въ благолѣпіе словомъ, тебя одну образовалъ собственными руками, и напоследокъ сочеталъ съ Божествомъ, чтобы возлюбленную тварь, наслѣдницу великой жизни, но которую одурающій Веліаръ обременилъ страданіями, спасти и Своею смертію избавить отъ лютой смерти. Посему окажи мнѣ уваженіе, перестань безумствовать и питать неприимиримую вражду къ душѣ моей!

Рукою безсмертнаго Бога и тѣмъ бѣдственнымъ днемъ, который, наконецъ, соберетъ во едино всѣ дѣла смертныхъ, свидѣтельствуюсь тебѣ, что, изнуривъ и низложивъ тебя скорбями всякаго рода, сдѣлаю безсилнѣе самыхъ мертвецевъ, если не остано-

вишь въ себѣ безумія и тока кровей , прикоснове-
ніемъ къ краю чистыхъ ризъ Христовыхъ.

Посѣтите жъ меня , наконецъ , очистительный
источникъ слезъ и многотрудное бдѣніе тѣла и
ума, чтобы уступился во мнѣ пламень, омылась зло-
вонная гнилость мучительныхъ страстей ! Откажись
отъ пресыщенія , чрево ; иссохните , преклоненныя
къ землѣ колѣна ; пепель да будетъ мнѣ хлѣбомъ,
жесткое вретисце да покрываетъ изнѣженные члены,
служа огражденіемъ обуреваемой души ! Прійди ко
мнѣ, не смѣющая возвести взоровъ забота, смири-
тельница персти, и непрестанно напоминай мнѣ о
грядущихъ бичахъ !

Таковы мои врачевства отъ неразумія ! Но Твой,
Христе, даръ — и чистая жизнь, и жизнь изъ мерт-
выхъ. Кто милостиво принялъ прародителя нашего
грѣха и нашей крови, когда онъ сталъ оплакивать
свое вкушеніе и обольщеніе ? Кто слезами очи-
стилъ развращеннаго царя Манассію ? Кто разрѣшилъ
Давида отъ великаго грѣха ? Кто спасъ смиренную
Ниневію, видя ее въ слезахъ ? Кто проливалъ слезы
о сынѣ юнѣйшемъ ? Кто, съ радостію приѣмля чи-
стыхъ по жизни, не извергалъ вонъ и мытарей ?
Кто возложилъ на рамена свои заблудшую овцу ?
Кто очищалъ прокаженныхъ, изгонялъ жестокія бо-
лѣзни, подавая блага тѣлу и душѣ ? Твои это дары,
о Блаженный , о Свѣтъ человѣковъ ! Взойди же на
волнующееся море нашей жизни , и буря тотчасъ
утихнетъ !

2.

Блаженъ, кто ведетъ жизнь безплотную , и вели-
каго образа не обложилъ примѣсью тины ! Не мно-

гое, и то по принужденію, слѣдуетъ за небесными помыслами, а гораздо большее имъ противится и служить омраченіемъ ума. Я порожденіе скоротечнаго; для чего дѣлаешь подобнымъ меня безсмертнымъ? Если во мнѣ Божіе дыханіе; то для чего, Христе, связываешь меня брениемъ? Наступила старость, ослабѣли члены. Но если возставшая плоть, явно или тайно, приходитъ еще въ бѣшенство и, что всего прискорбнѣе, тавника небесныхъ жертвъ дѣлаешь нечистымъ; то заклинаю тебя, плоть, великою державою Бога, или чернымъ для нечестивцевъ днемъ, удержиись отъ наглости!

НА ЛУКАВАГО.

1.

Пришелъ ты, злодѣй (знаю твои замыслы!), пришелъ ты, неуступчивый, лишить меня вождѣннаго и вѣчнаго свѣта. Какъ же, будучи тмою, явился ты мнѣ свѣтомъ? Не обманешь такую лживостію. И за что ты всегда воздвигаешь на меня такую жестокою брань, и явно и тайно? Въ чемъ завидуешь благочестивымъ послѣ того, какъ извергъ ты изъ рая перваго Адама — Божію тварь, грѣхомъ перехитрилъ мудрую заповѣдь, и сладостной жизни предложилъ горькую свѣдь? Какъ мнѣ убѣжать отъ тебя? какое средство изобрѣсти прогивъ страданій своихъ? Сперва неважными грѣхами, какъ ручей впадаешь ты въ сердце, потомъ открываешь себѣ широкую дорогу, а тамъ уже вхо-

дишь большою и мутною рѣкою, пока не поглотить меня твоя пасть, или бездна.

Но отступи отъ меня дальше, и налагай свои руки на тѣ народы и города, которые не уразумѣли Бога; а я — Христово достояніе; я стану храмомъ и жертвой, потомъ буду богомъ, когда душа вступитъ въ единеніе съ Божествомъ. Ты покорись Богу и Божіей твари, убоявшись Божія гнѣва, сонма душъ благочестивыхъ, и гласа ихъ немолчныхъ пѣснопѣній!

2.

Бѣги отъ моего сердца, злокозненный! бѣги скорѣе, бѣги отъ моихъ членовъ, бѣги отъ моей жизни, тать, змій, огонь, Веліаръ, грѣхъ, смерть, пучина, драконъ, звѣрь, ночь, засада, бѣшенство, смѣшеніе, завистникъ, челоуѣкоубійца! Ты, губитель, и прародителямъ моимъ на пагубу наславъ вкушеніе грѣха и смерти. Христось — Царь повелѣваетъ тебѣ бѣжать на широту морскую, или на утесы, или въ стадо свиней, какъ прежде негодному легиону. Удались же; или низложу тебя крестомъ, предъ которымъ все трепещетъ. Я ношу крестъ въ своихъ членахъ. Крестъ въ моемъ шествиі; крестъ въ моемъ сердцѣ; крестъ — моя слава. Ужели не перестанешь, злотворный, строить мнѣ козни? будешь устремлять взоръ не на стремнины, не на Содомъ, не на толпы безбожныхъ, которые разсѣкли великое Божество, а на мою сѣдину, на мое сердце? Непрестанно очерняешь ты меня мрачными мыслями, ни Бога, ни Жертвы не трепещущій врагъ! Этотъ умъ былъ громкимъ проповѣдникомъ

Троицы; а теперь видитъ предъ собою конецъ. Не осквернай же меня ты, нечистота! чтобы мнѣ чистому срѣтить чистые небесные Свѣты, когда озаренія ихъ падутъ на мою жизнь. Къ вамъ простираю руки, пріймите меня! Прощай міръ, прощай, многотрудный, и пощади тѣхъ, которые будутъ послѣ меня!

3.

Бѣги отъ сихъ начертаній, мучитель, и не безпкой меня! Бѣги, всякій, кто лукавъ: во мнѣ пишется Христось; да не разсѣвается же собранная мною во едино мысль! Отступите отъ меня всѣ, кого Христось не отводитъ вдаль отъ земнаго!

4.

И это — твое прираженіе, злобный; это ты, хитрыми изворотами закравшись ко мнѣ въ умъ, убѣждаешь меня ловить нѣгу удовольствій. Но нѣтъ, не убѣдишь меня. Не вѣрить тебѣ внушилъ мнѣ Адамъ. Пресмыкайся же по землѣ; я буду попирать твою голову. А если у тебя достанетъ еще силъ угрызать мою ногу; то повѣшу тебя, изваявъ изъ мѣди, чтобы, взирая, спастись отъ вреда.

5.

Къ Богу взываю. Чтò это? Бѣги отъ меня скорѣе, бѣги, злобный звѣрь, челоуѣкоубійца! Для чего тревожишь меня, не потерпѣвъ никакой обиды? Иди въ своихъ свиней и наполняй глубины; онѣ готовы принять тебя, низринувшагося въ бездну. Но не

прикасайся ко мнѣ; иначе низложу тебя крестомъ: предъ его державой все ужасается и трепещеть отъ страха.

6.

Отойди, отойди отъ меня, непріязненный чело-
вѣкоубійца! отойди, страшное привидѣніе, неистовая
злоба! Отойди! У меня въ сердцѣ Христосъ; Ему при-
несъ я въ даръ свою душу. Откажись отъ меня, и
бѣги скорѣе прочь! Ахъ! помогите мнѣ, Ангелы пред-
статели! Ахъ! ко мнѣ приступаетъ мучитель и
тать; умоляю васъ, друзья, избавьте меня отъ него!

7.

Приходилъ, приходилъ ты ко мнѣ, злобный; но
остановленъ. Какъ скоро замѣтилъ я дымъ, дога-
дался, что будетъ и огонь. Сильное зловоніе — яв-
ный признакъ змія. А я поднимаю крестъ. Онъ
стражъ моей жизни; онъ связуетъ собою весь міръ и
приноситъ его Богу. Убойся креста, отойди, не являй-
ся вторично. Меня благодать именуетъ несквернымъ
представителемъ.

8.

Долго ли тебѣ, долго ли подавлять меня бѣд-
ствіями? За меня умеръ Богъ, и потомъ воскресъ.
Уважь купѣль, отойди, челоѣкоубійца! Какъ пре-
жде уловилъ ты меня горькимъ сластолюбіемъ; такъ
теперь хочешь злобно умертвить. Отойди, отойди;
я чувствую твое нападеніе. Пусть одолѣешь мое
тѣло, но ничего не потерпѣть умъ.

О БРАНИ ОТЪ ВЪСОВЪ.

Если бы не связалъ я молчаніемъ говорливаго языка и устъ, когда собиралъ во едино умъ для общенія съ Богомъ, чтобы самыми чистыми помысленіями почтить чистаго Царя (ибо одна умная жертва прекрасна); то никакъ не постигъ бы ухищреній пресмыкающагося звѣря, или, конечно, не огласилъ и не призналъ бы ихъ ухищреніями. Часто и прежде приходилъ онъ ко мнѣ, то уподобляясь ночи, то опять подъ обманчивою личиною свѣта; ибо чѣмъ ни захочетъ, всѣмъ дѣлается измыслитель смерти, этотъ въ похищеніи чужихъ образовъ настоящій Протей, только бы, тайно или явно, осилить человѣка; потому что грѣхопаденія людей — для него наслажденіе. Но доселѣ никогда еще не видалъ я его такимъ, какимъ пришелъ онъ ко мнѣ нынѣ, во время моихъ подвиговъ. Видя больше благоговѣнія въ душѣ моей, онъ воспылалъ сильнѣйшимъ пламенемъ гнѣва. Какъ тайная болѣзнь, скрывающаяся внутри неисклѣпной плоти, остановленная на-время не вполне благопотребными врачевствами, и питаемая въ невидимыхъ полостяхъ тѣла, не прекратившись еще въ одномъ мѣстѣ, прорывается въ другомъ, и снова угрожаетъ больному опасностію, или какъ потокъ, въ одномъ мѣстѣ прегражденный твердыми плотинами, напираетъ и вдругъ проторгается въ другомъ мѣстѣ: такъ жестока и брань завистника. Если не страдалъ у меня отъ него языкъ; то вредъ приливалъ къ чему нибудь другому. Однако же не овладѣлъ онъ мною; потому что

пришелъ Христосъ — моя помощь, Который спасалъ учениковъ отъ бури; Который многихъ, даровавъ благодать ихъ хотѣнію, освобождалъ отъ страстей и отъ демонскихъ узъ. Между тѣмъ искушалъ меня завистникъ, какъ и прежде челоукоубійственной хитростію уловилъ родоначальника нашего. Но ты, Блаженный, удержи брань, и повели мнѣ, по утишеніи бури, всегда приносить Тебѣ безкровныя жертвы!

РАЗГОВОРЪ СЪ МІРОМЪ.

Вопросъ. Хочу судиться съ тобою, міръ. Отвѣчай мнѣ прежде всего: кто и откуда ты, и куда стремишься? Какъ же ты водишь меня, кругомъ вертя, какъ муравья?

Отвѣтъ. Не знаю, откуда произошелъ я, но безъ сомнѣнія отъ Бога. Стремлюсь же къ лучшему. Не я тебя вожу; но самъ ты безпорядоченъ, самъ оскорбляешь меня.

Вопр. И такъ отчего ты стоишь твердо, а я непостояненъ?

Отв. Я не отъ себя таковъ; и что же въ этомъ за превосходство? А ты одаренъ волею; если хочешь, пріобрѣтешь еще больше.

Вопр. Хорошо! А что во мнѣ отвнѣ, кто тѣмъ движеть?

Отв. Что же въ этомъ худаго? Совершеннымъ доставляетъ это случай ко спасенію.

Вопр. Или лучше винить себя самого?

Отв. Совершенная правда!

О БРЕННОСТИ ЕСТЕСТВА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО.

1.

Міръ дружелюбный, но дружелюбный не во всемъ! для чего ты, какъ вертящійся кубарь, когда желалъ бы я идти противной дорогой, стремительно увлекаешь меня, какъ мелкаго муравья, сколько ни жалуясь на жестокое насиліе, — увлекаешь ты, столько величественный, меня — существо не маловажное? Знаю, что ты отъ Бога и Божія слава; но и я самъ созданъ Христовой рукою, и составленъ изъ того и другаго, изъ земнаго и небеснаго. Хотя тѣло у меня изъ земли, но душа есть дыханіе великаго Ума. Но какимъ множествомъ бѣдствій влаюсь я туда и сюда, бѣдствій, происшедшихъ то отъ меня самого, то отъ непризнаннаго! Какъ привыкшій къ морю дельфинъ на сушѣ отъ воздуха, умираю я. Моя жизнь миновалась, о міръ; веди невредимымъ народъ!

2.

Какъ птицы, или какъ на морѣ корабли, перегоняемъ другъ друга — и я и время, ничего не имѣя въ себѣ постояннаго. Но въ чемъ я согрѣшилъ, то не проходитъ, а пребываетъ; и это всего бѣдственнѣе въ жизни. Не знаю, чего желать себѣ, продолженія ли жизни, или смерти; въ обоихъ случаяхъ объемлетъ меня страхъ. Разсуди объ этомъ самъ. Жизнь моя обременена грѣхами; а если умру, увы! увы! тамъ нѣтъ уже врачевства отъ прежнихъ немощей. Если же это общаетъ жизнь, въ которой

столько скорбей: то значить, что и смерть не избавляетъ отъ бѣдствій. Съ обѣихъ сторонъ пропасть; что жъ будемъ дѣлать? Не лучше ли — обратитьъ взоры къ Тебѣ единому и къ Твоему милосердію?

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ.

1.

Эта краткая и многообразная жизнь есть какое-то колесо, вертящееся на неподвижной оси: то идетъ вверхъ, то склоняется внизъ, и хотя представляется чѣмъ-то неподвижнымъ, однако же не стоитъ на мѣстѣ; убѣгая, держится на одномъ мѣстѣ, и держась, убѣгаетъ; стремительно скачетъ, и не можетъ сдвинуться съ мѣста; силится движениемъ своимъ перемѣнить положеніе, и отъ того же движенія приходитъ въ прежнее положеніе. Посему ни съ чѣмъ лучше нельзя сравнить жизнь, какъ съ дымомъ, или съ сновидѣніемъ, или съ полевымъ цвѣткомъ.

2.

Персть, бренье, кружащійся прахъ! земля опять соединяется съ землею, повивается земными пеленами, и снова дѣлается перстію, какъ прахъ, который сильнымъ круговоротомъ вѣтровъ поднять въ высоту, и потомъ брошенъ внизъ. Ибо такъ и нашу кружащуюся жизнь бури лукавыхъ духовъ поднимаютъ въ высоту — къ лживой славѣ; но персть тотчасъ опадаетъ внизъ и остается долу, пока сло-

во Сотворшаго не совокупить того, что было соединено, и разрушилось по нуждѣ. А теперь сія персть, въ которую вложенъ духъ съ Божіимъ образомъ, какъ бы изникнувъ изъ какой-то глубины, возглашаетъ земныя печальныя пѣсни, и оплакиваетъ жизнь, по видимому, улыбающуюся.

ПОКАЯННАЯ ПѢСНЬ ПРИ КОНЦѢ ЖИЗНИ.

1.

Последній подвигъ жизни близокъ; худое плаваніе кончено; уже вижу и казнь за ненавистный грѣхъ, вижу мрачный тартаръ, пламень огненный, глубокую ночь, и позоръ обличенныхъ дѣлъ, которыя теперь сокрыты. Но умилосердись, Блаженный, и даруй мнѣ хотя вечеръ добрый, взирая милостиво на остатокъ моей жизни! Много страдалъ я, и мысль объемлется страхомъ, не начали ли уже преслѣдовать меня страшныя вѣсы правосудія Твоего, Царь?

Пусть самъ я понесу свой жребій, переселившись отсюда и охотно уступивъ снѣдающимъ сердце напастямъ; но вамъ, которые будете жить послѣ меня, даю заповѣдь: нѣтъ пользы въ настоящей жизни; потому что жизнь эта имѣетъ конецъ.

2.

Цвѣтъ опалъ, приблизилось время жатвы. Побѣлѣли у меня волосы; гумно призываетъ къ себѣ колосъ; уже нѣтъ незрѣлости въ ягодѣ; близко соби-

раніе гроздовъ. Точило моихъ злостраданій уже истаптывается. О мой злой день! Какъ избѣгну его? Что со мною будетъ? Какъ страшенъ мнѣ грѣхъ; какъ страшно оказаться полнымъ терній и гроздовъ гоморрскихъ, когда Христосъ станетъ судить боговъ, чтобы каждому воздать по его достоинству, и назначить страну, сколько взоръ вынесетъ свѣта! Одна мнѣ надежда, что подѣ Твоимъ руководствомъ, Блаженный, въ сіи краткіе дни обращаюсь еще къ Тебѣ.

НА БОЛѢЗНЬ.

Опять пришелъ ты ко мнѣ, коварный; и сколько понятно, пришелъ для того, чтобы истерзать во мнѣ глубину моего сердца. Тебѣ хочется, чтобы отъ сильныхъ и многократныхъ потрясеній этой жизни палъ во мнѣ священный образъ. Ты напалъ на крѣпкую плоть, и ослабилъ меня отъ головы до ногъ, разрѣшивъ узы тѣхъ соковъ, которыми Богъ увлажилъ во мнѣ сухое вещество, подобно тому, какъ, по Своей мірозидательной мудрости, срастворилъ теплоту съ холодомъ, чтобы чрезъ равновѣсіе сохранялась неразрывная связь тѣла, и я научился изъ этого убѣгать раздоровъ въ жизни. Пришелъ ты съ убійственными замыслами, и излилъ на меня бѣднаго весь ядъ горькой своей злобы. Не довольно было того, что влачилъ я обременительную старость и скорби — эту тяжесть Тринакрскихъ утесовъ. Меня изнуряетъ еще мучительная и пожирающая болѣзнь, которая годъ за годъ точитъ мои

члены. Объ этомъ я плачу и стенаю, какъ могучій левъ, запутавшійся въ сѣтяхъ звѣролова.

Не люблю я ни игривыхъ рѣчей, ни пріятныхъ для всякаго бесѣдъ, даже самыхъ веселыхъ, ни городскихъ торжищъ, ни рощей, ни бань, ни всѣхъ цвѣтовъ этой обманчивой жизни. Это не было для меня привлекательно и прежде, съ тѣхъ поръ, какъ удалился я отъ земнаго и объялъ Христа. Плачу же о томъ, что отворотилось отъ меня животворное око великаго Христа, Который нѣкогда взиралъ на меня заботливо, предназначалъ меня къ славѣ еще въ утробѣ непорочной родительницы, избавлялъ отъ холоднаго моря и отъ страстей. Плачу о томъ, что повергъ я броды богомудраго народа; не самъ, правда, отвергъ ихъ, однако же не держу въ рукахъ. А народъ сей восхищался прежде моими рѣчами, когда изъ устъ моихъ озаряло его Тройственное Сіяніе. Какъ отучаемый отъ груди младенецъ, въ объятіяхъ родившей, жадными губами сжимаетъ сухій сосецъ, и мать не удовлетворяетъ его желанію: такъ и этотъ народъ прильнулъ теперь слухомъ къ устамъ моимъ, и жаждетъ источника, который прежде струился для многихъ, а нынѣ не даетъ ему и малой капли. Хотя другіе источаютъ сладкія воды, однако слушатели скорбятъ; потому что умолкло для нихъ слово ихъ отца. Гдѣ мои всенощныя пѣснопѣнія, при которыхъ я, какъ одушевленный камень, неизменно утверждалъ свои ноги, или одинъ бесѣдуя со Христомъ, или купно съ народомъ услаждаюсь священными, попеременно возглашаемыми, пѣснями? Гдѣ пріятное утомленіе преклоненныхъ колѣнъ, при

которомъ проливалъ я горячія слезы и собиралъ во едино омраченныя мысли? Гдѣ руки, кормившія бѣдныхъ и служившія больнымъ? До чего доходить истощаніе обезсмыслившихъ членовъ! Уже не воздѣваю рукъ предъ чистыми жертвами, чтобы приобщаться великимъ Христовымъ страданіямъ; уже не составляю ликовъ угодныхъ добродѣтельнымъ мученикамъ, и драгоцѣнную ихъ кровь не чествую похвальными словами. Пяльсья лежатъ на моихъ книгахъ, недокончаны мои рѣчи; кто будетъ столько расположенъ ко мнѣ, чтобы довести ихъ до конца? Все умерло еще у живаго; изнемогла моя жизнь, и стала слабѣе корабля, въ которомъ нѣтъ связей.

Но впрочемъ, какъ ни преслѣдуешь ты меня, докучливый демонъ, никогда не преклоню предъ тобою колѣнъ моего сердца. Не уязвленный, не низложенный тобою отойду въ матеръ мою—землю. Пусть червь точитъ добычу змія. Поражай кожу, челоуѣкоубійца, но душа не уязвима. Христу возвращаю полученный мною отъ Него Божій образъ. Ты наложилъ нѣкогда узы свои на великаго Іова: но самъ былъ посрамленъ, а его увѣнчалъ великій Подвигоположникъ, побѣду его содѣлалъ славною чрезъ Свое провозглашеніе, и въ двойной мѣрѣ возвратилъ ему все, что ты у него расхитилъ. Таковъ законъ милосердія Христова!

Но повели мнѣ, Христе, стать, наконецъ, здравымъ! Твое слово — для меня врачество. Я новый Лазарь между мертвецами; но скажи: встань! и по слову Твоему оживетъ мертвецъ. Я новый разслабленный, недвижимый на одрѣ; но скажи: укрѣпись! и я пойду, и понесу на себѣ одрѣ.

Хочу изъ воскресилій Твоихъ похитить руками своими цѣлебную силу; останови же въ увядшей плоти быстрый потокъ крови! Я, достояніе Твое, преклоняюсь предъ Тобою, какъ согбенная тѣломъ Хананейка; возстанови же меня, Царь! Море волнуется, а Ты покоишься сладкимъ сномъ; но пробудись немедленно, и по слову Твоему утихнеть волненіе.

Я сѣтую; болѣзнь обдержитъ мои члены. Ибо никто не изъять вовсе изъ общей участи смертныхъ, и я такъ же, какъ всякій другой. Такъ повелѣваетъ Богъ, чтобы никто изъ насъ не поднималъ бровей высоко и не считалъ себя небожителемъ, но чтобы всякій, взирая на помощь великаго Бога, чувствовалъ нужду въ сильнѣйшемъ побужденіи къ благочестію. Впрочемъ не столько сѣтую по причинѣ болѣзни: она и для духовной моей части служитъ нѣкоторымъ очищеніемъ, а въ очищеніи всякій имѣетъ нужду, какъ бы ни былъ онъ крѣпокъ; потому что самыя сіи узы сообщаютъ смертнымъ какую-то черноту. Но гораздо болѣе въ скорбяхъ моихъ озабочиваютъ меня малодушные; боюсь, чтобы изъ нихъ кто нибудь не преткнулся, видя мои бѣдствія. Не многіе изъ людей крѣпкодушны, съ любовію приемятъ всякое Божіе посѣщеніе, приятно ли оно, или скорбно для нихъ, и знаютъ, что всему есть причина, хотя и сокрыта она во глубинѣ Божіей премудрости. Напротивъ того многіе посмѣваются надъ благочестивыми, когда они изнемогаютъ, и говорятъ, что ихъ служеніе Богу остается безъ всякой награды; или даже укореняютъ въ умѣ совершенно недостойную мысль,

будто бы все въ мірѣ устроилось случайно, и не Богъ, царствующій въ горнихъ, управляетъ человѣческими дѣлами; иначе, говорятъ они, у насъ господствовалъ бы другой порядокъ.

Вспомни сіе, Великій, и помоги Своему служителю; не доведи меня до позорнаго конца жизни! Твой я служитель, возлагаю руки на Твои Дары и на главы тѣхъ, которые сами подклоняются и именуютъ меня помощникомъ въ болѣзняхъ. Умилосердись, Христе! Если не угодно Тебѣ исцѣлить меня; дай силу къ перенесенію подвиговъ! Не лишай меня всей чести, Слово, но и не обременяй; не оставь безъ узды, но и не подвергай великимъ страданіямъ! Бодцами коли меня, Блаженный, а не копьемъ! Пусть корабль мой не вовсе безъ груза, но и не чрезъ мѣру нагруженный, несется по морю жизни. Пресыщеніе дѣлаетъ наглымъ, а скорби погружаютъ въ ночную тму. Уравновѣсь наказаніе съ невредимостію! Ты остановилъ меня возгордившагося; сжался же надо мною изнемогающимъ! Еще есть время помилованію, о Правосудный! Изнуренный напастьми, ниспосылаемыми свыше, уважаю свою сѣдину, и самоумерщвленные члены, и жертвы.

Но къ чему излишества? Могу ли предписывать законы Божеству? Веди меня, служителя Твоего, Христе, куда Тебѣ угодно!

О ПРОМЫСЛѢ.

Прочь отъ меня тѣ, которые отрицають Божество, которые этого невыразимаго благоустройства во вселенной не приписываютъ никакой всезидущей и вседержавшей Сущности! Прочь отъ меня и тѣ, которые признають цѣлый рой боговъ, или владычество добрыхъ и злыхъ духовъ! Прочь отъ меня и тѣ, которые отрицають Промыслъ, какъ будто боясь получить спасеніе отъ Бога; а напротивъ того, все въ мірѣ или приписываютъ непостоянному стремленію, или подчиняють движенію звѣздъ. Но какъ и къмъ приводятся въ движеніе звѣзды? Если Богъ ихъ движеть то почему первоначально то, что вращаетъ Богъ? Кто связалъ что нибудь, тотъ можетъ и развязать. А если не Богъ движеть; какъ имъ установиться при безначаліи, или при борьбѣ съ Совершеннѣйшимъ? И какъ же не быть здѣсь борьбѣ? Ибо отрицаніе Промысла есть мятежъ противъ Бога. Развѣ скажешь, что и Богъ подчиненъ судьбѣ, и невольнo несетъ на Себѣ насильственныя узмы! Такъ эти умствователи запутываются въ собственныхъ своихъ ученіяхъ.

Но у насъ единый Богъ править этою вселенной, какъ Ему угодно; Самъ, по собственнымъ Своимъ мановеніямъ и законамъ, премудро приводитъ все въ движеніе и взаимное сопряженіе, хотя, по видимому, и не все идетъ благопоспѣшно. Ибо, и въ древности и нынѣ, многимъ изъ самыхъ мудрыхъ затруднительными казались примѣчаемая въ здѣшней жизни несообразности. И нужно ли перечислять

всѣхъ? Смотри, что испытываетъ въ себѣ Давидъ (Псал. 72.)! Видя, что злые дѣйствуютъ, по ихъ мнѣнію, благоуспѣшно, приходитъ онъ въ сильное колебаніе, и боится, чтобы иный самага естества вещей не предоставилъ слѣпому стремленію, и не подумалъ, что нѣтъ надъ нами начальствующаго. Впрочемъ Давиду извѣстно и рѣшеніе затрудненія. Онъ говоритъ: посмотри на конецъ всякаго человѣка, какъ онъ соотвѣтственъ жизни. Ты посѣялъ; увидишь и колось своего посѣва. А если ты не знаешь законовъ; это не значить, чтобы не знало ихъ и Слово. Ибо, если ты не знаешь живописи; не слѣдуетъ, чтобы не зналъ ее и живописецъ. Или, если тебѣ неизвѣстны свойства линій; не слѣдуетъ, чтобы онѣ были такъ же неизвѣстны геометру, какъ и тебѣ. Иное самъ ты постигъ, а съ инымъ согласишься благоразумно. И то уже признакъ разума, чтобы покаряться разуму. Ежели все ясно; то скажи: гдѣ мѣсто вѣрѣ? Ибо вѣра есть непытливое согласіе.

А я (и, можетъ быть, разумно) разсуждаю такъ: тебѣ при вступленіи твоемъ обѣщаль я не это, не богатство, не беззаботность, не тѣлесное здоровье, или благочадіе, но блаженную жизнь и ожидаемыя блага, чтобы ты, въ замѣнъ настоящаго, ожидалъ себѣ большаго. Справедливо ли же будетъ, напримеръ, при покупкѣ чего нибудь, требовать купленную вещь, и удерживать у себя ея цѣну? Развѣ тебѣ одному нужно такое предпочтеніе предъ всѣми? Но это означало бы чрезмѣрную ненасытность и необыкновенную притязательность. Или отдай назадъ купленное, любезнѣйшій, или заплати цѣну, если

должно тебѣ устоять, въ своемъ словѣ, и ты не отступаешься отъ прекрасныхъ условій.

Скажешь: почему же у древнихъ были и эти блага?—Тогда не укоренилась еще вѣра; настоящее служило удостовѣреніемъ въ умопредставляемомъ: такъ и младенцевъ, пока не возрастуть, питаютъ молокомъ. А доказательствомъ сему служить то, что тогда весьма важныя преступленія были нѣкоторымъ образомъ извиняемы; и не очень высокія доблести (*) уважались, такъ что достоинство съ обѣихъ сторонъ уравнивалось; наказанія же, налагаемая мудрыми, превосходили мѣру. Въ этомъ убѣждать тебя Давидъ, Моисей и Елисей, котораго имя произношу съ трепетомъ. Одинъ легко былъ наказанъ за свои грѣхопаденія; другой за небольшія заслуги удостоенъ Божіа лицезрѣнія, принявъ отъ Бога законъ, и спасъ великое воинство; третій же за малое оскорбленіе, и притомъ дѣтямъ, сверхъ ожиданія, воздалъ тяжкимъ наказаніемъ. Такъ прикровенъ былъ тогда законъ! Такъ очищеніе совершалось кровію жертвъ, и очищеніе оскверненной плоти—не важнымъ кропленіемъ! Такъ почиталось совершенствомъ—избѣгать худаго, хотя бы не присовокуплялось ничего больше! И все это по тому, что благочестіе для жившихъ тогда заключено было въ тѣсныя предѣлы.

А сказать ли тебѣ нѣчто поважнѣе доселѣ сказан-

(*) У Библия читается: *τα δὲ μέγιστα τῶν κακῶν τιμῆται*. Но по переводу Леуенкляя видно, что онъ вмѣсто *κακῶν* читалъ *καλῶν*.

наго? И это скажу. У нихъ не было такого дара, какой имѣемъ мы въ страданіяхъ Бога, въ Агнцѣ, закланномъ за мои грѣхи. Поэтому трудъ ихъ былъ больше; а если больше, то согласись, что имъ слѣдовало и большее воздаяніе за труды; а намъ слѣдуетъ меньшее, потому что имѣемъ больше средствъ.

Но вмѣсто всего и прежде всего надобно еще сказать: Не очень хвали благополучіе здѣшной жизни, какъ наученный помышлять о томъ, что важнѣе видимаго. Смотри: не ведетъ ли меня трудный путь на высоту, а тебя—удобство пути къ стремнинѣ? По мнѣ лучше—изможденная плоть, нежели твоя утучненная. Видалъ ли ты иногда въ загонѣ воловъ? Одинъ великоросль, свирѣпъ, лоснится отъ жира, высоко держитъ голову; другой поникъ головою къ землѣ, морщиноватъ, некрасивъ, носитъ на себѣ знаки земледѣлія: и первый сберегается на заколеніе; а второй кормитъ и себя и господина. Который же изъ нихъ, по твоему мнѣнію, имѣетъ лучшій жребій: не изможденный ли, не сокрушенный ли? Это само собою явно. Но ты любишь уширенное, хотя бы это и само по себѣ было худо, и вело къ худому. Ужели же станешь хвалить толщину страждущаго водяною болѣзнію? Ужели помѣшанный въ умѣ покажется тебѣ человѣкомъ крѣпкимъ? Ужели сладкое непременно должно быть спасительнымъ врачевствомъ? Многихъ нерѣдко спасало горькое, а отъ сладкаго, всего чаще, бываетъ хуже. Для умнаго сына не достоинъ ли уваженія родительскій жезлъ? А снисходительность для него не зло ли? Кто не сынъ, тотъ не знаетъ и ударовъ

жезла. А что, если ты, какъ Іовъ, подвизаешься ради вѣнцевъ? Повторяй это чаще самъ себѣ, и тебѣ не трудно будетъ найти для себя утѣшеніе въ трудахъ, а благодарностію своею пріобрѣсти надежду. Худому только рабу свойственно оказывать уваженіе господину, когда онъ улыбается, и почитать его злымъ, когда наноситъ удары. Надобно безъ ропота принимать, куда ни будетъ повернуто кормило, которымъ Богъ изводитъ меня изъ борьбы и жизни, пока не взойду въ тихую пристань, если только не напрасно построилъ Онъ этотъ корабль, но для добраго и благоуспѣшнаго конца.

О ВОЧЕЛОВѢЧЕНИИ.

1.

Неразуменъ тотъ, кто Царю — присносущему Божію Слово не воздастъ равно Божеской чести съ пренебеснымъ Отцемъ; неразуменъ и тотъ, кто Царю-Слову, на землѣ явившемуся въ образѣ чело­вѣческомъ, не воздастъ равно Божеской чести съ небеснымъ Словомъ, но отдѣляетъ или Слово отъ великаго Отца, или отъ Слова чело­вѣческой образъ и нашу дебелость. Отчее Слово было Богъ, но стало нашимъ чело­вѣкомъ, чтобы, соединившись съ земными, соединить съ нами Бога. Оно обоюду — единый Богъ; потолику чело­вѣкъ, поколику меня дѣлаетъ изъ чело­вѣка богомъ. Будь милостивъ ко мнѣ, явлен­ный за меня Всевышній!

Только могу сказать тебѣ. Спросишь еще у меня объ умѣ, о неизреченномъ единеніи? Но разсуждая о Богѣ, смертные, любите мѣру въ словѣ! Если убѣдиль я тебя,—хорошо! А если продолжаешь чернить бумагу многими тысячами стиховъ; то вотъ въ не многихъ стихахъ начертаю сіи письма, на твоихъ скрижаляхъ, моимъ писаломъ, на которомъ нѣтъ ничего чернаго.

2.

Противъ Аполлинарія.

Знаемъ, что высочайшій Умъ все человѣческое естество сложилъ изъ трехъ составныхъ частей: изъ души, ума и дебелаго тѣла. И сперва создалъ Онъ цѣлаго Адама, кромѣ грѣха. А когда человѣкъ не сталъ Богомъ, самъ Богъ, въ честь мою, содѣлался совершеннымъ человѣкомъ, чтобы, посредствомъ воспринятаго возсоздавъ дарованное, уничтожить осужденіе всецѣлаго грѣха, и чрезъ Умершаго умертвить умертвившаго. Богъ отъ начала простъ; потомъ сопряженъ съ человѣчествомъ, а потомъ пригвожденъ богоубійственными руками;— таково тебѣ ученіе о Богѣ, вступившемъ въ единеніе съ нами! Божіе Слово, равно какъ и Отецъ, отъ начала было Богъ, и Творецъ всяческихъ, превышій времени, и страданій, и тѣла. Когда же человѣкъ пораженъ древомъ познанія, и зависть напала на все наше естество, какъ удоуловимое и подвергшееся осужденію; тогда, чтобы низложить превозношеніе зависти и возсоздать поврежденный об-

разъ, Божіе Слово раждается для насъ ; ибо зачинается въ чистой Дѣвѣ, и происходитъ на свѣтъ Богъ, всецѣлый Богъ и человѣкъ, спасающій всецѣлаго меня, Сынъ и умосозерцаемый и видимый.

По твоему мнѣнію, я человѣкопоклонникъ, потому что чту всецѣлое, таинственно соединившееся со мною, Слово, единого Бого-человѣка Спасителя. А ты (кстати обращаю противъ тебя твое же остро-словіе), ты—поклонникъ плоти, потому что вводишь человѣка, не вмѣющаго ума. Или согласишься въ этомъ, любезный, или снизойди ко мнѣ, если только желаешь быть справедливымъ судіею въ словѣ!

Если худшее въ человѣкѣ (потому что плоть гораздо хуже созданнаго по образу Божію) для тебя есть отъ Бога богъ; то я признаю симъ лучшее; потому что умъ ближе къ Богу. Сверхъ того, у тебя подвергается опасности одна половина человѣка; потому что не воспринятое Словомъ и не спасается. Чтѣ ты говоришь, премудрый защитникъ Слова, вооружающійся на разсѣкающихъ Божество? И ты самъ не разсѣкаешь ли сложенное Богомъ? Одну изъ составныхъ частей моихъ даешь Ему, а другую нѣтъ; сводишь въ единеніе съ Нимъ плоть, а отсѣкаешь умъ, какъ будто боишься того, чтобъ не составился цѣлый человѣкъ. Разсуждаешь: какъ одному вмѣстить въ себѣ двухъ совершенныхъ? Ужели же есть опасность, что проторгнется мѣхъ? Какое неразуміе! Одна душа вмѣщаетъ въ себѣ и умъ и слово.

Опять спрашиваешь: почему такъ необходимо и важенъ для тебя умъ тамъ, гдѣ самъ Богъ? -- Но если въ Немъ плоть безъ ума; то я обмануть. Кожа

моя; но чья же душа? Что значитъ рожденіе Бога отъ Дѣвы? Какъ сошлись во едино естества между собою далекія? — Это тайна; но какъ представляется мнѣ, малымъ умомъ измѣряющему превысшее ума, очистительный Духъ снисшелъ на Дѣву, а Слово Само Себѣ создало въ ней человѣка, всецѣлый замѣнь цѣлаго умершаго человѣка. Поелику же Богъ несоединимъ съ плотію, а душа и умъ суть нѣчто посредствующее, потому что сожительствоуютъ плоти, и потому что — образъ Божій: то Божіе естество, соединясь съ сроднымъ Себѣ, чрезъ сіе сродное вступило въ общеніе и съ дебелистію плоти. Такимъ образомъ и Обожившее и Обоженное — единый Богъ. Посему, что же претерпѣло то и другое? Какъ я рассуждаю, Одно вступило въ общеніе съ дебелимъ, а другое, какъ дебелие, приобщилось моихъ немощей, кромѣ немощи грѣха.

Спрашиваю: кому пролита кровь Божія? Если лукавому, то, увь! Христова кровь отдана виновнику золь. А если Богу; то для чего сіе было нужно, когда овладѣлъ нами другой, выкупъ же всегда дается владѣющему? Конечно, несомнѣнно то, что Христось Самъ Себя приноситъ Богу, чтобы Ему Самому исхитить насъ у обладавшаго нами, и чтобы въ замѣнь падшаго принять былъ помазанный, потому что Помазующій неуловимъ. Такъ рассуждаемъ о семъ. Но уважаемъ и образы. Я сказала свою мысль. Покланяйся Троицѣ!

О ПОДЛИННЫХЪ КНИГАХЪ БОГОДУХОВЕННОГО ПИСАНІЯ.

И языкъ и умъ непрестанно упражняй въ Божіихъ словахъ! А Богъ, въ награду за труды даетъ или видѣть сколько нибудь сокровенный въ нихъ смыслъ, или, что еще лучше, приходитъ въ сокрушеніе при чтеніи великихъ заповѣдей чистаго Бога; или, въ-третьихъ, такими занятіями отводитъ Онъ мысль твою отъ земнаго.

Но чтобы умъ твой не былъ оболещенъ чуждыми книгами (потому что много книгъ подложныхъ, причисленныхъ къ Писанію несправедливо), прійми отъ меня, любезный, слѣдующее вѣрное перечисленіе!

Всѣхъ историческихъ книгъ древнѣйшей еврейской мудрости — двѣнадцать: самая первая книга — Бытія, потомъ Исходъ и Левитъ, потомъ Числа, потомъ Второзаконіе, потомъ Иссуъ и Судіи. Осьмая книга — Руфъ; а девятая и десятая книги — Дѣянія Царей, Паралипоменонъ, а послѣдняя книга будетъ у тебя Ездра.

Книгъ, писанныхъ стихами, пять; изъ нихъ первая Іовъ, потомъ Давидъ, потомъ три Соломоновы книги: Екклесіастъ, Пѣснь и Притчи.

Подобнымъ образомъ пять книгъ и пророческаго Духа. Въ одномъ составѣ заключаются двѣнадцать пророковъ: Осія, Амосъ и третій Михей, потомъ Іоиль, потомъ Іона, Авдій, Наумъ, Аввакумъ, Софонія, Аггей, потомъ Захарія и Малахія, — и это одна книга; а вторая — Исаія, потомъ съ младенчества

призванный Іеремія, потомъ Іезекіиль и благодать Даниілова.

Предложилъ я тебѣ двадцать двѣ ветхозавѣтныя книги, онѣ равночисленны еврейскимъ буквамъ. А теперь перечисли книги и новаго таинства.

Матѳеѣй описывалъ чудеса Христовы для Евреѣвъ, Маркъ—для Италіи, Лука—для Ахаіи, а великій и небошественный проповѣдникъ Іоаннъ—для всѣхъ. Потомъ слѣдуютъ Дѣянія мудрыхъ Апостоловъ; четырнадцать посланій Павловыхъ, и семь Соборныхъ, въ числѣ которыхъ одно Іаковлево, два Петровы, три опять Іоанновы, а седьмое Іудино.

Теперь всѣ имѣешь книги; а какія есть кромѣ нихъ, тѣ не въ числѣ подлинныхъ.

ПОХВАЛА ДѢВСТВУ.

Увѣнчаемъ дѣвство нашими вѣнцами, отъ чистаго сердца воспѣвъ его въ чистыхъ пѣсняхъ! Эго—прекрасный даръ нашей жизни, даръ блистательнѣйшій золота, илектра и слоновой кости,—даръ тѣбѣ, въ комъ огонь любви къ дѣвству повергъ долу перстную жизнь, подъявля отселѣ крыла ихъ ума къ превмспреннему Богу.

Хранители чистоты да внимають съ радостію пѣсни моеѣ; потому что она есть общая награда всѣмъ цѣломудреннымъ; а завистливые да заграждаютъ двери слуха! Если же кто хочетъ отверсть, то очисти сердце ученіемъ!

Привѣтствую тебя, великое, богодарованное дѣвство—подательница благъ, мать безбѣдной жизни, Христовъ жребій, сожительница небесныхъ красотъ, которымъ неизвѣстны супружескія узы! А не знаютъ сихъ узъ, во-первыхъ, Богъ, потомъ—ликъ присносущнаго Бога,—Богъ, сей источникъ свѣтовъ, свѣтъ неизменемый, непостижимый, который убѣгаетъ отъ быстроты приближающагося къ Нему ума, всегда предупреждаетъ всякую мысль, чтобы мы въ желаніяхъ своихъ простирались непрестанно къ новой высотѣ,—и Божій ликъ, сіи свѣты вторичные послѣ Троицы, вмѣющей царственную славу.

Первая Дѣва есть чистая Троица. Отъ безначальнаго Отца, не возбужденнаго къмъ либо (потому что Самъ Онъ для всѣхъ есть путь, корень и начало), и раждающаго не что либо подобное смертнымъ чадамъ, какъ отъ свѣта свѣтъ, исходитъ Сынъ Царь. Отъ Сына же нѣтъ другаго возлюбленнаго сына, восхищающаго подобную славу, такъ что Отецъ всецѣло пребываетъ Родителемъ, а Сынъ только Сыномъ, и единственнымъ Сыномъ единственнаго Отца, имѣющимъ то общее съ великимъ Духомъ, что Оба одинаково суть отъ Отца. Единъ Богъ, открывающійся въ трехъ Свѣтахъ; таково чистое естество Троицы!

Послѣ же Троицы—свѣтозарные, невидимые Ангелы. Они свободно ходятъ окрестъ великаго престола, потому что суть умы быстродвижные, пламень и божественные духи, скоро переносящіеся по воздуху. Они усердно служатъ высокимъ велѣніямъ. У нихъ нѣтъ супружества, ни скорбей, ни заботъ, ни страшнаго и преступнаго мятежа страстей. Ихъ

не раздѣляютъ другъ отъ друга ни члены, ни обители. Всѣ они единомысленны другъ съ другомъ, и каждый тождественъ самъ съ собою. Одно естество, одна мысль, одна любовь окрестъ великаго Царя-Бога. Они не ищутъ увеселенія ни въ дѣтахъ, ни въ супругахъ, ни въ томъ, чтобы для нихъ нести сладостные труды; не вождѣнно имъ богатство, не вождѣнны и тѣ помышленія на злое, какія смертнымъ приноситъ земля. Они не сѣютъ, не плаваютъ по морямъ въ угожденіе необузданному чреву—этому исходищу грѣха. У всѣхъ у нихъ одна совершеннѣйшая пища—насыщать умъ величіемъ Божиимъ, и въ свѣтлой Троицѣ почерпать безмѣрный свѣтъ. Одинокую жизнь проводятъ сіи чистые служители чистаго Бога. Они просты, духовны, проникнуты свѣтомъ, не отъ плоти ведутъ начало (потому что всякая плоть, едва огустѣетъ, какъ уже и разрушается), и не входятъ въ плоти, но пребываютъ, какими созданы. Для нихъ въ дѣвствѣ готовъ путь богоподобія, ведущій къ Богу, согласный съ намѣреніями Безсмертнаго, Который премудро правитъ кормиломъ великаго міра, а также и крѣпкодушнымъ смертнымъ, вмѣстѣ небеснымъ и земнымъ,—симъ священнымъ родомъ бѣдствующихъ человѣковъ—сею славою Царя.

Но теперь возвѣщу досточтимыя тайны Божіи, какъ дѣвство просіяло въ послѣднія времена.

Было нѣкогда, что все покрывала черная ночь, не просіявалъ еще любезный свѣтъ зари, толнце не пролагало съ востока огнистой стези, не являлась рогагоносная лупа—это украшеніе ночи; но все, одно съ другимъ смѣшанное, и связанное мрачными уза-

ми первобытнаго хаоса, блуждало безъ цѣли. Ты, блаженный Христе, покорствуя мудрой мысли великаго Отца, прекрасно распредѣлилъ каждой вещи свое мѣсто въ мірѣ, и прежде всего указалъ быть свѣту, чтобы всѣ дѣла Твои, исполненныя свѣта, были восхитительны; а потомъ округлилъ величайшее изъ чудесъ—звѣздное небо, проникнутое свѣтомъ солнца и луны, которымъ Ты рекъ, чтобы одно съ утренней зари, потоками безмѣрнаго свѣта, озаряло людей, и своимъ теченіемъ опредѣляло часы, а другая осіявала тму, и производила второй день. Въ подножіе же небу положилъ мою землю; потомъ горстами земли связалъ море, а моремъ землю, омываемую водами океана, такъ что все это, и земля, и небо, и море (небо, украшающееся небесными свѣтилами, море -- рыбами, пространная земля—животными земными), составило міръ.

Тогда обозрѣвъ, и потомъ нашедши все стройнымъ, Отецъ увеселялся дѣлами Сына Царя, согласными съ Его совѣтами. Нуженъ былъ еще зритель Премудрости—матери всего, и благоговѣйный царь земный. И Онъ рекъ: «Пространное небо населяютъ уже чистые и присноживущіе служители, непорочные умы, добрые Ангелы, пѣснопловцы, немолчно воспѣвающие Мою славу. Но земля украшается одними неразумными животными. Потому угодно Мнѣ создать такой родъ тварей, въ которомъ бы смѣшивалось то и другое, родъ тварей среднихъ между смертными и бессмертными, разумнаго человека, который бы увеселялся Моими дѣлами, былъ мудрымъ таинникомъ небеснаго, великимъ владыкою земли, новымъ Ангеломъ изъ персти, — пѣсно-

словцемъ Моего могущества и Моего ума». Такъ рекъ, и взявъ часть новосозданной земли, бессмертными руками составилъ мой образъ, и удѣлилъ ему Своей жизни; потому что послалъ въ него духъ, который есть струя невидимаго Божества. Такъ изъ персти и дыханія сотворенъ человекъ — образъ Безсмертнаго; потому что въ обоихъ царствуетъ естество ума. Посему, какъ земля, привязанъ я къ здѣшней жизни, и какъ частица Божественнаго, ношу въ груди любовь къ жизни будущей.

Но когда божественная тварь явилась на землѣ и на земныхъ долинахъ вѣчно-цвѣтущаго рая, однако же у человека не было еще помощника въ жизни, подобнаго ему; тогда премудрое Слово совершило подлинно величайшее чудо,—созданнаго быть зрителемъ міра, то есть, мой корень и стѣмя многообразной жизни, раздѣливъ на двѣ части, могущественною и животворящею рукою изъяло изъ бока одно ребро, чтобы создать жену, и въ нѣдра обоихъ вливъ любовь, побудило ихъ стремиться другъ къ другу. Но чтобы не всякая жена стремилась ко всякому мужу, положило предѣлъ вожделѣніямъ, который называется супружествомъ,—эту узду для незнающаго мѣры вещества, чтобы при его стремительности и необузданныхъ порывахъ, когда бы люди кучами привлекались другъ къ другу, отъ незаконныхъ сообщеній не пресѣкся священный человѣческій родъ, и неудержимымъ безразсудствомъ порываемая похоть не возбудила во всѣхъ и войнъ и огорченій.

Пока мать земля не узрѣла на себѣ человека; дотолѣ она не имѣла высшаго своего украшенія,

какое должна была получить. Но и самый первый изъ людей, по собственному неразумію и по зависти злбнаго змія изринутый изъ рая за преступное вкушеніе съ чловѣкоубійственнаго древа, кожаными ризами сталъ тяготѣть къ землѣ. Впрочемъ тогда была лучшая чета у людей, и супружество, давъ начало чловѣческому роду, послужило спасеніемъ отъ гибели,—такъ что, когда одни умирають, а вмѣсто нихъ вступаютъ другіе, измѣняющееся поколѣніе людей течеть, какъ рѣка, которая и не стоитъ на одномъ мѣстѣ, по причинѣ господствующей смерти, и всегда полна въ слѣдствіе новыхъ рожденій.

Но какъ скоро и нѣдра и широкіе концы земли, востокъ и западъ, и южная и сѣверная страна, наполнились сими однодневными существами, и грязная юдоля воскипѣла продерзостями; тварь смиряема была многими уроками: раздѣленіемъ языковъ, наводненіями, огненными дождями, постановленіями писаннаго закона, пророками. Поелику же не хотѣла свергнуть съ себя узъ первороднаго грѣха, напротивъ того непрестанно опутывалась крѣчайшими пленицами плоти, предаваясь сладострастію, пьянству и идолослуженію; то напоследокъ, по мановенію безсмертнаго Отца и дѣйствіемъ Сына, возлюбленный родъ получилъ въ удѣлъ слѣдующую честь.

Христось, видя, какъ душепагубный грѣхъ поааетъ въ смертномъ тѣлѣ все, что Онъ вложилъ въ него изъ небесной доли, и какъ хитрый змій господствуетъ надъ людьми,—къ возстановленію Своего достоянія не другимъ помощникамъ предоставилъ

врачевать болѣзнь, потому что слабое врачество недостаточно въ великихъ страданіяхъ, но истощилъ ту славу, какую имѣлъ Самъ Онъ — небесный и неизмѣнный Образъ Небеснаго. Вмѣстѣ по человѣческимъ и не человѣческимъ законамъ воплотившись въ пречистой утробѣ неискусомужной жены (о чудо невѣроятное для наиболее немощныхъ!), пришелъ Онъ къ намъ, будучи вмѣстѣ Богъ и смертный, сочетавъ во-едино два естества (изъ которыхъ одно сокровенно, а другое видимо для людей, одно — Богъ, а другое родилось для насъ на послѣдокъ времени, когда въ человѣческой утробѣ соединился съ нимъ Богъ), и въ обоихъ естествахъ пребывая единымъ Богомъ; потому что человѣкъ, соединившійся съ Божествомъ, и изъ Божества человѣкъ есть Царь и Христосъ. Произошло новое соединеніе; потому что вознерадѣлъ я о первомъ. Въ первомъ же я былъ сподобленъ Божіа дыханія, а въ последнемъ Христосъ воспріалъ на Себя мою душу и всѣ мои члены, воспріалъ того Адама, первоначально свободнаго, который не облекся еще грѣхомъ, пока не узналъ змія, и не вкушалъ плода и смерти, питалъ же душу простыми, небесными помыслами, былъ свѣтлымъ таинникомъ Бога и божественнаго. Для сего-то возсозданія пришелъ въ естество человѣческое Богъ, чтобъ, преборовъ и побѣдивъ убійцу смертію, за вкушеніе пріять желчь, за невоздержность рукъ — гвозди, за древо — крестъ, за землю — возношеніе на крестъ, обратно возвести Адама къ жизни и славѣ. И распростерши святое тѣло соответственно крѣпкамъ міра, отъ всѣхъ концевъ собралъ Онъ человѣческій родъ, со-

вокупилъ въ единого человѣка, и заключилъ въ лонѣ великаго Божества, Агнчею кровію очистивъ всѣ нечистоты, и отъявъ скверну, которая смертнымъ преграждала путь отъ земли къ небу.

Но кто откроетъ умъ и глубины его въ Тебѣ, Царь? Ты знаешь число дождевыхъ капель и морскаго песка; Тебѣ извѣстны стези вѣтра. Кто познаетъ также слѣды Твоего совѣта, Блаженный? Ты, царствуя въ горнихъ, все видишь и всѣмъ управляешь, что ни скрываетъ въ себѣ безпредѣльный вѣкъ. Человѣческій же умъ, простираясь къ Тебѣ, видитъ только малое сіяніе и какъ бы быстролетную молнію, пробѣгающую по воздуху. Но впрочемъ то несомнѣнно, что Ты Своими страданіями восхитилъ человѣка отселѣ, поставилъ въ новую жизнь—вмѣсто грѣховной свободную. Прежде многоскорбна была жизнь на землѣ и многоболѣзненъ міръ; земнаго царя окружилъ многочисленный народъ, коварно похищенны у великаго Царя. Но теперѣ Христось, освободивъ изъ-подъ власти ужаснаго грѣха, опять возводитъ насъ къ великому Царю и въ лучшій міръ. И первое было для людей плодомъ супружества, а другое—богоподобнаго дѣвства. Супружество послужило украшеніемъ земли, а дѣвство—Божія неба.

Какъ живописецъ, изображая на картинѣ бездушныя подобія вещей, сперва легкими и неясными чертами оттѣняетъ образъ, а потомъ выводитъ полное изображеніе разными красками: такъ и дѣвство, достояніе присносущнаго Христа, являлось прежде въ маломъ числѣ людей, и пока царствовалъ Законъ, оттѣняемое слабыми красками, въ не многихъ чер-

тахъ просіявало сокровеннымъ свѣтомъ. Но когда Христосъ пришелъ чрезъ чистую, дѣвственную, не познавшую супружества, богобоязненную, нескверную мать безъ брака и безъ отца, и, поелику Ему надлежало родиться, очистилъ женское естество, отринувъ горькую Еву, и отвергъ плотскіе законы, по великимъ же уставамъ буква уступила духу, и явилась на среду благодать; тогда возсіяло для людей свѣтлое дѣвство, отрѣшенное отъ міра и отрѣшающее отъ себя немощный міръ, столько предпочитаемое супружеству и житейскимъ узамъ, сколько душа предпочтительнѣе плоти, и широкое небо—земль, сколько неизмѣняемая жизнь блаженныхъ лучше жизни скоротечной, сколько Богъ совершеннѣе человека. И окрестъ свѣтозарнаго Царя предстоить непорочный, небесный сонмъ,—это тѣ, которые поспѣшаютъ съ земли, чтобы стать богами, это Христоносцы, служители креста, презрители міра, умершіе земному, пекущіеся о небесномъ, свѣтила міра, ясныя зеркала свѣта. Они видятъ Бога, Богъ—ихъ, и они Божіи.

Приступите жъ теперь вы, которыя пребываете въ единодушіи съ своимъ ребромъ, посвятили себя въ тайны супружества, высоко поднимаете голову и смѣло вращаете взоры, украшаетесь въ золото, перемѣшанное съ драгоценными камнями, и нѣжные члены облекаете въ пышныя одежды, приступите и покажите намъ, какія выгоды доставляются смертнымъ брачными узами и супружествомъ! Потомъ призовемъ мы и тѣхъ, которые не знаютъ брачныхъ узъ.

И первыя не замедлятъ сказать величаво: «Лю-

безныя чада супружества,—сего царя земли! послушайте насъ, для которыхъ святы супружество и жизненныя узы! Какой законъ для человѣческаго рода и для нашей крови постановилъ Сынъ безсмертнаго Отца въ то самое время, когда сопрягалъ перваго Адама съ ребромъ его, чтобы плодомъ челоуѣка былъ челоуѣкъ, и чтобы тотъ, кто самъ по себѣ смертенъ, продолжалъ родъ свой, какъ класы, произращая дѣтей,—тотъ же самый законъ и то же любезное иго супружества чтя и мы, живемъ совокупно, и, какъ происшедшіе изъ персти, слѣдуемъ древнѣйшему закону персти, или самого Бога. Правда, что не знаютъ супружества, выше страстей и тяжкихъ заботъ тѣ природы, которымъ въ удѣлъ дано широкое небо; но намъ однодневнымъ тварямъ полезны супружество и узы;—это корень милыхъ вѣтвей и любезныхъ плодовъ; это добрая опора сладостной жизни. Во-первыхъ, Богъ—родитель всего; и прости мнѣ, Христосъ! первоначально или прежде всего мѣсто Твоимъ чистымъ законамъ; а потомъ—узы любви; потому что и земля, и эфиръ, и море цвѣтутъ чадородіемъ—дарами супружества. Если же правда, что и для высоко-растущихъ пальмъ есть законъ любви, мужская и женская вѣтвь, соединенныя руками вертоградара въ весеннее время, приносятъ обильныя плоды; если, какъ говорятъ испытывавшіе природу камней, изъ четы двухъ камней сошедшихся вмѣстѣ рождается новый камень: то и у неодушевленныхъ тварей есть супружество и узы любви.

«Но что мнѣ до любви другихъ, до неизвѣст-

ныхъ мнѣ разказовъ и привязанностей! Смотри, что доставило людямъ благоразумное супружество. Кто научилъ вождѣнной мудрости? Кто открылъ глубины, какія замыкали въ себѣ и земля, и море, и небо? Кто далъ законы городамъ, и еще прежде сего, кто воздвигъ города, и изобрѣлъ искусства? Кто наполнилъ торжища, дома и ристалища? Кто на войнахъ строитъ воинство, и на пирахъ столы? Кто въ благоухающемъ храмѣ собралъ пѣснословящій ликъ? Кто истребилъ звѣронравную жизнь, научилъ воздѣлывать землю и насаждать деревья? Кто пустилъ по морямъ гонимый вѣтрами черный корабль? Кто одною стезею связалъ и сушу и влажный понтъ? Кто, какъ не супружество? Кто кромѣ его совокупилъ между собою самое отдаленное?

«Таковы дары супружества въ этомъ отношеніи; но они еще превосходнѣе, если возьмемъ выше. Связанные узами супружества, замѣняемъ мы другъ другу и руки, и слухъ, и ноги. Супружество и малосильнаго дѣлаетъ вдвое сильнымъ, доставляетъ великую радость благожелателямъ, и печаль недоброжелателямъ. Общія заботы супруговъ облегчаютъ для нихъ скорби; и общія радости для обоихъ восхитительнѣе. Для единомушнхъ супруговъ и богатство дѣлается пріятнѣе; а въ скудости самое единомушіе пріятнѣе богатства. Для нихъ супружескія узы служатъ ключемъ цѣломудрія и желаній, печатію необходимой привязанности. Одно жребя любви (Притч. 5, 19.) согрѣваетъ духъ скаканіями; у нихъ одно питіе изъ домашняго источника, котораго не вкушаютъ посторонніе, кото-

рое не вытекает никуда, и ни откуда не притекаетъ.

«Составляя одну плоть, они имѣютъ и одну душу, и взаимною любовію одинаково возбуждаютъ другъ въ другѣ усердіе къ благочестію. Ибо супружество не удаляетъ отъ Бога, а напротивъ болѣе привязываетъ, потому что больше имѣетъ побужденій. Какъ малый корабль, и при слабомъ вѣтрѣ, движется впередъ, быстро носимый по водамъ распростертыми парусами, даже и руки безъ труда принуждаютъ его къ бѣгу ударами весель; большаго же корабля не сдвинетъ легкое дыханіе, напротивъ того, когда онъ съ грузомъ выходитъ на море, только крѣпкій и попутный вѣтръ можетъ придать ему хода: такъ и не вступившіе въ супружество, какъ не обремененные житейскими заботами, имѣютъ нужду въ меньшей помощи великаго Бога; а кто обязанъ быть попечителемъ милой супруги, имѣнія и чадъ, кто разсѣкаетъ обширнѣйшее море жизни, тому нужна большая помощь Божія, тотъ взаимно и самъ болѣе любитъ Бога.»

«Вотъ плоды супружества! А жизнь безъ любви не полна, сурова, не видна, бездомовна, и любить скитаться по горамъ: она не спасаетъ отъ страданій, не врачуетъ дряхлой старости, не дѣлаетъ, чтобъ родители оживали въ своихъ дѣтяхъ; она не скрѣпляетъ жизни пріятными связями. Не обязавшіеся супружествомъ не находятъ себѣ утѣшенія ни въ народныхъ собраніяхъ, ни на пиршествахъ, но угрюмы, чужды для міра; родившись для жизни, не любятъ самого корня жизни, и въ сердцѣ у нихъ нѣтъ единоподушія съ людьми.»

« Если же кто изъ усердія къ добродѣтели презираетъ супружескую любовь; то пусть знаетъ, что добродѣтель не чуждается сей любви. Въ древности не только всѣмъ благочестивымъ любезно было супружество; но даже плодомъ нѣжной супружеской любви были тайнозрители Христовыхъ страданій или пророки, патріархи, іереи, побѣдоносные цари, украшенные всякими добродѣтелями; потому что добрыхъ не земля изъ себя породила, какъ это говорятъ о чудовищномъ племени исполиновъ; но всѣ ови—и порожденіе и слава супружества.—

« Кто Вседержителя Бога указалъ людямъ, которые удалились отъ Него? Кто наполнилъ умъ божественною любовію, и возвелъ насъ отсель въ жизнь иную? Кто очистилъ душу во всѣхъ свѣтоносныхъ мужахъ?—Вѣра преложила Еноха. Великій Ной въ маломъ числѣ душъ и въ плавающихъ сѣменахъ спасъ отъ потопленія цѣлый міръ. Авраамъ былъ отцемъ городовъ и народовъ, и въ жертву Христу вознесъ на алтарь связаннаго сына. Моисей съ великими чудесами извелъ народъ изъ тяжкаго Египта, принялъ свыше законъ на каменныхъ скрижаляхъ, и видѣлъ Бога лицомъ къ лицу. Ааронъ былъ вѣрный священникъ у древнихъ. Мужественный Іисусъ продлилъ теченіе луны и солнца, чтобы поразить и погребсти враговъ. И ты, блаженный, непорочный Самуилъ, возносящій рогъ помазанныхъ (1 Цар. 2, 10.)! Давидъ, препрославленный изъ всѣхъ царей! Соломонъ — первая слава мудрости! Не забуду и пророковъ. Илію восхитила колесница на небо. Кто же не дивился средѣ Закона и Духа, велегласному Предтечѣ Вышняго

Свѣта—Іоанну! Кто не дивился потомъ дванадесяти славнымъ ученикамъ! Кто не дивился ревности високаго духомъ, небожителя Павла! Говорить ли о другихъ превосходныхъ мужахъ, какіе были, и какихъ имѣемъ нынѣ,—объ этой опорѣ слова, славѣ міра, о семъ утвержденіи людей? Всѣ они дарованы людямъ Христомъ и супружествомъ. Да и жены, которыя прославились благочестіемъ, и которыхъ великое число видимъ въ богодуховенныхъ книгахъ, не внѣ супружества и плотскихъ узъ достигли своей славы. Представляю сильнѣйшее свое доказательство въ пользу супружеской любви. И Христосъ воплотился, хотя въ чистой, однако же въ человѣческой утробѣ, и родился отъ жены обрученной, половину человѣческаго супружества принявъ въ единеніе съ Божествомъ. Но главнѣйшее мое преимущество предъ всѣми въ томъ, что, если и дѣвственники берутъ верхъ, то и они такъ же, какъ и всѣ, мой родъ; потому что не отъ непосягающихъ посягающіе, но отъ супруговъ происходятъ дѣвственники. И я совѣтую дѣтамъ прекратить споръ. Если вы не отцы, то отъ отцевъ получили жизнь».

Такъ сказало супружество; потомъ предстаетъ дѣвство съ печальнымъ видомъ, въ худой власяницѣ, съ изможденными членами, безъ обуви, изсохшее, съ потупленными въ землю глазами; едва отверзаетъ уста съ стыдливостію, между тѣмъ какъ ланиты багровѣютъ отъ прилива честной крови; сдвигая съ головы покрывало, оно закутывается имъ молча. И я обращаюсь къ нему съ такими просительными словами:

Дщерь неба, исполненная внутренней славы, пред-

стоящая уже въ великомъ ликѣ пѣснословящихъ горняго Царя, хотя плоть и земля удерживаютъ тебя здѣсь,—прійди и изреки слово! Я самъ буду твоимъ защитникомъ. Ибо ты, богоданная царица, приходила уже ко мнѣ, приходила; и о если бы посѣщала меня чаще, и была ко мнѣ благосклонною!

« Кто возводитъ меня противъ воли на сіе сѣдалище? Кто вовлекаетъ въ пустое состязаніе и словопреніе, когда сгараю желаніемъ служить въ безмолвіи Богу моему дѣлами своими, посвящая Ему дневные труды, ночныя пѣснопѣнія, источники слезъ и свята очищенія? Не въ кругу людей мое могущество; я не оборотлива на словахъ, не хожу въ народныя собранія, не восхищаюсь приговорами благосклонныхъ судей, которые мало, и для не многихъ, соблюдаютъ правосудіе, а всего чаще туда и сюда наклоняютъ вѣсы справедливости. Предоставляю другимъ выгоды здѣшней жизни; а у меня одинъ законъ, одно помышленіе — проникнувшись любовію, преселяться отсель къ свѣтодавцу Богу, царствующему въ горнихъ. Желаніе же прочихъ благъ, о которыхъ высоко думаютъ люди пустые, надмевающіеся суетнымъ, которыя скоро пріобрѣтаются, и еще скорѣе гибнутъ, столько же занимаетъ мое сердце, какъ и дымъ, или паръ, или текучій воздухъ, или песокъ воздымаемый и повсюду носимый вѣтрами, или слѣдъ корабля на морѣ. Не видѣтъ себѣ чести у людей, но имѣтъ, хотя малую, вѣчно пребывающую славу на небесахъ, для меня желательнѣе, нежели всѣмъ обладать, но быть въ удаленіи отъ Бога. Однако же прихожу въ трепетъ и страхъ, чтобы кто изъ воспарившихъ и носящихся по эфирнымъ простран-

ствамъ на новооперившихся крылахъ дѣвства, услышавъ эти разсужденія, не ринулся тотчасъ на землю. Потому и выступаю на среду, подать помощь чадамъ своимъ, при содѣйствіи Божиемъ, защитивъ правое слово. Прежде же всего скажу матери моей, что только прилично мнѣ сказать.

«Справедливо сказанное тобою въ пользу супружеской жизни: и я соглашаюсь (ибо начну съ того, чѣмъ у тебя недавно окончено было слово), что супружество есть корень дѣвственниковъ. Дѣйствительно оно корень и начало. Ибо кто изъ здравомыслящихъ будетъ отрекаться отъ своихъ родителей? Впрочемъ не все же изъ сказаннаго тобою вѣрно. Хотя ты и мать, однакожь прійми мудрое и разумное слово, и касательно рожденія выслушай тайны высокой мудрости, открытыя мнѣ въ таинствахъ великаго Бога.

«Человѣкъ бываетъ отцемъ не цѣлаго человѣка, какъ говорятъ это, но только плоти и крови,—того, что есть въ человѣкѣ гибнущаго; душа же—дыханіе Вседержителя Бога, приходя со-внѣ, образуетъ персть, какъ знаетъ сіе Соединившій ихъ, Который вдохнулъ душу первоначально, и сочеталъ образъ Свой съ землею. Подтверженіемъ словъ моихъ служить собственная любовь твоя, которая не полна; потому что ты любишь въ дѣтяхъ не душу, а одно тѣло; сокрушаешься, когда тѣло изнемогаетъ, и радуешься, когда оно цвѣтетъ. Отецъ и досточтимая мать больше болѣзнуютъ сердцемъ о неважныхъ тѣлесныхъ недостаткахъ въ дѣтяхъ, чѣмъ о важныхъ порокахъ и великихъ недостаткахъ душевныхъ. Ибо тѣло они родители, а души—нѣтъ.

Если и я называю тебя, матерью; то относительно къ худшей части. Почему же ты завидуешь дѣтямъ въ томъ, что они имѣютъ лучшаго Отца? Итакъ уступи добровольно великому Родителю человѣковъ, почтивъ дѣвство, которое послѣдуетъ Отцу-Богу. Такъ говорю тебѣ, какъ матери; и достаточно доселѣ мною сказаннаго.

« А я, любезныя чада всѣхъ Царя-Бога, вступаю какъ бы въ общеніе съ Богомъ, и оставляю любовь къ персти, изъ уваженія къ тому закону возжелѣннаго согласія, который, въ древности, Сынъ безсмертнаго Отца, родившійся отъ не связаннаго брачными узами, нетлѣнный отъ не подлежащаго разрушенію Родителя, постановлялъ въ то время, когда вводилъ въ рай перваго Адама, не обязаннаго супружествомъ, потомъ, давая Законъ, предписывалъ очищеніе народу, раждаемыхъ очищалъ закономъ, и храмъ почтилъ тѣмъ, что совершавшіе въ немъ чреду іерей соблюдали тѣлесную чистоту. Свидѣтелемъ мнѣ въ этомъ великій отецъ Іоанновъ, который не прежде, какъ въ чистотѣ совершивъ Божіи тайны, зачалъ возлюбленнаго сына, полученнаго имъ внутрь храма,—сего предвѣстника Христова. Конецъ же Закона—Христось для того въ общеніе съ человѣчествомъ вступилъ въ дѣвическомъ чревѣ, чтобы супружество преклонило къ землѣ главу, и чтобы оно уступило свое мѣсто, а явилось лучшее украшеніе. И смерть, чрезъ удоборазрушаемую плоть первороднаго вошедшая въ раждаемыхъ отъ влажнаго сѣмени и подлежащихъ разрушенію, приразилась къ дѣвству, и погибла, какъ огромная волна у прибрежнаго камня, пли напитанный водою пламень.

«Сверхъ того, кто восхищается городами и безсильными законами, народными собраніями и волненіями? Кто восхищается борьбами, какія установило баснословіе въ память преждевременно умершихъ юношей? Кто хвалить воинство въ битвахъ, и обиліе яствъ на пирахъ? Кто превозноситъ тщеславную мудрость, которая состоитъ въ ловкости рукъ, или въ паутинныхъ словахъ и тканяхъ, сплетенныхъ изъ рвущихся нитей и распадающихся въ воздухъ? Кто восхищается трудами вертоградара, или бѣгомъ быстродвижнаго корабля подъ скорымъ вѣтромъ? Всему этому не супружество научило, но это малая часть первоначальнаго наказанія, какое постигло Адама; въ этомъ прокрадывается злобный змій, стрегущій мою пяту. Но если и дары это супружества; то прочь отъ меня съ ними! Они не спутники мнѣ; потому что посѣщаю отселѣ въ другую жизнь; а всѣ эти здѣшнія выгоды погибнуть или нынѣ же, или вмѣстѣ съ непостояннымъ теченіемъ міра. И сама ты составляешь что-то текущее, преплываешь потокъ текучей жизни, едва ея касаясь и пробѣгая по чему-то бѣгущему.

«Если восхищаешься мудрыми, потому что они отъ тебя родились, то представь и пороки негодныхъ, для которыхъ ты также составляешь корень! Въ тебѣ корень Каина, Содома и тѣхъ безразсудныхъ, которыхъ Христось разсѣялъ при столпотвореніи, а также и тѣхъ, которыхъ гордыню угасилъ небесный дождь, очистившій всю землю и все на ней дышащее. Кто воскормилъ ничѣмъ не вразумляющагося Фараона, дерзость Ахаава, и самыхъ тяжкихъ царей ассирійскихъ? Кто воскор-

милъ губителя и дѣтоубійцу Ирода, въ итіе сладострастнымъ движеніямъ дочери давшего праведную кровь, или убійць Все-Царя Христа, а также всѣхъ гонителей, какіе были прежде и послѣ, и въ настоящія времена, изъ послѣднихъ же первое зло—этотъ ровъ Веліаровъ, ужасное могущество губителя душъ, Юліана, который пораженъ свыше за то, что поклялся ратоборствовать противъ Христа, и котораго прахъ доселѣ еще не остылъ, внушая великій ужасъ нечестивцамъ? Кто же перечислитъ всѣхъ лжецовъ, челоуѣкоубійць, коварныхъ, клятвеннопреступниковъ, похитителей собственности ближняго, сквернителей чуждаго ложа, которыхъ производило, или произведетъ еще на свѣтъ супружество? Ибо всякому извѣстно, что въ какой мѣрѣ больше праха, нежели золота, въ такой же и порочныя многочисленнѣе добродѣтельныхъ; потому что тѣ и другіе идутъ неравными путями: путь порочныхъ и низокъ и скоропроходимъ, а добрыя пробираются трудной стезею; и потому злыя гораздо превосходятъ числомъ добрыхъ.

«Но если перестанешь восхищаться дѣтьми, и жизнь проводимую въ общеніи съ Божествомъ называть недостаточною; то заключимъ этимъ слово. Пользуйся сомнительною славою. Я ни мало, ни мало не завидую земной родительницѣ. Если же ты, получивъ въ удѣлъ отъ Бога второстепенное мѣсто, простираешь взоры на первенство; то выговорю тебѣ справедливое, хотя и прискорбное для тебя слово.

«Кто изъ людей прилагалъ свое попеченіе о томъ, чтобы зачать наилучшаго сына? И что за искусство

дать начало негодному сыну? Живописецъ съ картины пишеть другую не хуже подлинника; ваятель рѣжетъ изваянія подобныя образцу; искусство выдѣлываетъ изъ золота, что ни замыслилъ умъ; земледѣлецъ отъ добраго сѣмени пожинаетъ добрый колось, и желаніе не остается не достигнувшимъ чаемаго конца. А смертный, ни худой, ни добрый, не знаетъ свойствъ своего порожденія, что изъ него выйдетъ. И добрый, не поручится въ томъ, что произведетъ лучшаго. Иный, будучи Павломъ, произведетъ на свѣтъ сына христуубійцу—беззаконнаго Анну, или Каіафу, или даже какого нибудь Іуду. А иный, самъ весь во грѣхѣхъ, какъ Іуда, но наименуется родителемъ божественнаго Павла, или Петра—несокрушимаго камня, которому повѣряются ключи. И того не знаетъ отецъ, родить ли онъ любезнаго сына, или дочь; но только возстаніе плоти угашаетъ на супружескомъ ложѣ. — Отъ одного первороднаго произошли и завистливый Каинъ, и добродѣтельный Авель, приносящій богоугодную жертву. И злонаправный Исавъ и благонаправный Іаковъ—Исааковы дѣти; и что всего замѣлательнѣе, близнецы и дѣти одного отца ни въ чемъ не походятъ одинъ на другаго. А Соломонъ сперва мудрецъ, потомъ сталъ самымъ порочнымъ, послѣдовавъ нравамъ злочестивыхъ женъ. Сила же Павлова велика въ обоихъ случаяхъ, и когда уничтожалъ онъ Христа, и когда, свою пламенную ревность измѣнивъ въ добрую любовь, сталъ всѣмъ Христа проповѣдывать. Что жъ изъ всего этого напишемъ супружеству? По крайней мѣрѣ я не приишу ничего; потому что у сопрягающихся не тотъ

удается образъ, который былъ имъ желателенъ. Кто забавляется игрою въ зернѣ, отъ того зависитъ только бросить кости, а чтобы вышелъ четъ или нечетъ, это дѣлаютъ не руки играющаго, а случайныя превращенія костей: такъ и супружество, посявая чадъ, не зараждаетъ ихъ благоразумными или худыми, но природа, или наука наставляютъ ихъ этому.

«А если хочешь знать еще истинную причину; то совершеннѣйшіе бывають совершенными потому, что образуетъ ихъ Духъ или Слово. Ибо въ чловѣкѣ сокрыта искра благочестія, какъ въ нѣкоторыхъ камняхъ сила огня. Ударами желѣза извлекается свѣтъ изъ кремней; такъ и Слово изводитъ изъ смертныхъ сокрытое въ нихъ благочестіе. Но худшіе по большей части заимствуютъ сіе свойство отъ супружества; ибо оно въ большемъ числѣ производитъ худыхъ. И въ этомъ переходящемъ мірѣ у всѣхъ одинакій гвоздь пригвозждаетъ плоть къ землѣ, и одинакій свинцовый грузъ гнететъ душу долу, одинаковое наслѣдство достается всѣмъ раждающимся на землѣ.

«Но перестанемъ говорить о дѣтахъ; и ты не ставляй мнѣ добрыхъ, и я не буду указывать на худыхъ. И по другимъ причинамъ сколько лучше жизнь чистая! Узнаешь это, если размотришь любовь къ Богу и любовь къ тяжелой плоти, также природу и двойкій предѣлъ міра. Ибо, если, хотя нѣсколько, очистишь глаза свои отъ гноя, которыми покрываются они при сіяніи свѣта, или отъ омраченія, и въ состояніи будешь открытымъ окомъ взирать на свѣтлость нашего солнца, разрѣшать все

чистымъ умомъ: то найдешь, что дѣвство, взятое во всей его цѣлости, есть такое приношеніе Богу, которое свѣтлѣе золота, илектра и слоновой кости, что оно благоразумно, ясно какъ день, легкокрыло, высокошественно, легко, пресвѣтло, превыше персти, не удержимо въ земныхъ юдоляхъ, обитаетъ въ пространномъ небесномъ градѣ и вдали отъ плоти, одною рукою емлетъ за нестарѣющуюся жизнь, а другою пріемлетъ богатство и славу непрестающія, не уподобляется черепахѣ, которая подѣ бременемъ своего костянаго дома медленными шагами едва влечить свое влажное тѣло, не дѣлится между Христомъ и владѣющею плотію, по закону водоземныхъ, которыя то держатся суши, то день и ночь остаются въ водахъ, но устремляетъ къ Богу всецѣлый умъ, цвѣтетъ же рожденіями свѣше, которыя лучше земныхъ чадъ,—надеждою и чистыми помыслами, посылаемыми отъ Чистаго. Напротивъ того, супружество или вовсе удаляется отъ Христа, по причинѣ губельныхъ воспламенѣній плоти и всякаго рода мірскихъ заботъ, или слегка касается божественнаго. Какъ тотъ, кто смотритъ вдругъ на двѣ головы, или на два лица, или видитъ на страницахъ вдвойнѣ написанныя буквы, не уловляетъ вѣрно цѣлаго образа, хотя и желаетъ, но одну часть объемлетъ, а другая убѣгаетъ отъ слабаго разсѣившагося зрѣнія: такъ слаба и любовь, если раздѣлена между міромъ и Христомъ; а напротивъ того тверда, если устремлена къ Единому. Человѣкъ, или обладая всецѣло Христомъ, не радить о женѣ, или, давъ въ себѣ мѣсто любви земной, забываетъ о Христѣ. Случалось видѣть,

какъ каменотесецъ, или выдѣлывающій что нибудь изъ дерева, если онъ человекъ умный и разсудительный, когда надобно обѣчь по прямой чертѣ, закрываетъ одинъ глазъ рѣсницами, а другимъ на-прягаетъ все зрѣніе, совокупленное во-едино, и вѣрно опредѣляетъ, гдѣ погрѣшило орудіе. Такъ и любовь сосредоточенная гораздо ближе поставляетъ насъ ко Христу, Который любитъ любящаго, видитъ обращающаго къ Нему взоры, видитъ, и выходитъ въ срѣтеніе приближающемуся. Чѣмъ болѣе кто любить, тѣмъ постояннѣе смотритъ на любимаго, и чѣмъ постояннѣе смотритъ, тѣмъ крѣче любить. Такъ образуется прекрасный кругъ.

«И я, возлюбивъ Христа, оставила здѣшнюю жизнь, не могу обращать взоровъ на иные предметы. Меня удерживаютъ сладостныя узы, плѣняя красотою, которая приводитъ въ изумленіе всякую взирающую мысль, а во мнѣ возникаетъ пресвѣтлый пламенникъ, и всю меня дѣлаетъ прекрасною и свѣтозарною. Ибо только любящій Христа въ самой любви къ возлюбленному почерпаетъ для себя красоту; и блаженъ, кто пріемлетъ. Напротивъ ты и въ груди питаешь иную любовь, и думаешь о себѣ много, будто бы болѣе приближаешься къ небу, по причинѣ, какъ говоришь, заботъ о дѣтяхъ, объ имуществѣ, или же о родителяхъ; потому что сіе легко. Но мудрая любовь не то имѣетъ въ виду, что легко.

«Корабль малъ, путь не далекъ, и не важно пріобрѣтеніе чего либо тлѣннаго. Но для тебя это—безконечное плаваніе; и ежели переѣдешь заливъ, то, собравъ паруса, хвалишься мореходствомъ по

водамъ іонійскимъ. Здѣсь всѣмъ движеть дыханіе вѣтра, и чѣмъ благопоспѣшнѣе вѣтеръ, тѣмъ плаваніе лучше. А если вѣтръ и противенъ, не большая бѣда—умереть въ водахъ. Но плаваніе души отдаленно; для него нуженъ добрый вѣтръ. А потому прихожу я въ трепеть, и еще крѣпче емлюсь за Христа, и не только въ бурю, но и во время тишины, ищу Его—мое чистое желаніе; ибо Христосъ—твердое прибѣжище любящимъ Его. Кто въ нуждѣ только обращаетъ взоры къ Божіей десницѣ, тотъ оставляетъ свою временную любовь, какъ скоро почтетъ себя ненуждающимся. Но если Христосъ свыше узвѣитъ твое сердце, и насквозь пронзитъ спасительною стрѣлою, то, разсмотрѣвъ каждую любовь порознь, узнаешь, сколько сладостнѣе быть узвлненнымъ отъ Царя.

«Что еще говоришь? Родители живутъ новою жизнію, видя вокругъ себя попечительныхъ о нихъ сыновей; цвѣтетъ супруга при попечительности мужа, и мужъ при заботливости супруги. У нихъ общія радости, а скорби и заботы легче. Хромому же большая опора тотъ, у кого здоровыя ноги.

«Но для меня—тѣ родители, которые научили добру, и тѣ дѣти, которыя мной обучены. Супругомъ же имѣю у себя единого Христа, Который преимущественно любитъ дѣвственниковъ, хотя и за всѣхъ сталъ человѣкомъ, за всѣхъ подъялъ крестъ. Съ веселіемъ взираю на Него, даже когда посылаетъ мнѣ скорби; радуюсь, что чрезъ печали дѣлаетъ меня легче, какъ золото, которое было смѣшано съ прахомъ и потомъ очищено. И если цѣломудріе ограждается у тебя супружествомъ и брач-

ними узами; то я хранителемъ его поставила не плоть, но Слово и любовь, которая, владея мною, отгнала всякую постороннюю привязанность, какъ левъ отгоняетъ отъ себя слабѣйшихъ звѣрей. У плоти съ плотію одинаковыя страсти; а потому и умѣютъ онѣ въ иномъ угождать другъ другу. У тебя столь обремененъ яствами; а меня насыщаетъ небольшой уломокъ хлѣба, какимъ великій Христосъ питалъ и тысячи въ пустыняхъ. У тебя искусствомъ приготовленное питье; а мой напитокъ всегда обильно источаютъ родники, рѣки и глубокіе колодцы. У тебя лице полно и одежды свѣтлы; а мое убранство—нечесанные волосы и темная риза. За-то имѣю одежду, у которой бряцаютъ золотыя рясны,—это Христосъ, лучшее внутреннее украшеніе души моей. У тебя мягкое ложе; а мнѣ постелью служить вѣтвище, древесныя вѣтви и земля, смоченная слезами. Ты высоко цѣнишь золото; а для меня вождельннѣе персть. Ты неукротимѣе тельца; а потупляю въ землю стыдливый взоръ. Ты надрываешься отъ смѣха; у меня и улыбка никогда не являлась на щекахъ. Ты жаждешь славы; а моя слава не на землѣ.

« Но разсмотрѣвъ и увидѣвъ все это, посмотри еще, сколько съ супружествѣ трудностей для служащихъ плоти. Жена покупаетъ себѣ мужа, а что всего хуже, часто и не добраго. И у мужа жена купленная, и не рѣдко ненавистная; это—такое зло, которое самъ онъ на себя наложилъ, и котораго сложить не можетъ. Ибо, если супруги добры, то и единопутны; потому что все у нихъ общее; а если худы, то у нихъ домашняя бѣда, непрекра-

щаемая ссора. Положимъ, что они не худы и еди-
 подушны; по тяжкая доля постигала не рѣдко и
 новобрачныхъ. Нынѣ женихъ, а завтра мертвецъ;
 нынѣ брачное ложе, а завтра гробъ; скорби пере-
 мѣшаны съ радостями; веселая пѣснь не задолго
 бываетъ до сѣтованія. Однимъ возжженъ брачный
 пламенникъ, а другимъ уже погашенъ. Одного ма-
 лютка сталъ кликать отцемъ, а другой обезладѣлъ
 внезапно, какъ вѣтвь обитая вѣтромъ. Сперва дѣва,
 потомъ супруга, а потомъ и вдова; и все это ино-
 гда въ одну ночь и въ одинъ день. Срываешь съ
 себя кудри, отбрасываетъ далеко невѣстинъ нарядъ,
 слабыми руками терзаетъ ланиты, въ горькихъ
 страданіяхъ забываетъ дѣвическій стыдъ, зоветъ
 несчастнаго супруга, оплакиваетъ опустѣвшій домъ,
 и жребій вдовства, и безвременное горе. Умолчу
 о болѣзняхъ дѣторожденія, о ношеніи во чревѣ
 мертваго бремени, о жалкомъ и не имѣющемъ ма-
 тери плодѣ, когда раждающая дѣлается для него
 сперва гробомъ, а потомъ раждаетъ; о смерти мла-
 денцевъ до ихъ рожденія, о чревоношеніи бесплод-
 номъ; умолчу о произведеніи на свѣтъ недоно-
 шенныхъ, скудоумныхъ и уродовъ,—объ этомъ иска-
 женіи человѣческаго рода, объ этой игрѣ плоти.
 Если кто взвѣситъ это, и посмотритъ, куда потя-
 нуть вѣсы; то всякому благоразумному ясно от-
 кроется, что моя жизнь сильно тянетъ вверхъ, къ
 царствующему въ горнихъ Богу.

«О постыдномъ же для насъ не станемъ и гово-
 рить; потому что честныя уста дѣвства обыкли из-
 бѣгать укоризнъ. Если же ты въ укоръ богоподоб-
 ному дѣвству укажешь на того, кто, сколько ни

есть, осрамилъ мой путь, и нескверный Христовъ хитонъ покрылъ позоромъ, въ грѣховномъ оболещеніи избралъ первое изъ твоихъ благъ, и бѣжавъ чистой, высокой жизни, вступилъ въ поздній бракъ: то и я напомяну¹ о гнусныхъ измѣнахъ брачному ложу, когда незаконно нарушаютъ супружескую вѣрность, поправъ Божіи угрозы. Ибо это—одно изъ губительнѣйшихъ золъ для смертныхъ, и поядаетъ внутренность сильнѣе всепожигающаго огня, когда злоухищенный прелюбодѣй, приближаясь къ чужому ложу, дѣлаетъ сомнительными и родъ, и узы любви. Но тебя не удерживаютъ отъ брачныхъ узъ прелюбодѣи и беззаконники. Вступаютъ въ бракъ и тотъ, кто не смылъ еще съ себя человѣческой крови, вонзивъ въ сердце врагу отмщающій за прелюбодѣянiе мечъ, и тотъ, кто едва избѣжалъ кинжала.

«Меня же отвлечетъ ли отъ Христа какаянибудь безумная страсть? Ужели малый камень преградить широкую рѣку? Это было бы и не прилично, и не справедливо. Гораздо лучше, если изъ многихъ воспарившихъ вверхъ нѣкоторые и упадутъ (если позволено сказать такое, съ трудомъ выговариваемое слово), нежели когда всѣ останутся на землѣ, изъ опасенія, что крылья могутъ растаять и низринуть внизъ. Ибо доброе—слава Христова; а порочные... да прійметъ грѣхъ и стыдъ на свою безразсудную голову, кто бросилъ камень на небо! Денница прежде былъ Ангеломъ; но послѣ его паденія не лишились своей славы небожители. И Іуда своимъ паденіемъ не нанесъ укоризны ученикамъ; напротивъ того онъ изринуть изъ числа избранныхъ, а одиннадцать Апостоловъ пребыли совершен-

ными. Одного погубило море, а другой, распу-
стивъ бѣлыя вѣтрила, плыветь, гдѣ видитъ предъ
собою гробъ погибшаго мореходца, или отъ одной
гробницы отрѣшаетъ корабль, чтобъ у другой при-
вязать корму.

«Повелишь ли мнѣ, мать моя, оставить жизнь
стремящуюся горѣ, или положимъ конецъ слову;
потому что верхъ на сторонѣ дочери? Если чѣмъ
могутъ похвалиться родившіе меня, то это—моя
похвала. Восхищаешься тѣмъ, что ты мать дѣв-
ства; какова же моя слава? Развѣ не знаешь, что
всѣ совершеннѣйшіе, тобою перечисленные, хотя
произошли отъ родителей, но праведнѣе и луч-
ше родителей? И Христоръ, хотя Маріинъ Сынъ,
но гораздо выше Маріи, и не одной Маріи, но
всѣхъ обложенныхъ плотію,—а даже превыше и тѣхъ
умовъ, которыхъ сокрываетъ въ себѣ пространное
небо. И колосъ изъ малаго обмени прозябъ въ ко-
лосъ; а изъ песчинокъ образовался кусокъ драго-
цѣннаго золота.

«Но чтобы положить вѣнецъ рѣчи, пусть слово
для обоихъ родовъ жизни, и безбрачной и супру-
жеской, изобрѣтетъ какое нибудь подобіе, въ ко-
торомъ бы ты увидѣла конецъ моего слова!

«Снѣгъ приличенъ зимѣ, а цвѣты—весенней по-
рѣ, сѣдина—морщинамъ, а сила—юношескимъ лѣтамъ.
Однако же и цвѣты бываютъ зимой, и снѣгъ показы-
вается въ весенніе дни, и юность производитъ сѣ-
дины; а случалось видать и бодрюю старость, и
старика гораздо съ большими силами, нежели едва
разцвѣтающаго юношу. Такъ хотя супружество
имѣетъ земное начало, а безбрачная жизнь уневѣ-

щиваетъ Все-Царю Христу ; однако же бываетъ, что и дѣвство низлагаетъ на тяжелую землю, и супружеская жизнь приводитъ къ небу. А потому, если бы стали винить, одинъ—супружество, а другой—дѣвство, то оба сказали бы неправду.

« Но, друзья мои, и вы родители, и вы безбрачные юноши и дѣвы, долго ли вамъ, уподобляясь презрѣнной черепахѣ, или осьминоному раку, который ходитъ не прямо, или длинной змѣй, которая пресмыкается на чревѣ, долго ли вамъ влечить жизнь обремененную ужасною тяготою плоти? Послушаемъ, наконецъ, Христовыхъ совѣтовъ, отринувъ красоту, славу, богатство, родъ, счастье, и всѣ обольстительныя порожденія гибельнаго грѣха, воздвигнемся отсель, взойдемъ въ легкую жизнь, очистимся, будемъ единомушны съ небесными чистыми Силами, чтобы, вступивъ въ сонмъ предстоящихъ великому Богу, съ веселиемъ воспѣть праздничественную пѣснь Царю! Какъ изринутые изъ свѣтлаго рая получили мы въ удѣлъ супружество, и многотрудную землю, и все, что сопутствуетъ погибшимъ; такъ чрезъ жизнь, не знающую житейскихъ узъ, взойдемъ опять въ славу, къ тому доброму райскому дереву, котораго лишились за безразсудство».

Такъ говорило богоподобное дѣвство. Судии, хотя и привязаны были болѣе къ супружеской жизни, однако же вѣнчаютъ главу дѣвства. А Христось, воздающій награду обѣимъ, поставитъ ихъ подлѣ Себя, одну по правую, другую—по лѣвую руку. — Но и то—великая слава !

СОВѢТЫ ДѢВСТВЕННИКАМЪ.

Твоя побѣда! даже и тотъ, кто великій другъ плоти, произнесетъ такой же судъ. Впрочемъ, достославная дѣва, столько разсудительная и благоразумная, приклони нѣсколько слухъ къ моимъ внушеніямъ, позволь и мое слово вложить тебѣ въ сердце! Самый лучший совѣтъ, который подастъ сѣдина.

Не уязвляйся мыслию, уносясь въ порывахъ своихъ за облака. Часто паденіе поднимало съ земли въ высоту, а возвышеніе низлагало на землю. У Бога положенъ такой законъ: благоволить къ плачущимъ, и обсѣкать крылья высокомернымъ. —

Не малыми мѣрами измѣряй путь своей жизни. Ежели ты опередилъ возвращающагося назадъ или самаго порочнаго; то не думай, что достигъ уже предѣла добродѣтели. Превзойти не многихъ — не верхъ еще совершенства. Для тебя мѣрою должны быть заповѣдь и Богъ. А ты далеко еще отъ Бога, хотя идешь и быстрее другихъ. Имѣй въ виду не то, сколь многихъ сталъ ты выше, но то, сколь многихъ остаешься еще ниже, и желай быть всѣхъ совершеннѣе. Выше тебя широкое небо; а ты высокъ между низкими. —

Слыхалъ я, что рыбамъ и луна, и солнце, и звѣзды представляются подъ водою, не потому, что онѣ дѣйствительно тамъ, но потому что рыбы, видя слабыя отраженія дѣйствительности, сими неясными изображеніями услаждаются, какъ самими свѣтланими; а настоящихъ небесныхъ свѣтлани, никогда не выходя на поверхность сѣдаго моря, рыбы и не ви-

дывали; въ противномъ случаѣ и онѣ, можетъ быть, отличили бы, что такое свѣтъ; и что такое игра свѣта въ водѣ. Такъ нѣкоторые, поелику не видали истинной высоты Царя, едва поднимаются нѣсколько, уже думаютъ, что стоятъ на самой высотѣ. Но ты, хотя иное приобрѣлъ, а иное надѣешься приобрести, однако же непрестанно простирай взоръ впередъ, восходи и къ прочему по многимъ ступенямъ. Всего хуже—останавливаться. Слѣвши приобрести одно за другимъ, пока Христось не возведетъ тебя на послѣднюю ступень.

Остерегайся, чтобы не поразили тебя нечаянно осмѣяніе и злой языкъ, который на совершенства твои изрыгаетъ змѣинный ядъ. Два пути у человѣка, и поруганіе бываетъ двоякое. Одинъ путь худъ; онъ приводитъ и къ концу худому. Другой путь хорошъ; и конецъ его, какъ и естественно, вожделѣнный. Но осмѣяніе преслѣдуетъ человѣка на обоихъ путяхъ. А если бы языкъ нападалъ только на тѣхъ, которые худы; что тогда было бы превосходѣе его? Теперь же съ одинакою яростію нападаетъ онъ на всѣхъ, на добрыхъ и на злыхъ. И ты будь остороженъ и осмотрителенъ въ обоихъ случаяхъ. Страшись языка, который преслѣдуетъ беззаконниковъ, чтобы бѣгать и самага порока, поражаемаго языкомъ; а языка, который у злаго врага вооруженъ на добрыхъ, столько же бойся, сколько вдавшійся въ море утесъ боится вѣтра и сокрушающейся о него волны.

Никогда не дѣлай ничего постыднаго, хотя оно нравится многимъ, и не оставляй добраго дѣла, хотя оно и ненавистно порочнымъ. Старайся по-

ступать такъ, чтобы заслужить славу. А если она удаляется отъ тебя; не огорчайся ложной молвою, но благоразумно иди своимъ путемъ. Пусть другіе лаютъ понапрасну; они не сдѣлаютъ никакого вреда божественной любви, и зависть выплечетъ только себѣ глаза.

Убѣжавъ изъ Содома, спасшись отъ пепла сей жизни и отъ страшныхъ угрозъ Божія огня, не озирайся на Содомъ; иначе отвердѣешь вдругъ въ камень, и останешься памятникомъ грѣха и ужасной смерти. Ноги твои не на содомской уже землѣ; не медли же и на сосѣдственныхъ равнинахъ, близкихъ къ огню, но, какъ можно скорѣе, спасайся въ гору, чтобы не настигъ тебя огненный дождь!

Не робѣй слишкомъ плоти, какъ будто она по природѣ своей неукротима. Не отъ Бога тотъ страхъ, который дѣлаетъ человѣка связаннымъ. Не предавайся слишкомъ и плотской нѣгѣ, чтобы пресмыченіе, сверхъ чаянія твоего, не низринуло тебя съ стремнины!

Охотно иди по негладкой стезѣ. А если восходишь вверхъ; смотри, не скользокъ ли путь, чтобы не падая достигнуть тебѣ цѣли и пройти сквозь узкія врата. Тамъ свѣтъ, и слава, и успокоеніе отъ всѣхъ бѣдствій.

Если боишься того, что и малая искра зажигаетъ солому; то ободрись надеждою: великій пламень прохладится дождемъ свыше Молитвы, воздыханія, въ слезахъ проводимые дни, и безъ отдыха—ночи, и всецѣлая любовь къ Царю,—вотъ прекрасныя врачевства цѣломудрія!—При нихъ никогда, превосходный мой, не поставишь ты въ сердце своемъ кумира

худшей любви, но будешь имѣть непорочный умъ, какъ храмъ великаго Бога и лучезарности Духа.

Дѣва, будь дѣвственною и слухомъ, и очами, и языкомъ; потому что чрезъ все вторгается грѣхъ. Слухъ напрягай для однихъ добрыхъ вѣщаній, а для рѣчей срамныхъ и безстыдныхъ заграждай его дверь. Очи храни цѣломудренными въ брачныхъ чертогахъ, т. е. въ вѣждахъ твоихъ, и не уязвляй сердца похотливыми движеніями. Уста держи заключенными, подобно нераскрывшимся чашечкамъ цвѣтка, чтобы слово твое оставалось предметомъ желаній.

Ноги, идущія борзо, ненадежные свидѣтели дѣвства; и въ самой походкѣ бываетъ нѣчто блудническое.

Уважай ветхій хитонъ, а не чело сіяющее отъ удовольствія, не прекрасныя шелковыя ткани. Пусть другихъ украшаетъ жемчугъ, пусть у другихъ блистаютъ золотомъ члены; предоставь сіе тѣмъ, у которыхъ разцвѣчены лица, этимъ созданіямъ земныхъ рукъ, чуждымъ небснаго образа, этимъ гнуснымъ изображеніямъ, вывѣскамъ сладострастія, безмолвнымъ обличителямъ, движущимся картинамъ, обнаруживающимъ тайны благопріятствующей ночи, этому блистательному безобразію, этимъ гробамъ, скрывающимъ въ себѣ смрадъ! Но дальше отходи отъ нихъ ты, невѣста царя Христа, которая славишься внутреннею красотою.

Слей очи съ очами и слово съ словомъ, но только чистыя—съ чистыми; никогда же не сливай смѣха съ смѣхомъ и дерзости съ дерзостію; ибо это доводитъ людей до гибельнаго поползновенія.

Убѣгай всякаго мужчины, особливо ни одного

не принимай въ сотрудники домашней жизни. По-
вѣрь мнѣ, чистая дѣва, что, хотя бы онъ былъ чище
золота и тверже адаманта, но все — горькая вода
изъ Мерры. Ибо опасность съ двухъ сторонъ. Хотя
ты полагаешься на собственную плоть; впрочемъ
кто поручится за члены живущихъ подъ одной
кровлей? И у тебя не совсѣмъ чисты и нескверны
глазъ и умъ, и мысль другаго можетъ скрывать
въ себѣ что нибудь перстное и изгнать духа. Вос-
паривъ отъ земли, ты переселилась уже отъ плот-
скаго къ духовному; для чего же, одобряя опять со-
жительство съ плотію, безчестишь священнаго Же-
ниха, Который ревнуетъ о твоёмъ образѣ? Смотри,
чтобы Онъ не лишилъ тебя Своей любви за двое-
душіе, за то, что храмлешь на оба колѣна. Твой воз-
любленный — Христосъ; посему удаляйся отъ всякаго
мужчины. Для чего находишь нужнымъ имѣть по-
мощникомъ того, кто самъ имѣетъ нужду въ по-
мощницѣ? —

Коню любезенъ конь, оленю — олень, скворцу —
скворецъ; чистому же дорогъ чистый. Но впрочемъ
ты бѣгай злонамѣреннаго совѣтника, чтобы онъ,
при всемъ твоёмъ благоразуміи, не обманулъ тебя.
Онъ всего болѣе враждуетъ противъ мудрыхъ;
часто и доброе обращаетъ въ зло даже добрымъ.
Нынѣ онъ свѣтъ, а послѣ окажется тмою. Внутри
смерть, а сверху снѣдь. Привлекаетъ сладостію, и
губить скрытнымъ ядомъ. Не рѣдко сводитъ онъ
между собою людей близкихъ по духу; приходитъ
къ нимъ въ свѣтломъ образѣ, прикрывается чест-
нымъ наименованіемъ христіанской любви; а по-
томъ въ сблизившихся измѣняетъ сердечную любовь

въ плотскую, и возжигаетъ пламень, или оставляетъ жалкіе слѣды пламени.—А если не останется въ тебѣ и слѣдовъ пламени; то всего скорѣе нанесешь ударъ тѣмъ, которые смотрятъ со стороны. Но и всѣ мы готовы на грѣхъ; потокъ самъ льется по скату.

Но домъ, одежда, столъ, немощи довели тебя до этого позора, заставили избрать помощника дряхлой старости. Ты промѣняла золото на мѣдь, если вмѣсто свѣтлой жизни приобрѣла малое и неприличное утѣшеніе. Если дашь мнѣ кучи золота и янтаря, зеленѣющія поля, тучныя стада, великолѣпный домъ и Алкиноеву трапезу, если вмѣсто настоящей жизни дашь другую нестарѣющуюся; и тогда не соглашусь жить гнусно и чрезъ это лишиться Христа.

Пусть у меня хлѣбъ въ скудость и вода въ рѣдкій напитокъ; пусть меня, какъ древле Адама и Еву, покрываютъ смоковныя листья; и домою мнѣ служить расщелина въ камнѣ, или дупло въ букѣ; жизнь моя проста и не лучше звѣриной; или, бремени землю, какъ нищій и новый Лазарь, брошенный у воротъ горделивца, влечу жалкую жизнь и болѣзненное тѣло;—все это нынѣ, а тамъ—пропасть и грозное воздаяніе за всѣ здѣшнія наслажденія. У тебя пресыщеніе, а у меня скорбь—кратковременны; и потомъ все забыто. За гробомъ всѣ станемъ одно, всѣ—одинъ прахъ. Тамъ одно мѣсто рабамъ и царямъ; никому нѣтъ преимуществъ въ преисподней. — Поэтомуу и благами настоящими не плѣняйся, и скорбями здѣшней жизни не слишкомъ занимай мысли. Вмѣстѣ съ наслажденіями оставишь и всѣ скорби, и притомъ въ скоромъ времени. Ибо что продолжительно въ однодневной жизни?

Ты здѣсь странникъ и пришлецъ, пресмыкающійся по чуждой тебѣ землѣ. Отсюда возставитъ тебя Богъ въ отечество твое. Подвиги твои не долговременны; а награда выше трудовъ.

И ты, мудрый совѣтникъ Ионадавъ, убѣждая любезныхъ дѣтей насладиться высочайшимъ для людей счастиемъ, предложилъ имъ такой законъ и такое слово: «вотъ, дѣти мои, получите отъ отца богатство, какого и мнѣ не далъ любезный отецъ, какого и всякому другому сыну не доставалось отъ отца; получите богатство всегда постоянно сохраняющееся. Не стройте для членовъ своихъ описуемаго мѣстомъ дома, не воздѣлывайте земли. Что вамъ пользы отъ винограда? Живите въ шатрахъ; а упояющаго и сладкаго питія никогда, дѣти, никогда не вливайте въ свою гортань. Живите для Бога, и богатство свое полагайте въ единомъ присноживущемъ Богѣ, Который всегда Самъ Себѣ равенъ и ничѣмъ невозмущаемъ.» Такъ говорилъ отецъ, и дѣти исполнили его заповѣдь. (Иер. 35, 6. 7.).

А я знаю народъ, вводимый въ землю обѣтованія. Впереди шелъ столпъ огненный и облачный и влекъ его за сбою по недовѣдомой пустынѣ. Море разступалось предъ нимъ, небо давало ему пищу, камень извелъ изъ себя воду, широко текущая рѣка отступила назадъ, солнце замедлило бѣгъ своей колесницы; нѣкто, простертыми руками назнаменуя крестъ, воздвигъ побѣдный памятникъ, а вѣра связала острія мечей.

А Илія былъ питаемъ вранами, и престарѣлую сидонскую вдовицу напиталъ не многими каплями

жизни; потому что въ маломъ чванцѣ не оскудѣвала мука, и глиняный сосудъ всегда источалъ влажный елей въ такомъ же количествѣ, въ какомъ почерпали руки страннолюбивой вдовицы.

Еврейскіе юноши, желая свойственной имъ пищи, чтобы не оскверниться трапезою царя, съ радостію зошли въ ассирійскій пламень и, въ немъ прохладившись, возвратились въ свои дома.

Даніилъ, брошенный на свиденіе ярмъ лвамъ, когда распростеръ свои руки, не львовъ напиталъ, но самъ отъ пророка пріимъ въ руки богопосланную пищу (Дан. 14, 37.).

Божественнаго Іону изъ внутренностей своихъ изблевалъ морскій звѣрь, три дня (какое великое чудо!) державъ его въ утробѣ; потому что пророка даже и въ китову утробу сопровождала вѣра.

Іоанну служили пищею акриды и дикіе соты, одеждою—волосы высоковоинныхъ верблюдовъ, кровомъ—широкое небо, и пустыннымъ ложемъ—земля.

Кто спасъ Феклу среди огня? Кто связалъ неукротимую силу кровожадныхъ звѣрей? Какое великое чудо! Дѣвство усыпило звѣрей, и они не дерзнули своими зубами осквернить чистое дѣвственное тѣло.

Нѣтъ, не позабуду (это было бы и несправедливо) упомянуть о непорочной Сусаннѣ, которая, хотя носила на себѣ супружеское иго, однако же имѣла столько любви къ цѣломудрію, что, когда избѣгла беззаконнѣйшихъ рукъ, но по несправедливому приговору судей влечена была на смерть, спасли ее отъ гибели мудрыя разсужденія правдиваго суди, который, будучи юнъ духомъ, но съдъ разумомъ,

связалъ словомъ своимъ развратныхъ и незаконныхъ вавилонскихъ старѣйшинъ.

Самъ выслушай Павла, съ какою боролся онъ злобой, сколько понесъ трудовъ и мучительныхъ безпокойствъ отъ друзей и отъ враговъ, на морѣ и на сушѣ, какъ восходилъ до третіяго неба, и весь міръ заключилъ въ вождельнныя мрежи. Онъ скорбями своими восхищался болѣе, нежели другій благоденствіемъ.

Добродѣтель всегда окружена бѣдствіями, какъ роза ненавистными и колючими шипами. Помня сіе, и ты съ лучшими надеждами блюди свою жизнь для Христа Царя въ совершенной непорочности, и не позволяй вводить тебя въ обманъ нужды, которая всего скорѣе покоряетъ себѣ даже мудрыхъ мужей. Почему и злокозненный врагъ, искушавшій Христа Царя, какъ скоро увидѣлъ Богочеловѣка алчущимъ, понадѣялся, что чувствующаго нужду уловить въ свои сѣти, и повелѣвалъ превратить камни въ снѣдь. Но онъ не уловилъ Бога, а тебѣ чловѣку смертному льститъ какъ богу. Ты же стремись къ Богу, и дальше гони отъ себя врага, всецѣло пребывая въ Богѣ и выше плоти.

Не хорошо, если, какъ въ сомкнутомъ въ кружекѣ хороводѣ, одного держатся правою, а другаго лѣвою рукою, такъ и ты, вмѣстѣ касаясь Божества и отдѣляясь отъ Него, половиною принадлежишь Христу, а половиною — плоти. Не хорошо, если, пускаясь въ море на быстромъ и благоустроенномъ кораблѣ, какъ скоро возстанетъ вѣтръ и возмутитъ спокойныя воды, удержишь скорое плаваніе якоремъ, или прельщаешься пребываніемъ на сушѣ,

и совершаешь свой путь по водамъ, уподобляясь вмѣстѣ и мореходцу и пѣшеходу. Не хорошо, если на жизнь твою кидается плоть—эта рыба прильпуща, останавливающая корабль на всемъ ходу. Но какъ токъ, проходящій по узкой трубкѣ, какъ скоро во внутренности округленнаго свинца скопится столько влаги, сколько можетъ вмѣститься, начинаетъ бить вверхъ, не удерживаясь въ заключеніи, потому что онъ сильно нагнетается сзади; такъ совѣтую и тебѣ, запечатлѣвъ въ груди своей любовь, нестись въ высоту на срѣтеніе Христу, или орошать какуюнибудь добрую и тучную ниву. Если же ты разливаешься и здѣсь и тамъ, по глубокимъ пескамъ, или по камнямъ, или по лугу, или по бороздамъ; то добрый твой потокъ, ничѣмъ не удерживаемый, погибнетъ безъ всякой пользы.

Если живъ у тебя любезный отецъ, произведшій тебя на свѣтъ, или если жива у тебя милая мать; то неукоризненна твоя любовь. Если ты полагаешься на благорасположенныхъ къ тебѣ братьевъ и на родителей, когда они живы, помогающихъ тебѣ или требующихъ отъ тебя помощи: то никто не упрекнетъ тебя, что живешь вмѣстѣ съ ними; за это не обратятъ на тебя злаго и неумолимаго взора осмѣяніе, хотя оно замѣчаетъ часто и скрытъ твоей обуви. Впрочемъ для меня полезно и то, что злый обращаетъ на меня взоры. Пусть онъ смотритъ, а мое сердце пребудетъ твердо. Но! прошу убѣгать любви къ другимъ, даже не только любви, но опаснаго пребыванія въ одномъ домѣ, или самонадѣянности обманчивой и ненадежной въ людяхъ цвѣтущихъ лѣтъ,—убѣгать въ той же мѣрѣ, въ какой

должна предаться Христу твердо прильпившаяся къ Нему любовію присноживущею.

Тебѣ, которая хвалишься цѣломудріемъ, имѣя любовь къ вождельнному дѣвству, не должно открывать всего сердца другимъ страстямъ. Это всего хуже, если по ухищренію завистника зло раждается изъ добра. Не думаю, что необходимо должно бѣгать супружества и супружескихъ обязанностей; посредствомъ супружества Богъ непрестанно умножаетъ родъ человѣческой: но избираю дѣвство, какъ врачество и пособіе противъ моихъ страстей. И если увижу свободный отъ нихъ день; то есть мнѣ за что благодарить одинокую жизнь! Но когда, оградивъ дорогую ниву стѣною, отворю двери звѣрамъ, или одну ея часть обнесу плотной оградой, на другой же оставлю трѣпинки мимоходящимъ путникамъ; тогда не то же ли выйдетъ, какъ если бы дана была возможность врагу отвсюду врваться и губить мою ниву? Но и тебѣ врагъ во всемъ строить козни, чтобы явно и тайно нападать совнѣ и уловлять внутри. Никто не избѣжитъ его злобы, если не имѣеть всегдашнимъ помощникомъ Христа. Иногда маловажнаго не вмѣняй въ грѣхъ; но и маловажному не противься слабо, чтобы не встрѣтиться, какъ ни есть, съ худшимъ.

Хорошее и слушай, и говори. Но что говоришь, то тщательно осматривай. Зрѣніе должно побуждать тебя и къ дѣлу, и все помогать одно другому — цѣль и слово, зрѣніе и слухъ.

Избѣгай худаго сѣмени, чтобы собрать тебѣ добрые класы. Не затаивай въ себѣ прелюбодѣйной любви къ міру; а затаиваетъ ее тотъ, кто далъ въ себѣ

мѣсто хотя тонкому корню порока ; отъ этого корня раскинется туда и сюда множество вѣтвистыхъ стеблей. Отъ нѣсколькихъ капель крававой влаги ссѣдается молоко въ большомъ сосудѣ. Одинъ камень, упавъ на поверхность стоячей воды , мутить вдругъ прекрасный источникъ ; множество круговъ, непрестанно образуясь въ одной точкѣ , разсѣваются по водѣ и исчезаютъ на окружности. Отъ удара въ одномъ мѣстѣ все тѣло вокругъ пухнетъ и чувствуетъ боль. Не много вкушено, и сталъ я мертвъ ; потому что за вкушеніемъ послѣдовали грѣхи, какъ за однимъ храбрецомъ чрезъ непріятельскую стѣну идетъ все воинство. Не велика рана, наносимая аспидомъ , но она мгновенно погружаетъ въ предсмертный сонъ, и самая гибель бываетъ пріятна для умирающихъ. Посему старайся , чтобы сердце твое не осквернялось даже и малостію.

Если чрево у тебя на замкѣ ; то , можетъ быть , спасешься отъ грѣха. А если двери у него отворены ; то боюсь , чтобы персть не сдѣлалась наглою. Когда тѣло усмирено , тогда усмирится вмѣстѣ и безстыдная похоть.

Вино — эта желчь для дѣвственниковъ , приноситъ имъ много безславія ; а гнѣвливость доводитъ до неистовства ; все же это — путь къ смерти.

Дѣва , не плѣняйся своимъ выношеннымъ хитомъ ; и малоцѣнностію увеселять взоры — худо.

Не возбуждай врага , надрывая щеки смѣхомъ ; пусть онѣ безобразно искривляются у тѣхъ , которыя разливаются отъ радости , и держать домъ не на заперти. А у тебя пусть промелькнетъ на лицѣ тихая улыбка, и какъ можно скорѣе, появится румя-

нецъ , и закрытьъ собою веселіе. А румянецъ внушаетъ уваженіе смотрящимъ.

Женщинамъ прилично не много говорить о Богѣ, именно, сколько можно имъ знать о досточтимомъ естествѣ Троицы, о тройственной въ Божествѣ, единой благодати; ибо глаголы благочестія не хорошо предавать и молчанію. Должны же онѣ больше слушать. Но то и другое, и говорить и слушать, обязаны съ трететнымъ умомъ и благоговѣнно, на все налагая покровъ стыдливости. Въ словахъ же прекословныхъ пусть упражняются люди мудрые, низлагающіе невѣрныхъ.

Да не похищаютъ у тебя Бога ненавистныя заботы, которыя и высокошественнаго низлагали мгновенно на землю. Умъ твой да стремится къ цѣли, не носясь туда и сюда, подобно искателю побѣдъ, неукротимому коню, и не убѣгая вдаль отъ великой славы Христовой. Если же увлекъ тебя злыи Веліарь, и умъ твой блуждаетъ; то, какъ можно скорѣе, перемѣни направленіе, и иди къ цѣли прямымъ путемъ.

Пусть занимають тебя ткацкій челнокъ, пряжа, поученіе въ Божіемъ словѣ, премудрость, божественныя пѣсни, внятныя, но не громкія, не терзающіе душу звуки, которыхъ больше остается въ груди, нежели сколько слышно на устахъ. Врагъ часто врывался чрезъ слухъ даже въ глухихъ.

Ты, цѣломудреннѣйшая дѣва, которая, вкусивъ божественнаго питія, избѣгла супружескихъ узъ и всякаго бремени, носимаго женщинами, не входи въ чужія ложницы, и въ супружескія дѣла, чтобы тебя вмѣсто дѣвы не стали называть яремною женой;

не проводи времени въ чужихъ домахъ , за чужею трапезою, не имѣй обращенія съ слугами , не принимай участія въ домашнихъ смутахъ , не бросай льстиваго слова за кусокъ хлѣба.

Люби мѣру въ страннолюбіи. Кто украшенъ добродѣтелями , тому радушно отворяй свой тѣсный домъ. А кто не выше другихъ , тому оказывай милость издали. Обитель твоя да будетъ ограждена отъ молвы. Дѣвъ лучше быть негостепріимною , чѣмъ отворять домъ для всѣхъ странныхъ ; потому что на многолюдствѣ теряется стыдъ. И чѣмъ можетъ быть опозорено свѣтлое дѣвство , на то не собирай доказательствъ со всѣхъ концовъ земли.

Уважай сѣдину , и подражай честнымъ нравамъ. Благоразумная сѣдина принесетъ тебѣ больше пользы, нежели юность.

И съ благочестивымъ намѣреніемъ не переходи съ мѣста на мѣсто. Нога твоя , поспѣшая въ святныя мѣста , какъ бы ни были они отдалены , да не соплетется, часто вопреки приличію, съ ногою легкомысленныхъ мужей. Царь Христосъ у всякаго въ домъ ; онъ близокъ къ любящему — въ сердцѣ у него.

Первое мѣсто дай Богу , а слѣдующее за тѣмъ — іерею , земному Христу , руководителю твоей жизни. Поспѣшай за нимъ на крылахъ , покоряйся ему безмолвно ; съ нимъ радуйся , когда простираешься вверхъ , и ему подчиняйся , когда падаешь , чтобы , пришедши въ страхъ , опять вознестись высоко.

Умри для всѣхъ прочихъ , — это для дѣвы лучше, нежели вести жизнь открытую и выставленную на показъ всякому. Хвалю тѣхъ женщинъ , которыхъ

даже не знаютъ мужчины, которыя живутъ вдали отъ міра, но втайнѣ видимы Богу.

Будь очень благочестива, но не смотри очень надменно. Погнавшись за людскою славою, легко потеряешь добрую славу. Женская слава гибнетъ, какъ скоро дѣлается видимою для мужчинъ.

Ревнуй добродѣтельному и отвращайся порочнаго. Равно худо — и завидовать добрымъ, и любить порочныхъ.

211 Не останавливайся въ своемъ пути, видя, что злые ведутъ покойную жизнь, и не терзайся сердцемъ, видя, что добрые изнемогаютъ. Это одна игра жизни; а ты смотри единственно на конецъ.

Наслаждаясь благоведріемъ, ты радуешься; но не знаешь еще ясно, что будетъ. Бойся, чтобы съ которой нибудь стороны не подулъ смертоносный вѣтеръ. Поэтому всю жизнь свою или страшился, или готовься къ страху.

Когда падаетъ человекъ порочный, тогда тѣмъ паче утверждай свою ногу. А когда падаетъ благоуспѣшный; крѣпись еще больше. Ибо если совершенные падаютъ, то очень не легко провести жизнь не посколзнувшись. Вся жизнь для тебя — уголья подъ ногами, и уголья горячіе. Всегда идешь ты по скрытымъ сѣтямъ.

Боюсь, чтобы мнѣ, положивъ основаніе жизни своей на песокъ, не разрушиться отъ дождя, рѣкъ и вѣтровъ; боюсь, чтобы подобно сѣмени, которое пало на сухую и бесплодную землю, и мнѣ, прозябнувъ скоро, еще скорѣе не засохнуть, когда ударятъ въ меня солнечные лучи и легкія напасти; боюсь, чтобы, во время моего сна, сѣвель негод-

ныхъ плевелъ и завистливый врагъ не подмѣшалъ худаго сѣмени. Когда же десять чистыхъ дѣвъ, бодрствуя, со возжженными свѣтильниками и съ не дремленными очами ожидаютъ вождельнаго жениха— Царя Бога, чтобы имъ свѣтлыми выйдти во срѣтеніе приходящему съ веселіемъ; тогда не поставь меня въ числѣ бѣдныхъ умомъ и юродивыхъ дѣвъ, чтобы мнѣ уже въ самое пришествіе Христово, отягченными отъ сна очами, замѣтивъ едва мерцающей блескъ свѣтильниковъ, слишкомъ поздно не пожелать для себя капель елея свѣтлой жизни, и чтобы запертыя двери не преградили мнѣ входа на бракъ, гдѣ Слово, по великимъ уставамъ любви, сопрягаясь съ душами чистыми, даруетъ имъ сіяніе и славу. Вотъ и брачный пиръ, который учреждаетъ добрый Отецъ, веселясь о наилучшемъ Сынѣ; — о если бы на этой вечери было мѣсто и мнѣ, и мнѣ было мѣсто, и всякому, кто со мною единомысленъ! Но внѣ пира останется тотъ, кто брачному веселію предпочитаетъ или село, или пару новокупленныхъ воловъ, или жену. Боюсь и того, чтобы среди пирующихъ, которые всѣ одѣты по-брачному, одного меня, у котораго осквернены одежды, не связали по рукамъ и по ногамъ, и не изринули изъ брачнаго чертога далеко отъ друзей и отъ брачнаго пира. Когда же Царь мой, возвращаясь съ брака, прійдетъ внезапно къ ожидающимъ и къ не ожидающимъ; — о если бы мнѣ тогда оказаться въ числѣ ожидающихъ, и заслужить похвалу, какъ доброму служителю, имѣвшему страхъ, снисходительному къ подначальнымъ и правдивому раздаателю житъ-твердаго слова!

Сіе заповѣдую дѣвству, какъ кротко совѣтующій и сердечно любящій отецъ; а вы, чада и дщери и сыны, послушайте любимаго отца. И если, какъ надѣялся, имѣю какую нибудь благодать у Бога; то не презрите заповѣдь отца, подобно сынамъ Иліевымъ. Не дѣлайте сего, чада, чтобы и васъ не постигло одинаковое съ ними наказаніе. А прочимъ слѣдующее слово; и я не безбоязненно, держа вѣсы ровно (свидѣтель въ томъ Богъ), произнесу равный судъ надъ тѣми и другими — надъ дѣвственниками и надъ живущими въ супружествѣ.

Сколько дѣвство предпочтительнѣе супружества, столько непорочный бракъ предпочтительнѣе сомнительнаго дѣвства. Посему и ты, ревнитель совершенства, или вполнѣ возлюби чистое дѣвство, если имѣешь къ тому и силу и расположеніе, или избери супружество, какъ говорятъ, послѣ перваго второе, также доброе, плаваніе. Но бѣгай тѣхъ, которые хотятъ совмѣстить ту и другую жизнь; и безбрачную и брачную, то есть, примѣшиваютъ къ меду желчь, къ вину грязь, къ священному Солиму злочестивую Самарію. Напрасенъ трудъ, — по совершеніи пути идти вдругъ назадъ; не безъ опасности стрѣлокъ, если пущенная имъ стрѣла падаетъ почти у ногъ его, а не долетаетъ, куда должно, и не попадаетъ въ высокую цѣль. И тому, кто въ даръ Царю Христу принесъ дѣвство — эту словесную жертву, это безкровное закланіе, вступить опять въ супружество не только есть потеря, но и величайшее паденіе, близкое къ смерти; а сверхъ того и некончаемый стыдъ. Это значитъ, вдругъ поскользнувшись, обратиться внизъ на землю съ обрывистой

горы, на которую всходилъ ты съ великимъ трудомъ, въ намѣреніи отрыть тамъ золото, или провести время въ пріятномъ занятіи, преслѣдуя звѣря. Кто же, слыша о злочестивомъ Ананіи и Сапфирѣ, которые за собственный прибытокъ подверглись злой смерти, не побоятся убавить въ своемъ общѣ даже и малость? А нѣкто изъ древнихъ, когда тайно, безъ вѣдома вождя, присвоилъ себѣ золотой языкъ (а), одежду и нѣсколько денегъ, нанесъ тѣмъ вредъ цѣлому народу (Ис. Нав. 7, 21.). Въ какой же степени выше жребій одушевленной твари, въ такой, или еще въ большей, худо для дѣвы возвращеніе назадъ.

Да погибнетъ такой супружескій союзъ, котораго не скрѣпилъ брачный законъ! Всегда блюдишь отъ жала того, кто непрестанно влечетъ назадъ души, простирающіяся впередъ, чтобы ему царствовать надъ большимъ числомъ униженныхъ, кто первый низложенъ изъ небесной славы на землю, и влачить здѣсь иго позора, налагаемое на горделивыхъ.

Теперь изреку добрый совѣтъ родителямъ, родственникамъ и цѣломудреннымъ попечительницамъ, въ рукахъ у которыхъ жизнь, позоръ и добрая слава дѣвъ. Не позволительно и не прилично поступать насильственно съ тварію великаго Бога. Всѣ мы родъ единого; и властвуетъ ли кто, или сопричисленъ къ подвластнымъ, богатъ ли кто или бѣденъ, возсѣдаетъ ли кто на великомъ престолѣ, или преклоненъ до земли, покрытъ ли кто сѣдиною или цвѣтетъ юностію—всѣ отъ Единого, у всѣхъ одно

(а) Въ славянскомъ переводѣ: *сосудъ златъ*.

дыханіе , всѣ стремимся къ одному концу ; Богъ для всѣхъ родился человѣкомъ , и умеръ , и воскресъ ; Онъ всѣмъ даровалъ широкое небо . Посему никто , въ угожденіе неразумной плоти , не долженъ противъ воли вести дѣву къ брачному ложу , когда она смелась за Христа и живетъ лучшею любовію , какъ не должно полипа совлекать съ его каменнаго ложа , или пѣвчую птицу выгонять изъ устроеннаго ею гнѣзда . Напротивъ того , если у тебя христіанское сердце , если Богъ связалъ тебя божественными узами и исхитилъ изъ міра ; то со всею готовностію представь Христу прекрасную невѣсту , или юнаго сына , какъ нѣкогда чадолюбивая Анна представила Самуила—священный плодъ своихъ чистыхъ ложекъ , одушевленную жертву , которая священнѣе всякаго первороднаго , а также класа или грозда , срѣзаннаго добрымъ земледельцемъ въ начатокъ Богу . А если ты идешь въ срединѣ между Христомъ и міромъ , то на одинакихъ вѣсахъ взвѣсь и супружескую и одинокую жизнь , хорошо и разумно собравъ въ умѣ всѣ выгоды и невыгоды той и другой , и предназначь двоякую цѣль , избери путь , на который влечетъ горячая любовь , и вспомоществуй , въ одномъ случаѣ порабощенію , а въ другомъ небеснымъ стремленіямъ . Когда дѣва достигла совершенныхъ лѣтъ , чтобы вступить въ бракъ , или исполнить цѣломудренное намѣреніе : хотя , какъ супругъ служить узами мужъ , такъ дочери—родители , а той и другой—Божій страхъ , не вступившей же въ супружество—Христова любовь ; однако же ты не удаляй отъ замужства дѣву , желающую имѣть мужа , и не вводи насильно въ домъ къ мужу стремящуюся къ Богу .

Пока же не увѣришься несомнѣнно, не препятствую дѣлать нѣкоторыя испытанія. Но если ты всю мысль свою и руку отдаешь супружеской жизни, съ радостію устроилъ уже и брачный чертогъ, и пляски, и пиршества, въ веселіи сердца забылъ свою старость; а между тѣмъ изгоняемое тобою дѣвство приступитъ ко Христу (какъ нѣкогда правосудіе восходило на небо съ жалобой за умерщвленіе вола земледѣлателя): то боюсь, чтобы на твое несправедливое рѣшеніе не прогнѣвался Богъ, предъ Которымъ всякая перстная природа смиряется такъ же, какъ тучный воскъ предъ огнемъ; боюсь, чтобы страхъ Божій не связалъ тебя по плоти. И здѣсь бываетъ служеніе подобное небесному, и въ смертныхъ есть умъ, приближающійся къ Божеству.

Погрѣшилъ тотъ, кто безплотное смѣсилъ съ природами плотными, отъ ангельскаго вождельнія производилъ сильныхъ исполиновъ и грѣхами небожителей думалъ очистить (б) землю. Предоставимъ сіе Еялинамъ; потому что они въ защиту своихъ страстей умыслили представлять боговъ непотребными, ворами, андрогинами, прелюбодѣями, развратителями людей, челоуѣкоубійцами, губителями родителей или дѣтей своихъ, и, не довольствуясь симъ, приносили жертвы самымъ страстямъ. Посмотри на первѣйшаго изъ ихъ боговъ: чѣмъ не дѣлало его сладострастіе?—волоу, лебедемъ, змѣей, золотомъ, мужемъ, птицей,—всѣмъ, чѣмъ только повелѣвалъ ему дѣлаться рѣзвый Эроть — этотъ слабый ребенокъ.

(б) Т. е. оправдать людей тѣмъ, что увлекаются въ грѣхъ примѣромъ боговъ.

Они-то уничтожали любезное дѣвство, налагающее узы на плоть. Для нихъ невѣроятна была свѣтозарность плоти. Они всѣхъ мѣряютъ своимъ непотребствомъ. Но чистому оку не свойственно видѣть звѣзды омраченными. Земля и твердо стоитъ; но сему не довѣряетъ, у кого кружится голова. — А намъ не прилично говорить о дѣвствѣ укоризненно.

Почему же невѣроятно, что любовь ко Христу-Царю можетъ усыплять человѣческія вождельнія и плотскую любовь, какъ и прежде остановила кровавый токъ у прикоснувшейся кровоточивой жены? Богъ дозволилъ похитить у Него благодать, и сухой потокъ сдѣлался текущимъ источникомъ, какъ скоро изсякъ. Развѣ мужество въ христіанахъ не было выше огня, и мечей, и воды, и свирѣпыхъ звѣрей, которые немилосердными зубами терзали ихъ члены? Когда тѣснилъ ихъ гонитель, воздвигая брань за вѣру въ Бога, тогда что видимъ у нихъ? Не жизнь ли проводимую безъ сна и безъ крова? не молитвы ли и непрестанныя воздыханія? Не истекаютъ ли они слезами? не возносятся ли отъ земли въ nocturnalъ и дневныхъ пѣснопѣніяхъ, оставивъ міръ и плоть? Не малыми ли крохами пищи поддерживается въ нихъ дыханіе? Не служатъ ли имъ жилищемъ пещеры, а ложемъ камни, или мягкая трава и сухія вѣтви? Не живутъ ли они подъ однимъ кровомъ съ свирѣпыми звѣрями, чтобы только избѣжать злыхъ внушеній и узъ персти? Есть сказаніе о птицѣ фениксѣ, что она, умирая, юнѣетъ, по истеченіи многихъ лѣтъ, возрождаясь въ огнѣ, и изъ устарѣвшаго праха является дивный самородный плодъ. Такъ и они, умирая, дѣлаются присно-

живущими, сожигаемые пламенною любовію къ Царю-Христу. Въ самой немощи сокрывается сила благочестивыхъ. Кто видитъ все это, тотъ не охотно вступитъ въ союзъ съ юною плотію; потому что воспламененъ лучшею любовію.

Общая всѣмъ матеръ природа! возвѣщу не свои, но твои чудеса, какія ты расточила на сушѣ и въ моряхъ. Слышу, что пернатая горлица, по смерти своего милаго горлика, изъ цѣломудренной любви къ раздѣлявшему ея ложе, не принимаетъ къ себѣ въ гнѣздо другаго супруга. Мудрая птица! Но для человѣка сколько еще лучше чистая жизнь! Болтлива сѣроперая ворона, но и она живетъ вѣрною юношеской любви, и когда потеряетъ милаго супруга, ненавидитъ всякаго мужа. И у морскихъ рыбъ есть свой законъ; немногія не знаютъ ни какихъ уставовъ касательно брака, многія же заботятся о цѣломудріи и брачнаго ложа и своей супруги. И здѣсь имѣютъ силу права. Иныя не домогаются имѣть болѣе одного плода. Иныя же (и таковыхъ большая часть) предаются наслажденіямъ любви только въ весеннее время. Сама природа положила мѣру вожделѣніямъ. А время нѣжной любви опредѣлено для всѣхъ живыхъ тварей, и воздушныхъ, и водныхъ, и тѣхъ, которыя ходятъ по сушѣ. Далѣе срока не питаютъ они въ себѣ вожделѣній; въ самомъ безуміи страсти связаны благовременностію, когда возбуждаетъ ихъ къ тому весна. И однѣ сбѣгаются кучами для исполненія супружескихъ дѣлъ; у другихъ же соблюдается постоянная привязанность къ милымъ супругамъ, и хранится законъ любви; а нѣкоторымъ достаточно

одинъ разъ въ жизнь раждать дѣтей , какъ свидѣ-
 тельствуютъ о семъ тѣ , которые описали рожденія
 животныхъ и все, что до нихъ касается.

А если и у неразумныхъ есть нѣкоторая забот-
 ливость о цѣломудріи ; то ужели ты , Божіе созда-
 ніе , не свяжешь всѣхъ законовъ плоти , если захо-
 чешь ? Человѣкъ такъ же уступчивъ разуму , какъ и
 мѣдь огню. Если разумъ не царь плоти , тогда какъ
 образъ Божій обожилъ меня ; то въ чемъ преиму-
 щество наше , если и мы уступаемъ такимъ же дви-
 женіямъ ? Хотя природа не удержима въ большемъ
 числѣ людей ; однако же знаемъ и то , что заповѣдь
 часто превосмогаетъ и общую природу. И у меня
 есть подобное тѣло ; но меня связалъ воздвигшіи
 меня крестъ , къ которому пригвоздилъ я тяжелую
 плоть. Ибо желаю со Христомъ умереть , чтобы съ
 Нимъ и востать , имѣя все Христово : и умъ , и тѣло ,
 и гвозди , и воскресеніе. =

Иный самовольно связалъ плоть , не изъ любви
 божественной. Такихъ узъ не называютъ и цѣломуд-
 ріемъ. 'Однако же есть и Божій даръ на то , чтобы
 жить нерастлѣнно , имѣть невозмущаемый и непо-
 колебимый умъ. Иный отвращается пріятнаго упое-
 нія , а иный — пищи ; иный же не терпитъ запаха ,
 любимаго другими. Нѣкоторые имѣютъ ненавист-
 ное расположеніе къ подобнымъ себѣ , живутъ въ
 пустыняхъ и охотно бѣгутъ вдаль отъ людей. Но
 твой умъ не вѣритъ отрекшимся отъ супружескихъ
 узъ , даже думаю , онъ не вѣритъ ; но ты бѣжишь
 изъ страха , между тѣмъ какъ забываешь о невыгодахъ
 супружеской жизни.

Небольшая саламандра не бѣжитъ прочь отъ ис-

требительнаго огня, но на низкихъ ногахъ своихъ скачетъ въ немъ, какъ по землѣ. Есть огневидная рыба; представляясь воспламененною, она не умираетъ отъ этого дивнаго огня, но горитъ, блещетъ среди воды. Камень магнитъ не притягиваетъ ли къ себѣ желѣзной гири? И адамантъ не несокрушимъ ли? Есть камень, который, отъ удара желѣзомъ, не издаетъ сіянія; а другой сіяетъ отъ капель воды, но, издавая сіяніе въ водѣ, перестаетъ сіять отъ масла.

Но сколько есть еще болѣе удивительныхъ чудесъ? Кто исчислитъ ихъ, хотя перескажетъ многое? Высокій Умъ, перемѣшивая многоразличные образы вещей, такъ и иначе перестраиваетъ цѣлый міръ, какъ Ему угодно. Но изъ многаго упомяну о не многомъ, что видѣлъ я самъ, или въ чемъ увѣряютъ меня книги и слухъ.

Не во всѣхъ ли рѣкахъ одно теченіе — книзу? Не одинъ ли законъ морямъ, чтобы ихъ связывали берега? Не одинъ ли путь у пылающаго огня — частыми порывами подниматься кверху? Однако же есть рѣка, которая пересѣкаетъ горькое море и остается рѣкою; одна вода не смѣшивается съ другою, и мореходцы, приближая корабль къ току, поспѣшающему къ сушѣ, почерпаютъ изъ моря сладкое питіе. Видѣлъ я эвбейскій быстрый проливъ—этотъ узкій проходъ и незамкнутый ключъ моря, видѣлъ, какъ онъ неистовствуетъ въ своихъ возвратныхъ теченіяхъ. Море прибываетъ и течетъ обратно назадъ. Океанъ то удаляется отъ земли, то опять поспѣшными волнами вторгается на сушу; и на киммерійскихъ берегахъ то поле, то море. Но

есть и другой поток — пламень огненный, если справедливо, что изъ утесовъ Этны извергается эта невѣроятная водотечъ,—огнь-рѣка, и несоединимое соединено по волѣ Христовой.

Могу и въ маломъ указать подобныя чудеса. Въ числѣ плодовъ есть, такъ называемый, *воловій рогъ*. Онъ одинъ суше всего произращаемаго плодоносною нивой, имѣетъ тѣло, не размягчаемое влагой, не разрушается въ землѣ, не тучнѣетъ отъ дождей, но совершенно окрѣпъ и навсегда остается тверже роговъ; этого рога не раздробляетъ и рогъ вола, когда рука земледѣлателя разсыпаетъ плоды по нивѣ; посему отъ роговъ получалъ онъ и имя и свойство. Но если мудрецы знаютъ на сіе другую какую причину; то она недовѣдома мнѣ.

Сіе производитъ природа: выслушай же, чего домоглось искусство. Скворцы говорятъ подобно человѣку, подражая чужому голосу, который они переняли, видя въ зеркалѣ изображеніе изъ дерева выточеннаго скворца, и слыша человѣческій голосъ промышленника, спрятавшагося за зеркаломъ. И воронъ также крадетъ звуки у человѣка. А когда нарядный и кривоносый попугай въ своемъ рѣшетчатомъ домѣ заговоритъ по-человѣчески, тогда онъ обманываетъ даже слухъ самаго человѣка: конямъ вѣшаютъ канаты, и поверхъ ихъ ходятъ кони. Степенный медвѣдь ходитъ на заднихъ ногахъ, и, какъ умный судья, засѣдая на судейскомъ мѣстѣ, держитъ въ лапахъ (какъ можно подумать) вѣсь правосудія; и звѣрь представляется одареннымъ умомъ. Человѣкъ научилъ его тому, чему не научила природа. Видалъ я также укротителя звѣрей,

который сидитъ на хребтѣ у могучаго льва и рукой укрощаетъ силу звѣря. Онъ держитъ бразды, а бѣгущій левъ, забывъ свою ярость, повинуется господину и ласкается къ нему. Видѣлъ я также тяжелаго и великорослаго звѣря съ большими зубами; мальчикъ Индѣ сидитъ на немъ, и небольшимъ бодцемъ заставляеть его идти, какъ корабль поворачивая туда и сюда тѣло сильнаго слона. Безстрашенъ былъ тотъ, кто первый умыслилъ укротить звѣря, наложилъ ему на выю ярмо и повезъ огромную колесницу.

Но ты звѣрямъ приписываешь больше, нежели человѣку, если соглашаешься, что принужденіе препобѣдило природу въ звѣряхъ, а люди не могутъ быть обучены добру, имѣя даже у себя помощникомъ слово. Какъ же ты, невѣжда, до такой степени оскорбляешь твореніе великаго Бога? Кто бывалъ такимъ ненавистникомъ собственнаго своего рода? Но не такова мысль у меня, который разсуждаю здраво. Напротивъ того, знаю мужей и женъ, которые и помыслами небесны, и тѣломъ непорочны. Все различіе между ними въ членахъ, а добродѣтели у тѣхъ и у другихъ общія, и общій путь къ славной жизни. Все преимущество въ усердіи, и то даетъ трудъ. Но твой умъ не вѣритъ отрешившимся отъ супружескихъ узъ; даже, думаю, онъ не вѣритъ, но ты бѣжишь изъ страха, и между тѣмъ забываешь о столькихъ невыгодахъ супружеской жизни.

Сіе заповѣдую тѣмъ, которые близки только къ небошественнымъ; а ты, дѣвство, заботься о томъ, чтобы оградиться тебѣ отвсюду и хорошо утвер-

даться въ Богъ , стать совершенной жемужиной между камнями , денницей между звѣздами , голубицей между пернатыми , маслиной между деревьями , лиліею въ поляхъ , благодішіемъ въ морѣ . Ты , дѣва , презрѣвъ весь міръ и всѣ пріятности жизни , стань подлѣ свѣтозарнаго Христа и , взявшись рука въ руку , введи Его въ свой брачный чертогъ , исполненный утѣхъ , вѣющей сладостями и благоухающей : къ небеснымъ мурамъ примѣшай твое собственное муро ; къ изліяннымъ здѣсь неизглаголанымъ желаніямъ любви присоедини и свою любовь , къ красотѣ присовокупи красоту ; къ сокровенной—сокровенную , къ свѣтозарной—свѣтоносную , чтобы Христосъ сталъ благимъ любителемъ славнаго твоего образа , чтобы Христосъ сталъ твоимъ женихомъ , чтобы Христосъ открылъ покрывало , съ радостію увидѣлъ достойную по красотѣ невѣсту , которая украшена добрыми жемчужинами , сидитъ на богато-убранномъ сѣдалищѣ , высоко держитъ голову , чтобы столько прекрасную содѣлалъ Онъ еще болѣе привлекательною , чтобы Христосъ тебя исполненную радости ввелъ въ Свои обители , предложилъ тебѣ брачную вечерю среди великихъ нескверныхъ ликовъ , при небесныхъ пѣснопѣніяхъ , увѣнчалъ главу твою вѣчно цвѣтущими пріятностями , поставилъ предъ тобою чашу сладкоухающаго питія , показалъ тебѣ тайны премудрости , подобія которой видимъ мы здѣсь въ зеркалѣ , и открылъ истинный свѣтъ твоему непокровенному уму ; когда грубыя тѣла уступятъ мѣсто духу , а тѣла воздушныя получатъ нестарѣющуюся жизнь .

Мы же , любезные юноши и дѣвы , питающіе въ себѣ

непорочную любовь къ Царю, воспоемъ бракъ небеснаго Бога, возжегши свѣтильники — сіи подобія Божественнаго свѣта, свѣтильники неугасимые, духовные, которые дѣлаются непрестанно болѣе и болѣе свѣтлыми отъ чистыхъ дѣлъ и помысловъ высокихъ, даже небесныхъ.

Приди же къ намъ, милосердая, и милосерда будь къ намъ, чистая Троица, изъ Единого сочетающаяся во Едино, Ты, Которая и нынѣ озаряешь свѣтлыми очи, а въ послѣдствіи еще свѣтлѣе будешь озарять просвѣтленныхъ Тобою, Ты единый Богъ — изъ Родителя чрезъ Сына въ великомъ Духѣ совершенное Божество, покоющееся въ Совершенныхъ.

КЪ ДѢВАМЪ.

Дѣва, невѣста Христова, прославляй своего Жениха; непрестанно очищай себя словомъ и мудростію, чтобы ты чистая вѣчно могла сожителствовать съ Чистымъ. Этотъ союзъ гораздо выше тѣннаго сочетанія. Живя въ тѣлѣ, подражай духовнымъ Силамъ, проходи на землѣ ангельскую жизнь. Здѣсь заключаются и расторгаются союзы; здѣсь тѣла рождаются отъ тѣлъ: а въ горней жизни каждая Сила живетъ одиноко, и она неразрушима. Первые Силы приемятъ въ себя лучъ чистой Сущности; это духи и огонь — служители Божіихъ велѣній. А плотское сочетаніе изобрѣтено веществомъ, — этою непрестанно текущею природою. Впрочемъ Богъ и сему положилъ мѣру, узаконивъ бракъ. Но ты, которая бѣжала отъ дѣлъ вещества, сдружись съ горнимъ, какъ

умъ сдружается съ умомъ, сливаясь въ божественную гармонию, и, ведя брань съ плотію, вспомошествоуй Божію образу. Ибо ты—Божіе дыханіе, для того сопряженное съ худшимъ, чтобы, послѣ борьбы и побѣды, получить вѣнецъ, возведи въ горнее и персть, прекрасно подчинившуюся.

Положимъ, что похвально для тебя и супружество; но выше супружества нерастлѣнность. Супружество—уступка немощи; а чистота—свѣтлость жизни. Супружество—корень святыхъ, а чистота—ихъ служеніе. Ее и древле уважали въ установленныя тому времена, напр. Адамъ въ раю, Моисей на горѣ Синаѣ, отецъ Предтечи—Захарія, служба во храмѣ. Супружество—корень и богоугоднаго дѣвства; однако же оно — законъ плоти и раболѣпство плотскому похотѣнію. Когда имѣли силу Законъ, и сѣни, и временныя служенія; тогда и супружество, какъ нѣчто дѣтское, удерживало за собою первенство: когда же буква уступила, и замѣнилъ ее духъ, когда Христось, родившись отъ дѣвы, пострадалъ плотію; тогда возсіяла чистота, и она отсѣкаетъ міръ, изъ котораго съ восшедшимъ Христомъ должно намъ преселиться въ горнее.

Доблестно шествуй, дѣва, на гору, спасайся въ горнихъ, не озирайся на Содомъ, чтобы не отвердѣть въ соленный столпъ. Естество плоти не должно слишкомъ тебя устрашать; но не будь и отважна чрезъ мѣру, чтобы не сбиться тебѣ съ дороги. Искра зажигаетъ солому, а вода утишаетъ пламень. У тебя много врачевствъ чистаго дѣвства. Водружай себя Божіимъ страхомъ, истощай постомъ, бдѣніемъ, молитвою, слезами, сномъ на голой землѣ и всецѣлою

любовію къ Богу, которая, при истинномъ направленіи, усыпляетъ всякое желаніе, чуждое горнимъ. Падшаго возставъ, претерпѣвшему кораблекрушеніе окажи милость; а сама совершай благополучное плаваніе, распростерши вѣтрила надежды. Падаютъ не тѣ, которые пресмыкаются долу, но которые несутся горѣ. У не многихъ устаеваютъ крылья; полеть же многихъ благоуспѣшенъ. Паль Денница; но небо населено Ангелами; предателемъ сталъ Иуда, но одиннадцать учениковъ содѣлались свѣтилами.

Только всецѣло крани себя чистою, дѣва; не осквернай пречистаго Христова хитона. Пусть око твое будетъ цѣломудренно, языкъ дѣвственъ, ни умъ, ни смѣхъ не блудодѣйствуютъ, ноги не ходятъ безчинно. Невымытую свою одежду и непричесанные волосы цѣни выше жемчужныхъ и шелковыхъ уборовъ. Прекрасный цвѣтъ — румянецъ стыдливости; великое убранство — блѣдность; прекрасная ткань — увѣнчаться всѣми добродѣтелями. Пусть другая обезображиваетъ образъ Божій притираньями, дѣлается одушевленной картиною, безмолвнымъ обвинителемъ внутреннихъ пороковъ; а ты умертви въ себѣ, сколько можно, и то благообразіе, какое имѣешь, сіяй же красотою души, которая находитъ для себя украшенія въ Богѣ. Убѣгай взора мужчинъ, даже, когда только можно, и цѣломудренныхъ, чтобы не узвѣить другаго, и самой не быть узвѣленною отъ насмѣшливаго велиара. Не порабожай очей очамъ, не привлекай слова словомъ, и ланиты твои да не подають смѣлости ланитамъ другаго. Не вкушай плодовъ осужденнаго древа, чтобы змій не удалилъ тебя отъ

древа жизни. Послушайся меня, дѣва; не живи вмѣстѣ съ своимъ попечителемъ, имѣя женихомъ Христа, Который ревнуетъ о твоей чистотѣ. Для чего тебѣ, бѣжавъ плоти, опять возвращаться къ плоти? Не всякому мужчинѣ вмѣстительна твоя простота. Какъ роза окружена шипами, такъ ты окружаешь себя многолюдствомъ, и ходишь поверхъ лукавыхъ сѣтей.

Кто снаряжаетъ брачное ложе, а кто предаетъ погребенію жениха; одинъ сталъ отцемъ, а другой внезапно обезчадѣлъ. Какъ тяжелы муки рожденія, иногда неразрѣшимы! Какъ мучительна ревность супруга, который боится, чтобы не похитилъ ктонибудь любовь его супруги! Легко ли воспитывать, учить дѣтей, и потомъ видѣть къ себѣ неуваженіе, получить за труды горькое возмездіе!—Но у тебя одна забота — взирать непрестанно къ Богу. Тебѣ нужны небольшой кусокъ хлѣба и тѣсная кровъ. А искушитель и чрезъ это вводилъ въ искушеніе Христа, когда Христосъ взалкалъ, а онъ просилъ обратить камни въ хлѣбы. Не подвергнись же ради сего чемунибудь постыдному. Не будь хуже птицъ, которыя вездѣ находятъ себѣ готовую пищу. По вѣрѣ твоей не оскудѣетъ у тебя елей въ чванцѣ, и воронъ препитаетъ тебя, какъ Илію въ пустынѣ. Смотри, какъ Ѳекла спаслась отъ огня и звѣрей, какъ великій Павелъ охотно терпѣлъ голодъ и стужу, чтобы ты, дѣва, научилась взирать къ единому Богу. Богъ умѣлъ и тысячи людей пропитать въ пустынѣ. Красота увядаетъ, слава скоротечна, богатство — невѣрный потокъ, владычествовать дается не многимъ. А ты избѣжала утѣхъ обманчиваго міра, съ радостію

вступила во Святая-святыхъ, и вѣчно будешь ликовать съ Ангелами, занявъ лучшее мѣсто между сынами и дщерями.

Но бодрственно ожидайте, дѣвы, Христа, съ непомеркающими свѣтильниками срѣтите Жениха, чтобы, взойдя съ Нимъ въ чертогъ, узрѣть Женихову красоту и приобщиться горнихъ таинствъ.

КЪ МОНАХАМЪ (а).

1.

Если мужи или жены стануть хвалить совокупную для многихъ жизнь, чтобъ подъ узами единомыслія заботиться о ликостояніи окрестъ милосердаго Царя, и по объѣту подъ однимъ кровомъ стремиться къ одной цѣли и одной стезею; то сіе весьма хорошо. Ибо ничто прекрасное не любить показываться одинокимъ; и то еще не совершенно, что не преуспѣваетъ даже и предъ хорошимъ. И дружба, назначающая себѣ тѣсныя предѣлы, мало доставляетъ пріятности, равно какъ неразборчивая бываетъ грязна. Но совѣтую и здѣсь утвердить великую пропастъ, чтобъ мужи, или жены, посвятившіе себя

(а) Въ сихъ стихотвореніяхъ св. Григорій возстаеъ противъ обмча, по которому посвятившіе себя созерцательной жизни, мужчина или женщина, избирали для попеченія о дѣлахъ домашнихъ особу другаго пола, подъ именемъ сннзакта и сннзакты, или также аганита (возлюбленнаго) и аганиты (возлюбленной).

благочестію, жили раздѣльно и имѣли одну только общую славу. Зависть преслѣдуетъ не однихъ живущихъ въ совокупности; имъ большая предстоитъ брань. А если хочешь жить одинъ въ общеніи съ единымъ Христомъ, и это любезно. Впрочемъ всѣмъ тотъ же страхъ, какъ и мнѣ, а именно: борьбы съ непріязненнымъ и гибельнаго паденія.

2.

У меня уже сѣдины; изнуряю свою плоть, смиряю око; дневными и всеночными трудами истомилъ я злосчастную душу, только бы избавиться мнѣ отъ огня; но при всемъ этомъ не безъ труда удерживаю въ повиновеніи тѣло. Какъ же ты, хотя еще молодъ, и плоть у тебя шире, чѣмъ у слона, при всемъ этомъ покоишь себя, какъ чловѣкъ, достигшій чистоты и духовно возлюбившій свою возлюбленную? Нѣтъ! Бѣгать должно любви, которая перадить о Христвѣ.

3.

Попечителемъ у тебя, дѣва, присноживущій Христосъ, твой возлюбленный Женихъ, ревнующій о твоёмъ небесномъ образѣ. Поэтому въ попечители своей бѣдной плоти не принимай опять плоть, но бѣгай пересуда злыхъ людей. Несквернаго Христова хитона не покрывай позоромъ, навлекши укоризну на всѣхъ дѣвъ.

4.

Не безопасенъ огонь подлѣ соломы. Не безопасно и тебѣ, монахъ, подлѣ однимъ съ собою кровомъ

держатъ жену-дѣвственницу. Положимъ, что надежда лучшихъ благъ разлучила между собою мужчину и женщину; но природа внутри себя скрываетъ еще тайный недугъ. Пока ты держишь себя вдали, въ тебѣ одна искра. Но какъ скоро сходишься вмѣстѣ, при дуновеніи малаго вѣтра воспламенишь пожаръ.

5.

Изъ смѣси блага и чернаго образуется сѣроватый цвѣтъ. Жизнь и смерть не имѣютъ между собою ничего средняго. А этихъ, какъ ихъ называютъ, сннизактовъ, не знаю, куда причислить? Признать ли, что они сопряжены бракомъ, или называть безбрачными, или оставить для нихъ какую-то средину? Но я (пусть говорятъ обо мнѣ худо) не похваляю сего. На свѣтѣ больше невоздержныхъ, и всякій, по собственной немощи, скорѣ въ подозрѣніи другихъ. Ты носишь на себѣ плоть, и живешь вмѣстѣ съ своей возлюбленною, которая также имѣетъ плоть. Чтѣ же, думаешь, заключать о тебѣ живущіе нечисто? Пусть ничего не скажутъ цѣломудренныя; но кто равнодушно будетъ слушать насмѣшки, разглашаемыя чернью? Бракъ—дѣло законное и честное. Но еще лучше плоти (и не мало лучше) свобода отъ плоти. А если, возлюбленные, есть кромѣ этого безбрачный бракъ; то вы будете жить въ сомнительномъ супружествѣ.

6.

Старайтесь, во-первыхъ, дѣйствительно быть цѣломудренными, а во-вторыхъ, не подавать даже и

подозрѣнія о чемъ либо гнусномъ. Ты чистъ; ты чище золота; однако же мнѣ больно видѣть, что тѣломъ и очами преданъ ты своей возлюбленной. Ты называешь ее возлюбленною; это—еще честное имя. Но увь, увь! чтобъ не было тутъ и нечистой любви! Ты говоришь: «ничего нѣтъ нечистаго». Такъ; вѣрю тебѣ. Но другимъ укажетъ это дорогу жить несвято съ женщинами. Когда и цѣломудренный мужчина живетъ съ цѣломудренною женщиною, онъ для нея тинная яма; говорю это мужчинамъ и женщинамъ, живущимъ вмѣстѣ безъ брака. Хотя и совѣсть чиста, однако же должно избѣгать злорѣчія. А языкъ всего готовѣе злорѣчить. Кто приставитъ пламеняющій мечъ къ моему раю? Кто дастъ стража великому дѣвству? Кто воспрепятствуетъ, чтобъ въ мой рай не взошелъ какой возлюбленный, чтобъ не прокрался туда языкъ завистливыхъ? Насмѣшка не щадитъ и святыхъ.

7.

Небесная, великосердая, свѣтозарная, высокоше-
ственная дѣва! ты, которая сопрестольна съ незнаю-
щими супружескихъ узъ и ведущими одинокую
жизнь Ангелами, памятуй о Богѣ, избѣгай же
стрѣлъ персти, и не посрамляй своей жизни, введя
къ себѣ попечителя мужчину!

8.

Какъ трудно при плотскомъ сближеніи избѣгать
плотскихъ возстаній! Поэтому, монахи, держите
себя дальше отъ женщинъ; потому что и много

такихъ тайнъ брака, которыми привлекаемый взоръ оскверняетъ душу.

9.

Дѣва, будь дѣвою и для постороннихъ взоровъ, и въ тайнѣ, и не вводи къ себѣ попечителя—мужчину. Твой возлюбленный—Христосъ. Съ презрѣніемъ смотри на всякаго мужа. На что тебѣ нужно внутри своего жилища имѣть смертоносный ядъ?—Слей очи съ очами; слово съ словомъ, но чистая съ чистымъ; послѣ этого украсимъ тебя вѣнцами цѣломудрія. Чистому свойственно не терпѣть при себѣ кумира неразумной персти; а при общежитіи мужчинъ и женщинъ болѣзнь не далеко.

10.

И мужамъ и женамъ, которые сближаются подъ именемъ возлюбленныхъ, скажу вотъ что: исчезните вы—язва для христіанъ, исчезните вы, старающіеся прикрыть неистовое влеченіе естества! и въ глазахъ есть нѣчто любодѣйное.

11.

Дѣва, все блюди въ чистотѣ, а всего наиболѣе очи! Не позволяй жить съ тобою въ домѣ помощнику мужчинѣ, даже и самому мудрому. Ты непорочна, но я очень боюсь зависти, боюсь, чтобъ она, уязвивъ тебя злорѣчіемъ, не истребила въ тебѣ чистой ревности къ той жизни, какую ты возлюбила. Прочь отъ меня тотъ, кто, хотя чтитъ непорочность, однако же беретъ къ себѣ въ домъ для жительства дѣву,—собесѣдницу безплотныхъ Ангеловъ! На что тебѣ нуженъ огонь? Ужели ты крѣпче огня? Какъ

избѣжишь дыма, очерняя себя недугомъ суетной говорливости? Дѣва, ты восхищена отсель, и живешь въ горнемъ. Забота о скудномъ пропитаніи и объ одеждѣ для тебя—бремя. Но ради ихъ не подвергай себя позору; и вмѣсто попечителя не принимай къ себѣ сообщника въ срамѣ и въ жизни, хотя ты и непорочна, чтобъ Христосъ не изгналъ тебя вонъ, какъ двоедушную.

12.

Бѣгай всякаго мужчины, особливо же синизакта: это горькая вода Мерры,—повѣрь мнѣ въ этомъ, дѣва. Хвалю цѣломудріе и цѣломудренныхъ. А эти возлюбленные и къ меду примѣшиваютъ (о зависть!) какую-то желчь. Больше хвалю двоеженца, нежели возлюбленнаго; потому что бракъ не позоръ; а синизактовъ не щадить отъ укоризны и камень.

13.

Монахи! ведите монашескую жизнь. Если же живете съ возлюбленными; вы не монахи. Вамъ не свойственно жить четюю. Образъ ангельской славы—одинокость. А если утѣшаетесь возлюбленными, то вы—любители смертной четы. Вѣрю, что ты чистый живешь съ чистою. Но если нынѣ и цѣломудренъ ты съ женщиною; то страшно объ утрешнемъ днѣ, чтобъ живущимъ для Христа и утѣшающимся возлюбленными не нанесъ какой вѣтеръ великихъ безпокойствъ. Въ возлюбленныхъ есть или огонь, или признаки огня. Бѣгайте наружнаго только цѣломудрія.

НА ЦѢЛОМУДРІЕ.

1.

Хорошо обязаться супружествомъ, только цѣломудренно, удѣляя большую часть Богу, а не плотскому союзу. Лучше остаться свободнымъ отъ узъ, все отдать Богу и горнимъ. Богъ не сопряженъ, Ангелы безплотны; а вещество сопряжено и исполнено тлѣнія. Вступившій въ супружество печется о супругѣ и о милыхъ дѣтяхъ; а у дѣвственниковъ все попеченіе о Христѣ. Если жена можетъ тебѣ дать то же, что и Богъ; то супружеская жизнь равна безбрачной. — А если не можетъ; то и между сими родами жизни нѣтъ равенства. Поэтому не укоряйте меня, родители, предпочитающіе супружество, а не чистоту; не унижаю супружества, но для себя избираю чистоту.

Но иные пали... Прочь отъ меня ты, который берешь въ примѣръ немощныхъ, а не совершенныхъ! Немощные дѣлаютъ стыдъ сами себѣ, а совершенные — наша слава. Неужели, боясь града, не воздѣлывать земли; не насаждать виноградной лозы? Море вводитъ ли въ пристань всякаго, кто отдается ему? Для чего мнѣ брать примѣры издалека? Сонмы Ангеловъ не увлеклись за падшимъ Денницей. Иуда сталъ убійцею Владыки, а прочіе Апостолы — Его слава. Ты не смотришь же на несчастія своего супружества, на обольщенія любодѣевъ, которые и предметъ твоей любви и родъ твой дѣлаютъ для тебя чуждыми.

Иди вверхъ; а зависть пусть остается внизу. Соблюдай во всемъ чистоту, дѣва, уневѣщенная единому Христу, храни красоту запечатлѣнною. Христость милостивъ, но и ревнивъ, не терпитъ ничего безобразнаго, ничего неблагоприличнаго. Въ одеждѣ лучшее убранство — неукрашенность. Избѣгай изнѣженности, будь скромна въ своихъ движеніяхъ, не привлекай на себя своими взорами моихъ взоровъ; соблюдай цѣломудріе въ поступи; проводи время въ уединеніи; замкни слухъ свой ключемъ; не позволяй любодѣйствовать смѣху; весьма много, если дозволишь себѣ и признакъ смѣха. Гнѣвъ, пьянство и бѣсъ—равно опасны дѣвамъ; а всего хуже пресыщеніе чрева. Красота пусть уступитъ молитвамъ и бдѣніямъ.

И брату не позволяй, безъ крайней нужды, жить вмѣстѣ съ тобою. Для чего имѣть предъ глазами, что воспламеняетъ болѣзнь? Ничто такъ не гнусно, какъ памятованіе только о перстномъ. Надежны для тебя, юная, только отецъ и Богъ; а прочіе да бѣгутъ отъ тебя, какъ нѣкогда звѣри отъ Синаи, когда на скрижаляхъ начертываемъ былъ Законъ. Принесенное въ даръ Богу и дѣва должны быть неприкосновенны не для однихъ оскверненныхъ, но и для взора всѣхъ.

И тѣлесныя нужды да не поработаютъ тебя совершенно. Если потребуется для тебя что нибудь, Богъ источитъ изъ чванца, и водоносъ замѣнитъ тебѣ воздѣланную ниву (3 Цар. 17, 12.). Многочисленный народъ насыщается пшеницею и ячменемъ: тѣмъ паче насытишься ты, предстоящая Богу.

Посему, имѣя пречистаго Жениха, Котораго кра-

сота безплотна, не сопрягайся съ другимъ. Онъ будетъ тебѣ не мужъ, а прелюбодѣй, восхищающій любимое у живаго Супруга. Ужели, посвятивъ сосудъ Богу, присвоишь его себѣ? Ужели, избѣгнувъ содомскаго огня, опять въ него возвратишься? Не отвердѣвай въ соленый камень. Ты болѣе, нежели вдова. Но и бракъ вдовицы не безвиненъ, если преступаетъ предѣлы чистоты. Чтò маловажнѣе золотого языка и одной дидрахмы? Но они, будучи похищены, погубили воинство (Ис. Нав. 7 , 21.). Взирай на сіе, дѣва, и повинуйся Богу.

2.

Всякая добродѣтель возводитъ праведника на одну степень выше. Кто не знаетъ брачнаго ложа, тотъ равенъ Ангеламъ. Кто подвизается въ воздержаніи, тотъ старается сравниться съ дѣвами. Кто соблюдаетъ супружескую вѣрность, тотъ сдѣлайся равенъ воздержному. Только подвизайтесь въ цѣломудріи, чтобы достигнуть высшихъ степеней.

НА ЛЮБОМУДРУЮ НИЩЕТУ.

1.

Ты и въ болѣзни весель, роскошествуешь, если только богатъ; чувствуешь, правда, зло, однако же есть у тебя и врачество отъ болѣзни. А другой бѣденъ, но воздерженъ. И онъ втрое блаженъ, потому что нѣтъ у него ни зла, ни врачества отъ зла. И я богатаго, но раболѣпствующаго страстямъ,

тогда развѣ предпочту нищему и мудрому, когда челоуѣка крѣпкаго силами, но помѣшаннаго въ умѣ, соглашусь предпочесть здоровому уму, хотя и худосильному.

2.

Пусть одинъ, имѣя у себя много врачевства противъ страданій, тяжело боленъ; а другой, не имѣя ни одного врачевства, весьма здоровъ: котораго изъ нихъ станешь ты ублажать? Очевидно, здороваго; а знаю, что то же скажетъ и всякій. Такъ и челоуѣка, который имѣетъ нужду въ немногомъ, хотя онъ и очень бѣденъ, предпочти богатому и деньгами и страстями.

НА ТЕРПѢНІЕ.

1.

Поелику ты нападаешь на меня страждущаго болѣзнію; то выслушай нѣсколько словъ, и прійми отъ меня урокъ. Мнѣ лучше изнемогать, нежели тебѣ быть въ силѣ. Я, который поставленъ очищать злонаправныхъ, знаю, что болѣзнь для меня очистительный огонь, хотя есть и высшая тайна страданій. Лучше такъ думать, нежели, оставаясь оскверненнымъ, въ суетной надменности сдѣлать себѣ какой нибудь вредъ. Но ты весьма худъ, и не сознаешь болѣзни. Чтобъ истребилась въ тебѣ эта болѣзнь, пока ты не умерь, она должна извлечь у тебя много слезъ предъ Богомъ. Ибо если свѣтъ таковъ; то какова будетъ тма?

2.

Когда встрѣчаешь человѣка, который худъ и благоденствуетъ; знай, что онъ блюдетъ для конца. А когда видишь добраго въ несчастіи; разумѣй, что скорбь служитъ очищеніемъ. Если и не много привлекъ онъ на себя нечистоты; то потребны труды стереть ее такъ, чтобы не осталось ничего годнаго къ сожженію. Или несчастія бываютъ также, по Божію попущенію, искушеніемъ и бранію отъ непріязненнаго. Въ этомъ да увѣрить тебя побѣдоносный Іовъ.

3.

Если, будучи несчастнымъ порожденіемъ грѣха, процвѣтаешь; то знай, что блюдешься для конечныхъ мученій. А если, будучи добродѣтельнымъ, получишь въ удѣлъ скорбную жизнь; то знай, что очищаешься, какъ золото въ горниль. Или если, какъ новый Іовъ, изнемогаешь тѣломъ въ борьбѣ съ завистникомъ; то для того, чтобы послѣ подвига получить тебѣ побѣдный вѣнецъ. Посему, и благоденствуя, не услаждай тѣмъ мысли, и въ горестяхъ, не упадай духомъ, все принимая съ Христоноснымъ сердцемъ. —

СЧАСТІЕ И БЛАГОРАЗУМІЕ.

Одинъ златолюбецъ гдѣ-то сказалъ: «желаю тебѣ лучше каплю счастія, нежели бочку ума». Но мудрецъ возразилъ ему: для меня лучше капля ума, нежели море счастія. —

ПРИСТРАСТІЕ.

321
 Всякое пристрастіе опасно. Пристрастіе къ любимому—двойная опасность. Пристрастіе къ молодой дѣвицѣ—тройное жало. Если же она прекрасна; то это—еще большее зло. И если представляется возможность супружества; то самая внутренность сердца стала пищею огня.

СМЕРТЬ ЛЮБЕЗНЫХЪ.

322
 Всякій гробъ возбуждаетъ горестъ. Гробъ сына—двойное горе; — сына съ добрыми качествами—такое бѣдствіе, которое палитъ какъ огонь. А если сынъ едва лишь сочелся бракомъ; то сердце родителей рвется на части.

НЕДОВРЫЕ ДРУЗЬЯ.

1.

Тяжело страдать, а еще тяжелѣе страдать отъ друзей. Если же друзья угрызаютъ тайно, то сіе нестерпимо; и если они вѣрующіе, — еще не стерпимѣе; а если Божіи служители, то куда обратиться тогда? какъ избѣжать стремленія золь?

2

Тяжело сносить огорченіе. А если оскорбляетъ другъ, — это низко. Если онъ угрызаетъ тайно,

— это звѣрско. И если это болтливая жена; то живешь въ одномъ домѣ съ бѣсомъ. И если это судія; то нужны громъ и молнія. А ежели священнослужитель; тогда Ты, о Христе, выслушай и *разсуди* *прч* (Псал. 42, 1).

О СМИРЕННОМУДРІИ, ЦѢЛОМУДРІИ И ВОЗДЕРЖАНІИ.

Отъ многихъ слышу, и желалъ бы сказать, что слышу не напрасно; но дѣло должно служить оправданіемъ слову, — слышу, что и тѣ, которые тщательнo наблюдаютъ каждый шагъ молодыхъ людей, почитаютъ тебя юношею боголюбивымъ, подающимъ добрые признаки благонравія; потому что, по половицѣ, левъ видѣнъ и по когтямъ; — слышу, что они отъ удовольствія сообщаютъ это другъ другу за чудо. Хорошо, если Промыслъ, все устрояющій во благое и желающій твоего преуспѣянія, такою мольбою пролагаетъ тебѣ путь къ дѣламъ, чтобы, предупрежденный добрымъ о себѣ мнѣніемъ, въ этой славлѣ имѣлъ ты для себя какъ бы нѣкоторый залогъ призванія къ благочестію! Но пусть, кто хочетъ, тотъ и дѣлаетъ о семъ догадки; а я, что слышу, съ того и начну рѣчь, именно же, что ты употребляешь стараніе прозрѣть душею въ горнюю высоту, и расторгнувь мглу, какая покрываетъ нашу здѣшнюю совершенно земную жизнь, устремивъ взоры выше, оставивъ за собою персть, свергнувь съ себя узмъ этого сложнаго, мучителя, возстающаго на образъ Божій, хочешь посвятить себя Богу.

Сіе одно и надобно почитать предметомъ изученія, первымъ и величайшимъ благомъ для людей. Ибо найдешь ли что подобное въ вещахъ влающихся дому, и въ другихъ игрушкахъ, которыми надмеваются люди, въ этихъ, какъ говорятъ, дарахъ времени и счастья, хотя бы собрались вмѣстѣ всѣ, и всѣмъ принадлежація блага, какія дѣйствительно есть, или почитаются благами въ скорбной жизни? найдешь ли столько выгодъ, хотя, по видимому, преступишь предѣлы? Положимъ, что имѣешь ты у себя, чѣмъ обладалъ, осыпанный золотомъ, Гигесъ, и, безмолвно властвуя, однимъ обращеніемъ перстня приводишь все въ движеніе. Положимъ, что рѣкою потечетъ къ тебѣ золото, что загордишься ты, какъ лидійскій царь, и что самъ персидскій Киръ, величающійся могуществомъ престоловъ, сядетъ ниже тебя. Положимъ, что пресловутыми ополченіями возьмешь ты Трою, что народы и города изваяютъ твой ликъ изъ мѣди, что однимъ мановеніемъ будешь приводить въ движеніе народныя собранія, что рѣчи твои удостоятся вѣнцевъ, что покажешь въ судахъ Демосееновъ духъ, что Ликургъ и Солонъ уступятъ тебѣ въ законодательствѣ. Пусть въ груди твоей живетъ Омирова Муза; пусть у тебя Платоновъ языкъ, который у людей почитается медоточивымъ, да и дѣйствительно таковъ! Положимъ, что ты опутываешь всѣхъ сильными возраженіями, какъ неизбежными и хитро закинутыми сѣтями. Положимъ, что ты все поставишь вверхъ дномъ, съ Аристотелемъ или съ какими нибудь новыми Пирронами соплетая понятія въ неисходные лабиринты. Положимъ, что тебя, окриленнаго, понесутъ вверхъ эти

баснословные (что бы они ни значили) Пегасъ или стрѣла Скиава Авариса. Все это, о чемъ я сказалъ, а также блистательное супружество, сибаритскій столъ, и все прочее, чѣмъ превозносится наша мысль, доставить ли тебѣ столько выгоды, сколько полезно поставить все сіе ниже себя, а имѣть въ виду достоинство души, знать: откуда она произошла, къ кому и куда должна возвратиться, и какое стремленіе сообразно въ ней съ разумомъ?

Поелику, какъ гадаю самъ и какъ слышу отъ мудрыхъ, душа есть Божественная нѣкая струя, и приходитъ къ намъ свыше или вся, или властитель и правитель ея—умъ: то у ней одно дѣло единственно естественное ей—парить горѣ, вступать въ общеніе съ Богомъ, непрестанно устремлять взоръ къ сродному, какъ можно менѣе порабощаясь немощамъ тѣла; ибо тѣло и само стремится къ землѣ, и душу влечетъ долу, вводитъ въ это пріятное скитаніе по предметамъ видимымъ, въ это омраченіе чувствъ, въ которомъ душа, не управляемая разумомъ, постепенно погружаясь, падаетъ ниже и ниже. Но если владѣетъ ею умъ, и часто, какъ уздою, сдерживаетъ словомъ; то, возвышаемая имъ, можетъ быть, вскорѣ достигнетъ ома священнаго горняго града, а наконецъ получить и желаемое ею издавна, то есть, прощедши всѣ завѣсы, всѣ нынѣшнія тѣни, всѣ здѣшнія гадація, всѣ отраженія красоты въ зеркалахъ, непокровеннымъ умомъ узреть непокровенное благо, каково оно само въ себѣ, и прекратить свое скитаніе, насыщенная свѣтомъ, котораго желала сподобиться, и возобладавъ тамъ высочайшею красою. Ибо Сотворившій все премудрымъ Словомъ,

чрезъ сраствореніе противоположностей Составив-
шій неизреченную гармонію вселенной, и Привед-
шій міръ сей изъ неустройства въ устройство, еще
большее чудо показалъ въ природѣ живаго существа.

Но я полюбоумдрствую съ тобою, начавъ слово
вѣсколько выше.

Богъ есть или умъ, или другая совершеннѣйшая
сущность, постигаемая напряженіями едиаго ума.
Богу извѣстно, совершенно ли постижимъ Онъ для
горнихъ умовъ; но не ясно постигается нами, надъ
которыми распростерто облако грубой плоти—этотъ
непріязненный покровъ. Столько знаемъ мы о Богѣ,
но больше узнаемъ въ послѣдствіи.

Поелику же начатки слова воздали мы Богу; то
посмотримъ теперъ, каково и то, что отъ Бога.

Двѣ здѣсь крайности, и двѣ противоположныя
природы. Одна близка къ Богу и досточестна: ее
именуютъ словесною и исполненною ума; наимено-
ваніе же это производится отъ Слова; и таковъ,
сколко извѣстно, чинъ существъ предстоящихъ Бо-
гу, верховныхъ и второстепенныхъ Ангеловъ, ко-
торый выше всего чувственнаго и тѣлеснаго, и пер-
вый озаряется начальственною Троицею. Другая при-
рода весьма далека отъ Бога и Слова; ее называютъ
безсловесною; потому что лишена слова, и скрыва-
ющагося въ звукъ, и изрекаемаго. Но Богъ-Слово,
какъ совершеннѣйшій Художникъ, различивъ сіи
природы, и премудро сопрягая тварь, созидаетъ и
меня—живое существо, сложенное изъ обѣихъ при-
родъ, сочетавъ во едино и слово и безсловесіе, то
есть, невидимую душу, въ которой ношу я образъ
всевышняго Бога, и видимое (*νοητόν*) тѣло. Таково

смѣшеніе этой досточестной твари, которую можно назвать новымъ міромъ, въ мірѣ маломъ — міромъ великимъ! И какъ Самъ Онъ преисполненъ свѣта и добра, то и мнѣ даровалъ нѣсколько добра; восхотѣлъ же, чтобъ оно было моимъ дѣломъ. А для сего показалъ мнѣ тогда же границы той и другой жизни, и опредѣлилъ ихъ словомъ, придалъ въ помощь твари законъ, поставилъ меня самопроизвольнымъ дѣлательемъ добра, чтобы борьбою и подвигомъ приобрѣлъ я вѣнецъ; потому что для меня это лучше, чѣмъ жить свободнымъ отъ ограниченій.

Таковъ законъ въ устройствѣ моего состава. Но онъ непрестанно возмущается многочисленными переворотами здѣшней жизни, порываемый туда и сюда, окруженный предметами, то зловредными, то благотворными, которыми онъ бѣдный разжигается и искушается, какъ золото на очистительныхъ угляхъ. А плоды посѣяннаго нами будутъ собраны въ послѣдствіи, на праведномъ судѣ Божіемъ; тамъ готовы точила — принять въ себя плодоношеніе жизни.

И посему-то, кто соблюдаетъ законъ, чтить частицу Божества, какую имѣетъ въ себѣ, во всякомъ дѣлѣ, словѣ и движеніи ума, сколько можно болѣе, чистъ отъ всего попираемаго, и не оскверняется ничѣмъ преходящимъ, а напротивъ того самую персть влечетъ съ собою къ небу; тотъ въ награду за труды (подлинно, самое великое и прѣмудрое таинство!) станетъ богомъ, и хотя богомъ по усыповленію, однако же исполненнымъ высшаго свѣта, начатки котораго пожиналъ онъ въ нѣкоторой мѣрѣ еще здѣсь.

А кто, преклонившись къ худшему въ своемъ со-

юзѣ и сочетаніи, оказавшись сообщникомъ дожняго, рабомъ плоти и другомъ скоротечнаго, оскорбляетъ жизнью своею Божественное благородство ; для того, сколько бы ни былъ онъ благоуспѣшенъ въ непостоянномъ, гордясь ничтожными сновидѣніями и тѣнями, обогащаясь, роскошествуя, превозносясь чинами, увы ! — для того тяжки тамошніе бичи , гдѣ первое изъ бѣдствій — быть отринутымъ отъ Бога.

И ты, слыша это и увѣрившись въ сказанномъ, шествуй правымъ путемъ, оставь же путь не добрый, если только послушаешься искренняго совѣтника (а я знаю, что лучше тебѣ послушаться), и пріймешь мое слово. Доброму совѣтнику, какъ говорить древніе, должно вооружиться тремя доспѣхами: опытностію, дружбою и смѣлостію ; а у меня, какъ найдешь, нѣтъ недостатка ни въ чемъ этомъ. Опытность простеръ я до такой степени, какая прилична человѣку, который долго трудился, не мало времени бесѣдовалъ съ писаніями мудрыхъ и съ письменами богодухновенныхъ ученій — этимъ сладкимъ источникомъ, доступнымъ только для цѣломудренныхъ, въ которомъ иное исчерпалъ я едва не до глубины. А что касается до сказаннаго мною во-вторыхъ, то есть, до благорасположенія ; въ этомъ есть самое сильное удостовѣреніе ; ибо тебѣ, любезнѣйшій, желаю того же, что прежде присовѣтовалъ себѣ, когда стеклись вмѣстѣ и размышленія и опасности бурнаго моря, соединившаго меня съ Богомъ ; такъ какъ страхъ нерѣдко бываетъ началомъ спасенія. Опытовъ же смѣлости лучше не видѣть тебѣ ни отъ меня, ни отъ людей, для тебя стороннихъ. Да ты и не увидишь ихъ, если слушаешься моихъ словъ ; по-

тому что будешь достоинъ похвалъ, а не укоризнъ. А по всему этому предай себя мнѣ, предай, говорю, а я передамъ тебя Богу, предавшійся Которому самъ будетъ въ приобрѣтеніи; потому что самъ Богъ дѣлается достояніемъ предающагося Ему. Достигнешь же истины, разсуждая такъ.

И у Еллиновъ есть мудрецы, впрочемъ не мудрые. Ибо можно ли назвать мудрыми тѣхъ, которые не познали высочайшаго естества—Бога, первой вины всѣхъ благъ; тогда какъ разумныхъ приводятъ къ Богу и природа и порядокъ всего видимаго и умосозерцаемаго? Можно ли назвать мудрыми тѣхъ, которые или вовсе изгнали изъ мысли Божество, или отринули Промысль, или положили Ему мѣру, чтобы Богъ, спасая, не утрудился? Одни изъ нихъ, взявъ въ наставники зрѣніе, вручили державу звѣздамъ, которыя намъ сослужебны, и такими вождями всего весьма худо были водимы сами. Другіе, испавъ еще глубже, стали поклоняться гнуснымъ животнымъ. Иные же въ тѣняхъ демоновъ и въ басняхъ нашли защитниковъ своимъ страстямъ, воздвигли памятники, достойные своего безумія, и капища—произведенія вещества и рукъ человѣческихъ. Кто жъ будетъ столько не мудръ, чтобы признать ихъ мудрыми?

Впрочемъ, если угодно, они были и мудры. Найдешь, что они были несогласны и далеки одинъ отъ другаго въ иныхъ ученіяхъ, а именно: въ понятіяхъ объ умосозерцаемомъ и видимомъ, о Божіемъ промыслѣ, объ идеяхъ, о судьбѣ, о безконечномъ веществѣ, объ устройствѣ тѣлъ, о душѣ, объ умѣ, объ обманчивости чувствъ. Отъ-сего произошли Стоики,—

эти надутые лица, Академіи, хитросплетенія Пирронистовъ, недоумѣнія и остановки надъ словами пустыми и произвольно составленными. Но не согласные въ этомъ, всѣ они равно и единодушно хвалятъ доброе, и ничего не ставятъ выше добродѣтели; хотя пріобрѣтается она множествомъ усилій, безчисленными трудами и продолжительнымъ временемъ. Упомяну для примѣра о нѣкоторыхъ, чтобы ты и отсюда могъ научиться добродѣтели, и съ терній, какъ говорятъ, собирая розы, и у невѣрныхъ учась совершенству.

Кто не слыхалъ о сивопскомъ псѣ (а)? Онъ (не говорю о другихъ его дѣлахъ) велъ такую дешевую и умѣренную жизнь (и въ этомъ самъ себя былъ законодателемъ, а не Божій хранилъ законъ, и не какими нибудь водился надеждами), что имѣлъ у себя одну собственность — палку, и домомъ служила ему подъ открытымъ небомъ катающаяся среди города бочка, укрывавшая его отъ нападенія вѣтровъ; и ее предпочиталъ онъ златоверхимъ чертогамъ. Пищу же составляло для него то, что безъ труда можно было взять и не готовя. Подобно и Кратесъ, преодолевъ въ себѣ привязанность къ деньгамъ, и всѣ свои владѣнія, какъ способствующія пороку и плотоугодію, оставивъ въ заустѣніи, взошелъ на ступени жертвенника, и поелику служеніе любостыжательности признавалъ рабствомъ, какъ бы среди Олимпіи, громогласно произнесъ сіи удивительныя и всѣми повторяемыя слова: Кратесъ даетъ свободу

(а) Діогенъ.

Фивянину Кратесу.» О немъ же (впрочемъ нѣкоторые приписываютъ сіе другому философу (б) подобнаго образа мыслей) рассказываютъ, что во время плаванія, когда свирѣпла буря, а корабль обремененъ былъ грузомъ, охотно побросалъ онъ въ глубину свое имущество, сказавъ притомъ сіи достопамятныя слова: «Благодарю тебя, случай, наставникъ мой въ совершенствѣ; какъ удобно сокращаюсь до плаща!» Одинъ уступилъ имѣніе свое роднымъ; а другой, превзойдя и это, какъ нѣчто чело-вѣческое, и въ одинъ кусокъ золота обративъ все, что у него было, пускается въ море, и тамъ отдаетъ глубинѣ это обольщеніе тщеславія, разсуждая, что другихъ не должно ссужать тѣмъ, что не хорошо для себя. Я хвалю и за сіе. Одинъ изъ старинныхъ псовъ (в), пришедши къ царю, просилъ у него пищи, или дѣйствительно имѣя въ ней нужду, или желая испытать царя; и когда царь, или въ знакъ чести, или тоже для испытанія, охотно велѣлъ дать ему талантъ золота, онъ не отрекся взять, но получивъ, тутъ же въ глазахъ давшаго, на весь талантъ купилъ одинъ хлѣбъ, и сказалъ: «вотъ въ чемъ имѣлъ я нужду, а не въ гордости, которой не укусишь!» Это почти сходно и съ моими законами, которые окрыляютъ меня подражать жизни и природѣ птицъ, довольствуясь однодневною и несѣянною пищею, и вмѣстѣ съ лиліями, пышно облеченными красотою, обѣщаютъ мнѣ покровъ изъ безыскусственныхъ тканей, если буду устремлять взоръ къ единому великому Богу.

(б) Антистоу или Зенону. (в) Циниковъ.

Но если мнѣ должно точнѣ испытать дѣла сихъ мудрецовъ, чтобы рассказы мои не оказались напрасными ; то скажу, что сіи читатели нестяжательности и жизни свободной, отрѣшенной отъ всѣхъ узъ, во-первыхъ, невѣрными путями стремились къ совершенству. Въ нихъ больше было хвастовства, нежели любви къ добру ; а иначе для чего были бы нужны алтари и провозглашенія ? Во-вторыхъ, они отказывались отъ чревоугодія, потому что избѣгали не пресыщенія богатствомъ , а заботъ и трудовъ пріобрѣтать его ; между тѣмъ иногда и скудость обращали въ поводъ къ сластолюбію. Это доказываютъ ячменные хлѣбы, брошенные ради пирога съ кунжутами, и стихи изъ трагедіи , особливо одинъ сказанный при семъ весьма кстати : «чужестранецъ, уступи мѣсто господамъ» (г). То же доказываетъ и цикорій— пища бѣдныхъ, обильный даръ земли, скрывающійся изъ среды сладостей. Но у насъ сдѣланное на показъ—даже и не въ числѣ добродѣтелей ; у насъ первое правило , чтобы лѣвая рука не знала ясно движеній правой.

Если воздержаніе свидѣтельствуетъ о божественной жизни ; прекрасенъ Клеанѳовъ колодезь, прекрасна Сократова скудная жизнь. Но какъ и гнусно многое ! Напримѣръ эти Хармиды и покровъ изъ плащей, подъ которымъ сей доблестный мужъ (подлинно это божественно !) бесѣдовалъ съ юношами ; потому что одни красивые даровиты ! Никто не

(г) Стихъ изъ Еврипида, призмѣненный Діогеномъ къ ячменнымъ хлѣбамъ и пирогамъ съ кунжутами.

уловляй добродѣтели чрезъ плотскую любовь — да погибнуть такія разсужденія! Не сходятся предѣлы Мидянь и Лидянь. Похвалить ли кто поступокъ Алкмеона? Одинъ изъ первыхъ между знаменитыми Лейніанами, отличный и родомъ и могуществомъ, столько предался онъ жадности къ деньгамъ, сколько надлежало бы ему быть выше этой страсти. Крезъ много разъ принималъ его у себя радушно; и однажды показывая ему всѣ свои золотыя сокровища, и какъ владѣтель ихъ, гордясь своимъ счастьемъ, велѣлъ взять себѣ золотой пыли, сколько можетъ захватить. Тогда Алкмеонъ (подивись его неумѣренности!) наполнилъ золотомъ и пазуху и ротъ, даже волосы покрывъ золотою пылью, вышелъ къ Лидянамъ достойнымъ смѣха богачемъ. А что такое Платонъ, этотъ мудрѣйшій изъ людей! Что такое Аристиппъ, разумью этого пресладкаго Аристиппа? Что этотъ, какъ думаю, обворожительный Спевзиппъ. Одинъ велъ жизнь неудачнаго торгаша, и для прибыли, переносилъ морскіе труды, возя масло. Можетъ быть, за это не назовешь еще его ненасытнымъ, но припишешь иное и бѣдности. Но Платону пресмыкаться у царскихъ столовъ — гдѣ тутъ ученость и честные труды? Не стану говорить о томъ, какъ продавали его съ торга, и не сбыли бы съ рукъ, если бы не нашелся одинъ Ливіанинъ, который оказался лучше Платоновой Еллады, и за малую цѣну купилъ себѣ славу и ученость Платонову. А у этого Киринейца много было открытости; однако же къ свободѣ примѣшивалъ онъ сластолюбіе, и вредилъ добродѣтели горькимъ своимъ ученіемъ. Умощенный благовоніями, задушалъ ими

своихъ сопиршественниковъ ; а любезностію нрава и говорливостію пользовался онъ какъ средствомъ къ полученію подарковъ. Такъ мудрый Архелай, не знаю для чего и за что, подарилъ ему однажды женскую одежду. Платонъ не принялъ такого подарка, сказавъ на этотъ случай стихъ изъ Еврипида : « мнѣ не надѣтъ на себя женской одежды. » Но Аристиппъ, какъ скоро подарокъ принесенъ былъ къ нему и достался въ его руки, съ охотой беретъ его и сказанный Платономъ стихъ остроумно отражаетъ другимъ стихомъ, произнеся : « цѣломудренная и на бакханаліяхъ не утратитъ своего цѣломудрія. » Этотъ же самый Архелай, какъ рассказываютъ, когда Софоклу хотѣлось получить отъ него какую-то вещь, отдалъ ее мудрѣйшему Еврипиду, и при этомъ сказалъ : « ты мнѣ кажешься достойнымъ того, чтобъ у меня просить ; а Еврипидъ достоинъ получить », — чѣмъ и далъ разумѣть, сколько превосходитъ нравъ благородный.

Но Лизимаховъ сынъ, который далъ Еллинамъ законы о податяхъ, и притомъ былъ изъ первыхъ, какъ въ народныхъ собраніяхъ, такъ и въ военныхъ дѣлахъ, до того оказался нестяжательнымъ, что городъ, на свои деньги выдавъ за-мужъ его дочерей, почтилъ тѣмъ прекрасную нищету, и самого похоронилъ также на общественныя деньги ; потому что у него не нашлось, чѣмъ похорониться ; не говорю уже о томъ, что по дѣламъ своимъ имѣлъ онъ и имя, одинъ изъ всѣхъ и былъ, и наименованъ правдивымъ. А чтобъ утвердиться не на древнихъ только примѣрахъ, не умолчу и о добродѣтеляхъ Римлянъ. Фабрицій, одержавъ надъ Пирромъ побѣду въ битвѣ

(а это былъ одинъ изъ вождей весьма знаменитыхъ), еще болѣе восторжествовалъ надъ нимъ въ слѣдующемъ. Поелику надежда Пирра рушилась; то онъ пытался подкупить римскаго военачальника нѣсколькими талантами золота. Фабрицій не принялъ золота; однако же заключилъ перемиріе. Когда же Пирръ, какъ сказываютъ, во время дружескаго съ нимъ разговора, показалъ ему во всемъ вооруженіи одного самаго огромнаго и великорослаго слона; Фабрицій, который дотолѣ не зналъ даже слоновъ и по виду, не испугался явившагося нечаянно слоновьяго хобота, но спокойно сказалъ: «меня не плѣнило золото, не возметъ и звѣрь». Сего довольно; и то превзошло бы мѣру, что могъ бы еще сказать иный презритель любостяжанія.

Поэтому не одобряй недобрыхъ правилъ въ старыхъ книгахъ, которыми ты, добрый мой, воскормленъ. Напримѣръ: «Пусть называютъ меня худымъ за то, что получаю прибыль; это лучше, нежели, чтя законы боговъ, жить нищимъ, домогаясь тѣмъ славы». «Не трудись отыскивать родъ: мое благородство — кусокъ». «Деньги у людей всего почтеннѣе. Никто такъ не жалокъ, какъ нищій.» «Безъ мѣди и Фебъ не прорицаетъ». «Ни одинъ человекъ не бываетъ во всѣхъ отношеніяхъ счастливъ; но или хорошаго рода, да ѣсть ему нечего; или и низкаго рода, да воздѣлываетъ богатое поле». Но ты назовешь ли несчастнымъ того, кто, хотя и бѣденъ, однако же добрыми нравами богатѣе многихъ? Подлинно несчастенъ человекъ, который разсуждаетъ такъ худо. Поэтому бѣгай этихъ правилъ и

341

тѣхъ, которые изрекли ихъ ; а равно бѣгай и всего, что найдешь подобнаго въ книгахъ.

Но одобрай слѣдующія мудрыя изреченія : «Если отъ худаго дѣла получаешь прибыль, считай это залогомъ несчастія». « Не во всемъ ищи выгодъ. » « Не стыди самъ себя ». « Неправедными мѣрами добиваться успѣха—дѣло не безъ страха». « Не говори мнѣ о Плутусѣ ; не уважаю такого бога , котораго и самый порочный легко привлекалъ на свою сторону ». «Этотъ человѣкъ бѣденъ ; но богатъ добрыми нравами». « Для меня лучше мудрецъ—нищій, нежели Мидасъ—порочный ». По моему мнѣнію, Феогнидъ говоритъ совершенный вздоръ, когда стремнины и пропасти предпочитаетъ скудной жизни, и предписываетъ Кирну худыя правила о приобрѣтеніи имущества. Какъ и ты, Омиръ, столько приписываешь непостоянной вещи, что въ одномъ мѣствѣ своихъ стихотвореній говоришь : « добродѣтель идетъ слѣдомъ за богатствомъ ? » Развѣ скажешь : я не то выразилъ, что думаю самъ, но сказалъ сіе въ насмѣшку имѣющимъ такую жалкую мысль. Ибо въ этомъ Одиссеѣ, который, претерпѣвъ многочисленныя бѣдствія, спасся изъ моря, нагимъ скитальцемъ предсталъ царицѣ, и словомъ своимъ внушилъ къ себѣ уваженіе дѣвъ, самымъ Феакіянамъ показался достойнымъ вниманія, въ этомъ, говорю, Одиссеѣ не видимъ ли явной похвалы добродѣтели ? Хвалю и фригійскую басню ; какъ она прекрасна ! Мидасу, который просилъ, чтобы все у него было полно золотомъ, Богъ въ наказаніе за неумѣренность, даетъ исполненіе желаемаго. Но золота ѣсть нельзя ; и для кого стало все золотомъ, тотъ умеръ съ голода.

Но что мнѣ до чужихъ басней и нравоученій? Посмотри теперь и на мои законы. Отъ перваго блага веду я свой родъ. Отъ него произошелъ, и къ нему окрыляю жизнь, стараясь разрѣшиться отъ узъ. А такъ называемое у дольнихъ людей благородство, которое ведетъ начало отъ тѣла и тлѣнія, отъ блистательныхъ и давно согнившихъ мертвецовъ, ничѣмъ не благороднѣе текучей грязи. И отечество тѣлесное не свободно; оно обременено податями, беспорядочно пересѣчено морскими заливами, окружено лѣсами, непрестанно мѣняетъ жалкихъ своихъ обитателей, попеременно бываетъ и матерью и гробомъ своихъ порожденій, сокрушаетъ тѣхъ, которые раздирали его нѣдра, — какое наказаніе, подлинно наказаніе за вкушеніе и обольщеніе прародителя! Но въ томъ отечествѣ, котораго, вмѣсто земнаго, ищутъ себѣ мудрые, на которое взирая, и здѣсь уже не влаемса, подобно былинкѣ носимой по водамъ, — въ этомъ отечествѣ обширны предѣлы, величественны обитатели; оно составляетъ вѣчное достояніе своихъ обитателей, оно мать живыхъ, оно свободно отъ трудовъ, — это ликъ немолчно пѣснословящихъ великаго Христа, торжество первородныхъ написанныхъ на небесахъ и въ вѣчныхъ книгахъ. Превозношу также и славу, отложенную мнѣ въ горняхъ, сіи праведныя вѣсы, это неживѣйшее благо! А здѣшняя слава — вѣтеръ, ничтожная милость ничтожныхъ. Если она и справедлива, то ничего не прибавляетъ. А если не истинна, обращается даже во вредъ; ибо то самое, что сталъ я видимымъ, многое отняло у того, чѣмъ я самъ въ себѣ. А богатство здѣшнее скоротечно и упоительно; оно слѣпо,

переходить отъ одного къ другому, многихъ надмеваетъ, и напрасно старается черпать счастье,— это то же, что—надменіе чрева въ водяной болѣзни; оно другимъ сообщаетъ болѣзнетворный ядъ. Но у меня есть богатство, которое неистоичимо и постоянно, твердо и непоколебимо, выше всѣхъ утратъ; и это богатство—ничѣмъ не обладать кромѣ Бога и горняго.—Никто не приобрѣтетъ и не приобрѣталъ еще доселѣ всего, хотя бы и желалъ; но можно все вдругъ презрѣть и такимъ образомъ стать выше всего. Пусть иные строятъ полки вооруженныхъ, и больше терпятъ, нежели причиняютъ, золь, то низлагая другихъ, то оплакивая неизвѣстность рѣшительныхъ минутъ, то сражаясь безъ потерь и успѣха, то кровію покупая какое нибудь бремя богатства или могущество самовластия; пусть иные несчастные искатели прибытка измѣряютъ нѣдра земли и неукротимаго моря, пусть иные за малые дары намѣренно извращаютъ судъ и даютъ обоюдные законы! А я обмѣнилъ все на единого Христа, и бѣдный крестъ несу богато, отринувъ, что служить добычею моли и зависить отъ игры счастья.

Хотя первымъ закономъ Христовымъ для человѣка было первоначальное наслажденіе; однако же Эдемъ, и рай цвѣтуцій древами, и источникъ раздѣленный на четыре начала—не золото, не плектръ, не серебро, не пріятность доброцвѣтныхъ и прозрачныхъ камней, какіе даетъ земля преклонившимся долу; напротивъ того Эдемъ одними плодами питалъ обильно того, кто былъ дѣлателемъ Бога и божественнаго наслажденія. И здѣсь положенъ былъ предѣлъ удовольствію, приведенному въ мѣру. Законъ удалялъ

отъ древа познанія противоположностей, и не соблюденный лишилъ меня всего, предалъ бѣдствіямъ матери моей земли. Одно же изъ сихъ бѣдствій—имѣть у себя болѣе необходимаго, не знать никакой мѣры въ приобрѣтеніи, врачевствомъ отъ худаго избирая худшее, и разгорая себя питьемъ, тѣмъ больше чувствовать жажды. А отъ сего, смотри, какая бываетъ несообразность! Всегда считаемъ себя бѣдными, стараясь прибрѣсти, чего еще недостаетъ у насъ; а въ прибрѣтенномъ не можемъ найти для себя утѣшенія, потому что сердце мучится о томъ, чего нѣтъ.

Посему первый законъ—жить умѣренно; но есть и второй. Авраама патріарха, боговидца, великаго мужа, домостроитель высочайшихъ таинствъ, отвлекши отъ дома, отъ рода, отъ отечества, легко перевелъ въ землю чуждую странникомъ, пресельникомъ, бездомнымъ, скитающимся;—его влекла въра въ исполненіе большихъ надеждъ. А Иаковъ, когда идетъ въ Месопотамію, проситъ себѣ, какъ говоритъ Писаніе, только хлѣба и покрова (Быт. 28, 20); хотя въ послѣдствіи возвращается съ многочисленными стадами, прибрѣтя ихъ въ справедливую награду за труды. Къ сказанному мною хорошо будетъ присокупить и сіе. Моисей, который на-единѣ бесѣдовалъ съ Богомъ внутри облака, пріялъ на скрижаляхъ двоякій законъ, и по оному правилъ великимъ народомъ, при раздѣлѣ данной уже Богомъ земли, инымъ колѣнамъ отмѣрилъ тотъ или другой участокъ въ землѣ еще чуждой, однимъ только сынамъ Левіи не удѣлилъ жребія; потому что ихъ наслѣдіемъ былъ самъ державный Богъ (Числ. 18, 20).

321
 А Ионадавъ, который умѣлъ, точно умѣлъ любомудрствовать, хотя нищета и не считалась еще тогда въ числѣ чудесъ, преподавая однажды дѣтямъ урокъ нестяжательности и высокой жизни, произнесъ слѣдующее слово, приличное самому доброму отцу: «Оставляю вамъ, дѣти, самое великое наслѣдіе, какого не давалъ еще дѣтямъ ни одинъ отецъ, даже и самый богатый. Убѣгайте всякаго наслѣдія, ведите свободную жизнь, не связывая себя никакими узами, живите въ кущахъ, то есть въ подвижныхъ домахъ. Пусть иной разсѣкаетъ нѣдра земли, а иной, кого веселитъ вино, насаждаетъ виноградъ; но вы не пейте вина, храните воздержную жизнь. Таковую ведя жизнь, будете жить безопасно» (Іер. 35, 6. 7). Таковъ былъ Ионадавъ! — Гдѣ же дадимъ мѣсто Іліи, котораго великій Кармилъ питалъ чрезъ врановъ и изъ потока въ землѣ жаждущей? Онъ былъ нищъ и послѣдній изъ нищихъ, но предъ царями останавливаетъ дожди и глубины потоковъ, низводитъ съ неба огонь на враговъ и на жертвы, капли скудной пищи обращаетъ для вдовицъ въ неизсякаемый потокъ, будучи скуденъ богато питаетъ питающихъ, воскрешаетъ мертвецовъ въ награду за гостепріимный кровъ, и вземлетъ на небо на огненной колесницѣ. А Елисево наслѣдіе — Іліина благодать и съ высоты ниспадающая милость! И освященный до чревоношенія — какое чудо! Безъ сомнѣнія, знаешь великаго Самуила. Его матерняя молитва привела къ Богу, и (если не слишкомъ смѣло будетъ сказать о немъ такъ) онъ обладалъ уже Богомъ, будучи посвященъ Ему съ младенчества. Кто между ветхимъ и новымъ Божиимъ завѣтомъ, какъ между тѣнью и дѣйствитель-

нымъ тѣломъ, составляя среду, замыкая собою одинъ и отверзая входъ другому? Кто сей великій свѣтильникъ, предтекшій горнему Свѣту? Кто первый между рожденными, чему свидѣтель — Богъ? Кто жилъ въ пустынѣ, имѣлъ необычайную пищу, и одежду изъ верблюжьихъ волосовъ подпоясывалъ кожаныи ремнемъ? Мое слово изобразило Юанна, который не позволялъ имѣть у себя и двухъ рубищъ. А что сказалъ бы иной о Павлѣ, который ремесломъ своимъ доставалъ себѣ пропитаніе, или о Петрѣ, который питался одними лупинами? Что сказать о сихъ великихъ Апостолахъ, которые вовлекли весь міръ въ Божіи мрежи, чьи руки изливали бѣднымъ обильное богатство щедрыхъ даровъ? А другіе Апостолы, когда призваны были Богомъ къ лучшей ловитвѣ, оставили роднымъ своимъ рыболовные корабли; потому что привлекло ихъ совершеннѣйшее ученіе Христа, Который есть высочайшій умъ и первое естество ума, но обнищалъ до грубости плоти, и поставляя нищихъ провозвѣстниками слова, единую вѣру далъ въ спутники не имѣющимъ у себя ни одежды, ни мѣди, ни сумы, ни обуви, но во всемъ нуждающимся, повѣряя имъ тайну цѣлой новой вселенной, не дозволилъ имѣть даже жезла въ рукахъ, чтобы вѣра составляла могущество слова. Но выслушай важнѣйшее. Юношѣ, который желалъ знать, какъ можно достигнуть совершенства, Христосъ поставляетъ верхъ совершенства не въ иномъ чемъ, но въ томъ, чтобы расточить все бѣднымъ, всегда нести на раменахъ великій крестъ, и умерши для дольнаго, за Христомъ слѣдовать тому, кто хочетъ вознестись съ Богомъ. Такъ

Своимъ пришествіемъ усовершенствуетъ Христосъ и мытарей, которые охотно приносятъ все въ даръ Богу; въ чемъ да убѣдить тебя Закхей, который, худо обогатившись, чрезъ милосердіе къ бѣднымъ и обиженнымъ отъ него обогащается нищетою, и очищается отъ скверны. Довольно сего объ имуществахъ.

А примѣровъ воздержанія не много у древнихъ мудрецовъ и еллинскихъ и варварскихъ; ибо и у варваровъ добродѣтель была въ уваженіи. Какіе же примѣры есть у нихъ, и въ какомъ числѣ, нужно ли о семъ писать, когда это всѣмъ открыто и извѣстно? Выслушай слѣдующія мѣста изъ мудрой трагедіи: «Учись держать чрево въ крѣпкой уздѣ; оно одно не воздастъ благодарности за оказанныя ему благодѣянія.» «Въ пресыщеніи Киприда; а въ голодныхъ ея нѣтъ». «Одебелѣвшее чрево не родитъ тонкой мысли.» «Наполни мѣшокъ свой сотами, или ячменной мукой; ничѣмъ не будетъ это разниться во внутренностяхъ чрева». «Что за пріятность черпать дыравою бочкой?» «Ненасытное чрево открыло пути для кораблей; оно научило людей съ неистовствомъ вооружаться другъ противъ друга.» А о томъ, что всѣ дорогія снѣди у сластолюбцевъ тонуть, какъ въ безднѣ, и дѣлаются уже не снѣдами, но чѣмъ-то приготовленнымъ въ самомъ негодномъ помойномъ сосудѣ, справедливо говорить въ одномъ мѣстѣ превосходный Керкидъ, который, самъ питаюсь солью, съ презрѣніемъ смотритъ на кончину роскошныхъ и на горечь самой роскоши. Кто же не похвалитъ сказавшаго сластолюбивому юношѣ: «перестань налагать на себя новыя цѣпи, и не раздражай хищнаго звѣря»? Каковъ и этотъ обычай по-

чтенныхъ Стоиковъ, какъ бы къ кому-то постороннему, обращаться къ своему тѣлу съ такими рѣчами: «Чѣмъ я тебѣ долженъ, жалкій мѣшокъ? Дать ли тебѣ ѣсть? много съ тебя, если дамъ и хлѣба въ скудость. Дать ли пить?—дадимъ тебѣ воды и уксусу. Но ты не этого у меня просишь, а сладкихъ и сытныхъ снѣдей, дорогихъ напитковъ изъ кристалльныхъ сосудовъ? Со всей охотой дадимъ тебѣ, но только удавку?»—И это не лучше ли извѣстной у древнихъ изнѣженности Сарданапала, Нинова сына, который, обилуя богатствомъ и разстроивъ себя сластолюбіемъ, для продолжительности наслажденія желалъ себѣ горла длиннѣе журавлинаго?

О божественный Давидъ! когда тебѣ хотѣлось утолить жажду изъ колодезя въ землѣ иноплеменниковъ, и питіе было добыто; поелику нѣкоторые послужили твоему желанію, пожертвовавъ кровію и чрезъ ратоборство, ты, взявъ воду въ руки, вылилъ ее, и не согласился насытить своего желанія злостраданіями другихъ (2 Цар. 23, 15—17). А если словесная пища есть хлѣбъ ангельскій, потому что не тѣло питаетъ безтѣлесную природу; то сколько у насъ такихъ, которые живутъ ангельскою жизнію, соблюдая въ себѣ (и то не охотно, ради Божія только повелѣнія) едва малія искры жизни земной? Ибо должно оставаться въ узахъ, пока не разрѣшитъ Богъ. Не стану представлять примѣровъ изъ книгъ и притомъ ветхозавѣтныхъ, какъ иные, чрезъ тѣлесныя очищенія оживившись, и какъ бы освободившись отъ тѣлъ, цѣлыя, и даже многіе, дни не вкушали пищи, не боялись огненнаго прещенія и львиныхъ челюстей, только бы въ землѣ чуждей не

прикасаться къ пищѣ, оскверненной по повелѣнію варваровъ.

Но послѣ того, какъ врагъ, приразившись ко Христу, отступилъ отъ мужественной плоти, побѣжденный сорокодневнымъ невкушеніемъ пищи; къ большому посрамленію преткнувшася въ семь опытъ, данъ законъ о вождѣлнномъ истощаніи въ подвигахъ. Какое мудрое противоборство! Какія безкровныя и божественныя жертвы! Цѣлый міръ священнодѣйствуетъ Владыкѣ; не тельцовъ и овновъ закаляютъ, какъ предписывалось ветхимъ закономъ, не какое либо внѣшнее совершаютъ приношеніе несовершеннаго (потому что все безсловесное недостаточно), но каждый изнуряетъ самъ себя воздержнымъ вкушеніемъ пищи, наслаждаясь—подлинно новый способъ наслажденія!—наслаждаясь тѣмъ, что не знаетъ наслажденій. Всякій старается очистить самого себя въ храмъ Богу всеночными бдѣніями, и псалмопѣніями, преселеніями ума къ великому Уму. Въ той только мѣрѣ живутъ въ тѣняхъ и призракахъ, въ какой и въ видимомъ могутъ уловлять сокровенное. Отъ-сего одни, наложивъ желѣзныя узы на грубую плоть, смирили ея продерзость; другіе, заключившись во мракъ, въ тѣсныя жилища, или въ разсѣлины дикихъ утесовъ, остановили вредоносность блуждающихъ чувствъ; иные, чтобы избѣжать звѣрскаго грѣха, отдали себя пустынямъ и дебрямъ, жилищамъ звѣрей, отказавшись отъ общенія съ людьми, и зная тотъ одинъ міръ, который у нихъ предъ глазами. А иный привлекаетъ къ себѣ Божіе милосердіе вретисцемъ, пепломъ, слезами, возлежаніемъ на голой землѣ, стояніемъ въ продолженіе многихъ

дней и ночей, даже цѣлыхъ мѣсяцовъ (а сказалъ бы я), и лѣтъ, но сіе покажется невѣроятнымъ; впрочемъ весьма вѣроятно это для меня и для тѣхъ, которые бывали самовидцами чуда; ибо вѣра и страхъ Божій, заранѣе восхитивъ умъ изъ тѣла, содѣлывали ихъ неколебимыми столпами. Ты услышишь и о необыкновенной приправѣ пищи и питія — о пеплѣ смѣшанномъ со слезами. А иныхъ ревность привела къ путямъ, никѣмъ еще дотолѣ не проложеннымъ: они живутъ вовсе безъ хлѣба и воды, что, кажется мнѣ, препобѣждаетъ и законы естества.

Каково это? Ужели станешь еще дивиться двѣмъ, дочерямъ Льва, которыя съ радостію отдали себя на погибель за Аѳины? Или усердному пожертвованію Менекея, умирающаго для спасенія города Фивъ? Или славному скачку съ высоты мудреца Клеомвота для разлученія съ тѣломъ; ибо, убѣдившись ученіемъ Платона о душѣ, воспламенился онъ желаніемъ разрѣшиться отъ тѣла? Или укажешь на Епиктетову голень, которую скорѣе могли у него переломить, нежели исторгнуть насиліемъ рабское слово? Ибо этотъ мужъ имѣлъ, точно имѣлъ, какъ говорятъ, рабское тѣло, но свободный нравъ. Или представишь, какъ у Анаксарха толкли руки въ ступѣ, а онъ, будто не находясь при этомъ, приказывалъ сильнѣе выколачивать его мѣшокъ; потому что самъ онъ, то есть невидимый Анаксархъ, былъ не сокрушимъ? Или упомянешь о Сократовой чашѣ съ цикутой — этомъ необыкновенномъ напиткѣ, выпитомъ съ такою пріятностію? Ты хвалишь все сіе; хвалю также и я. Но въ какой мѣрѣ? Въ неизбѣжныхъ бѣдствіяхъ были они мужественны; ибо не вижу, какимъ

бы образомъ спаслись отъ нихъ, хотя бы и захотѣли.

Перейди же отсюда къ божественной борьбѣ моихъ подвижниковъ; и ты, услышавъ или припомнивъ о нихъ, прійдешь въ ужасъ. Съ какими безчисленными опасностями возростили досточтимое и новое таинство Христово мы, удостоившіеся именоваться отъ Христова имени! Зависть многократно воспламеняла противъ насъ многихъ враговъ и гонителей слова—этихъ дышащихъ яростію, свирѣпыхъ звѣрей. Но мы никогда не уступали господствующей силѣ времени. Напротивъ того, если и оказывалось сколько нибудь безопасности во время мира, если и оказывался кто худымъ въ чемъ другомъ, то въ этомъ всё были укрѣплены Богомъ, горя пламенною ревностію, выдерживали дерзость враговъ, побѣждаемые со славою. Никто не ищетъ спасенія съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ шли мы на сіи прекрасныя опасности. Иной, какъ забаву, встрѣчалъ огонь, мечъ, земныя пропасти, голодъ, удушеніе, кровожадныхъ звѣрей, растягиваніе и вывертываніе составовъ, избоденіе очей, жженіе, расторженіе, терзаніе членовъ, холодъ, погруженіе въ глубину или во мракъ, сверженіе съ высоты, продолжительное зрѣніе разнообразныхъ мученій; а послѣднее (говорю это знающимъ) хуже всѣхъ злостраданій; потому что, когда страданіе доведено до крайней его степени, тогда прекращается уже страхъ; непрестанно же ожидать — значитъ непрестанно страдать, и вмѣсто одной смерти умирать многими мучительными смертями. Не стану говорить объ изгнаніяхъ, объ отнятіи имущества, о томъ, что надобно терпѣть сіе въ глазахъ мужей, женъ,

товарищей, дѣтей, друзей, что самаго мужественнаго дѣлаетъ малодушнымъ. И за что терпѣть? Можетъ быть, за одинъ слогъ. Что говорю: за слогъ? За одно мановеніе, которое, послуживъ знакомъ отреченія, могло бы спасти, хотя ко вреду. Короче сказать: мы стояли за Бога; а предавшій Бога не можетъ уже найти другаго. Но къ чему распространяться? Возведи очи своя окрестъ, обозри цѣлую вселенную, которую объяло теперь спасительное Слово, привязавшее насъ къ Богу, и соединившееся съ нами чрезъ страданія,—соединеніе дивное и превысшее въ Божіихъ законахъ! Сію-то вселенную, всю почти, осіявають, какъ звѣзды, открытыми алтарями, высоковерхими престолами, ученіями, собраніями, стеченіями цѣлыхъ семействъ, пѣснопѣніями достойными подвиговъ, осіявають сіи достославные побѣдоносцы Закланнаго. И такъ велико благоговѣніе къ истинѣ, что малая часть праха, какой либо останокъ давнихъ костей, небольшая часть волосъ, отрывки одежды, одинъ признакъ капель крови, иногда достаточны къ чествованію цѣлаго мученика; даже мѣсту мощей дается наименованіе: *святыхъ мощи*, и оно получаетъ равную силу, какъ бы находился въ немъ цѣлый мученикъ. Чудное дѣло! Думаю, что одно воспоминаніе спасаетъ. Что еще сказать о невѣроятномъ избавленіи отъ болѣзней и отъ демоновъ при гробницахъ, которыя удостоились нѣкогда вмѣщать въ себѣ драгоценныя мощи? И онѣ отражаютъ нападенія духовъ. Таковы чудеса моихъ подвижниковъ!

Хвали же ты мнѣ Пису и делфійскій прахъ, Немею и истмійскую сосну, у которыхъ несчастные юноши

находили свою славу, полагая малыя награды и за подвиги малые, за кулачный бой, за борьбу, за скорость бѣга и скачки, въ чемъ не важно и побѣдить и остаться побѣжденнымъ; потому что наградою не Богъ, и не спасеніе, какъ по моимъ законамъ и за мои борьбы приобрѣтаются горняя слава и горніе вѣнцы.

Ты видѣлъ примѣры мужества, которымъ всего лучше и спасительнѣе подражать въ ежедневной борьбѣ съ гонителемъ, который изъ глубины и тайно низлагаетъ насъ посредствомъ обольщенныхъ чувствъ; теперь посмотри и на примѣры особенно похваляемаго у насъ цѣломудрія.

Есть, дѣйствительно есть и у Еллиновъ любители цѣломудрія; они бывали въ древности, а найдутся и нынѣ; не отказываюсь вѣрить тому, что разглашаютъ о нихъ; у меня нѣтъ зависти, что и чуждые намъ цѣломудренны. О Ксенократѣ сказываютъ, что однажды, искушая его, подсунули ночью къ сонному блудницу; почувствовавъ это, не былъ онъ пораженъ необычайностію оскорбленія, но также не всталъ и не подумалъ бѣжать; то и другое было низко для Ксенократа. Напротивъ того онъ остался недвижимъ и неуязвимъ, такъ что женщина, бросившись бѣжать, закричала: «для чего насмѣялись надо мной, положивъ рядомъ съ мертвецомъ?»—Епикуръ, хотя усиливался доказать, что удовольствіе есть награда за подвиги добродѣтели, и что наслажденіе есть конецъ всѣхъ благъ для человѣка, однако же, чтобы не подать мысли, будто для какого-то удовольствія хвалить удовольствіе, велъ онъ себя благопристойно и цѣломудренно, чтобы подкрѣпить

ученіе свое добрыми нравами. Не умолчу и о Полемонѣ; такъ какъ очень много говорятъ объ этомъ чудѣ. Прежде былъ онъ не изъ цѣломудренныхъ, а даже изъ гнусныхъ служителей сластолюбія; но когда объятъ сталъ любовію къ добродѣтели, нашедъ добраго совѣтника (не знаю, кто это былъ, мудрецъ ли какой, или самъ онъ), вдругъ оказался великимъ побѣдителемъ страстей. И я представлю одно только доказательство чудной его жизни. Одинъ невоздержный юноша приглашалъ къ себѣ свою пріятельницу. Она, какъ рассказываютъ, подошла уже къ дверямъ; но на дверяхъ изображенъ былъ Полемонъ; и его образъ имѣлъ такой почтенный видъ, что развратница, увидѣвъ его, тотчасъ ушла назадъ, пораженная симъ видѣніемъ, и устыдившись написаннаго, какъ будто живаго. И это происшествіе, сколько знаю, пересказываютъ многіе. У Діона (разумѣю Зрн того Діона, который былъ въ большой славѣ) не очень пріятно, говорятъ, пахло изо рта, и одинъ изъ городскихъ жителей посмѣялся этому. Діонъ, какъ скоро свидѣлся съ женой своей, говоритъ ей: «что же не сказала ты мнѣ о болѣзни моей?» Но жена съ клятвою отвѣчала: «я думала, что это недостатокъ всякаго мужчины, а не твой только.» Такъ далеко держала она себя отъ всѣхъ мужчинъ и пріятельницъ; потому что отвѣтъ сей—ясное доказательство честныхъ нравовъ: Кто не хвалитъ и Александра за то, что, имѣя у себя во власти дочерей побѣжденнаго имъ Дарія и слыша, что онѣ прекрасны (д),

(д) Въ изданіи Библия недостаетъ слѣдующаго стиха:
εις δεσφιν ονκ ιδεισται, ειςαι γαρ κληρον.

не захотѣлъ ихъ видѣть изъ опасенія, потому что стыдно было бы побѣдителю мужей уступить надъ собою побѣду двѣмъ. Хотя это не близко еще къ моимъ образцамъ; однако же хвалю. А почему? Потому что весьма пріятно видѣть бѣлое лице между Египтянами, или сладкую струю среди моря; а равно весьма удивительно при худыхъ и зловредныхъ правилахъ найти нѣчто цѣломудренное.

Гдѣ самыя божества преданы страстямъ, тамъ покорствовать страсти, безъ сомнѣнія, почитается дѣломъ честнымъ. Ибо кто поставляетъ своимъ богомъ страсть, пользуясь худымъ помощникомъ въ худомъ дѣлѣ? У кого, скажи мнѣ, видимъ примѣры несчастливой любви? Надобно же было, чтобы ваши боги имѣли какое нибудь преимущество. У кого фригійскіе юноши и участвуютъ въ пиршествѣ, и въ развратномъ видѣ подаютъ сладкій нектаръ? Но стыжусь обнаруживать Діевы тайны. Чьи любодѣянія, чьи нарушенія супружеской вѣрности составляютъ для созванныхъ срамное зрѣлище, возбуждающее смѣхъ? Какъ женщины дѣлаютъ изъ Діа все, и быка, и молнію, и лебедя, и человѣка, и звѣря, и золото, и змія? — Таковы любовныя превращенія Діа—этого начинщика и совѣтника всѣхъ худыхъ дѣлъ! Кто царицу сластолюбія почитаетъ богиней? Кто воздвигаетъ жертвенники и храмы страстямъ? У кого ночи, подлинно достойныя ночи, набожно чувствуются символами безчестныхъ дѣлъ? У кого Ионфалы и Фалы со смѣхомъ присовокупляютъ къ кумирамъ новаго бога, о которомъ стыдно и говорить? У кого Гермафродиты, Паны — это срамное чоколѣніе, эти боги съ козлиными ногами, а по нра-

вамъ козлы? У нихъ и дѣвы на свадьбахъ пляшутъ; имъ надобно, чтобы къ браку присоединилось нѣчто противное браку. У нихъ пригожія выдаютъ за мужъ непригожихъ, принося въ приданое за ними приобретенное блудно; и сіи неблагопристойности совершаются въ честь одного изъ демоновъ, чтобы челоуѣколюбивое дѣло не оставалось вовсе безстыднымъ дѣломъ. Отъ того позорныя дѣла пользуются свободой; блудилища, цѣна блуда, поруганіе чести у нихъ законны. А мудрецы ихъ изображаютъ Афродиту въ видѣ своихъ любовницъ, чтобы такую выдумкою доставить послѣднимъ божескія почести. И Фидій на перстѣ богини дѣвы, въ память своего безстыдства, пишетъ: у прекраснаго всего достаточно (е). Отъ сего наравнѣ съ мужественными и воинскими подвигами удостоивается у нихъ блистательныхъ живописныхъ изображеній, рукоплеканій и описаній и эта студодѣйная красота. Смотри, сколько блудницъ почтены у нихъ храмами и признаны богинями. Евфоро, Фрина, Лезна—въ образѣ звѣря; потому что и ея имя было чтимо среди храмовъ. А эту пресловутую повелительницу Еллады, родившуюся въ Иккарахъ, срамную развратницу Лаису, и многихъ другихъ не удостою и слова.

Посему ты, добрый мой, какъ умѣющій узнавать доброту серебра, заимствуй у нихъ, что хорошо, и отбрасывай, что не сдѣлаетъ тебя лучшимъ: но слѣдуй всѣмъ нашимъ наставленіямъ, слѣдуй примѣ-

(е) Πάντ' ἀρκεί καλῶ, что можно читать какъ и имя: прекрасному Пандарку.

рамъ мужей и женъ цѣломудренныхъ , у которыхъ учитель — упованіе и Богъ , которые своею жизнію пишутъ лучшіе законы, нежели какіе пишетъ рука. Когда другіе именуютъ прелюбодѣвіе порокомъ и наказываютъ по законамъ ; мы требуемъ еще большаго, запрещаая и смотрѣть безстыдно и похотливо, почитая за одно и содѣянный грѣхъ и причину грѣха, какъ на примѣръ : и убійство и гнѣвъ, отъ котораго бываетъ убійство, клятвопреступленіе и готовность къ клятвѣ. Не дозволяя всего того, безъ чего не можетъ быть грѣхъ , мы избѣгаемъ и самаго худшаго.

Такъ у меня безопасно цѣломудріе. Отъ-того у меня многочисленъ ликъ дѣвъ, подражающихъ жизни безплотныхъ Ангеловъ и самому Богу, Который одинъ сожителствуетъ съ ними. Къ чему же это ведетъ ? Къ тому, что всякій стремится къ будущей жизни, желаетъ преселиться отсюда, освободившись отъ узъ и законовъ супружескихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ пришелъ ко мнѣ Христосъ — Сынъ Матери-Дѣвы, творитъ Онъ меня дѣвственникомъ по новымъ законамъ. Поелику вступилъ я въ жизнь, и связанный скоротечностію и тлѣніемъ принужденъ знать скоротечное и подлежащее тлѣнію, чтобы изъ видимаго и блуждающаго научиться лучшему ; то съ радостію возвожу образъ къ Богу посредствомъ свободной и несвязанной жизни, не оставивъ здѣсь и слѣда своей кожи , но презрѣвъ ее, какъ иные презираютъ какой нибудь другой надутый мѣхъ, всецѣло стремлюсь къ всецѣлому Богу, имѣя искренними спутниками многихъ другихъ, которые, взирая на единую чаемую жизнь, принесли въ даръ

подателю всяческихъ Богу не власы и не имѣніе, но первое изъ всего принадлежащаго намъ—чистоту и безплотность. Это сонмы новыхъ назореевъ, исполненные и сіяющіе тѣми внутренними лѣпотами, какіи чтуть дѣвственники до крови. Что могъ бы я сказать тебѣ о какой нибудь Феклѣ, или о всѣхъ тѣхъ, которыя, чтобы соблюсти красоту свою запечатлѣнною для Бога, смѣло шли на опасности? Не то ли одно, что всегда и всякому было очень извѣстно? Видишь неусыпныя псалмопѣнія Богу мужей и женъ, забывшихъ свою природу, столь многочисленныхъ, столь высокихъ по жизни и обожившихся? Видишь два лика Ангеловъ, то согласно, то противогласно, и горѣ и долу, пѣснословящіе Божіе величіе и естество? Такъ долженъ ты чтить чистоту, имѣя столько побужденій и образцевъ; взирая на нихъ, очисти себя самого, чтобы принять тебѣ отъ Бога законы.

Хотя все изображенное въ словѣ требуетъ твоего благоразумія (ибо безъ благоразумія возможно ли что похвальное?); однако же первое и важнѣйшее для тебя—познать Бога и искренно чтить Его словомъ и дѣломъ; потому что для всѣхъ одинъ и тотъ же источникъ, одно спасеніе. Богъ умосозерцаемъ для иныхъ, хотя нѣсколько; однако же никто не изречетъ, и ни отъ кого нельзя услышать, что Онъ такое, хотя иной и слишкомъ былъ увѣренъ, что знаетъ сіе. Ибо къ каждой мысли о Богѣ всегда, какъ мгла, примѣшивается нѣчто мое и видимое. Какимъ же образомъ проникну эту мглу и вступлю въ общеніе съ Богомъ, чтобы, не трудясь уже болѣе, обладать и быть увѣрену, что обладаю

тѣмъ, что давно желалъ приобрести? Самое пагубное дѣло—не чтить Бога и не знать, что Онъ — первая вина всяческихъ, отъ которой все произошло и пребываетъ соблюдаемое по неизреченному чину и закону; но представлять себя знающимъ, что такое Богъ, есть поврежденіе ума; это то же, что, увидѣвъ въ водѣ солнечную тѣнь, думать, будто бы видишь самое солнце, или поразившись красотой преддверія, воображать, будто бы видѣлъ самого владыку внутреннихъ чертоговъ. — Хотя одинъ и премудрѣ нѣсколько другаго, поколику привлекъ къ себѣ болѣе лучей свѣта, потому что больше всматривался; однако же всѣ мы ниже Божія величія; потому что Бога покрываетъ свѣтъ, и закроевъ Его — тма. Кто разсѣчетъ мракъ, тотъ осіявается второю преградю вышшаго свѣта. Но проникнуть двойный покровъ весьма не легко. Того, Кто все наполняетъ и Самъ выше всего, Кто умудряетъ умъ и избѣгаетъ порывовъ ума, увлекая меня на новую высоту тѣмъ самымъ, что непрестанно отъ меня ускользаетъ, — сего Бога особенно содержи въ умѣ и чествуй, доказывая любовь свою ревностію къ заповѣдямъ. Но не вездѣ и не всегда должно изыскивать, что Онъ такое, и не передъ всякимъ удобно изрекать о семъ слово. Иное скажи о Богѣ, впрочемъ со страхомъ; а иное пусть остается внутри, и безмолвно чтимое чествуется втайнѣ однимъ умомъ; для инаго же отверзай только слухъ, если преподается слово; ибо лучше подвергать опасности слухъ, нежели языкъ. О прочемъ же будемъ молить, чтобы узнать сіе ясно, отрѣшившись отъ дебелости плоти; а теперь, сколько можно, будемъ очищать себя и обновляться

свѣтлою жизнію. Такъ примешь въ себя умосозерцаемаго Бога; ибо несомнѣнно то, что Богъ Самъ приходитъ къ чистому; потому что обителію чистаго бываетъ только чистый. Умозаключенія же мало ведутъ къ вѣдѣнію Бога; ибо всякому понятію есть другое противоположное; а мое ученіе не терпитъ на все удобопреклонной вѣры. Весьма важно держаться сказаннаго: кто возлюбилъ, тотъ будетъ возлюбленъ; а кто возлюбленъ, въ томъ обитаетъ Богъ (Іоан. 14, 21. 23). А въ комъ Богъ, тому не возможно не сподобиться свѣта; первое же преимущество свѣта—познавать самый свѣтъ. Такъ любовь доставляетъ вѣдѣніе. Такой путь къ истинѣ лучше уважаемаго многими путями ума и его тонкостей.

А что можетъ быть изречено, откроемъ сіе. Безначальный, Начало, Духъ—досточтимая Троица. Безвиновный, Рожденный, Исходящій, и первый—Отецъ, второй—Сынъ и Слово, третій не Сынъ, но Духъ единыя сущности—единный въ трехъ Богъ и общее поклоненіе. Ими разрѣшаюсь отъ смертнаго состава. И ты будь поклонникомъ Ихъ, соблюдай Ихъ въ себѣ, отринувъ всякую нечистоту жизни дольней, честною жизнію, истиннымъ ученіемъ и ненавистію къ вымысламъ; и вчиняйся въ горная. И я желалъ бы, чтобы ты сталъ богатѣе меня и сподобился большаго дерзновенія.

НА ГНѢВЛИВОСТЬ.

Сержусь на домашняго бѣса, на гнѣвливость, и мнѣ кажется, что этотъ одинъ гнѣвъ справедливъ, если уже надобно потерпѣть что нибудь изъ обычнаго людямъ. И какъ, принося плодъ достойный слова—молчаніе (а), положилъ уже я словомъ преграды клятвѣ, и совершенно знаю, что изъ многихъ корней, отъ которыхъ прозябаетъ это зло—клятва, самый дикій и черный есть гнѣвъ; то, при помощи Божіей, постараюсь истребить и его, подрѣзавъ, сколько можно, остріемъ слова. Но прежде всего прошу не гнѣваться на слово; ибо эта болѣзнь столько неудержима, что часто одна тѣнь ожесточаетъ насъ противъ самыхъ искреннихъ нашихъ совѣтниковъ. А мнѣ, вѣроятно, когда берусь говорить о такомъ сильномъ злѣ, надобно будетъ употребить не мягкія слова. Когда огонь клокочетъ, клубяся яримъ пламенемъ, перекидывается съ мѣста на мѣсто, послѣ многократныхъ прираженій зажигаетъ, течетъ вверхъ съ живымъ стремленіемъ, и что ни встрѣчаетъ на пути, все съ жадностію себѣ присвоаетъ; тогда надобно угашать его силою, бросая въ него воду и пыль. Или когда нужно истребить звѣря—страшилище темныхъ лѣсовъ, который реветъ, мечетъ огонь изъ глазъ, обливается пѣной, любитъ битвы, убійства, пораженія; тогда окружаютъ его

(а) Изъ сего и подобнаго сему выраженія, встрѣчающагося въ концѣ сего стихотворенія, заключить должно, что стихотвореніе сіе, равно какъ и другое: *На часто клянущихся*, писаны, когда св. Григорій хранилъ безмолвіе во время поста.

псарями, поражаютъ копьями и изъ пращей. Такъ, можетъ быть, и я, при помощи Божіей, одолѣю этотъ недугъ, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлаю его менѣе жестокимъ. А для меня не маловажно и это, то есть, и малое ослабленіе великаго зла; какъ не маловажно это и для всякаго обремененнаго тяжкою болѣзнію.

Вникнемъ же въ недугъ сей нѣсколько глубже: что онъ такое? отъ-чего бываетъ? и какъ отъ него оберегаться? Заглянемъ въ разсужденія древнихъ мужей, которые углублялись въ природу вещей.

Иные называютъ изступленіе воскипѣніемъ крови около сердца. Это тѣ, которые болѣзнь сію приписываютъ тѣлу, какъ отъ тѣла же производятъ другіе и большую часть страстей. А иные называли гнѣвливость желаніемъ мщенія, приписывая порокъ сей душѣ, а не тѣлу; и желаніе это, если устремляется наружу, есть *гнѣвъ*, а если остается внутри и строить зло, есть *злопамятство*. Признававшіе же болѣзнь сію чѣмъ-то сложнымъ, и потому славившіе и самое понятіе оной, говорили, что она есть воскипѣніе крови, но имѣетъ причину въ пожеланіи. Теперь не мѣсто входить въ разсужденіе, справедливо ли сіе; впрочемъ очень извѣстно, что умъ—во всемъ властелинъ. Его и Господь далъ намъ поборникомъ противъ страстей. Какъ домъ укрываетъ отъ града, какъ въ стѣнахъ находятъ убѣжище спасающіеся съ битвы, и кустарникъ служитъ опорю на крутизнахъ и надъ пропастями, такъ разсудокъ спасаетъ насъ во время раздраженія.

Какъ скоро покажется только дымъ того, что разжигаетъ твои мысли; то, прежде нежели возгорится огонь и раздуется пламень, едва почувствуешь въ

себѣ движеніе духа, привергнись немедленно къ Богу, и помысливъ, что Онъ — твой покровитель и свидѣтель твоихъ движеній, стыдомъ и страхомъ сдерживай стремительность недуга, пока болѣзнь внимаетъ еще увѣщаніямъ. Воззови тотчасъ словами учениковъ: «Наставникъ, меня окружаетъ страшное волненіе; отряси сонъ» (Лук. 8, 24)! И ты отразишь отъ себя раздражительность, пока владѣешь еще разсудкомъ и мыслями (ибо ихъ прежде всего подавить въ тебѣ эта болѣзнь); пока она, какъ не терпящій узды конь, не перегрызла удила, и не помчалась быстро, оставляя за собою дорогу, холмы и ѡвраги, и гнѣвливіостію омрачивъ путеводныя очи. Разуму легче управить тѣмъ, кто не выступилъ изъ подчиненія, нежели удержать насиліемъ того, кто восхитилъ уже надъ нимъ власть. Такой, разгорая самъ себя, не остановится, пока не низринетъ всадника съ высоты разсудка.

Послѣ сего разсмотри, въ какой стыдъ приводитъ гнѣвъ жестоко имъ поражаемаго. Болѣзни другаго рода тайны; таковы: любовь, зависть, скорбь, злая ненависть. Нѣкоторые изъ этихъ недуговъ или вовсе не обнаруживаются, или обнаруживаются мало, и болѣзнь остается скрытою внутри. Иногда сама скорбь изноетъ въ глубинѣ сердца, нежели сдѣлается замѣтною для постороннихъ. А и то уже выгода, если бѣда сокрыта въ тайнѣ. Но гнѣвливістьъ—явное и совершенно обнаженное зло, это вывѣска, которая, противъ воли тѣла сама себя показываетъ. Если видалъ ты уловленныхъ этою страстію; то вполне знаешь, что говорю, и что хочеть изобразить мое слово. Передъ разсерженными надлежало бы ставить

зеркало, чтобы, смотря въ него и смиряясь мыслию предъ безмолвнымъ обвинителемъ ихъ страсти, сколько нибудь сокращали чрезъ это свою наглость. Или пусть будетъ для тебя этимъ зеркаломъ самъ оскорбитель твой. Въ немъ, если достанетъ охоты посмотрѣть, увидишь ты самъ себя; ибо у страждущихъ одною болѣзнію и припадки одинаковы. Глаза налиты кровью и искошены, волосы оцетинились, борода мокра, щеки у одного блѣдны, какъ у мертвого, у другаго багровы, а у инаго какъ свинцовыя (и это, думаю, отъ того, что такъ бываетъ угодно расписать человѣка этому неистовому и злому живописцу), шея напряжена, жилы напряжены, рѣчь перерывистая и вмѣстѣ скорая, дыханіе, какъ у бѣснующагося, скрежетъ зубовъ отвратителенъ, носъ расширенъ и выражаетъ совершенное презорство, всплескиванія рукъ, топотъ ногъ, наклоненія головы, быстрые повороты тѣла, смѣхъ, потъ, утомленіе (и кто жъ утомляетъ? никто кромѣ бѣса), киванья вверхъ и внизъ не сопровождаются словомъ, скулы раздуты и издають какой-то звукъ, какъ гумно; рука, стуча пальцами, грозитъ. И это только начало тревоги. Какое же слово изобразить, что бываетъ послѣ того? Оскорбленія, толчки, неблагоприличія, лживыя клятвы, щедря изліянія языка клокущаго, подобно морю, когда оно покрываетъ пѣною утесы. Одно называетъ худымъ, другаго желаетъ, инымъ обременяется, и все это тотчасъ забывается. Негодуетъ на присутствующихъ, если они спокойны; требуетъ, чтобы все съ нимъ было въ волненіи. Проситъ себѣ громовъ, бросаетъ молніи, недоволенъ самымъ небомъ за то, что оно непо-

движно. Одно злое дѣло приводитъ уже въ исполненіе, другимъ насыщаетъ свои мысли; потому что представляетъ все то сдѣланнымъ, чего хочется. Мысленно убиваетъ, преслѣдуетъ, предаетъ сожженію, но что изъ этого сдѣлаетъ? Такъ слѣпа и суетна его горячность! У него—безгласенъ, безсиленъ, погонщикъ воловъ, кто у насъ недавно былъ витіей, Милономъ, царемъ. Самъ ты безроденъ и нищій, а того, кто благороденъ и богатъ, называешь не имѣющимъ рода и бѣднякомъ. Самъ ты—поруганіе человѣчества, а тому, кто цвѣтъ красоты, приписываешь рабскій видъ. Самъ о себѣ не можешь сказать: кто ты, и откуда, а человѣка прославленнаго именуешь безславнымъ.

Не знаю, плакать или смѣяться надъ тѣмъ, что дѣлается. Гнѣвъ все, даже и небывалое, обращаетъ себѣ въ оружіе. Это—обезьяна, и дѣлается Тифеемъ, вертитъ рукою, ломаетъ пальцы, ищетъ холма или вершины Этны, чтобъ силою руки своей издали вергнуть въ непріятеля вмѣстѣ и стрѣлу и гробъ. Какой огонь, или какой градъ остановитъ продерзость? Если пращи словъ истожились; то приводятся въ дѣйствіе руки, начинаются рукопашный бой, драки, насиліе. Тотъ одерживаетъ верхъ надъ противникомъ, кто наиболѣе несчастенъ и препобѣжденъ; потому что одержать верхъ въ худомъ называю поражениемъ. Не бѣсъ ли это? Даже и больше бѣса, если исключить одно паденіе; но случалось видѣть и паденія возмущенныхъ гнѣвомъ, когда они увлекаются порывомъ духа. Не явное ли это отчужденіе отъ Бога? Да и что же иное? Потому что Богъ кротокъ и снисходителенъ; не хорошо преда-

вать поруганію Божій образъ, а на мѣсто его ставить неизвѣстный кумиръ!

Не такъ страшно для насъ разстройство ума; не такъ страшны тѣлесныя болѣзни. Эти недуги, хотя жестоки, и мучать меня, пока продолжаются, потому что всякая настоящая болѣзнь страждущему кажется тягостнѣе всѣхъ другихъ болѣзней, но дѣлають насъ несчастными не по собственному нашему изволенію; они болѣе достойны сожалѣнія, нежели проклятія. Изъ золъ явное зло менѣе опасно; вреднѣе же то, котораго не признають зломъ. Пьянство есть зло. И кто будетъ спорить, чтобы оно не было зломъ? Даже зло произвольное. Предающіеся пьянству знаютъ, чему оно бываетъ причиною; и однако же предаются ему, очевидно, сами дѣлаясь виновниками зла. Но тамъ самое тяжкое послѣдствіе зла, что сдѣлаешься смѣшнымъ; и одинъ сонъ вскорѣ прекратитъ сіе зло. Но скажи: какое другое зло хуже преступившей мѣру гнѣвливости? И есть ли отъ этого какое врачевство?

Въ иныхъ болѣзняхъ прекрасное врачевство—мысль о Богѣ. А гнѣвливость, какъ скоро однажды преступила мѣру, прежде всего заграждаетъ двери Богу. Самое воспоминаніе о Богѣ увеличиваетъ зло; потому что разгнѣванный готовъ оскорбить и Бога. Видалъ я иногда, и камни, и прахъ, и укоризненное слово (какое ужасное умозступленіе!), были бросаемы и въ Того, Котораго нигдѣ, никто и никакъ не можетъ уловить; законы отлагались въ сторону; другъ не узнавъ; и врагъ, и отецъ, и жена, и сродники—все уравнено однимъ стремленіемъ и одного потока. А если кто станетъ напротивъ; то

на себя привлечетъ гнѣвъ, какъ звѣря, выманиваемаго шумомъ. И защитникъ другихъ самъ имѣетъ уже нужду въ защитникахъ.

Такими разсужденіями всего болѣе преодолювай свой гнѣвъ; и если ты благоразуменъ, то не потребуется для тебя большаго. А если для умягченія твоего сердца нужна продолжительнѣйшая пѣснь; то посмотри на жизнь тѣхъ, которые, и въ древнія и въ послѣднія времена, своими добрыми нравами приобрѣли дерзновеніе предъ Богомъ. Въ чемъ первоначально, или преимущественно упражнялись наиболѣе угодившіе Богу? Этотъ Моисей и Ааронъ, возлюбленнѣйшіе Богомъ, Давидъ, Самуилъ, а гораздо послѣ нихъ и Петръ? Моисей съ Аарономъ, хотя Египетъ, поражаемый многими казнями, не вразумлялся, щадили однако же Фараонову дерзость, пока оскорбители, не умѣвшіе уважить долготерпѣнія, въ наученіе всѣмъ уважать его, не были погружены въ водахъ; потому что справедливѣе было презрѣть дерзкаго, а не кроткаго. Хвалю Самуила! Ему трудно было однажды перенести обиду, когда Саулъ разодралъ у него ризу; однако же, умоляемый о прощеніи, немедленно простилъ онъ вину (1 Цар. 15, 27—31). Чтò же можетъ быть снисходительнѣе этого? Припомни о Давидѣ и о тѣхъ бряцаніяхъ, которыми избавлялъ онъ Саула отъ лукаваго духа. Когда же нашелъ царя неблагодарнымъ, спасаясь бѣгствомъ и скитаясь для сохраненія жизни; пощадилъ онъ Саула, который преданъ былъ въ его руки, хотя (какъ знаете вы это) едва спасся самъ. А знакомъ того, что Саулъ былъ въ его власти, служили отрѣзанная часть ризы (1 Цар.

24, 5) и похищенный сосудъ отъ шлема (б) (1 Цар. 26, 12). Что сказать о томъ, какъ Давидъ терпѣлъ отцеубійцу-сына, незаконно домогавшагося власти? Онъ ѡплакиваетъ его умершаго и взываетъ къ нему со слезами и воплемъ, возвѣстившаго же о несчастіи гонить, принявъ какъ врага, а не добраго вѣстника; потому что природа воиѣла громче обвиненій, и бралась защитить виновнаго, такъ что Давидъ, опротивѣвъ чрезъ это войску, едва не лишился державы (2 Цар. 19, 7). И что еще? Не терпѣлъ ли онъ и оскорбителя Семея, который желалъ ему зла вмѣсто славнаго возвращенія (2 Цар. 16, 5—13)? Но дивлюсь и мудрому Петру, когда великодушно и весьма мужественно перенесъ прекрасное дерзновеніе Павлово, въ такомъ городѣ и при такомъ множествѣ читателей и учениковъ Слова обличаемый въ томъ, что не открыто раздѣлялъ трапезу съ язычниками (Гал. 2, 11—13), хотя Петръ думалъ доставить тѣмъ пользу ученію; потому что единственнымъ его побужденіемъ были страхъ Божій и просвѣщеніе словомъ проповѣди. Не умолчу и о прекрасной добродѣтели Стефана, въ которомъ вижу начатокъ мучениковъ и жертвъ. Онъ былъ замѣтанъ камнями; но и во время побіенія (не чудно ли это?) слышанъ былъ гласъ его, изрекавшій прощеніе убійцамъ, и какъ о благодѣтеляхъ возносившій о нихъ молитву къ Богу (Дѣян. 7, 60). Не явное ли это уподобленіе Богу? Не отпечатлѣніе ли

(б) У Седмидесяти читается: *φαιός τῆ ὕδατος* (сосудъ водный); у св. Григорія: *φαιός τῆ κρῖνου*.

въ себѣ страданій и ученій Того, Кто, будучи Богъ и Владыка молній, какъ агнецъ безгласный веденъ былъ на заколеніе, потерпѣлъ столько заплеваній и заушеній, когда милосердіе Его испыталъ Малхъ даже на своемъ извленномъ ухѣ, — и не возопіялъ, чтобы показать и привести въ исполненіе Свою власть, не воспрекословилъ ни въ чемъ, не сокрушилъ сокрушеннаго грѣхомъ; но хотя грозитъ угасить легкій пламень мысли, однако же щадитъ какъ милосердый, чтобы кротостію покорить Себѣ сродное? Столько имѣешь высокихъ примѣровъ въ твоёмъ Владыкѣ! Сравни же съ Его страданіями, что терпишь ты. Хотя бы ты все перенесъ; и тогда недостанетъ еще многого, если будешь судить о страданіяхъ, принявъ во вниманіе достоинство страждущаго.

Для насъ достаточно и сихъ благородныхъ уроковъ, то есть, законовъ, начертанныхъ на скрижаляхъ, и нравовъ, предписанныхъ на горѣ. Должно ли же къ этому присовокуплять что нибудь нечистое? Ни мало не будетъ худо и съ худаго собрать что нибудь хорошее и любезное. Иныхъ и много опередить не очень похвально; за то какъ худо, если они опередятъ тебя многимъ! Поэтому упомяну и объ язычникахъ, впрочемъ кратко.

Стагирскій философъ хотѣлъ ударить одного человѣка, котораго онъ засталъ въ постыдномъ и худомъ дѣлѣ: но какъ скоро почувствовалъ, что въ него самого вступилъ гнѣвъ; борясь со страстію какъ со врагомъ, остановился, и помолчавъ не долго, сказалъ (подлинно мудрое слово!): « Необыкновенное твое счастье, что защищаетъ тебя мой гнѣвъ.

А если бы не онъ; ты пошелъ бы отъ меня битымъ. Теперь же стыдно было бы мнѣ худому ударить худаго и, когда самъ я побѣжденъ страстію, взять верхъ надъ рабомъ». Такъ разсудилъ онъ. Объ Александрѣ же разсказываютъ, что, при осадѣ одного еллинскаго города, когда неоднократно разсуждалъ онъ, что дѣлать съ этимъ городомъ, Парменіонъ однажды сказалъ ему: «если бы я былъ Александромъ, то не пощадилъ бы сего города». Но Александръ отвѣчалъ: «И я не пощадилъ бы, если бъ я былъ Парменіономъ. Тебѣ прилична жестокость; а мнѣ кротость». И городъ избѣгъ опасности. Но не достойно ли похвалы и это? Одинъ чловѣкъ, не изъ числа почтенныхъ гражданъ, злословилъ великаго Перикла, и до самаго вечера преслѣдовалъ его многими и злыми укоризнами. Но Периклъ молчалъ, принимая это оскорбленіе, какъ почесть; когда же ругатель усталъ и пошелъ домой, велѣлъ проводить его съ свѣтильникомъ, и тѣмъ угасилъ его гнѣвъ. А другой, когда оскорбителю, ко множеству оскорбленій присоединилъ такую угрозу: «чтобъ самому мнѣ несчастно погибнуть, если тебя негоднаго при первомъ удобномъ случаѣ не предамъ злой смерти!»—заставилъ его переимѣнить свое расположеніе такими подлинно чловѣколюбивыми словами: «чтобъ и мнѣ погибнуть, если не сдѣлаю тебя своимъ другомъ!»

Но чтобы не одно древнее взощло въ наше слово, и не осталось безъ вниманія то, чему сами мы свидѣтели, справедливо будетъ упомянуть о Констанціи, который, какъ сказываютъ, произнесъ однажды достопамятное слово. Какое же это? Одинъ

сановникъ хотѣлъ раздражить его противъ насъ (в), потому что не терпѣлъ многихъ преимуществъ, какія были даны намъ. Ибо Констанцій, сколько известно, былъ благочестивѣйшій государь. Сановникъ между прочимъ сказалъ и такое слово: «какое животное такъ кротко, какъ пчела? но и она не щадить тѣхъ, которые собираютъ ея соты». Царь выслушалъ это и отвѣчалъ: «Ужели же не знаешь, превосходный мой, что жало не безвредно и для самой пчелы? Она жалитъ, но въ то же время и сама погибаетъ».

Столько имѣешь у себя врачебныхъ средствъ отъ сего недуга, но всѣхъ важнѣе, какъ сказано, заповѣдь, которая не позволяетъ тебѣ отвѣчать обидой даже и тому, кто ударилъ тебя. Ибо ветхозавѣтнымъ предписано: *не убій*; но тебѣ повелѣно даже и *не гнѣваться*, а не только не бить и не отваживаться на убійство. Кто запрещаетъ первое, тотъ не дозволяетъ и послѣдняго. Кто истребилъ сѣмя, тотъ воспрепятствовалъ прозябнуть ему въ колосѣ. И не смотрѣть съ худымъ пожеланіемъ — значить отсѣчь любодѣяніе. Не клясться — вотъ предохранительное средство отъ ложной клятвы. Такъ и не гнѣваться — значить поставить себя въ безопасность отъ покушенія на убійство. Ибо разсуди такъ: гнѣвливость доводитъ до слова, слово — до удара, отъ удара бываютъ раны, а за ранами, какъ знаемъ, слѣдуетъ и убійство; и такимъ образомъ гнѣвливость дѣлается матерью жестокаго убійства.

(в) Противъ православныхъ.

Кто получилъ когда нибудь награду за то, что онъ не убилъ? Но не гнѣваться — есть одно изъ похваляемыхъ дѣлъ. Воздаяніемъ за первое служить то, что избѣгаешь опасности; а вознагражденіемъ за послѣднее обѣщанъ тебѣ участокъ земли драгоценной. Послушай, чего желаетъ кроткимъ Христось, когда перечисляетъ блаженства и опредѣляетъ мѣру будущихъ надеждъ (Матѳ. 5, 5). На сей конецъ дасть Онъ тебѣ и сообразные съ симъ законы. Тебя ударили въ ланиту? Для чего же допускаешь, чтобъ другая твоя ланита оставалась безъ приобрѣтенія? Если первая потерпѣла сіе не произвольно: не велика ея заслуга, и тебѣ, если хочешь, остается сдѣлать нѣчто большее, а именно, произвольно подставить другую ланиту, чтобы сдѣлаться достойнымъ награды. Съ тебя сняли хитонъ? отдай и другую одежду, если она есть у тебя; пусть снимутъ даже и третью: ты не останешься безъ приобрѣтенія, если предоставишь дѣло сіе Богу. Насъ злословятъ? будемъ благословлять злыхъ. Мы оплеваны? поспѣшимъ приобрѣсти почестъ у Бога. Мы гонимы? но никто не разлучитъ насъ съ Богомъ; Онъ — единственное неотъемлемое наше сокровище. Проклинаетъ тебя кто нибудь? молись за кленущаго. Грозитъ сдѣлать тебѣ зло? и ты угрожай, что будешь терпѣть. Приступаетъ къ исполненію угрозъ? твой долгъ — дѣлать добро. Такимъ образомъ приобрѣтешь двѣ важныя выгоды: самъ будешь совершеннымъ хранителемъ закона; да и оскорбителя твоего кротость твоя обратитъ къ кротости же, и изъ врага сдѣлаетъ ученикомъ, преодолевъ тѣмъ самымъ, что онъ взялъ надъ тобою верхъ.

Итакъ видишь ли? Всего болѣе желай, чтобы тебѣ вовсе не гнѣваться, потому что это всего безопаснѣе. А если не такъ, старайся, чтобы изступленіе твое прекращалось прежде вечера, и не давай во гнѣвъ твоемъ заходить солнцу (Ефес. 4, 26), какъ тому, которое отвѣ твоимъ очамъ посылаетъ лучи свои, такъ и тому, которое сіяетъ внутри мудрыхъ; а послѣднее солнце заходить для тѣхъ, у кого умъ уязвленъ, озаряетъ же совершенныхъ и добрыхъ, и видящимъ даетъ большую силу озарять.

Скажешь: что жъ? не сама ли природа дала намъ гнѣвъ?—Но она дала также и силу владѣть гнѣвомъ. Кто далъ намъ слово, зрѣніе, руки и ноги способныя ходить? Все это даровали Богъ и природа, но даровали на добро; и не похваляю тебя, который употребляешь ихъ во зло. То же надобно сказать и о другихъ душевныхъ движеніяхъ. Это Божіи дары—подъ руководствомъ и управленіемъ разума. Раздражительность, когда не преступаетъ мѣры, служитъ оружіемъ соревнованію. Безъ сильнаго желанія неудобопостижимъ Богъ. Но знаю и наставника въ добръ; это—разсудокъ. Если же все это обращено будетъ на худшее: то раздражительность произведетъ оскорбленія и злодѣянія, пожеланіе распалитъ насъ къ гнусному сластолюбію, а разсудокъ не только не подавить сего, но еще поможетъ своими ухищреніями. Такъ добрыя дарованія отдаются во власть нашему растлителю! Но не хорошо—Божій даръ мѣшать со зломъ.

Если въ Писаніи слышишь, что Богъ гнѣвается, и уподобляется или рыси, или медвѣдицѣ, которая отъ любви приходитъ въ ярость, или воспламенен-

ному отъ вина и упоенія, или мечу сверкающему на злыхъ: то не принимай сего за совѣтъ предаваться страсти. Иначе будетъ значить, что ты изобрѣтаешь для себя зло, а не освобожденія отъ него ищешь. Слушай Писаніе съ добрымъ, а не съ худымъ намѣреніемъ. Богъ не терпитъ ничего подобнаго тому, что терплю я. Никто не говори этого! Онъ никогда не выходитъ Самъ изъ Себя; это свойственно существамъ сложнымъ и тѣмъ, которые большею частію въ борьбѣ сами съ собою. Но Богъ, какъ очевидно, есть естество неизмѣняемое. Почему же Онъ такимъ изображается? По законамъ иносказанія. Для чего? Чтобы утратить умы людей простыхъ,—какую цѣль имѣетъ и многое изъ выраженаго словомъ. Разумѣй, что рѣчь здѣсь не прямая, и тогда найдешь смыслъ. Поелику сами мы бьемъ, когда приходимъ въ гнѣвъ; то пораженіе злыхъ представили въ видѣ гнѣва. Такимъ же образомъ изобрѣли мы зрѣніе, слухъ, руки; и поелику имѣемъ въ нихъ нужду для приведенія чего либо въ исполненіе, то приписываемъ ихъ и Богу, когда Онъ совершаетъ, по нашему представленію, то же. Притомъ слышишь, что отъ гнѣва Божія терпятъ злые, а не добрые, и терпятъ по законамъ правосудія. Но твой гнѣвъ не полагаетъ себѣ мѣры и всѣхъ дѣлаетъ равными. Поэтому не говори, что твоя страсть дана тебѣ отъ Бога и свойственна самому Богу. Или, если думаешь о себѣ, что и ты подражатель Богу, то подражай; но прежде пусть вѣтры развѣютъ болѣзнь твою.

А если ты читалъ что нибудь о гнѣвѣ мужей благочестивыхъ; то найдешь, что гнѣвъ ихъ всегда былъ

справедливъ. И я думаю даже, что это былъ не гнѣвъ, а наказаніе, справедливо положенное на злыхъ. И это наказаніе не было для нихъ зломъ; напротивъ того, удары были весьма полезны для требовавшихъ многого очищенія въ жизни, потому что иглистая вѣтвь сама призываетъ на себя остріе желѣза,—полезны, говорю, были какъ до Закона, такъ и при Законѣ, пока онъ не приобрѣлъ надлежащей силы, какъ несовершенно еще укоренившійся въ людяхъ.

Такъ угасишь ты въ себѣ эту болѣзнь, утоляя ее предложенными тебѣ разсужденіями, подобно тому, какъ иные заговариваютъ аспидовъ. Но вотъ вторая забота: какъ удерживаться, чтобы не воспламенился въ тебѣ гнѣвъ отъ чужаго гнѣва, какъ огонь отъ огня? Ибо равно худо, какъ самому первоначально предаваться злу; такъ и прійти въ одинакое расположеніе съ предавшимся худому стремленію.

Во-первыхъ, прибѣгни немедленно къ Богу; и проси, чтобы Онъ нещадно сокрушилъ разящій тебя градъ, но вмѣстѣ пощадилъ насъ, которые не обижали другихъ.

А въ то же время положи на себя знаменіе креста, котораго все ужасается и трепещетъ, и огражденіемъ котораго пользуюсь я во всякомъ случаѣ и противъ всякаго. Потомъ изготвься къ борьбѣ съ тѣмъ, кто подалъ причину къ сему гнѣву, а не кто предался ему, чтобы тебѣ, хорошо вооружившись, удобнѣе было побѣдить страсть. Ибо неготовый не выдерживаетъ нападенія. А кто хорошо приготовился, тотъ найдетъ и силы побѣдить. И чтò значитъ побѣдить? Равнодушно перенести надъ собою побѣду.

Въ-третьихъ, зная, изъ чего ты произошелъ и во что обратишься, не думай о себѣ очень много, чтобы не смущало тебя высокое и не по достоинству составленное о себѣ мнѣніе. Ибо смиренный равнодушно переноситъ надъ собою побѣду, а слишкомъ надменный ничему не уступаетъ. Но тѣ, которые, чтобы сколько нибудь остановить свое превозношеніе, сами себя называютъ землею и пепломъ, какъ отъ нихъ же мнѣ извѣстно, суть Божіи други. А ты, какъ будто совершенный, отказываешься терпѣть оскорбленія. Смотри, чтобы не понести тебѣ наказанія за самомнѣніе. Гдѣ же тебѣ согласиться потерпѣть что нибудь непріятное на самомъ дѣлѣ, когда не можешь снести благодушно и слова? 3

Въ-четвертыхъ, знай, добрый мой, что и жизнь наша ничто, и мы всѣ не безгрѣшные судіи о добрыхъ и худыхъ дѣлахъ, но большею частію и всего чаще носимся туда и сюда, и непрестанно блуждаемъ. Что гнусно для насъ, то не гнусно еще для Слова; а что не таково для меня, то, можетъ быть, такимъ окажется для Слова. Одно безъ всякаго сомнѣнія гнусно; это — злонавіе. А здѣшняя слава, земное богатство и благородство—однѣ дѣтскія игрушки. Поэтому, о чемъ сокрушаюсь, тѣмъ, можетъ быть, надлежало бы мнѣ увеселяться; а при чемъ поднимаю вверхъ брови, отъ того—болѣе смиряться, нежели сколько теперь превозношусь, надмеваясь неблагоразумно.

Въ-пятыхъ, будемъ имѣть больше разсудительности. Если нѣтъ ни малой правды въ томъ, что говорить воспламененный и ослѣпленный гнѣвомъ; то слова его ни мало насъ не касаются. А если онъ

говорить правду; то значитъ, что самъ я нанесъ себѣ какую нибудь обиду. За что же жалуясь на того, кто объявилъ остававшееся доселѣ скрытымъ? Гнѣвъ не умѣетъ сохранять вѣрности. Ибо, если прибѣгаетъ онъ часто и къ неправдѣ; то удержать ли въ себѣ тайну?

Послѣ сего уцѣломудришь себя въ гнѣвъ, рассуждая такъ: Если эта вспышка не есть зло, то несправедливо и обвинять ее. А если зло, что и дѣйствительно, въ чемъ и самъ ты сознаешься: то не стыдно ли терпѣть въ себѣ то, что осуждаешь въ другихъ, когда терпишь отъ нихъ самъ, и не вразумляться примѣромъ своего врага? Притомъ, если и прежде не пользовался добрымъ о себѣ отзывомъ тотъ человѣкъ, который горячится и дышитъ дерзостію: то и теперь порицаніе падеть, очевидно, на него, а не на тебя. А если онъ человѣкъ превосходный: то не почтутъ тебя здравомыслящимъ; потому что мнѣніе большинства всегда склоняется въ пользу лучшаго. Но ты дѣлалъ ему добро? Тѣмъ паче его осудятъ. Но онъ обидѣлъ тебя? Ты не дѣлай ему зла. Но его надобно остановить? Что жъ, если въ большее прійдетъ еще неистовство? Онъ первый началъ? Пусть вразумленный и словомъ и блонравіемъ твоимъ, какъ можно скорѣе, сокрушить свою ярость, какъ волна вскорѣ разсыпающаяся на сушѣ, или какъ буря не встрѣчающая никакого сопротивления. Это обидно!—Точно, обидно, если и ты падешь съ нимъ вмѣстѣ. Ужели и на укоризны больныхъ станемъ отвѣчать укоризнами? Не равнодушно ли переносишь ты изступленіе бѣснующихся, разумію такихъ, которые невольно изрыгаютъ зло-

словіе? Почему же не перенести сего отъ безумнаго и пришедшаго въ сильную ярость? Конечно, должно перенести, если самъ ты въ здоровомъ умѣ.—Что сказать о пьяныхъ, у которыхъ разсудокъ потемнѣнъ виномъ? Что, если мимо тебя пробѣжитъ бѣшеная собака? Что, если верблюдъ, по естественной своей наглости, закричитъ во все горло, и протянетъ къ тебѣ шею? Пойдешь ли съ ними въ драку; или, по благоразумію, побѣдишь прочь?—Что, если непотребная женщина будетъ стыдить тебя своими срамными дѣлами? А у непотребныхъ женщинъ это обыкновенное дѣло; имъ всего кажется стыднѣе знать стыдъ; и онѣ знаютъ одно искусство—вовсе ничего не стыдиться. О Синопійцѣ разсказываютъ, что, приходя къ живущимъ въ непотребныхъ домахъ, старался ихъ раздражать. Съ какимъ же намѣреніемъ? Съ тѣмъ, чтобы ихъ оскорбленіями приучить себя безъ труда переносить оскорбленія. И ты, если размыслишь объ этомъ,—станешь презирать оскорбленія.

Скажу тебѣ одинъ искусственный способъ. Хотя онъ и не достоинъ вниманія тѣхъ, которые предпочитаютъ кротость: однако же скажу; потому что можетъ погашать неприятность. Смотрѣлъ ты иногда на кулачныхъ бойцовъ? Прежде всего оспариваютъ они другъ у друга выгодное мѣсто, того и домогаются, чтобы одному стать выше другаго; потому что это не мало содѣйствуетъ къ одержанію побѣды. Такъ и ты старайся занять выгоднѣйшее положеніе; а это значить, пришедшаго въ ярость старайся низложить шутками. Смѣхъ—самое сильное оружіе къ препобѣжденію гнѣва. Какъ въ кулачныхъ

бояхъ, кто въ сильной стремительности и ярости по-пустому сыплетъ удары, тотъ скорѣе утомляется, нежели принимающій на себя эти удары, истощаніе же силъ — неискусный въ бою пріемъ; такъ и тому, кто оскорбляетъ челоуѣка, который не сердится на его нападеніе, но смѣется надъ нимъ, всего болѣе бываетъ это огорчительно; напротивъ того, если встрѣчаетъ онъ себѣ сопротивленіе, это приноситъ ему нѣкоторое удовольствіе; потому что доставляется новая пища гнѣву, а гнѣвъ ему весьма пріятенъ и не насытимъ.

Заключеніемъ моихъ тебѣ совѣтовъ пусть будетъ слѣдующее. Какое существо по преимуществу кротко? — Богъ. А у кого природа самая раздражительная? — У челоуѣкоубійцы, который (да будетъ тебѣ извѣстно!), сверхъ другихъ наименованій, выражающихъ его лукавство, называется и гнѣвомъ. Какую же часть намѣренъ ты избрать? А избрать ту и другую не возможно. Разсуди и то, кто будетъ осмѣянъ, и кто похваленъ. Ибо и это не мало важно для разсудительнаго. Чтѣ еще сказать? Заклинаю тебя, гнѣвъ — другъ пороковъ, непріязненный мой защитникъ и покровитель, надмевающій меня и предающій во врата адовы, покорись нынѣ Богу и слову. Покорись, гнѣвливость, — это воскипѣніе, эта полнота челоуѣкоубійцы, это очевидное безобразіе лица, это обуреваніе мыслей, это упоеніе, эти бодцы, повуждающіе низринуться въ тартарь, этотъ легионъ бѣсовъ, это многосложное зло, расторгающее узы и путы на ногахъ, покорись; ибо Христось, Котораго не вмѣщаетъ вселенная, и Который Своимъ кормиломъ непогрѣшительно движетъ цѣлую

вселенную, удѣля жизнь и человѣкамъ и Ангеламъ, а призывающимъ Его усердно даруетъ разрѣшеніе и отъ лукавыхъ духовъ и отъ страстей, Христосъ хочетъ, чтобы ты немедленно бѣжала отсюда и, войдя въ свиней, скрылась въ бездну! Готово принять тебя это стадо, низвергающееся въ глубину. Но не касайся насъ, о которыхъ имѣетъ попеченіе самъ Богъ! —

Вотъ слово моего безмолвія! А вы, разрѣшившіе слово, если изречете что нибудь достойное вѣщанія, вѣщайте и мнѣ. А если слово ваше достойно молчанія; то не произносите и для меня. Тогда и слухъ свяжу для слова, какъ связалъ слово.

НА ТѢХЪ, КОТОРЫЕ ЧАСТО КЛЯНУТСЯ.

РАЗГОВОРЪ.

Что хуже клятвы? Я разсуждаю, что ничего нѣтъ хуже.

Скажи же, чѣмъ это доказываешь?

Самыми очевидными и ясными доводами.

Открой, какими?

Слѣдующими; отвѣчай мнѣ, и увидимъ.

Говори, любезнѣйшій, что только можешь сказать.

Знаешь ли, что выше всего тебѣ извѣстнаго?

О какомъ родѣ вещей спрашиваешь?

О всемъ, что ни есть видимаго и мысленнаго.

Я ничего не представляю себѣ выше Бога.

Ты отвѣчаешь правильно, но я спросилъ неправильно.

Какъ же надлежало?

Богъ не есть что либо высшее, потому что Онъ несравнимъ. Не ясно ли это?

По мѣѣ, весьма ясно.

Посему надлежало, можетъ быть, спросить такъ : что самое высочайшее ?

Думаю, что такъ.

Но и это не сравнительно ли будетъ сказано ?

Не полагаю.

Какъ же скажешь ? Высочайшимъ бываетъ чтонибудь не иначе, какъ въ отношеніи къ сродному съ нимъ. А съ Богомъ что сродно ?

Ничто.

Посему о Богѣ надлежитъ выразиться иначе..

Какъ ты скажешь, такъ и я готовъ принять.

Что же ? Не должно ли сказать, что Богъ несравнимъ ни съ чѣмъ изъ всего извѣстнаго ?

Кажется, что такъ.

А не досточтимъ ли, и не единственно ли досточтимъ Онъ для всякаго естества ?

Единственно досточтимъ; это хорошо сказано.

А будучи досточтимымъ, можетъ ли быть вмѣстѣ и оскорбляемъ ?

Какъ соединить несоединимое ?

Разсмотримъ же : къ чести ли Божіей служить клятва ?

Но по крайней мѣрѣ не къ оскорбленію.

Такъ ; если бы не было опасности отъ ложной клятвы. Тогда клятва была бы дѣломъ богочестія. Но теперь смотри, въ чемъ дѣло, и къ чему оно клонится ?

Почти понимаю ; однако жъ прошу объяснить рѣчь очевиднымъ подобіемъ.

Какимъ бы это ? Видалъ ты большой камень, падающій съ горы ?

Очень часто.

И онъ катился внизъ съ великимъ шумомъ ?

Даже наводилъ большой страхъ.

А видалъ также, что его удобно останавливали ?

Развѣ кто другой видалъ, а я нѣтъ ; потому что камень самъ себя понуждаетъ къ паденію , и сильнѣ всякой руки.

Правда твоя. То же бываетъ и со мною ; стремительность увлекаетъ меня въ насильственный поступокъ. Но въ началѣ и мнѣ , такъ же какъ и камню , очень не трудно было бы удержаться въ покоѣ ?

Очень не трудно, и почему бы не удержаться ?

Этому камню подобенъ и всякій порокъ , особенно же , какъ думаю , худшій навыкъ клясться.

А , почему же такъ ?

Слушай : этотъ порокъ имѣетъ не малую привлекательность. А если человѣкъ получаетъ къ нему пристрастіе ; что тогда бываетъ ? Онъ уже не удерживается , пока не низринется въ стремнистую бездну.

Что разумѣешь подъ стремниною ?

Самая большая изъ стремнинъ есть ложная клятва.

Приятно было бы слышать, почему это.

А многіе и не знаютъ, сколько это худо.

Сколько же именно ?

Не часто ли случается, что инъи клянется своимъ спасеніемъ ?

Очень не рѣдко.

Что же это ? Боятся, чтобы, поступивъ худо, не потерпѣть за сіе зла , и самъ полагаетъ на среду

предъ Богомъ собственное свое спасеніе, рѣшаясь погнубить, если какимъ ни есть образомъ солжетъ своему слову.

Такъ мнѣ кажется.

Такое же сдѣлай разсужденіе, если когда клянешься и Богомъ.

Какое же? Желательно видѣть.

Ты полагаешь на среду Бога своей вѣры.

Да, не иначе.

И для клянущагося въ правду Богъ соблюденъ; а если клянемся ложно, то въ отношеніи къ намъ Онъ утраченъ.

Справедливо говоришь.

Но скажи, что значить, по твоему мнѣнію, не соблюсти для себя Бога?

Думаю, что это значить отречься отъ Бога.

Итакъ ложная клятва, какъ давно уже это доказано, есть отреченіе отъ Бога.

Какъ же избѣжать клятвы?

Приобрѣтемъ такіе нравы, которые бы внушали довѣріе.

Великое дѣло сказалъ ты.

Благонравнымъ менѣе нужды въ клятвѣ; что говорю: менѣе? Имъ вовсе не нужна клятва. За нихъ порукою добрые нравы.

Дѣйствительно такъ.

Скажи же, что приобретають тѣ, которые много клянутся?

Осмѣяніе.

А къ этому что еще присовокупить? Развѣ то, что имъ не вѣрятъ, когда говорятъ и правду.

Согласенъ на это.

Итакъ послушайся меня, и, воспользовавшись врачевствами разсудка, особенно положи въ себѣ преграды этому недугу. Многіе же изъ извѣстныхъ мнѣ одерживали верхъ надъ недугами и этого сильнѣйшими.

Какіе разумѣешь сильнѣйшіе недуги?

Гнѣвъ, зависть, невоздержность и тому подобное.

Почему же они сильнѣе?

Потому что пожеланіе больше. А къ чему пожеланіе стремительно, къ тому и привязанность сильнѣе.

Совершенно основательно. Но если болѣзнь въ тебѣ неудержима, что тогда дѣлать?

По крайней мѣрѣ остерегайся непрестанно, при всякомъ случаѣ, умножать тяжкія клятвы.

Когда же, какія и при какихъ случаяхъ дозволишь ты клятвы? Напримѣръ: дозволишь ли, когда настощъ нужда?

Пусть такъ.

Но присовокупи: какая именно нужда. Не та ли, чтобы иныхъ избавить отъ опасности?

Тогда по крайней мѣрѣ полезна клятва.

Или и себя избавить отъ обвиненій въ гнусномъ преступленіи.

Да! Но клятва никогда не должна служить мнѣ къ пріобрѣтенію имущества; потому что сіе представляется крайне гнуснымъ и весьма легко можетъ вовлечь въ ложную клятву. Да и что, кромѣ корысти, чаще приводитъ къ ложнымъ клятвамъ? Какъ скоро касается дѣло до денегъ, весьма многіе оказываются злонравными.

Кто не согласится съ этимъ? И Софисты утверждали то же.

Важно ли же это для насъ?

Ни мало. Но если станемъ подражать, и окажемся худшими; то сіе будетъ намъ стыдно.

И очень. Какихъ же клятвъ особенно избѣгать должно?

Само собою видно.

Однако же безопаснѣе услышать отъ тебя.

Я утверждаю, что должно избѣгать клятвъ наиболѣе ужасныхъ.

Развѣ боишься выговорить?

Короче сказать, тѣхъ, въ которыхъ упоминается Божіе имя.

А въ которыхъ упоминается Писаніе, Христовы страданія, и приношенія Богу?

И это равно таинственно.

А у насъ всего болѣе въ употребленіи симъ клясться.

О томъ и проливаю слезы. Ибо что утверждено обычаемъ, то обращается въ законъ. Однако же, чего не можетъ преодолѣть разумъ?

Какую же дозволишь клятву?

Желалъ бы никакой не дозволять; а въ противномъ случаѣ пусть будетъ какаѣ нибудь другая клятва.

Уже ли не должно клясться женою, дѣтьми, спасеніемъ, жизнію и будущимъ безпечальнымъ вѣкомъ?

Это суть проклятія; хотя почитаются также и клятвою.

Пусть почитаются; только бы мы, поражаемые сею клятвою, не погибали. Въ такомъ случаѣ нѣтъ опа-

сности для души, которую погубить есть уже конечная смерть.

Справедливо говоришь. Но у тебя, какъ скоро закипѣло сердце, при всякомъ случаѣ готовы на языкѣ: Богъ, святая трапеза, что для тебя всего любезнѣе, крестъ, жена, Божія кровь, своя собственная кровь, земля и море, словомъ, что ни представить тебѣ прежде всего твоя негодная опрометчивость, при содѣйствіи твоего губителя, который производитъ даже и то, что самая болѣзнь кажется тебѣ пріятною; и ты (странное неразуміе!) остаешься увѣреннымъ, что съ твоего гнилаго языка льется золото.

Точно такъ бываетъ, какъ говоришь ты.

Одна волна воздвигаетъ другую, когда въ тебѣ дышать, можетъ быть, гнѣвъ, а можетъ быть, и страсть къ деньгамъ. Ибо много сѣтей; и человекъ не почитаетъ страшнымъ дѣломъ расточаемыхъ имъ клятвъ.

Да, не почитаетъ страшнымъ.

Но его бѣднаго душитъ клятва, если задерживаетъ ее въ себѣ.

Ты какъ живописецъ изображаешь эту страсть.

Онъ думаетъ увѣрить тѣмъ самымъ, чрезъ что дѣлается болѣе недостойнымъ вѣроятія. Не понятное ли это дѣло? На что тебѣ много словъ, если имѣетъ силу одно?

Конечно, напрасный трудъ.

На что же тебѣ и многія клятвы, если бы имѣла силу одна?

Думаю, что тогда не было бы нужды во многихъ.

Посему множество клятвъ есть уже признакъ, что нѣтъ къ тебѣ довѣренности.

Не иначе ; правду ты говоришь.

Поэтому или вовсе не клянись, или клянись какъ можно рѣже.

Это всего лучше.

Если одна клятва нарушается, то и всѣ будутъ нарушены.

Прекрасное заключеніе.

Развѣ инѣй скажетъ : множеству клятвъ лучше повѣрять.

Такъ обыкновенно думаютъ.

Но развѣ, сложивъ вмѣстѣ нѣсколько пылинкокъ, сдѣлаешь изъ этого золото ?

Кто жъ это сдѣлаетъ ? въ природѣ ли это вещей ?

А на какомъ же основаніи изъ многого невѣроятнаго составится вѣроятное ?

Мнѣ кажется, что никакого нѣтъ къ тому основанія.

Перестанешь ли, наконецъ, предпочитать всему самое негодное богатство, то есть, всегда и при всякомъ дѣлѣ, ѣшь ли, играешь ли въ зернь, плывешь ли, путешествуешь ли, въ счастья ли ты или въ несчастія, продаешь или покунаешь, радуешься или печалишься, находишься въ кругу друзей и пирующихъ, изрыгать клятвы, подобно пресмытившемуся пищею или питьемъ ?

Весьма бѣдственное дѣло поступать такъ.

Не клянешься ли также ради всего, какъ будто ты уже самъ не свой, какъ скоро другіе взяли надъ тобою верхъ, словомъ ли, дѣломъ ли, прикровенно ли, или насильственно ?

По большо́й части такъ бываетъ на дѣлѣ.

Этимъ оскорбляешь ты всѣхъ, и Бога и тварей.

Какимъ же образомъ всѣхъ ?

Такимъ, что все смѣшиваешь во едино, даже и то, что не равно между собою. А это — вервь отъ узды.

Что же скажешь на это ? Не находимъ ли, что и Богъ иногда клянется ?

Такъ говоритъ Писаніе.

Но что совершеннѣе Бога ?

Конечно, не найдешь ничего совершеннѣе.

А если ничего нѣтъ совершеннѣе; то значить, что Богъ и клясться не можетъ. Какъ же Писаніе говорить, что Богъ клянется ?

Какъ скоро Богъ говоритъ что нибудь, это уже есть клятва Божія.

Какъ же въ Писаніи говорится, что Богъ клянется Самимъ Собою ?

Какъ ? Онъ пересталъ бы совершенно быть Богомъ, если бы сказалъ ложь.

Ты говоришь нѣчто страшное.

И это въ естествѣ Божиемъ, чтобы не лгать. Противъ сего никто не будетъ спорить.

А что ? Ветхій Заветъ не запрещаетъ клятвы, но требуетъ только истинной.

Но тогда и убивать было законно ; нынѣ же не позволено даже ударить.

Почему такъ ?

Тогда подвергалось осужденію совершеніе худаго поступка : нынѣ же осуждается самое первое движеніе ко грѣху.

Такъ мнѣ кажется; потому что мы простираемся къ большому совершенству.

А потому цѣломудренный и не клянется.

Что жъ? Имъ, какъ младенцамъ, даешь одни начатки пищи, чтобы въ послѣдствіи могли принимать совершенную пищу?

И справедливо, и весьма умно.

Говорятъ, что и Павелъ клянется.

Кто это сказалъ тебѣ? Вѣрно, какойнибудь пусто-словъ?

Павелъ самъ говорить: *свидѣтель ми есть Богъ* (Рим. 1, 9.), и: видитъ Богъ.

Это не клятва.

А что же?

Непререкаемое подтвержденіе важности сказаннаго.

Дозволь и мнѣ то же.

О, если бы ты и во всемъ, по мѣрѣ силъ, сталъ Павломъ! Это—вѣрное для тебя мѣрило.

Не уступишь ли чегонибудь гнѣву?

Хорошо.

А въ гнѣвѣ, конечно, всякому случается клясться.

Ужели по твоему мнѣнію одинакое зло хуже зла двойнаго?

Возможно ли это?

Каково тебѣ покажется, если ничѣмъ не раздраженный вдругъ начинаетъ клясться?

Это весьма худо.

А если я раздраженъ, и сдѣлаю еще новое зло?

И это также худо. Впрочемъ меньше худо, если сдѣлано по незнанію.

Но я подлежу ответственности за всякое свое произвольное движение.

Но если клянусь, хотя произвольно, однако же для того, чтобы избавить отъ опасности?

Пусть дозволяетъ кто нибудь другой!

А если кто напишетъ клятву, не произнося ее словомъ?

Что же значить письмо? Рукописаніе связываетъ крѣпче узъ.

Если же по нуждѣ?

Для чего не умерь? Надлежало прежде принять смерть.

А если дана клятва, когда не лежало предъ клянущимся Писаніе?

Что дѣлаетъ клятву священною: страница, или Богъ?

Очевидно, что Богъ.

Ты боишься пергамена; а я больше боюсь Бога. Многіе подвержены этой болѣзни. Со многими бываетъ то же, что и съ человѣкомъ, который бьетъ и безчеститъ господина, а даетъ свободу, или даже готовъ оказать честь, его рабу.

Какое поруганіе!

Или который бережетъ царское изображеніе, а самого царя свергаетъ съ престола.

И это бываетъ. Но если осталось еще что сказать, присовокупи и то.

Многіе говорятъ: языкъ произнесъ клятву, а умъ не давалъ ея. Но легче во всемъ другомъ найти себѣ извиненіе, нежели въ клятвѣ. Никто и нисколько да не обманываетъ самъ себя. Во всякомъ слу-

чаѣ клятва дана, а двоедушіемъ сколько еще увеличивается грѣхъ!

Вижу и самъ.

Что такое клятва? Рѣшительная мысль.

Въ ужасъ прихожу, слыша слова твои.

Такъ говоришь; но пока не вижу на опытѣ, не знаю, вѣрно ли это. Ибо вѣрны дѣла. И свинья приходитъ тотчасъ въ ужасъ, когда слышитъ крикъ другой свиньи. —

Да.

Но это еще не великое дѣло. Если же слово коснулось сердца; за сіе хвалю.

Но что же? развѣ нѣтъ у меня очистительной купѣли?

Есть. Но разсуди.

О чемъ же должно разсудить?

Она очищаетъ грѣхопаденія, но не всегда очищаетъ и нравы.

Когда же можетъ очищать и нравы?

Въ томъ одномъ случаѣ, если предпочистишь ихъ нѣсколько.

Понимаю.

Нуженъ страхъ, чтобъ не грѣшить впередъ; а то, что многое прощено, еще не достоинство.

Почему же это? Объясни мнѣ.

Опасно, чтобы не потребовалось вторичное очищеніе.

Что же это за очищеніе? растолкуй.

Очищеніе посредствомъ долговременныхъ слезъ и изможденія плоти.

Не желалъ бы я имѣть въ немъ нужды.

Да! страшно потерять даръ болѣе удобный.

Это — Божіи скрижали.

Точно, Божіи; но ты напиши на скрижаляхъ своего сердца. Хочешь ли знать, что и въ этомъ видна брань завистника, который завидуетъ твоимъ успѣхамъ?

Очень одолжишь, сказавъ о семъ. Ибо много терплю браней отъ врага.

Слушай.

Говори.

Не безъ слезъ выслушивалъ я, когда ты говорилъ. Что такое? Не отопрусь, если говорилъ.

Ты говаривалъ: если вымолвлю какое нибудь слово, но не подтвержу его клятвою; то стыжусь своихъ рѣчей, какъ чего-то неполнаго.

Никакого нѣтъ сомнѣнія, что говаривалъ такъ.

И чего не достаетъ, самъ ты дополнишь къ рѣчи. Это есть клятва — худое дополненіе. Подлинно страшный пламень!

Но Платонъ дѣлаетъ вотъ что. Чтобы не поклясться какимъ нибудь богомъ, изъ благоговѣнія...

Очень знаю, что скажешь. Былъ какой-то яворъ; имъ однимъ онъ клялся; но и тѣмъ не прямо. Хотя зналъ, чѣмъ клянется; однако же не присовокуплялъ: клянусь такимъ-то яворомъ. Что же это такое? Какая-то тѣнь клятвы, безыменное указаніе, клятва, и вмѣстѣ не клятва. Такъ мудрецы клялись еще чужимъ геніемъ. А это не что иное значить, какъ чѣмъ нибудь да поклясться. Но вотъ чѣмъ закончимъ нашъ разговоръ.

Такъ скоро грозить оставить меня, не удовлетворивъ моей жадѣ.

Если клятва кажется тебѣ еще чѣмъ-то маловаж-

нымъ; не хвалю сего. А если считаешь ее такою, какова она дѣйствительно, т. е. дѣломъ весьма ужаснымъ; то отважусь на острое слово, и буду заклинать тебя самою клятвою, бѣгать клятвы.

Побѣда на твоей сторонѣ.

О, если это дѣйствительно такъ; прославлю за сѣ Тебя, Христе мой, чудодѣйствующаго и нынѣ, какъ чудодѣйствовалъ Ты прежде! Тогда всѣ мы единогласно воскликнемъ: аминь, да будетъ!

СРАВНЕНІЕ

ЖИЗНИ ДУХОВНОЙ И ЖИЗНИ МІРСКОЙ.

Жизнь духовная. Жизнь мірская. Судя.

Ж. Д. и М. Не разсудишь ли насъ, чужеземець?

С. О чемъ дѣло?

Ж. Д. и М. Двѣ жизни спорять между собою.

С. Какія же это жизни? и о чемъ у нихъ споръ?

Ж. Д. и М. Жизнь мірская и жизнь духовная. А споримъ о томъ, которая изъ насъ лучше и должна быть избрана мудрымъ.

С. Не легко, правда, дать судъ; однако же выслушать должно.

Ж. М. Родившись отъ міра, я знаю и люблю мірское. А въ томъ и благочестіе, чтобы уважать отеческій законъ.

Ж. Д. Родившись отъ Бога, я знаю и чту Бога. А то и благочестиво, чтобы знать совершенное богопочтеніе. И если для тебя всего дороже худое; то

не справедливѣ ли будетъ почитать мнѣ драгоцѣннымъ лучшее?

Ж. М. У меня матёръ—плоть; я тѣсно сопряжена съ тѣломъ, и желаю одного—восполненія отторженной плоти.

Ж. Д. У меня отецъ—Богъ; я сопряглась съ Богомъ, и желаю одного—подражанія Образу, отъ Котораго проистекла.

Ж. М. Но скажи: какъ существовалъ бы человѣчскій родъ, если бы не пришло на помощь плотское супружество, удерживаемое въ должныхъ предѣлахъ и Божиимъ закономъ и природой?

Ж. Д. Хотя законъ и таковъ; однако же мнѣ должно теперь, отрѣшившись, поспѣшать къ другой жизни, которая лучше настоящей и свободна отъ узъ и тлѣнія.

Ж. М. Почему же жизнь дѣвственная появилась такъ не давно?

Ж. Д. Она была и въ древности, но подъ покровомъ; просіяла же нынѣ послѣ того, какъ Божію Матерью явилась Дѣва. Ибо нынѣ и ветхій законъ уступилъ мѣсто новому; буква потеряла силу, господствуетъ же Духъ.

Ж. М. Но безъ супружеской жизни могъ ли быть какой постриженникъ, или какой праведникъ?

Ж. Д. Ты очень забавна, когда хочешь увѣрить, что плоти вступаютъ въ союзъ для произведенія на свѣтъ добрыхъ. Добрыми, или худыми, образуетъ время. А кто свѣтъ, тотъ не иное что дѣлаетъ, какъ уступаетъ только наглымъ требованіямъ плоти. Но смѣшно думать о себѣ въ страсти, что содѣйствуешь Божіей волѣ.

Ж. М. Что же ты даровала жизни?

Ж. Д. Желаетъ знать?—Вѣтви.

Ж. М. Чтобы онѣ засохли, или чтобы развѣялъ ихъ вѣтеръ. Уступи мнѣ корень, а потомъ владѣй вѣтвями.

Ж. Д. Довольно родиться. Пусть другой трудится для глѣннiя, воспитываетъ, обучаетъ, и потомъ вдругъ оплакиваетъ, и кого не стало уже на свѣтѣ, того изображаетъ на стѣнахъ, и смотритъ на эту бездыханную красоту, на этого недвижимаго сына.

Ж. М. И я имѣю свое благородство.

Ж. Д. А какого ты рода? Кто твой родоначальникъ? Не знаешь развѣ, что всѣ изъ той же персти? Одно только благородство—подражанiе Богу. А ты владѣешь гробами и новыми указами; они вписываютъ тебя въ число благородныхъ, но не дѣлаютъ благородной.

Ж. М. У меня на это есть богатство; оно низлагаетъ враговъ, свѣдаетъ завистию злыхъ, прiобрѣтаетъ мнѣ друзей, даетъ престолы и право величаться въ обществѣ.

Ж. Д. А у меня есть нищета; она доставляетъ мнѣ то, что не имѣю враговъ. Безопаснѣе же—возбуждать состраданiе, нежели зависть. И престолы шатки, и друзья по большей части бывають только при времени. Но если они и постоянны; то лучше покориться Богу, нежели имѣть первенство во всемъ видимомъ, или стоять выше всего видимаго. Прославлюсь же я въ мысленномъ градѣ.

Ж. М. Но чѣмъ нищему обезопасить жизнь? Гдѣ у него стѣны, двери, боевыя орудiя, оруженосцы?

Ж. Д. Нужныя мнѣ для того, чтобы не украли

тъла! Оно одно и небольшое рубище составляютъ все мое имущество. Разбойникъ, или притѣснитель, пусть идетъ къ другимъ. Воръ опасенъ для имѣющихъ что нибудь. У меня одно богатство — Богъ. Если Онъ пріобрѣтенъ мною, никто Его не похититъ, хотя возьметъ все прочее. Да и кому только угодно, пусть всякая рука расхищаетъ мои пожитки! Никто не живетъ въ такой безопасности, какъ человекъ бѣдный. Богачъ приноситъ жертвы своей мрежи (Аввак. 1, 16.), самъ у себя лобзаетъ руку (Иов. 31, 27.), какъ друга, а не славословитъ Бога—подателя благъ. И наконецъ, собранное имъ перейдетъ въ руки чужому, кому бы онъ не хотѣлъ; что говорю: чужому?—даже, можетъ быть, и врагу, а отъ врага еще къ иному, куда повернется колесо. Но у меня, если умру, со мною пойдетъ все мною нажитое; ничего не останется ни зависти, ни обратному счастью.

Ж. М. Какъ хорошо не смотрѣть въ руки сосѣдямъ, тогда какъ другіе, можетъ быть и благочестивые, смотрятъ мнѣ въ руки!

Ж. Д. Какъ хорошо смотрѣть въ руки одному Богу, даетъ ли Онъ, или отъемлетъ отечески; не дѣлать ничего постыднаго изъ желанія пріобрѣсти, не подражать кровожадной пѣвкѣ, чтобы, однимъ владѣя, устремлять мысль на другое, на иное же взирать недобрыми очами, а иное, по крайней мѣрѣ, воображать въ мечтательныхъ надеждахъ и всегда нищенствовать, желая большаго и большаго!

Ж. М. Какъ же перенести удары труднаго времени тому, кто не имѣетъ никакого подкрѣпленія въ горести?

Ж. Д. Спроси у меня : какъ челоѣку избѣжать мѣткой стрѣлы? Волось и изблизи пересѣчь стрѣлой не легко. Положимъ , что будешь въ трудныхъ обстоятельствахъ , но избѣжишь стремленія золь. Трость выдерживаетъ вѣтры , а дубы не выдерживаютъ ; потому что первая уступаетъ имъ , а послѣдніе сокрушаются собственною тяжестью.

Ж. М. Мнѣ можно дозволить себѣ и наслажденія.

Ж. Д. А мое наслажденіе—не искать удовольствія въ пресыщеніи и въ удовлетвореніи чреву , не тучнѣть и не страдать болѣзнію богачей , не издавать изъ гортани запаха пріятной для вкуса грязи , и не подавлять въ себѣ мысли скопленіемъ грубыхъ нечистотъ.

Ж. М. У меня самыя лакомыя снѣди.

Ж. Д. А мое лакомство—хлѣбъ ; для меня самая вкусная приправа—соль. Имѣя ихъ , презираю затѣи роскошныхъ , какъ горечь.

Ж. М. Мое наслажденіе—благовоніе мазей , пѣсни , рукоплесканія , мѣрныя перегибы ногъ подъ лады стройныхъ и благозвучныхъ органовъ.

Ж. Д. Ужели ты одобряешь это? А по мнѣ , за сіе-то самое и худо богатство , какъ учитель пороковъ. Для насъ лучше твоихъ органовъ псалмопѣніе , которое настраиваетъ душу для мысленнаго міра. Всякаго же мура благоуханнѣ Христось , Который за насъ истоцилъ Себя , чтобы истребить злосмердіе , какимъ наполнила меня мертвенность грѣха. Я рукоплещу , когда вижу паденіе моего убійцы , внушившаго мнѣ какое нибудь худое слово , или дѣло. У меня есть и пляска ; это—восторженіе къ Богу.

Ж. М. Ты, можетъ быть, скажешь еще, что нищета помогаетъ въ болѣзняхъ, служить лучшимъ врачевствомъ для тѣла?

Ж. Д. Этого не скажу; потому что не правда. Лучше пусть будетъ сказано, что справедливо. Бѣдный гораздо крѣпче силами, нежели достаточный. И Богъ, уравнивая дары Свои, бѣднымъ далъ крѣпость силъ, а богатымъ—лекарства. Трудится ли, проливаетъ ли потъ бѣдный?—Этимъ истощаетъ онъ въ себѣ излишнія вещества. Онъ терпитъ голодъ и стужу, въ полдень опалается солнцемъ, утомляется ходьбою, обременяется ношами, мокнетъ на дождѣ, временемъ принимаетъ простую, а не многосложную пищу, даже и не знаетъ тѣхъ обольстительныхъ снѣдей, какія повара и служители роскоши добываютъ изъ земли и моря, чтобы предложить мужчинамъ женскую трапезу. Опухоли, простуды, боль въ ногахъ и суставахъ, отяжелѣнiе, блѣдность, расслабленiе,—вотъ достоянiе богатыхъ, вотъ плоды пресыщенiя! Богатые не находятъ удовольствiя и въ томъ, чѣмъ обладаютъ; часто ищутъ, кому бы оставить свое бремя, завидуютъ здоровымъ, которые бѣднѣ ихъ. Эти злополучные счастливицы ничѣмъ не пользуются. Золото, дорогiе камни, всякiя украшенiя, разноцвѣтныя одежды, блистающiя пурпуромъ живописныя изображенiя на стѣнахъ, на потолкахъ и на камняхъ, которыми выстланы полы; серебро частiю скрытое въ нѣдрахъ земли—справедливо заключенное въ тѣхъ же гробахъ, откуда оно взято, а частiю выставленное на показъ и блистающее на пирахъ; кони, ковры, колесницы, колесничники, псы, ловчiе, отыскиватели звѣриныхъ слѣ-

Зр. 11

довъ ; всё наслажденія для злаго господина — чрева, все угодное для гортани, со всего собирающей дань; постельники, придверники, докладчики, усыпители, цвѣтоносцы, окропляющіе благовоніями, вытирающіе тарелки, отвѣдывающіе кушанье, производящіе тѣнь, наблюдающіе мановенія; банщики, пробующіе горячую воду концами перстовъ, остриженные по-женски — эта услада глазъ, — вотъ принадлежности богатого гроба, писанной персти! А бѣдный стоитъ твердо; онъ, если и падетъ, не вдругъ изнуренный болѣзнію или множествомъ лѣтъ, то не причинитъ никакихъ хлопотъ своимъ друзьямъ. Онъ умретъ, какъ левъ, рыкая, и мертвый по большей части бываетъ благолѣпнѣе великихъ богачей. Чѣмъ еще сказать о презорствѣ, о гнѣвѣ, объ изступленіи, о дерзости, о пьянствѣ, о необузданномъ смѣхѣ, о срамныхъ рѣчахъ, о пренебреженіи Бога, родства, дружбы? Все это не въ такой мѣрѣ бываетъ въ бѣдныхъ, какъ въ богатыхъ; потому что богатство приноситъ съ собою презорство, а за презорствомъ слѣдуетъ погибель. Но бѣдный, какъ всего чаще видимъ, не поднимаетъ вверхъ головы, потому что живетъ въ угнетеніи; особливо, если приходитъ на помощь страхъ Божій — этотъ сильный наставникъ всякому добру. Сдѣлай же теперь краткій обзоръ, сличи одно съ другимъ, и назначь той и другой жизни правдивую цѣну; если не покажется тебѣ обидою то, что на ряду съ тобою становятся бѣдные, дышатъ однимъ воздухомъ, носятъ одно имя, думаютъ жить подъ одной кровлей, плыть на одномъ кораблѣ. Ты завидуешь добродѣтельнымъ, а я сожалею о порочныхъ; потому что всего бѣдственнѣе быть

порочнымъ, хотя и благоуспѣшенъ путь текущихъ къ гибельному концу. Ты презираешь нищихъ, какъ будто у нихъ другой Богъ; но я знаю одну тварь, знаю, что всѣ явимся на одинъ судъ. А второе твореніе — это добрая нравственность. Ты превозносишься удобствами жизни; а меня уцѣломудриваетъ страхъ. Тебя приводятъ въ изнеможеніе трудности; а меня облегчаетъ надежда; потому что ничего нѣтъ постоянного, но все утекаетъ съ продолженіемъ времени. Ночь полагаетъ конецъ дню, а день—ночи. Радость смѣняется скорбію, а бѣдствіе оканчивается чѣмъ нибудь пріятнымъ. А потому и не должно останавливать на семъ вниманія, какъ на чемъ-то непремѣнномъ. Ничто не кажется тебѣ страшнымъ; ты не боишься и самыхъ великихъ пороковъ: потому что роскошная жизнь препятствуетъ тебѣ судить здраво. А мнѣ и малые проступки кажутся достойными слезъ; потому что грѣхъ есть отчужденіе отъ Бога. Какъ же могу стерпѣть, когда утрачиваю Бога? У тебя спокойный сонъ, удобно лежитъ ребро съ ребромъ; для тебя пріятны сновидѣнія, — повторенія того же, что дѣлалось днемъ; ты пьешь, играешь въ зернь, принимаешь дары, шутишь, смѣешься. А у меня большая часть жизни проходитъ безъ сна; потому что уснувшего будятъ труды. Если же и похищу нѣсколько сна; то со слезами. Меня пугаютъ видѣнія жестокой ночи: судъ, Судія неподкупный, трепетное предстоаніе судилищу, съ одной стороны рѣка kloчущая неугасимымъ огнемъ, съ другой — червь гложащій вѣчно; а по срединѣ совѣсть—этотъ обвинитель, не нуждающійся въ письменныхъ уликахъ. И Богъ тебѣ въ

Бога, когда только подаетъ во всемъ успѣхъ: а для меня Онъ досточтимъ, хотя посылаетъ и противное. Ибо борьба съ несчастіями — для меня спасительное врачевство. Чѣмъ сильнѣе меня угнетаютъ, тѣмъ болѣе приближаюсь къ Богу; страданія тѣснѣе соединяютъ меня съ Богомъ; это для меня — преслѣдующее воинство враговъ, которое заставляетъ укрыться въ стѣны. — У тебя утѣшителями — дѣти, жена, друзья, и лишиться ихъ — величайшее для тебя бѣдствіе. А мнѣ и въ голодѣ, и въ холодѣ, и въ скорби, опора и отрада — Богъ. Обижай меня, бей, укоряй въ подлости рода и нищетѣ, попирай, притѣсняй; ты не долго будешь наносить мнѣ обиды, а я все терплю для Бога, и къ Нему обращаю взоры, простираюсь мыслию въ жизнь послѣдующую, тамъ упокоиваюсь, но не знаю ничего дольняго, и такимъ образомъ удобно избавляюсь отъ всякой скорби. Что же еще сказать? Для тебя, какъ мнѣ кажется, несносно будетъ не получить теперь одобрительнаго голоса. Кто привыкъ всегда одерживать верхъ, тотъ не терпитъ, чтобы брали надъ нимъ верхъ другіе. Но мнѣ совершенно равно — и получить и не получить одобреніе. Для меня достаточно Бога, хотя бы все прочее присвоилъ себѣ другой. Такая высота славы — моя величайшая побѣда.

Ж. М. А что, если падутъ иныя и высокіе?

Ж. Д. А что, если падутъ и со второй степени? Для тѣхъ и для другихъ возможно и преуспѣвать, и падать. Одно равно другому. Но я гораздо худшими почитаю тѣхъ, которые падаютъ въ превосходнѣйшей жизни. Столько не терплю пороковъ. Въ комъ достойнѣе уваженія превосходство, когда одер-

живаешь онъ верхъ, для того бѣдственнѣе паденіе, когда подвергается оному. Но прошу не ставить въ вину самой жизни, если кто очень худъ; ибо онъ уже врагъ этой жизни. Разсматривай и извѣдывай въ отдѣльности нравы съ одной стороны добрыхъ, а съ другой порочныхъ, и нисколько не наклоняй вѣсовъ ни въ ту, ни въ другую сторону, что было бы не справедливо; но пусть перевѣшиваетъ, что само по себѣ имѣетъ болѣе вѣса. Тогда только узнаешь, какое различіе между одною и другою жизнью. Но не слитай лучшаго осла съ худымъ конемъ, и превосходнѣйшаго челоуѣка въ жизни мірской съ самымъ худымъ изъ моихъ. Въ такомъ случаѣ, не спорю, твои окажутся совершеннѣйшими. Но если высокаго сравнишь съ высокимъ, и худаго съ худымъ; то узнаешь, какъ велико мое превосходство. Замятъ и то, что равно во всякое время есть у насъ претыкающіеся, но есть также у насъ и одерживающіе побѣду. Говорятъ же, что одна ласточка не приноситъ прекрасной весны, и одинъ сѣдой волосъ — старости. И такъ что скажешь? Даешь голосъ въ мою пользу, или мнѣ проститься съ тобой?

С. Даю; и почему же не дать? Тогда развѣ подумаю предпочесть дольную жизнь твоей жизни, когда, потерявъ умъ, кого нибудь изъ омертвыхъ сравняю съ Богомъ. Но пока не погублю ума, до толѣ и этого не сдѣлаю. Идите же. Впрочемъ лучше жить вамъ въ мирѣ, и между собою, и съ великимъ Богомъ. И ты, жизнь мірская, должна уступать первенство жизни первенствующей; и ты, жизнь духовная, должна принимать жизнь второстепенную, какъ сестру. Если не имѣешь первенства; ничто не пре-

пытствуешь тебѣ стоять на второмъ мѣстѣ, что также не безчестно. А чрезъ это жизнь наша сдѣлается безопасною.

КЪ ДУШѢ СВОЕЙ.

Чего тебѣ хочется? спрашиваю душу свою. Что для тебя важно, и что маловажно изъ высоко цѣнимаго смертныи? Проси только чего либо славнаго, и охотно дамъ тебѣ. Хочешь ли имѣть, что было у Лидійца Гигеса, и царствовать съ помощію перстни, обращая его печать; дѣлаться невидимой, какъ скоро печать закрыта, и видимой, какъ скоро она открыта? Хочешь ли участи богато умершаго Мидаса, у котораго все обращалось въ золото, и который, въ наказаніе за неумѣренное желаніе, терпѣлъ золотой голодъ? Хочешь ли прозрачныхъ камней, тучныхъ полей, множества стадъ, воловъ и верблюдовъ? Этого не дамъ тебѣ: и тебѣ получить это не полезно, и мнѣ дать не легко; потому что я оставилъ о семъ попеченіе съ тѣхъ норъ, какъ притекъ къ Богу. Или ты хочешь престоловъ и начальства — этого кратковременнаго киченія, чтобы завтра же быть низринутой и смиренно смотрѣть въ землю, между тѣмъ какъ подниметь вверху голову другой, который былъ у тебя служителемъ, и даже, можетъ быть, однимъ изъ негодныхъ служителей? Не хочешь ли связать себя бракомъ, предаться не цѣломудреннымъ и кратковременнымъ восторгамъ? Не желаешь ли этой сладостной болѣзни — заботы о благочадіи? Но если твое благочадіе назову злочадіемъ, что тогда скажешь? Не хочешь ли гремѣть

словомъ и собирать вокругъ себя зрителей? Или есть у тебя желаніе торговать законами, толковать ихъ вопреки справедливости, влечь другихъ, и самой быть влачимою, въ незаконныя судилища? Или хочешь потрясать копьемъ, дышать бранилюбиемъ, домогаться вѣнца за подвиги, испытывать свое мужество въ борьбѣ со звѣрями? Или желательно тебѣ заслужить рукоплесканія въ городѣ, и изваянія изъ мѣди? Хочешь ли уловить тѣнь сновидѣній, мимолетный вѣтерокъ, шумъ стрѣлы, не оставляющей послѣ себя слѣда, звукъ плещущей руки? Для человѣка умнаго важно ли то, что нынѣ есть, и чего завтра не будетъ, чѣмъ пользуются и злые, что не сопровождаетъ отходящихъ изъ этой жизни? Итакъ что же? Если не этого желаешь; то чего тебѣ хочется? Не хочешь ли стать богомъ — богомъ, т. е. свѣтоносно предстать всевышнему Богу и ликовать съ Ангелами? Расширь же свои крыла, взвивайся въ быстролетномъ пареніи, несись въ высоту; я очищу тебѣ крыла, дамъ тебѣ такое ученіе, которое подниметъ тебя вверхъ, вознесу тебя въ эфиръ, какъ легкокрылую птицу.

Скажи и ты, негодная, зловонная плоть! Поелику я—владычица сопряжена съ тобою—пищеваромъ, то скажи: чего ты хочешь себѣ, чтобы удержать въ себѣ дыханіе? Я должна тебѣ не многимъ, хотя стараешься вынуть у меня многое. Хочешь ли имѣть столъ, благоухающій отъ мѣра и излишнихъ поварскихъ ухищреній, слышать восторгающіе звуки музыкальныхъ орудій и рукоплесканій, видѣть пляски юныхъ отроковъ, не свойственныя мужамъ, и круженья дѣвъ не благочинно обнаженныхъ, такъ

какъ все это утреждаютъ на пиршествахъ любители студодѣнія, чтобы еще болѣе разгорячить вино, омрачающее умъ? Если этого хочешь ты отъ меня, то скорѣе получишь удавку. Я ненасытнымъ друзьямъ предлагаю слѣдующее! Пусть сокроетъ тебя какой нибудь пріютъ, или самъ собою образовавшійся въ каменной горѣ, или, если надобно тебѣ и потрудиться, дѣло нѣсколькихъ часовъ. Одеждою пусть будетъ у тебя или верблюжій волосъ, по уставу праведниковъ, или даже кожа—покровъ древней наготы. Для ложа бери, что случилось; а трава и древесныя вѣтви да будутъ у тебя пурпуровой скатертью, неопасною для сониршествениковъ. И пріятно благоухающая трапеза да предлагается у тебя безъ дальнихъ приготовленій изъ твоихъ безискусственныхъ даровъ, какіе дружелюбная земля расточаетъ всякому. А устрой въ твое помѣщеніе, и напитаемъ тебя охотно. Хочешь ты ѣсть? Бери себѣ хлѣбъ, если случится, даже и житный. А для варенья безъ мѣры даемъ тебѣ соль и дикій лукъ — не купленный овощъ; другою лучшею приправой пусть будетъ голодь. Хочешь ли ты пить? — Предъ тобой струится вода—всегда черезъ край льющаяся чаша, питье не производящее опьянѣнія, наслажденіе, заимствуемое не у виноградной лозы. А если хочешь и пороскошничать; то не пожалѣемъ уксуса. Но тебѣ и этого будетъ недостаточно. Ты неутомимо и ненасытно хочешь черпать удовольствіе дырявою бочкой. Ищи же себѣ другаго попечителя; а у меня нѣтъ досужаго времени лелѣять своего домашняго врага, который бы уязвилъ меня, какъ окостенѣвшая отъ стужи, и потомъ въ нѣдрѣ моемъ

отогрѣтая, змѣя. Ты хочешь огромныхъ домовъ, позолоченныхъ потолковъ, искусныхъ произведеній живописи и мозаики, едва не живыхъ изображеній, стѣнъ блестящихъ разными и искусно подобранными цвѣтами? Хочешь пышной одежды, къ которой нельзя и притронуться, хочешь богатыхъ перстней и этого убранства, смѣшнаго для тѣхъ, которые учатся цѣломудрію, а еще болѣе смѣшнаго для меня, который знаю одну внутреннюю красоту?

Такъ говорю вамъ смертнымъ, которые пресмыкаетесь долу, ищете одного скоропребодящаго, и ни на что больше не обращаете вниманія! А живущимъ благородно и достойно этой доли, которая во мнѣ отъ Бога и срастворена съ брэнною моею дебелостію (замѣть величавость нищаго), предложу вотъ какую пищу: «Богомудрый! пройди мимо пламеняющаго меча, будь дѣлательемъ божественныхъ растеній, цвѣтущихъ разумомъ, которыхъ лишилъ меня врагъ, уловивъ сластолюбіемъ. Приступи опять къ древу вѣчно пребывающей жизни, а она, какъ нашелъ я, есть вѣдѣніе всевышняго Бога, единаго Трисіяннаго Свѣта, къ Которому стремится все.» Такъ скажетъ самъ себѣ всякій, если онъ мудръ. А кто не захочетъ сказать, тотъ напрасно проведъ жизнь. И о если бы еще только напрасно, а не въ величайшемъ злѣ!

МЫСЛИ, ПИСАННЫЯ ЧЕТВЕРОСТИШЬЯМИ.

Я — трудъ Григоріевъ, и въ духовныхъ изреченіяхъ сохраняю четверостишный памятникъ мудрости.

1. Чему отдашь предпочтеніе — дѣятельной, или созерцательной жизни? Въ созерцаніи могутъ упражняться совершенные, а въ дѣятельности многіе. Правда, что то и другое и хорошо и вожделѣнно; но ты, къ чему способенъ, къ тому и простирайся особенно.

2. Нѣкто просилъ у меня рѣшенія на вопросъ о чемъ-то духовномъ. Готовъ, отвѣчалъ я, если ты смылъ съ себя скверну. Но ты уже имѣешь цѣломудренный умъ. — Если смылъ съ себя прежнюю скверну; нужно и теперь очищеніе. Въ смрадный сосудъ не кладутъ на сбереженіе благовоной масти.

3. Не всякому слову противься, не всякому и слѣдуй; но знай: какому и когда противься, или слѣдовать. Болѣе будь привязанъ къ Богу, чѣмъ стой за ученіе о Богѣ. Всякое слово можно оспаривать словомъ; но жизнь чѣмъ споришь?

4. Или вовсе не учи, или учи доброю жизнію. Иначе будешь одною рукою притягивать, а другою отталкивать. Меньше потребуется словъ, если дѣлаешь, что должно. Живописецъ больше учитъ своими картинами. —

5. Особенно вамъ, служители алтаря, совѣтую не быть окомъ исполненнымъ тмы, чтобы не оказаться первыми въ порочной жизни. Ибо если свѣтъ темень; чѣмъ будетъ самая тма?

6. Безгласное дѣло лучше неисполнимаго слова. Никто никогда не сталъ высокимъ безъ добрыхъ дѣлъ, а многіе прославились безъ краснаго слова. Благодать дается не тому, кто говоритъ, но тому, кто хорошо живетъ. —

7. Наилучшій даръ Богу—добрые нравы. Хотя бы ты все принесъ Ему; однако не принесешь ничего достойнаго. Приноси то, что даетъ и бѣдный. Чистый не беретъ себѣ доли изъ цѣны блудницы.

8. Ничего не общай Богу (Еккл. 5, 4.), даже и малости; потому что все Божіе, прежде нежели принято отъ тебѣ. И что еще скажу? Не отдавъ общаннаго, ты крадешь это самъ у себя. — Какой же необычайный пріймешь на себя долгъ? Да увѣрять тебя въ этомъ Ананія и Сафира.

9. Настоящую жизнь почитай торжищемъ. Если пустишься въ торговлю; то останешься съ прибылью: потому что за малое получишь въ обмѣнъ великое, и за скоропреходящее—вѣчное. А если пропустишь случай; другаго времени для такого обмѣна уже не будетъ.

10. Тебѣ предлежитъ длинный путь, но еще большая награда. Представля себѣ вдругъ весь трудъ, не откажись отъ всего. И море переплывешь не все вдругъ. А и это не рѣдко бываетъ искушеніемъ непріязненнаго.

11. Не слишкомъ себя обнадеживай, и не во все теряй надежду. Одно ослабляетъ, другое низлагаетъ. Въ чемъ нибудь преуспѣвай, другаго держись, сколько ни есть, а къ иному не будь завистливъ; недовершенное не сдѣлаетъ бесполезнымъ трудъ совершеннаго тобою пути.

12. Не берись за все горячо, но держись того, что избралъ. Лучше прибавлять добраго, нежели убавлять у него что нибудь. Не тѣхъ называемъ худыми, которые стоятъ низко, но тѣхъ, которые, поднявшись высоко, низко падаютъ.

13. И отъ малой искры возгарается великій пламень; и сѣмя ехидны бывало не рѣдко пагубнымъ. Видя сіе, уклоняйся и того, что производитъ малый вредъ. Теперь вредъ не великъ, но со временемъ сдѣлается онъ большимъ.

14. Разбирай больше самъ себя, нежели дѣла ближнихъ: одно доставляетъ пользу тебѣ, другое — ближнимъ. Лучше вести счетъ дѣламъ своимъ, нежели деньгамъ; послѣднія текутъ, а первая постоянны.

15. Пусть непрестанно трудится твой умъ, впечатлѣвая въ себѣ божественныя мысли и глаголы жизни. А на языкъ будь скупъ; потому что онъ весьма способенъ дѣлать вредъ, и тѣмъ скорѣе движется, тѣмъ меньше приноситъ пользы.

16. Меня обольщало зрѣніе, однако же я удержался, не поставилъ въ себѣ кумира грѣху. И кумиръ былъ поставленъ; но мы избѣжали искушенія. Все это степени боренія съ непріязненнымъ врагомъ.

17. Залѣплай воскомъ уши отъ гнилаго слова и отъ неблагоприличныхъ извѣстій усладительнаго пѣнія. Но отверзай слухъ для всего добраго и прекраснаго. Между словомъ, слышаніемъ и дѣломъ разстоянія не велики.

18. Не обольщайся чрезъ мѣру пріятностями запаховъ, мягкостію осязанія и вкусомъ. Уступивъ имъ надъ собою верхъ, произведешь ли что муже-

ственное? Различны между собою услажденія, приличны женамъ и мужамъ.

19. Чрево говорить: дай. — Охотно дамъ, если, получивъ просимое, сохранишь цѣломудріе. А если жертвуешь симъ дольнему; то получи отъ меня грязь, да и ту не въ избыткѣ. Когда же сдѣлаешься воздержнымъ; тогда дамъ и въ избыткѣ.

20. Для людей здравомыслящихъ достоинъ смѣха какъ вообще всякій смѣхъ, такъ еще болѣе смѣхъ блуднической. Неумѣренный смѣхъ бываетъ и до слезъ. Лучше быть угрюмымъ, нежели разсѣяннымъ.

21. Красотою почитай благолѣшіе души, — не то, что могутъ написать руки, а время разрушить, но то, что усматривается взоромъ цѣломудреннаго ума. А подобно сему и безобразіемъ признавай душевную гнусность.

22. Тебѣ предстоятъ скорби, удовольствія, надежды, опасенія, богатство, нищета, слава, безславіе, престолы; пусть течетъ все это, какъ хочетъ. До человѣка, утвердившагося на добромъ основаніи, не касается ничто непостоянное.

23. Возвышайся болѣе жизнію, нежели мыслию. Жизнь можетъ сдѣлать тебя богоподобнымъ, а мысль доведетъ до великаго паденія. И жизнь устрой не по малой мѣркѣ. Какъ бы ни высоко возшелъ ты, все будешь еще стоять ниже заповѣди.

24. Не за всякою славой гонись, и гонись не слепкомъ; лучше быть, нежели считаться, добрымъ. А если не можешь себя умѣрить; лови славу, но не суетную и не новую. Что пользы обезьянѣ, если примутъ ее за льва?

25. Хвали другаго, но не думай высоко о себѣ, когда тебя хвалятъ ; ибо опасно, чтобы не оказаться тебѣ ниже похвалъ. И другаго хвали, не торопясь, но прежде дознай опытно, чтобы не повести тебѣ стыда, когда окажется онъ худымъ. —

26. Лучше о себѣ слышать худое, нежели говорить худо о другомъ. — Ежели кто, желая позабавить тебя, выставляетъ ближняго на посмѣшище ; то воображай себѣ, что предметомъ смѣха служишь ты самъ ; въ такомъ случаѣ слова его всего болѣе огорчатъ тебя.

27. Не хвались добрымъ плаваніемъ, пока корабль твой не привязанъ къ берегу. У многихъ счастливо плывшая ладья разбивалась у пристани. Многихъ уносилъ девятый валъ. Одно безопасно — не слагать вины на счастье.

28. Тому лучше возъмѣть нѣкоторое дерзновеніе предъ Владыкою, кто живетъ хорошо, и потрудился, нежели тому вызывать Его на судъ, кто не отличается добрыми дѣлами, хотя и все у него идетъ съ разсужденіемъ.

29. Откажись отъ всего, и стяжи единаго Бога, потому что ты раздаятель чужаго имущества. А если не хочешь оставить все, то отдай большую часть. Если же и того не хочешь ; по крайней мѣрѣ излишки употребляй благочестно.

30. Хорошо уберечь что нибудь отъ моли и отъ зависти. Лучше имѣть должникомъ Христа, нежели всѣмъ обладать. Христось за одинъ кусокъ хлѣба даруетъ царство; а питая нищаго, ты питаешь и одѣваешь Христа.

31. Приходилъ нищій, и ушелъ, ничего не получивъ. Боюсь, Христе, чтобы и мнѣ, который имѣю нужду въ Твоей помощи, по моимъ же законамъ, не отойти отъ Тебя ничего не получившимъ. Ибо кто не далъ, тотъ и получить не надѣйся. -

32. Всего безопаснѣе чловѣкъ не имущій. Онъ обращенъ къ Богу и на Него одного взираетъ. Укрой же его въ своихъ объятіяхъ. И мощный орелъ, какъ говорятъ, согрѣваетъ въ гнѣздѣ своемъ мелкую птицу.

33. Нищета лучше неправеднаго приобрѣтенія, равно какъ и болѣзнь лучше худаго здоровья. Чловѣкъ не вдругъ умираетъ съ голода; но для порочныхъ худая жизнь есть смерть.

34. Чтò значать слова: господинъ и слуга? Какое дурное дѣленіе! У всѣхъ одинъ Творецъ, для всѣхъ одинъ законъ, одинъ судъ. Принимая услугу, смотри на служащаго, какъ на сослуживца; и сподобишься большей чести, когда разрѣшишься отъ тѣла.

35. Чтò же должны дѣлать рабы, особливо рабы Божіи?— Да не отказываются они угождать господамъ. И въ свободные и въ рабы вписываетъ жизнь. Христось пришелъ въ образѣ раба, но Онъ освободилъ насъ.

36. Стыдись наименованія порочнымъ, а не низкимъ по происхожденію. Знатность рода есть дивная гнилость. Лучше начать, нежели заключить собою родъ, равно какъ лучше самому быть пригожимъ, нежели родиться отъ пригожихъ.

37. Въ разсужденіи одного Бога и божественнаго не знай мѣры въ насыщеніи. Богъ еще въ боль-

шей мѣрѣ даруетъ Себя тѣмъ, которые пріемлютъ Его. Онъ самъ жаждетъ жаждущихъ Его, непрестанно и преизобильно источая Себя имъ. А если кто богатѣе тебя въ другомъ чемъ, терпи сіе равнодушно.

38. Не заботься во всемъ и всегда одерживать верхъ. Лучше уступить надъ собою побѣду съ пользою, нежели побѣдить со вредомъ. И у борцовъ почитается побѣжденнымъ не всегда тотъ, кто лежитъ внизу, но часто и тотъ, кто остается вверху.

39. Въ иномъ понеси и ущербъ: это часто бываетъ выгодно; какъ и растеніе подрѣзываютъ, чтобы больше принесло плодовъ. А если къ тому, что имѣешь теперь, присокупишь что нибудь не добрымъ способомъ; будетъ значить, что подкладываешь огонь подъ дрова, или здоровому тѣлу сообщашь болѣзнь.

40. Если ты ни въ чемъ не виновенъ предъ Богомъ, и ни чѣмъ не заслужилъ наказанія; то не имѣй состраданія и къ тѣмъ, которые виновны предъ тобою. А если сознаешь себя виновнымъ предъ Богомъ: то оказывай снисходительность и самъ; потому что у Бога милость взвѣшивается милостію.

41. Какъ скоро обида разжигаетъ твое сердце; вспомни о Христѣ и объ Его язвахъ, разсуди, что претерпѣваемое тобою весьма маловажно въ сравненіи съ страданіями Владыки: и тогда, какъ водою, угасишь свою скорбь.

42. Плотская любовь, пьянство, ревность и бѣсъ — равны между собою. Къ кому пришли они, у того погубленъ умъ. Умерщвленіе плоти, молитва,

слезы — вотъ цѣлебныя пособія! Это составляетъ врачевство и для моихъ недуговъ.

43. Избѣгай всякой клятвы. Но чѣмъ же увѣрить другихъ?—Словомъ и жизнью, удостовѣряющею въ словѣ. Ложная клятва есть отреченіе отъ Бога. Къ чему тебѣ призывать въ посредники Бога? Сдѣлай, чтобы посредникомъ твоимъ были твои добрыя нравы.

44. Чтò короче сего повелѣнія о милости: такъ будь къ друзьямъ и ближнимъ, какими желаешь имѣть ихъ къ себѣ? Но есть другое и сего короче — это Христовы страданія.

45. Ничего не жалѣй для вѣрнаго друга, который показалъ себя не за чашей, но въ бурное время, который ничего не дѣлаетъ тебѣ въ угожденіе, кромѣ полезнаго. Знай предѣлы враждъ, а не благо-расположенію.

46. Глазь другое видитъ, а себя не видитъ; даже и другаго не видитъ, если очень слѣпъ. Посему надобно во всякомъ дѣлѣ имѣть совѣтника. И рукъ нужна рука, и ногъ — нога.

47. Ежели слѣдуешь совѣтамъ добродѣтельныхъ; то не стыдись, когда стануть осмѣивать тебя порочныя. А какъ скоро приходитъ тебѣ на мысль что нибудь гнусное, представь, что многіе на тебя смотрятъ, и устыдись самъ себя.

48. Добраго всегда предпочитай недоброму. Обращаясь съ порочными, и самъ непремѣнно сдѣлаешься порочнымъ. Отъ худаго человѣка никогда не принимай милости; потому что онъ старается чрезъ это найти у тебя извиненіе своимъ дѣламъ.

49. Хочу, чтобы попользовались чѣмъ нибудь и отъ непріязненнаго. Ибо тому, кто избѣжалъ его на-

паденій, совѣтую впередъ быть осторожнѣе. И горькаго лекарства боюсь, и сладкаго не одобряю.

50. Награждай добрыхъ, презирай злыхъ. Но и послѣднимъ оказывай одну милость, ни мало не оскорбляйся ихъ поступками, чтобы великодушіемъ и ихъ со временемъ сдѣлать добрыми. Прекрасный даръ — милость.

51. Будь милостивъ ко всѣмъ, если это возможно; а еще милостивѣе къ ближнимъ. Для чего говорю сіе? — Кто повѣритъ, что ты добръ къ чужимъ, если несправедливъ къ тѣмъ, кому одолженъ?

52. Для чего слагаемъ во всемъ вину на бѣднаго врага, когда сами своею жизнію даемъ ему надъ собою власть? Укоряй себя самого или во всемъ, или въ большей части проступковъ. Огонь зажигаемъ мы сами, а злый духъ раздуваетъ пламень.

53. Не слишкомъ поддавайся игривымъ снамъ. Они не должны какъ пугать всѣмъ твой умъ, такъ окрылять его пріятными мечтами. Все это бываетъ часто сѣтію непріязненнаго врага.

54. Всякому правому намѣренію пусть предшествуетъ надежда. Она помогаетъ иногда и въ худомъ; и потому не справедливо ли, чтобы еще болѣе содѣйствовала въ добрѣ? Несносно для меня, что преодолеваюсь злымъ.

55. Вѣрь, что благоразуміе надежнѣе счастія. Одно есть быстрое теченіе обстоятельствъ, а другое — кормило. Ничего не предпочитай учености; она одна составляетъ собственность пріобрѣтшихъ ее.

56. Если хочешь быть богомъ; показывай свою дѣятельность не въ томъ, чтобы дѣлать зло, но въ томъ, чтобы дѣлать добро. Послѣднее свойственно

человѣку, который знаетъ, что ему сродно. А убить безъ труда могутъ и тригонъ (а) и скорпионъ.

57. Стыдно юношѣ быть немощнѣе старца, а старцу — безразсуднѣе юноши. Впрочемъ будь мудръ хотя по лѣтамъ; а совершеннѣйшіе бываютъ цѣломудренны и не по лѣтамъ.

58. Непрестанно устрой свое спасеніе, особливо же, когда приближается конецъ жизни. Наступила старость,—это провозвѣстница, которая извѣщаетъ объ исходѣ. Всякой готовься; потому что близокъ судъ.

59. Конецъ слова: отреченіе отъ Бога бываетъ двойное, одно словомъ, другое дѣломъ. Смотри, чтобы не уловилъ тебя врагъ; онъ непрестанно угрожаетъ тебѣ тайными паденіями. Бойся, чтобы не сдѣлалось для тебя нужнымъ конечное очищеніе.

МЫСЛИ, ПИСАННЫЯ ОДНОСТИШІЯМИ (б).

Бога имѣй началомъ и концемъ всякаго дѣла.

Самая лучшая польза отъ жизни — умирать ежедневно. Зрѣн

Старайся узнавать всѣ поступки добродѣтельныхъ.

Тяжело жить въ бѣдности, но еще хуже разбогатѣть неправедно.

Дѣлая благотворенія, думай, что подражаешь Богу.

Милости Божіей ищи себѣ милостями къ ближнимъ.

(а) Морская рыба, родъ рап.

(б) Въ греческомъ каждая мысль составляетъ стихъ, и первыя буквы стиховъ слѣдуютъ порядку греческаго алфавита.

Владѣй плотію и смирай ея, какъ можно лучше.

Обуздывай гнѣвъ, чтобы не выступать изъ ума.

Удерживай око, и языкъ пусть знаетъ мѣру.

Уши пусть будутъ замкнуты ключемъ, и да не любодѣйствуетъ смѣхъ.

Свѣтильникомъ всей своей жизни признавай разумъ.

Смотри, чтобы изъ-за видимости не ускользнула у тебя дѣйствительность.

Все разумѣй, но дѣлай, что позволительно дѣлать.

Знай, что самъ ты странникъ ; и уважай странниковъ.

Во время благополучнаго плаванія наипаче помни о бурѣ.

Что дается отъ Бога , все то должно принимать съ благодареніемъ.

Лучше наказаніе отъ праведника , нежели честь отъ порочнаго.

При дверяхъ у мудрыхъ стой неотступно, а у богатыхъ не стой никогда.

Маловажное не маловажно, когда производитъ великое.

Обуздывай наглость, и будешь великій мудрецъ.

Береги самъ себя, а надъ паденіемъ другаго не смѣйся.

Пріятно возбуждать къ себѣ зависть , но весьма постыдно самому завидовать.

Въ жертву Богу преимущественно предъ всѣмъ прочимъ приноси душу.

О если бы кто соблюлъ сіе ! онъ спасется.

НА ЧЕЛОВѢКА ВЫСОКАГО РОДОМЪ И ХУДАГО ПО ПРАВСТВЕННОСТИ.

1.

Нѣкто, человекъ крайне худой, но происшедшій отъ добрыхъ родителей, хвалился своими предками предъ другимъ, который незнатенъ былъ родомъ, но внушалъ удивленіе дѣлами. Этотъ, съ большою пріятностію улыбувшись, далъ слѣдующій замѣчательный отвѣтъ: «мнѣ укоризна — родъ, а ты — укоризна роду.»

Соблюдай это въ памяти, и ничего инаго не будешь предпочитать добродѣтели. Если кто укорить тебя за то, что ты дуренъ лицомъ, или что имѣешь неприятный запахъ; ужели скажешь на сіе: у меня отецъ былъ пригожъ, или всегда умащался благовопіями? Если кто назоветъ тебя трусомъ и не имѣющимъ мужества; неужели возразишь: у меня предки пріобрѣтали много побѣдныхъ вѣнцевъ въ Олимпіи? Подобнымъ образомъ, если уличаютъ тебя въ томъ, что ты пороченъ и неразуменъ; не говори мнѣ о своихъ родителяхъ, и не указывай на мертвыхъ. У инаго гусли вызолочены, а онъ играетъ на нихъ нестройно; другой же беретъ какія ни попадутся ему гусли, и выигрываетъ на нихъ благозвучную пѣснь. Кого же изъ нихъ, дорогой мой, признаешь ты гуслистомъ? Конечно, того, кто въ искусственныхъ своихъ брѣцаніяхъ соблюдаетъ гармонію? Но ты родился, какъ говоришь, отъ золотыхъ родителей, а самъ не хорошъ. Ужели же по этому думаешь о себѣ высоко? и знаменитость рода

поставлешь въ этомъ одномъ — въ давнихъ мертвецахъ, въ разказахъ старухъ? Вѣрно, ты шутишь! Я смотрю на тебя одного: добродѣтеленъ ли, или пороченъ ты? А что до происхожденія; всѣ мы — то же брение, у всѣхъ одинаковая кожа, хотя надмеемся и превозносимся богатствомъ, славою, величіемъ отечества, какъ будто отецъ и родъ придаютъ мнѣ что-то лишнее. Меня не восхищаютъ ни сказки, ни гробы; но смотрю на тебя одного, добрый мой. Всѣ мы одна персть; всѣ мы приходимъ отъ одного Творца. Не природою, а насиліемъ раздѣлены смертные на два разряда. По моему тогъ и рабъ, кто негоденъ, тогъ и свободенъ, кто совершенъ. А если въ тебѣ есть гордость; какое тутъ отношеніе къ роду? По отцѣ ли славенъ лошакъ, и укоришь ли его за то, что произошелъ отъ осла? Ни мало. Но какая слава и осламъ отъ лошаковъ? Орлы рождаютъ и кидаютъ своихъ птенцевъ. Для чего же ты, умалчивая о себѣ, говоришь мнѣ о своихъ предкахъ? Лучше быть добродѣтельнымъ, происходя отъ худаго рода, нежели благородному быть человѣкомъ самымъ порочнымъ. И роза выросла на грубомъ растеніи, хотя она и роза. Если же ты на нѣжной землѣ вышелъ терномъ; то годишься только въ огонь. Какъ же, будучи порочнымъ, столько величаешься предками? Ты—ходящій въ колесѣ осель; а думаешь носить голову наравнѣ съ конемъ. —

2.

Если бы привелъ я къ тебѣ обезьяну, постаравшись нарядить ее львомъ; пришелъ ли бы ты въ страхъ ири видѣ ся?—Какъ это возможно?—А что? не смѣ-

пнѣ ли еще былъ бы для тебя воронъ , эта самая некрасивая изъ птицъ , если бы онъ , окрасившись чѣмъ нибудь бѣлымъ , сталъ представлять изъ себя лебедя? — Для меня онъ очень смѣшонъ. А если чело­вѣкъ низкій по нравамъ величается благород­ствомъ , уважать ли мнѣ его ? Какъ ни блистателенъ ликъ писанный на картинѣ , я не предпочту его жи­вому чело­вѣку. Пусть напишутъ себя другіе ; для меня нравы замѣняютъ родъ. Да и подлинно , что съ вами сдѣлалось , смертные чело­вѣки ? Нѣтъ коня , который бы не родился конемъ ; нѣтъ птицы , кото­рая бы не летала на крыльяхъ. Смотри на быка , кто скажетъ , что это дѣлфинъ ? Каждая вещь за то и признается , что она въ дѣйствительности. Но вотъ два забавныя явленія на поприщѣ нашей жизни — живая тварь , пресмыкающаяся по землѣ , превозно­сятся до звѣздъ , и грамата дѣлаетъ худонравнаго благороднымъ ! Какого покупаешь себѣ коня , до­браго ли и скорого , или ни къ чему негоднаго , а только извѣстнаго породой ? — Конечно , добраго. Не проворныхъ ли выбираешь и псовъ ? — Да. — Что жъ ? не то же ли наблюдаешь и во всемъ ? — Конечно , то же. — А себя , когда ты всѣхъ порочнѣе , называешь благороднымъ ? Напрасно такъ шутишь. Пусть от­вѣсъ покажетъ твою прямизну ; тогда повѣрю. Ты укоряешь меня низостію рода , хотя я чело­вѣкъ сво­бодный. Я смѣюсь надъ твоимъ недугомъ , если ты , будучи всѣхъ порочнѣе , думаешь знатностію рода прикрыть свою худую нравственность. Тѣхъ , отъ кого происходишь , признали благородными , можетъ быть , за богатство , а не за нравы. А ты присово­купи и добрую нравственность. Что тебѣ за польза

происходить отъ знатнаго рода, и быть человекомъ самымъ порочнымъ? Кто благороденъ по отцѣ, а низокъ по нравамъ, того почитаю для добрыхъ дѣлъ смердящимъ мертвецемъ. Одно благородство—имѣть добрые нравы.

НА БОГАТОЛЮБЦЕВЪ.

Увы! увy! Какихъ золъ исполнены злые! Но они бѣдные и не знаютъ даже этого, не знаютъ, чтобы къ своему спасенію воспользоваться чѣмъ нибудь, или словомъ какимъ, или совѣтникомъ, или памятованіемъ о Богѣ; а все это—врачевства для недужныхъ. Но вотъ жалкая болѣзнь! Они почитаютъ себя совершенно здоровыми. Такъ помѣшанные въ умѣ и изступленные самое разстройство ума признаютъ его крѣпостію, и безъ крыльевъ летаютъ, безъ воловъ пашутъ землю, не имѣя вблизи себя воинской дружины подають другимъ помощь, не плывя плаваютъ, одни безъ противника вступаютъ въ борьбу, обогащаются, царствуютъ, выигрываютъ тяжбы; и все это—дѣло болѣзни. А посовѣтуй что нибудь, скорѣе самъ потерпишь зло, нежели убѣдишь словомъ, чтобы попользовались какимъ нибудь врачевствомъ отъ недуга. Ибо кто станетъ лечиться и искать спасенія, когда увѣренъ, что онъ не боленъ, но здоровъ? Больному свойственно заботиться о врачеваніи, но больному не до крайности. А кто праведника почитаетъ больнымъ, тотъ прійметъ ли его совѣтникомъ въ страданіи?

Ты богатъ и употребляешь всё мѣры, чтобъ никто не былъ тебѣ сосѣдомъ. Хочется тебѣ завладѣть полемъ; но оно принадлежитъ ближнему, а не тебѣ,— и это бѣда! Надобно, чтобъ на тебя одного всё смотрѣли. Если тѣлу твоему нанесенъ ударъ, это ужасно. Чтò ни есть у ближняго, все—гвоздь тебѣ въ глазу. И хорошо, если бы это было такъ дѣйствительно! Тогда, можетъ быть, пересталъ бы ты пожирать неперестанно все больше и больше, какъ пламень, какъ горный потокъ, какъ заразительная болѣзнь, не останавливаемая никакою преградой. По моему мнѣнiю, тебѣ нѣтъ никакой пользы въ томъ, чтò имѣешь уже у себя, пока не будетъ прiобрѣтено тобою что нибудь изъ желаемаго. На помощь рукамъ готова у тебя и клевета. Понесъ я потерю?— Ты мой заимодавецъ, а вскорѣ потомъ и мой истязатель. Грозятъ пытки, оковы; бѣдному жаль своего тѣла; все отдаетъ, только бы избавиться, и не хотя щедръ на все чтò ни есть у него. Чтò жъ, развѣ не обязанъ ты отчетностiю по службѣ въ городъ, или на кораблѣ? Еще не другъ ли ты морскому разбойнику? И называютъ тебя по имени, какого не бывало на свѣтѣ, только бы устрашивъ, попользоваться отъ тебя чѣмъ нибудь. Да и волъ твой сдѣлалъ когда-то обиду моимъ воламъ.—Чтò жъ это за обида? скажи мнѣ. — Воль такого бѣдняка, а мычалъ громче, и еще какъ будто вызывалъ на драку, или уже и одолѣлъ. И тѣнь отъ твоихъ деревьевъ, падая на мои деревья, причиняетъ имъ вредъ. И мальчикъ твой ходилъ по моему полю. Терпи, или представлены будутъ на это свидѣтели; и тогда пропали у тебя и волъ, и мальчикъ, и садъ.

Это—открытое насиліе. А если злѣй чловѣкъ по случаю и уменъ; то его выдумка еще правдоподобнѣе. Принявъ на себя видъ заступника другихъ, не допускаетъ сдѣлать какое нибудь зло, но покровительствуетъ людямъ, чтобъ поработить ихъ, и потомъ пожираетъ, какъ левъ, который, отогнавъ звѣрей отъ бѣднаго животнаго, не оказываетъ ему милости, но самъ прибираетъ къ себѣ, какъ легкую добычу.

Для чего изнурять себя? Простое дѣло—довольствоваться тѣмъ, что имѣешь. А при неумѣренномъ приобрѣтеніи великъ и трудъ: ссоры, тяжбы, обманы, ложныя клятвы, кромѣ же всего прочаго заботы, какъ мгла, всегда приносятъ имъ что нибудь чуждое. Если ты, сидя за столомъ съ людьми, которые не ниже тебя чиномъ, не наблюдаешь мѣры и огорчаешь тѣмъ, что полными горстями хватаешь всего; то не похвалятъ тебя. То же надобно сказать и о приобрѣтеніи; потому что жадность вездѣ отвратительна. Но не такъ представляется тебѣ, у котораго разумъ подавленъ. Однимъ уже владѣешь, другаго желаешь, третьяго надѣешься; а для инаго есть у тебя сводчики и подговорщики въ родѣ тѣхъ, которые услуживаютъ растлителямъ плоти. Ты чтиншь золото; снѣдь моли—одежды похоронены у тебя въ сундукахъ; всегда окруженъ ты скупщиками хлѣба, торгуешь самымъ безвременьемъ. Одни плачутъ, другіе питаются надеждой; потому что надежда есть легкая греза на яву. А ты на однѣ житницы кладешь печать, а другія предусмотрительно открываешь, соображаясь, какъ думаю, съ теченіемъ обстоятельствъ. Увы! увь! Ты берешь подать съ

несчастія бѣдныхъ, собираешь плоды съ чужаго невзгодья; затруднительное положеніе другихъ для тебя своего рода жатва.

Кто же ты, отваживающійся на такіа дѣла? Почему такъ поступаешь? И на что надѣешься? Можетъ быть, настоящая ночь застигнетъ тебя уже мертвымъ, похитивъ изъ среды всего тобою вожделѣваемаго. Какъ это ужасно! Другіе все, и тѣло, и имущество приносятъ въ даръ Богу, отъ Котораго все; а ты всего домогаешься, все тебѣ надобно имѣть. Что же приобретаешь? Какія страшныя сокровища? У тебя на столѣ груды снѣдей; это отрада узкой гортани, о которой всѣ твои заботы; у тебя надменіе чрева, болѣзнь пресыщенія; ибо таковы плоды неумѣренности въ пищѣ; у тебя огромныя дома, въ которыхъ большая часть стоитъ пустою, съ золотыми потолками, и блещущіе картинами; у тебя слуги, наряженные на подобіе женщинъ; у тебя тѣнистыя и прохладныя убѣжища; у тебя пьянство, лики поющихъ, дружныя рукоплесканія, при которыхъ растлѣвается красота образа Божія. Ты надмеваешься своимъ блескомъ, передъ всѣми въ городѣ высоко носишь свою голову, хвастаешься высокостію своего чина; а чины—это борьба зависти и самовластія. Ибо никто не дозволяетъ другому думать о себѣ высоко, но самъ себя ставитъ выше всѣхъ, и заносится предъ другими больше, чѣмъ у змѣи одинъ рядъ чешуи надвинуть на другой. Но пусть такъ! Что же еще у тебя драгоценнаго? Роскошь женщинъ въ убранствѣ дорогими камнями и золотомъ, которые то сплочены вмѣстѣ, то блестятъ отдѣльно; цѣпи на рукахъ и ногахъ —

это пріятное бремя, не для доброй цѣли помогающее красотѣ, которая домогается того, чтобъ нравиться многимъ мужчинамъ.

Что же еще? Можетъ быть, хочешь оставить дѣтей богатыми и владѣтелями пріобрѣтеннаго отцевою наглостію. Это значило бы еще что нибудь, если бы сбылись твои надежды. А теперь никто не знаетъ, гдѣ солтѣтъ твой прахъ, и до чего протрется вредъ пріобрѣтенія. Ты трудишься, и по долгу, можетъ быть, не спишь, и ночи наравнѣ съ днями проходятъ у тебя въ заботахъ; отъ того больше имѣешь горестей, нежели наслажденій; берешь грабительскій ростъ, изъ одного роста выращаешь другой, и сколько съ чего взять, высчитано у тебя по пальцамъ. Но это сберегается не для тебя, и не для кого ты надѣешься, а достанется кому нибудь, можетъ быть, человѣку для тебя стороннему, и то еще хорошо! Случится, что достанется и твоему непріятелю, — одному изъ тѣхъ, которые худо говорятъ о тебѣ и о твоёмъ добрѣ, которыхъ ты не удостоивалъ даже своимъ кускомъ. Можетъ быть, одинъ изъ потерпѣвшихъ отъ тебя зло, тотъ, кто тебя и домъ твой со слезами и воплемъ орошалъ соленымъ питіемъ, будетъ питаться чужими трудами, какъ жирный и по верхамъ смѣтраціи пѣтухъ, не одобряя многого въ томъ, что теперь изображаешь на стѣнахъ дома, а съ наслѣдникомъ твоимъ, если и встрѣтится, не разломитъ и хлѣба. Такъ суетны мечты человѣческія! Для этого, если можешь что выдумать, присовокупляй къ пріобрѣтенному, мучь себя, дѣлай насилія, не оставляй безъ испытанія никакихъ худыхъ мѣръ, объищи глубины

земли и моря, стриги, какъ говорится, и съ мертвыхъ волосы, *пожри мрежи* (Авв. 1, 16), поклоняйся рукъ своей, которая столько собрала тебѣ золота, для прибыли ни во что поставь все, и враговъ, и друзей, и родныхъ, и благодѣтелей.

Это ничѣмъ не разнится отъ морскаго отлива, или отъ Харибды поглощающей пловцевъ. Еще не много, и богатство будетъ изbleвано, потечетъ, какъ излишнее бремя изъ пресыщеннаго чрева. Еще не много подождать, и наступитъ судъ, или еще здѣсь, что гораздо лучше, или если не здѣсь, то въ будущей жизни. Прекрасная нищета предпочтительнѣе худо пріобрѣтеннаго богатства. Лучше быть смиреннымъ, нежели надменнымъ и болѣзнь почитать здоровьемъ.

Надобно бы, чтобъ все у тебя, какъ рассказываютъ о Мидасѣ, обращалось въ золото, чтобъ и тебѣ потерпѣть одинакую съ Мидасомъ участь, и за худое желаніе справедливо мучиться голодомъ. Между породами ехиднъ, какія водятся въ египетской пустынѣ, есть такъ называемая дипсада. Каково ея угрызеніе, показываетъ самое наименованіе. Оно дано гаду по той неутомимой жадѣ, какую страдающая умираетъ угрызенный. Кому сообщился этотъ ядъ, тотъ, встрѣтивъ рѣку, съ отверстымъ ртомъ весь погружается въ нее, и пьетъ, пока не расторгнется его внутренность отъ принятаго внутрь бремени, и только вмѣстѣ съ жизнію прекращается жажда. Не знаю, слыхалъ ли ты, любезный, что нѣкогда небо дождило хлѣбъ народу, когда шелъ онъ по пустынѣ, въ которой, какъ и естественно, не было средствъ къ пропитанію? Этотъ даръ, какъ

Божій, подаваемъ былъ щедро и неоскудѣваемо. Но неумѣренныхъ постигало и наказаніе; всякій излишекъ тотчасъ дѣлался смраднымъ; а мѣрою служила потребность дара. Справедливо было бы, чтобъ то же самое случалось всегда со всякимъ несправедливымъ человѣкомъ, то есть, чтобъ онъ, или расцѣдился отъ сильнаго своего желанія, или вмѣстѣ съ своимъ неправеднымъ пріобрѣтеніемъ дѣлался смердящимъ. Это одно, можетъ быть, остановило бы такихъ людей!

Что жъ? Почему непустишь въ прибыльный оборотъ и собственнаго своего тѣла? Почему не избереши жизни начальника разбойниковъ; не подламываешь стѣнъ, не тревожишь гробовъ, если у тебя одна забота—разбогатѣть, а какъ и откуда, о томъ вовсе нѣтъ слова? Есть мѣра красотъ, есть и зрѣнію, и бѣгу, и силѣ, и пѣнію, и пляскѣ, и рѣчамъ: все это дѣло труда, а не хищничества. А пріобрѣтенію нѣтъ никакой мѣры. Но чужій овладѣваетъ имуществомъ трудившагося, и пріобрѣтавшаго честно, или законно получившаго отеческое наследство, овладѣваетъ тотъ, въ комъ не много остается дыханія жизни, кто, можетъ быть, не успѣетъ и узнать всего, что поступило въ его собственность.

Не отдать ли тебѣ одному цѣлую землю? Но если отдадимъ это, не останется ли еще чего? Что будешь ты дѣлать? Не употребишь ли усилій пріобрѣсти и то? Непрестанно будешь трудиться; потому что ты нищій, пока не получишь остальнаго? Но ты на чемъ нибудь остановишься! Подумай же объ этомъ теперъ. Можешь пользоваться своею собственностію; а если не знаешь мѣры, то знай, что

подливаешь ядъ во все, что ни имѣешь теперь у себя. Все, что приходитъ къ тебѣ несправедно, — огонь для тебя; оно губить съ собою и то, къ чему присовокуплено. Какъ не утоляетъ жажды морская вода, и любви—продолжительное зрѣніе на любимый предметъ, напротивъ того любовь воспламеняется вдвое: такъ для ненасытныхъ приобретаемое ими дѣлается отравой, которая непрестанно возбуждаетъ въ нихъ пожеланіе еще большаго.

Любителямъ спокойной жизни, или и бѣднымъ далъ бы я совѣтъ — пожертвовать чѣмъ нибудь людямъ злонравнымъ, какъ звѣрямъ бросаютъ пищу, или какъ бѣсамъ суевѣрные люди дѣлаютъ возліанія, если бы только такимъ средствомъ можно было приобрести спокойствіе, и стало наконецъ возможнымъ имѣть у себя нѣчто даже бѣднымъ, которые непрестанно трепещутъ и одной тѣни злыхъ людей. Но теперь, исключая однихъ злыхъ, отъ всего знаю врачевство, на примѣръ: отъ голода—пищу, отъ воздержанія — скудость, отъ водяной болѣзни — выпускъ воды, отъ чужаго глаза—тму, отъ слезъ—разсудительность или друга, отъ скорби — время; и пловцамъ въ затрудненіи спасительны показавшіяся на берегу огонь или пристань, и утомившемуся — умашеніе членовъ. Но для порочныхъ нѣтъ другаго врачевства, кромѣ Божія суда и ранъ. Но и того не чувствуютъ злочестивые, въ пресыщеніи презираютъ они и судъ. Содѣйственникъ ихъ покрываетъ имъ умы мракомъ, а хребетъ—мѣдью, чтобъ, подобно желѣзной наковальнѣ, не умягчался и среди бѣдствій.

Они тотчасъ прибѣгаютъ къ примѣрамъ. Что сіе значить, Христе мой? Для чего Ты людямъ пороч-

нымъ даешь видѣть преткновенія добродѣтельныхъ, чтобъ въ нихъ находили они убѣжище своему злоправію? На доброе дѣло, хотя оно и велико, никто не обращаетъ вниманія; а худое дѣло, какъ оно ни мало, для людей безразсудныхъ и злонравныхъ дѣлается какою-то вывѣскою. Для добрыхъ дѣлъ они—железо, а для худыхъ — воскъ, и легко отпечатлѣваются на себѣ все худое. Я не цѣломудренъ, говоритъ порочный. Что жъ, развѣ не найдутся мнѣ подобные? И увы! Онъ наименуетъ когонибудь изъ мудрыхъ. Я убійца? Что-жъ, развѣ и въ этомъ не найдутся мнѣ подобные и изъ древнихъ, и изъ новыхъ? Я обогащаюсь неправедно? А иный захватывалъ во власть свою цѣлыя народы и города. Кто же не знаетъ, сколько хуже клятвы отреченіе? И потому выставляетъ на видъ чьенибудь отреченіе, чтобъ прикрыть тѣмъ свои меньшія раны.

На это хочу сказать тебѣ одну баснь (если только и среди бѣдствій можно шутить), баснь очень приличную твоимъ лжеумствованіямъ. Смѣялся нѣкто надъ совою. И сова отъ каждой насмѣшки увертывалась ловкимъ отвѣтомъ. Какая у тебя голова! говорили ей. А какая у Діа? отвѣчала она.—Какіе свѣтлыя глаза!—Точно какъ у свѣтлоокой.—Голосъ не благозвученъ!—А у сороки еще не благозвучнѣе.—И ноги тонки!—А каковы тебѣ кажутся у скворца?—Но безъ труда отразивъ все это, какъ ни была умна сова, уступаетъ въ одномъ. Ей говорятъ: ты такая умная, посуди же: у каждаго есть чтонибудь одно; а у тебя все вмѣстѣ, и все черезъ мѣру, и глаза свѣтлы, и голосъ грубъ, и ноги тонки, и голова

велика. И дорогая сова, выслушавъ это, пошла со стыдомъ.

А отъ тебя не дождешься и сего, напротивъ того птица въ баснѣ гораздо умнѣе тебя. Все есть въ одномъ;—въ томъ и бѣда твоя. Разъ или два увлечься и пасть, и притомъ въ чемъ нибудь неважномъ,—это еще извинительно. Уступимъ нѣчто и омраченію плоти. Ни въ чемъ не претыкаться свойственно единому Богу. Но падать намѣренно, хвалиться худымъ дѣломъ, падать многократно, падать въ пороки важные, и не стыдиться сего, но смѣяться надъ этимъ, не хотѣть уцѣломудриться и наказаніями, какими вразумляются люди самые жалкіе, но съ открытой головою кидаться въ опасность,—это самая ужасная и злокачественная болѣзнь. Разсмотри свои дѣла, разсмотри и то, что тебѣ предписано дѣлать и не дѣлать. А въ тѣхъ дѣлахъ обрати вниманіе на время и на то, чему они служатъ образомъ. Тогда вѣра едва начиналась; люди, какъ младенцы, имѣли нужду въ поддержкѣ и въ нѣжной пищѣ; потому и падающіе находили себѣ извиненіе. Но тебѣ не простиительно падать; потому что ты принялъ совершенное слово, и Христосъ много пострадалъ за твои грѣхи. Напротивъ того, тебя за прежнія грѣхопаденія ожидаетъ казнь. Что говоришь за прежнія? И за тѣ, въ которыя ввергаешься нынѣ.

Не упоминаю еще о тамошнихъ надеждахъ; правосудіе находитъ многое, чѣмъ наказать и здѣсь. У тебя есть домъ, жена, дѣти, есть еще что нибудь особенно любезное (ибо при всемъ своемъ самолюбіи привязанъ ты къ этому), а также самое имѣніе, роскошь, свобода, и въ заключеніи всего собствен-

ное тѣло твое. А посему, имѣя у себя это, то есть, такое бремя жизни, плыви осторожно.

« Но что же? Развѣ и у тебя нѣтъ болѣзней и бѣдствій? Не скудна ли и не бездомовна ли и твоя жизнь? » Онять ты хватаешься за чужія бѣдствія. Что тебѣ до этого? Это мои несчастія; потому что самъ ты называешь ихъ несчастіями. Ужели ты, страдая, менѣ чувствуешь болѣзнь, если страдаетъ въ одно съ тобою время и ближній? Но послушай еще: у насъ съ тобою и страданія неравны. Изъ этого иное самъ я избралъ для себя, а не по невольнѣ стражду. Добровольно хочу быть нищимъ и скитальцемъ, чтобъ освободиться отъ узъ и не на землѣ имѣть свое постоянное жилище. Для тебя все это дорого, а для меня напротивъ. Не ставь же лью въ образецъ долгохвостую обезьяну. Ты считаешь это бѣдствіемъ? Оно и дѣйствительно для тебя бѣдствіе. А для меня, хотя и болѣзненно, потому что и я, какъ человѣкъ (не отрекусь отъ этого), имѣю перстный составъ, ношу въ себѣ слѣды древа и доставленнаго имъ удовольствія, однако же я переносу это, и даже терплю съ любовію. Мое страданіе лучше твоей крѣпости. Посмотримъ еще на сіе и такъ. Оба мы терпимъ зло. Но твое страданіе есть наказаніе за твое злонравіе. Твой обвинитель—твоя нравственность, это горькое, внутреннее и ясное доказательство. А для меня бѣдствіе есть нѣкоторое очищеніе даже и отъ случайнаго очерненія. Не говорю еще о томъ, что огорчительное бываетъ иногда испытаніемъ и борьбою, въ которой за побѣду можно получить вѣнецъ.

Какъ выслушаешь это? Какъ воспользуешься мо-

ими словами? Ни одинъ человѣкъ, если онъ въ здоровомъ умѣ, не обманываетъ врача; иначе болѣзнь непримѣтно погубить его. И то и другое — недугъ, и презрѣть Бога, и подавленному бременемъ пороковъ потерять надежду на милость. Но прійми мое слово, и не подвергнешься ни которому изъ сихъ недуговъ. И презрѣніе, и отчаяніе въ надеждѣ—равно худы. Богъ—Судія, но и Отецъ. Ты боишься Его, какъ судіи, но смѣло надѣйся на Него, какъ на милосердаго. Открой свою болѣзнь, проси спасенія; пролей слезы на раны свои. Подавай и нищимъ, прекраснымъ твоимъ заступникамъ; они богато отдариваютъ насъ тѣмъ именно, въ чемъ имѣемъ мы нужду, то есть, Божіимъ милосердіемъ и упованіемъ на Бога.—Но если подаешь имъ, то подавай и въ своего, а чужимъ не покрывай ни Святой трапезы, ни нищаго. Нищій есть твореніе Божіей руки, а потому не долженъ быть презираемъ; и Святая трапеза—досточтима. Не обманывай Бога, какъ недалновиднаго Судію, чтобъ Онъ еще больше на тебя не прогнѣвался. Ты учишь красть искоренителя кражи.

Если убѣдительно это для тебя; тѣмъ лучше. А если не убѣдительно, то перестань, по крайней мѣрѣ, хотя уже и поздно, дѣлать насилія. Во всемъ, и въ добромъ и въ худомъ, есть свой сытость. Я похваляю въ тебѣ и это; потому что для порочнаго весьма важно—остановиться въ порокѣ.

Пріймешь ли это, или не пріймешь; но напомнимъ тебѣ гробъ. Это—предѣлъ всѣхъ худыхъ дѣлъ; и у тебя будетъ такой же конецъ, какъ и у всякаго, хотя пройдешь за Иракловы столпы, или за каспій-

скія ворота, присвоивъ себѣ достояніе и ближнихъ, и сосѣдей. И твою могилу, какъ думаю, раскопаетъ кто нибудь подобный тебѣ нравомъ, съ твоей походки перенявшій ходить криво, еще худшій ученикъ такого мудраго учителя.

Помни также неотвратимый и грозный день, за которымъ и мракъ, и пламень, и тартаръ — эти истязанія здѣшнихъ худыхъ дѣлъ для отысканія въ насъ образа Божія, который заваленъ сѣтями змія и хитреца, обольщающаго насъ зловреднымъ сластолюбіемъ.

А я домогаюсь, какъ мнѣ избѣжать бѣдствія, на какихъ спастись крыльяхъ, въ какихъ глубинахъ земли и моря, или какими ухищреніями, и въ какомъ концѣ вселенной, какимъ обложить себя мракомъ, или облакомъ вмѣсто покрова, какими молитвами умилостивить Бога? Вездѣ для меня три эти бѣдствія — и время, и мѣсто, и удобный случай ко грѣху. Поставлю передъ собою Божій законъ. Какой же именно? Переходите изъ города въ городъ; ибо предадутся нѣкоторыя бѣгству, — говорилъ Апостоламъ, когда гонимъ былъ, Вседержитель Богъ. Обойду всѣ города до послѣдняго огнища, избѣгая жестокаго нападенія лукавыхъ. А тамъ и не желающихъ постигнетъ казнь. Въ горнихъ обителяхъ не будутъ они безпокоить, и не изринуть оттуда нищихъ, какъ дѣлаютъ иныя, а развѣ сами, въ прохладеніе пламени, попросятъ нѣсколькихъ капель сожалѣнія. Да убѣдятъ тебя въ этомъ богатый и Лазарь, изъ которыхъ одинъ наказанъ единственно за то, что велъ роскошную жизнь, когда другой страдалъ и отъ недостатка пищи и отъ ранъ, по-

тому что богачъ, подобно тебѣ, отгонялъ отъ себя Лазаря; а другой почтенъ, потому что претерпѣлъ все сіе.

Конецъ слову; но выслушай его съ трепетомъ. Многое именуется грѣхомъ и дѣйствительно грѣхъ; но идолослужителемъ (а это есть самый тяжкій грѣхъ въ мірѣ) называется тотъ, кто ничего не знаетъ и не ставитъ выше денегъ (Ефес. 5, 5.), потому что и идолослуженію, по болѣзни своей, всего скорѣе подвергнется онъ, если наступитъ время — получить чрезъ это прибыль, или потому что кланяется богатству — этой Хамосовой мерзости. Итакъ отринемъ, отринемъ идольскіе кумиры, и будемъ чтить единого Бога, Котораго знаемъ.

НА ЖЕНЩИНЪ, КОТОРЫЯ ЛЮБЯТЪ НАРЯДЫ.

Не стройте, женщины, на головахъ у себя башенъ изъ накладныхъ волосъ, не выставляйте на показъ нѣжной шеи; не покрывайте Божія лика гнусными красками, и вмѣсто лица не носите личины. Женщинѣ не прилично показывать мужчинамъ открытую голову, хотя бы золото вилетѣно было въ кудри, или несвязанные волосы, какъ у скачущей менады, развѣвались туда и сюда нескромными вѣтерками. Ей не прилично носить на верху гребень, на подобіе шлема, или видную издали мужчинамъ и блестящую башню. Не прилично и то, чтобы сквозь

тонкій лень просвѣчивали твои волосы, вмѣстѣ покрытые и открытые, и сіяя какъ золото, гдѣ сбѣжало покрывало, выказывали мастерство твоей трудившейся руки, когда, поставивъ передъ собою слѣпаго наставника — бездушное изображеніе своего лица, съ его помощію писала ты свою красоту.

Если природа дала вамъ красоту, не закрывайте ея притираньями, но чистую храните для однихъ своихъ супруговъ, и не обращайтесь на посторонняго жадныхъ очей; потому что въ слѣдъ за очами неблагогоучинно ходить и сердце. А если при рожденіи не получили вы въ даръ красоты, то избѣгайте втораго безобразія, то есть, не заимствуйте красоты у рукъ, — красоты, которую доставляетъ земля, которую распутныя женщины покупаютъ, и покупаютъ за нѣсколько оловъ, красоты, — которая стирается и стекаетъ на землю, не можетъ удержаться на тебѣ во время смѣха, когда веселіе приводитъ въ трепеть ланиту, — красоты, которую избличаютъ въ подлогѣ ручки слезъ, увлаживающей ланиты страхъ, и уничтожаетъ капля росы. Теперь блестятъ и полны прелестей твои ланиты; но вдругъ (къ великому смѣху) являются онѣ двухцвѣтными, гдѣ темными, а гдѣ бѣломраморными. Ибо тебѣ, подсурмившаяся и подрумянившаяся, возможно ли удержать на себѣ обличаемую въ подлогѣ красоту? Она была бы прилична на неподвижныхъ статуяхъ; но у тебя накладная личина разрушается отъ многихъ причинъ. Одно тѣло дано тебѣ Богомъ, а другое есть произведеніе твоей руки; одно ветхо, другое ново. Это лугъ, на которомъ растутъ попеременно цвѣты двухъ родовъ, и пріятные, и непріятные. Это

двухцвѣтная одежда, по которой идутъ многія полосы. Поэтому, или не расписывай своего тѣла, или, расписавъ, постарайся сберечь; не прибѣгай къ постыднымъ пособіямъ прикрашивать свой видъ. Не трудись надъ Пенелопиной тканью, въ которой надобно ночью распускать, что соткано днемъ: будучи внутри Гекубой, не будь снаружи Еленой.

Если и достанетъ у тебя хитрости сокрыть что нибудь отъ супруга, хотя и не удобно Божій образъ закрыть смертной личиной; то смотри, чтобы прогнѣванный Богъ не сказалъ тебѣ такъ: «Отвѣчай, чуждая Мнѣ тварь! Кто и откуда этотъ творецъ? Я не пса живописалъ, но создалъ собственный Мой образъ. Какъ же вмѣсто любезнаго Мнѣ образа вижу кумирь?»

Но уступимъ нѣчто твоей болѣзни. Впрочемъ, если явно, что ты живописная картина, въ которой одинъ ликъ наложенъ на другой; то знай, что ты ставишь позорный столпъ, издали видный людямъ, когда пишешь одушевленный образъ Алкиноя. Твои прелести — бесплодный Адонисовъ садъ, цвѣтъ полина, письмена на пескѣ. Но походя на галку, описанную въ баснѣ, и зная, что эта птица, гордившаяся чужими перьями, вскорѣ ощипана и предана осмѣянію, какъ и ты не подумаешь о послѣднемъ позорѣ, о пагубной красотѣ? Или надѣешься, что твоя блистательная наружность не измѣнится? Но въ скоромъ времени увидишь, сколько приноситъ горестей чужая красота.

Спрашиваю, что пользы въ накладной красотѣ, когда старость покроетъ морщинами лице, дотол цвѣтущее, когда дряхлыхъ членовъ пельзя закрыть

никакими прикрасами, и остатокъ плоти походить на что-то обожженное огнемъ и вынудое изъ пещи?

Тогда уже поздно оплакивать обманчивую красоту, когда оставшееся, по множеству морщинъ, не даетъ мѣста обезьянѣ. Такова прелесть подкрашенныхъ членовъ! Но поставь теперь, превосходная, изображеніе своего лица, какимъ было оно прежде. Я не почту его вѣрнымъ, да и тебѣ прежде всего надобно пожелать, чтобъ не было глазъ ни у одного изъ тѣхъ мужчинъ, которые прославляли тебя вѣкогда и не могли отвести отъ тебя очей, когда ты съ гордою поступью расхаживала передъ ними.

Смѣха достойно и то, что, стараясь утѣнться отъ мужчинъ, мужчинъ же вводишь въ тайны своей красоты. Ибо тѣ составы, которыми ты восхищаешься, приготавливали мужчины—грабители собственныхъ своихъ домовъ, строители безумной своей страсти. Это изобрѣтенія не цѣломудрія, но распутства; и распутство видно во всемъ томъ, на что ты ухищряешься для мужчинъ. Рассказываютъ о гордомъ навиинѣ, что, когда, изогнувъ шею въ видѣ круга, поднимаетъ свои золотистыя и звѣздами усыпанныя перья, тогда начинаетъ привѣтливо скликать своихъ женъ: удивительно будетъ для меня, если и ты подкрашиваешь свое лицо не для похотливыхъ очей.

Если ты къ супругу своему питаешь такую же любовь, какую и онъ къ тебѣ съ тѣхъ поръ, какъ цвѣтущею дѣвой ввелъ тебя въ брачный чертогъ; то сіе пріятно ему. Но если стараешься понравиться взорамъ другихъ, то сіе ненавистно твоему супругу. Лучше тебѣ внутри дома своего скрывать прелесть, данная природой, нежели не благочинно вы-

ставить на показъ прелести поддѣльная. Ибо супругу довольно и природной твоей красоты. А если красота выставлена для многихъ, какъ сѣть для стада пернатыхъ; то сперва станешь любоваться тѣмъ, кто тобою любитъ, и мѣняться взорами, потомъ начнутся усмѣшки и обмѣны словами, сначала украдкой, въ послѣдствіи же съ большею смѣлостію. Но остановись, говорливый языкъ, и не провозноси того, что послѣдуешь за этимъ. Впрочемъ скажу за несомнѣнное, что всякая шутка женщины съ молодымъ мужчиною узвляеть какъ острое жало. Здѣсь все неразрывно идетъ одно за другимъ, подобно тому какъ желѣзо, притянутое магнитомъ, само притягиваетъ другое желѣзо. —

О какъ бы хорошо натирать бѣлилами и румянами (и еще въ избыткѣ) не женщинъ, но тѣхъ безразсудныхъ мужчинъ, которые, ежедневно имѣя предъ собою этотъ срамъ, сами себѣ застилаютъ глаза туманомъ и наслаждаются грѣхомъ! Они поражаютъ злословіемъ прекрасныхъ женщинъ, сами же своими срамными дѣлами уподобляются свиньямъ: а можетъ быть, и дѣйствительно попали бы въ темные свинные хлѣвы, если бы Цирцея помазала ихъ тѣмъ составомъ, которымъ она людей превращала въ звѣрей; ибо они не гнушаются прикрасами, и сами подкладываютъ въ огонь сухія дрова, когда надлежало бы ихъ убавлять, а не прибавлять. И есть мужья, которые стараются превзойти другъ друга въ нарядахъ женъ, чтобы одному передъ другимъ имѣть преимущество въ неразуміи. Часто и при недостаточномъ состояніи употребляютъ они всѣ усилія, чтобы возбудить наглость своихъ женъ. Но ты, вѣрно, ни

Зрѣт

когда не давалъ меча своего врагу и горному потоку не открывалъ пути на свои пивы.

Говорятъ, что, по похищеніи небеснаго огня, пришла къ людямъ Пандора наказать за одинъ огонь другимъ, за благодѣтельный — гибельнымъ. А чтобы она, какъ можно, болѣе воспламенила людей, демоны украсили ее разнообразными красотами, и каждый изъ нихъ приложилъ что нибудь отъ себя; все же это совокупивъ во едино, пустили они къ людямъ это многосложное обольщеніе, это любящее пиры, увлекательное, безстыдное, сладкорѣчивое услажденіе, эту никогда не потухающую головню. Не вѣрю я баснямъ, однако же скажу, съ твоего позволенія: не будь и ты многоличной Пандорой. Пандоринъ родъ — безстыдныя женщины. Но ты — Христовъ образъ, и сіяй цѣломудріемъ и благоразуміемъ.

Но вотъ уже не баснь; послушай моихъ совѣтовъ, какіе изреку тебѣ изъ пребожественнаго слова. Или не знаешь, какъ и древле твоего праотца обольстило своею доброцвѣтностію челоуѣкоубійственное древо, и какъ хитрость врага и убѣжденіе супруги и обольстили, и немедленно изринули его изъ зеленѣющаго рая? Съ сего-то времени, дочь моя, такой отеческій законъ — никогда не полагаться на доброзрачность. Ибо всякая красота — для меня кратковременная прелесть; ее приносятъ весна, и тотчасъ губитъ холодная зима, или преждевременно истощаетъ болѣзнь, или истребляетъ немилосердное время, ведя за собою кругъ всепопадающихъ лѣтъ.

Очень смѣшно, когда женщина, имѣя некрасивую наружность, знаетъ это, и гордясь своимъ безобразіемъ, презираетъ Данаю. Но еще гнуснѣе (такъ

говорять знающіе, я неспособенъ къ такому злорѣчю), когда всѣ имѣють общій недостатокъ, однако жъ желаютъ скрывать его одна отъ другой. Что опаснѣе такой болѣзни? Плотникъ разумѣетъ работу плотника; искусный пѣвецъ узнаетъ искуснаго въ пѣніи, и воръ видитъ вора. А женщины не хотятъ, чтобы другія понимали въ нихъ то, что сами понимаютъ въ другихъ. Такъ справедливо то, что порокъ ослѣпляетъ глаза. —

Но смѣшны мужчины, когда, любуясь доброцвѣтностію движущихся картинъ, оказываютъ уваженіе лицамъ, надъ которыми сами смѣются. Думаю же, что они любятъ не столько картинами, сколько прихотливостію мужчинъ; чему доказательствомъ служатъ краски.

Разсказываютъ, что одинъ скитался по утесамъ, влюбившись въ пустой и не имѣющій вида отголосокъ, называемый эхомъ. А другой воспылалъ любовію къ собственному своему изображенію, и бросился въ источникъ, чтобы обнять подобіе гибельной своей красоты. И еще одна уязвилась любовію къ прекраснымъ струямъ рѣки, въ безумной страсти не могла отойти отъ милыхъ береговъ, лобзала воду, черпала ее руками, и ловила пѣну; но и водами не могла угасить въ себѣ пламеньющей любви. Такъ слѣпа и непреклонна любовь!

Ни мало не удивительно, если и ты расцвѣченная, розоцперстая, одѣтая въ роскошныя ткани и носящая высоко голову, сведешь съ ума молодого человѣка, и даже не одного, но всякаго, для кого расписываешь себѣ лице. Вѣрю, что одинъ мудрый мужъ своимъ искусствомъ ввелъ въ обманъ тельца, изобра-

живъ красками на доскѣ телицу. Необычайна такая любовь — живые звѣри стремятся къ бездушнымъ изображеніямъ! Но и ты иногда ухищряешься возбуждать то же въ молодыхъ людяхъ. Орфей увлекалъ за собою звѣрей; а ты влечешь мужчинъ, у которыхъ звѣронравенъ умъ и женовѣстова жизнь.

Если ты и не покоряешься плотской похоти, а служишь только похоти очей; то и эта воздушная любовь есть уже болѣзнь. Но совершенно ли ты не уязвима? Готовъ я этому вѣрить; но и то уже не хорошо, если молва приписываетъ мнѣ и не сдѣланный мною грѣхъ. Въ такомъ случаѣ, хотя сама ты и благоразумна, но многимъ другимъ дашь урокъ неблагочинія. Порокъ течетъ быстро. Другіе употребляютъ искусство, чтобы прикрыть и скверную свою жизнь; а у тебя и на цѣломудріи лежитъ какъ-то чернота. Если и цѣломудренныя станутъ любить наружную блистательность; то другихъ женщинъ не убѣдишь имѣть цѣломудренское сердце.

По ученію нашего закона не должно съ похотливымъ желаніемъ и очей устремлять на чужую жену: потому что безстыдный взоръ — начало безстыдной любви, и только избѣгающій такого взора избѣжитъ и грѣха. Какъ же ты, открывающая предъ мужчинами поясъ любви, сохранишь себя вдалекѣ отъ грѣха прелюбодѣянія?

Но (старость говорлива) расскажу тебѣ басню, которая очень идетъ къ вашему позору. По одному древнему преданію, въ родѣ человѣческомъ не различалось прежде, кто хорошъ и кто худъ; но многіе, хотя были добродѣтельны, почитались беззаконниками, и на оборотъ многіе, хотя были безраз-

судны, слыли добрыми; самыхъ безчестныхъ людей сопровождала слава, и совершенныхъ преслѣдовало безславіе, но ни тѣмъ, ни другимъ не было правосудіа. Но не сокрылся отъ Царя Бога царствующій въ міръ грѣхъ, и возскорбѣвъ о семъ, повѣщаль Онъ наконецъ такое слово: «Несправедливо, чтобы слава Моя была и на добрыхъ и на злыхъ; отъ сего грѣхъ еще болѣе усилятся. Посему дамъ имъ вѣрный отличительный признакъ, по которому легко узнать, кто пороченъ». Сказавъ сіе, Ѥаниты у добрыхъ покрылъ онъ румянцемъ, такъ, что при видѣ чего либо постыднаго тотчасъ разливается подъ кожу кровь; особливо женщинъ надѣлилъ Онъ румянцемъ въ большей мѣрѣ; потому что и кожа у нихъ прозрачнѣй, и сердце вѣжнѣе. Но у злыхъ Богъ сгустилъ кровь и сдѣлалъ неподвижною во внутренности, такъ что и отъ стыда ни мало не приходитъ она въ обращеніе. =

Куда же причислю тебя, изукрасившая свои ланиты? Для меня не важенъ твой румянецъ, хотя и до чрезмѣрности покрываетъ онъ твою наружность; ибо это румянецъ безстыдства, отрожденіе того румянца, который въ древности потопленъ содомскимъ огнемъ. Не расписывай себѣ лица, распутная женщина, не поддѣлывай своего цвѣта; я признаю ту одну красоту, которую дала природа; потому что богатство, оставленное мнѣ отцемъ, лучше того, которое собрала рука моя незаконно; пусть оно мало, но обильнѣе послѣдняго. Такъ и законную жену предпочитаю любодѣйцѣ. Родныя дѣти, хотя и не красивы лицомъ, милѣе красивыхъ, но усыновленныхъ. Помни это, сохраняй тѣло свое такимъ,

3/211

каково оно по природѣ, и не желай, чтобы тебя почитали инаковою, нежели какова ты въ дѣйствительности.

Кельты испытываютъ въ струяхъ Рейна, законно рожденны ли ихъ дѣти. И часто золото пробуется на угляхъ. Такъ о цѣломудріи твоего сердца заключаю по неукрашенной красотѣ твоего лица. Да не кладетъ на тебя своей печати темный веляръ! Онъ или совершенно обратитъ тебя въ пепель, или очернитъ своимъ дымомъ, и за краткое наслажденіе покроетъ позоромъ. Не для благородныхъ дорого золото, перемѣшанное съ драгоценными камнями и сквозящимъ своимъ блескомъ поражающее взоры, въ видѣ цѣпи разложенное по персямъ, жемчужнымъ бременемъ отягчающее и обезображивающее уши, или увѣнчивающее голову. Не для благородныхъ дороги эти золотыя одежды, эти хитрыя произведенія изъ тонкихъ нитей, то багрянныя, то золотистыя, то прозрачныя, то блестящія. Не губительныя для ланитъ составы, не подрумяненныя уста украшаютъ женщину. Ея красота не въ томъ, чтобы поверхъ расписанныхъ вѣждей носить черную бровь, заворачивать внутрь увлажненные зрачки, изнѣженнымъ голосомъ привлекать къ себѣ благосклонный слухъ, руки и ноги стланувъ золотыми, вождѣльными и пріятными для тебя узами, представлять изъ себя что-то рабское, тѣло и голову умащать роскошными благовоніями (на трупы слѣтаются вороны (а)), жевать во рту что нибудь не-

(а) Симвъ св. Григорій, вѣроятно, дѣлаетъ тотъ намекъ, что умащать благовоніемъ прилично одни трупы.

употребляемое въ пищу (а), держать въ непрестанномъ движеніи подбородокъ , и какъ бы пзъ презрѣнія къ цѣломудреннымъ, изъ зубовъ и изъ увлажненныхъ устъ точить пѣну. Не восхищайся блестящестью сѣдалищъ , не старайся выказывать себя сквозь искусно сдѣланныя и сквозящія створки, высматривая тѣхъ , которые на тебя смотрять. Не гордись ни множествомъ слугъ , ни служанками — этими подобіями твоего сердца. Вѣстники весны — ласточки, плодовъ — цвѣты ; по служанкамъ можно заключать о госпожѣ. Размысли обо всемъ этомъ. Хотя не важно неприличіе чего нибудь одного ; однако же все вмѣстѣ и одно при другомъ — несомнѣнная пагуба.

Одинъ цвѣтъ любезенъ въ женщинахъ — это добрый румянецъ стыдливости. Его живописуетъ нашъ Живописецъ. Если хочешь, уступлю тебѣ и другой цвѣтъ ; придай своей красотѣ блѣдность, изнуря себя подвигами для Христа, молитвами, воздыханіями, бдѣніями днемъ и ночью. Вотъ притиранья годныя и незамужнимъ и замужнимъ ! = А красивые вещества побережемъ для стѣнъ и для такихъ женщинъ, въ которыхъ производитъ бѣшенство и пометъ молодыхъ людей. Онѣ пусть и скачутъ, и смѣются безстыдно ; а намъ не позволено даже и смотрѣть на распутныхъ женщинъ.

(а) Здѣсь указывается на обычай щегольливыхъ женщинъ жевать дерево, или другое что нибудь твердое, чтобы, непрестанно возбуждая во рту слюну, поддерживать свѣжесть устъ и не давать губамъ пересыхать.

Лучшая драгоценность для женщин — добрые нравы, то есть: сидеть больше дома, беседовать о Божіемъ словѣ, заниматься тканьемъ и пряжей (это обязанность женщинъ), распредѣлять работы служанкамъ, и избѣгать съ ними разговоровъ, на устахъ, на глазахъ и на ланитахъ носить узы, не часто переступать за порогъ своего дома, искать себѣ увеселеній только въ обществѣ цѣломудренныхъ женщинъ и въ одномъ своемъ мужѣ, для котораго ты, съ Божія благословенія, разрѣшила дѣвственный поясъ. Да и вольностямъ мужа полагай мѣру, чтобы тѣмъ самымъ увѣрить его, какъ далеко ты держишь себя отъ чужихъ мужчинъ.

Да погибнетъ тотъ, кто первый началъ раскрашивать Божію тварь; потому что онъ первый примѣшалъ къ краскамъ безстыдство. Какъ иногда безстыдные скоморохи, недостойные имени мужей, выставляютъ наружу изображеніе сокрытаго внутри безобразія; и за симъ, естественнымъ образомъ, слѣдуютъ у нихъ пляски, гнусное кривлянье благообразныхъ членовъ, нравящееся людямъ безразсуднымъ: такъ и сіи женщины, надѣвъ на себя снаружи чужій образъ — этотъ смѣхотворный, а не священный покровъ стыдливости, предаются потомъ движеніямъ достойнымъ своего испещреннаго лика. У нихъ нѣтъ покоя ни дверямъ, ни ключамъ, ни зеркаламъ, ни притираньямъ, ни уборщикамъ; весь домъ приходитъ въ содроганіе. И все это отъ тщеславнаго желанія расписать себѣ лице. Но цѣломудренная красота, которая не знаетъ убранствъ, не требуетъ и такихъ безпокойствъ. Если же ты столько гордишься накладною красотой; то не можешь

имѣть и здраваго понятія о красотѣ неподдѣльной. Привлекательна была наружность у Есѳири; но что было плодомъ ея чрезвычайной красоты? Спасеніе цѣлаго народа. Расписывала себѣ нѣкогда очи звѣроправная блудница Іезавель, и блудническою кровью омыла свои студодѣянiя. Но отъ тебя не требуютъ утолять гнѣвъ царя; тебѣ нѣтъ доли и съ блудницами: береги же свое цѣломудріе.

Какъ не приходишь ты въ трепеть, когда преклоняешь предъ іерейми свою главу — это позорище, на которомъ появляются разныя личины? Какъ не содрогнутся эти руки, которыми ты расписывала свою достойную слезъ красоту, и которая потомъ простираешь къ таинственной Снѣди? Даже и къ мученикамъ, въ память которыхъ усердный народъ, чтя драгоцѣнную кровь, составляетъ хвалебные лики, являешься ты съ лицомъ обольщающимъ многихъ, подобно торжищному шуту, который влечетъ за собою по городу толпу, или подобно укротителю звѣрей, который изъ темныхъ норъ вытаскиваетъ змѣй? Послушайся моихъ совѣтовъ, женщина, и не поддавайся мысли — накладывать руку на лице свое. Съ такими женщинами, дочь моя, не плавай на одномъ кораблѣ, не ходи на общій совѣтъ, не живи подъ одной кровлей. Другимъ предоставь излишества; а ты бойся и похвалу выслушать изъ устъ мужчинъ, — въ этомъ слава женщинъ.

Если жизнь твоя совершенно свободна отъ узъ; живи для одного Христа, отказавшись отъ всего, будь свѣтлою, мудрою, разсудительною дѣвой, и чистымъ женихомъ своего сердца имѣй Слово. А если овладѣла тобою любовь къ тому ребру, отъ кото-

раго ты отдѣлена; то и заботься объ этомъ одномъ милomъ ребрѣ, питая къ нему добрую, благородную, а не порочную, любовь; съ другими же страстями не будь знакома и во снѣ. И ты предстоишь великому Богу, и не скроешься, если что нибудь изнѣженное примѣшаешь къ низкому. Много свидѣтелей на то, что и при грязныхъ одеждахъ возможна не благоприличная роскошь, а при пышныхъ — благопристойность. Знай, что для тебя важнѣе одинъ рубецъ, нежели самыя глубокія раны для миролюбцевъ. Уважай бисеръ. Капля не такъ замѣтна на замазанной, какъ на чистой и одноцвѣтной одеждѣ.

Если убѣдилъ тебя этимъ; то доставилъ тебѣ пользу. А если ты рѣшилась устоять въ своемъ; то вдвое еще блистай, когда хочешь, и золотомъ, и янтаремъ, и серебромъ, и слоновою костью. Дозволю это новописаннымъ красотамъ. А у меня пригото-вленъ столпъ, и я сдѣлаю на немъ надпись: приходи сюда всякій, кому угодно, и любуйся этой красотой.

СОВѢТЫ ОЛИМПІАДЪ.

Посылаю тебѣ, дочь моя, этотъ добрый подарокъ: посылаю я Григорій; а совѣтъ отеческій есть самый лучшій.

Не золото, перемѣшанное съ драгоценными камнями, служить украшеніемъ женщинамъ, Олимпіада. Царскаго лика не покрывай румянами — этимъ нравящимся срамомъ, на образъ свой не наводи другаго погибельнаго образа. Багрянца, золотыя, бле-

стяжія, испещренныя одежды предоставь другимъ, которыя не украшены свѣтлою жизнію. А ты заботься о цѣломудріи, о красотѣ достойной удивленія для очей внутреннихъ. Добрыя нравы — самый лучшій цвѣтъ въ женщинѣ, которая имѣетъ прочную, неизмѣнимую и достойную прославленія красоту.

Во первыхъ почитай Бога, а потомъ супруга — глазъ твоей жизни, руководителя твоихъ намѣреній. Его одного люби, ему одному весели сердце, и тѣмъ больше, чѣмъ нѣжнѣйшую къ тебѣ питаетъ любовь; подъ узами единодушія сохраняй неразрывную привязанность. Дозволяй себѣ не такую вольность, на какую вызываетъ тебя любовь мужа, но какая прилична; потому что во всемъ возможно пресыщеніе. Но хотя и во всемъ бываетъ пресыщеніе; однако же лучше такая любовь, которая не знаетъ онаго.

Родившись женщиною, не присвоивъ себѣ важности свойственной мужчине; и не величайся родомъ, не надмевайся ни одеждами, ни мудростію. Твоя мудрость — покараться законамъ супружества; потому что узелъ брака все дѣлаетъ общимъ у жены съ мужемъ.

Когда мужъ раздраженъ, уступи ему; а когда утомленъ, помоги нѣжными словами и добрыми совѣтами. И укротитель львовъ не силою усмиряетъ разъяреннаго звѣря, у котораго въ бѣшенствѣ прерывается дыханіе, но укрощаетъ его, глядя рукою и приговаривая ласковыя слова.

Сколько бы ни была ты раздражена, никогда не укоряй супруга въ понесенномъ ущербѣ; потому что

самъ онъ лучшее для тебя пріобрѣтеніе. Не укоряй и за то, что конецъ дѣла противенъ его предпріятію. Сіе было бы не справедливо; потому что, по ухищренію демона, часто и благоразумныя предпріятія не достигаютъ своей цѣли. Не укоряй его также въ недостаткѣ силъ; потому что въ мечѣ всегда есть сила.

Кого не любить мужъ твой, того не хвали съ хитрымъ намѣреніемъ непримѣтно узавить мужа словомъ. Благороднымъ мужамъ и женамъ, а особливо женамъ, и во всякомъ другомъ случаѣ, прилична простота сердца.

Радости и всѣ скорби мужа и для себя почитай общими. Пусть и заботы будутъ у васъ общія; потому что чрезъ это возрастаетъ домъ.

И твой совѣтъ можетъ имѣть мѣсто; но верхъ долженъ быть мужнинъ.

Когда мужъ скорбитъ, поскорби съ нимъ и ты нѣсколько (сѣтованіе друзей служитъ пріятнымъ врачевствомъ въ печали), но вскорѣ потомъ, принявъ свѣтлое лице, разсѣй грустныя его мысли; потому что сѣтующему мужу самая надежная пристань — жена.

Твоимъ занятіемъ пусть будутъ прялка, шерсть и поученіе въ Божіемъ словѣ, попеченіе же о внѣшнихъ дѣлахъ предоставь мужу.

Не выходи часто за двери дома, въ мѣста народныхъ увеселеній и неприличныхъ собраній; тамъ и у стыдливыхъ похищается стыдъ, тамъ взоры смѣшиваются съ взорами; а потеря стыда — начало всѣхъ пороковъ.

И въ добрыя собранія приказываю тебѣ ходить съ

благоразумными , чтобы въ умѣ твоёмъ напечатлѣлось какое нибудь доброе слово , которое бы или искоренило въ тебѣ порокъ , или крѣпче привязало тебя къ добродѣтели.

Домъ твой — для тебя и городъ и рощи. Не позволяй себя видѣть постороннимъ, кромѣ цѣломудренныхъ родственниковъ, или іерея и сѣдины, которая для тебя лучше юности. Не кажись и женщинамъ, которыя высоко носятъ голову и ведутъ себя открыто. Не кажись и благочестивымъ мужамъ, даже много уважаемымъ тобою, какъ скоро супругъ твой не хочетъ имѣть ихъ въ своемъ домѣ. Ибо кто доставитъ тебѣ столько пользы, какъ добрый супругъ, если ты его одного любишь ?

Будь высокомудренна, но не высокоумна.

Хвалю женщинъ, которыхъ даже не знаютъ мужчины.

Не спѣши на брачный или именинный пиръ, гдѣ пьянство, пляски, смѣхъ и необаятельное обаяніе. Это приводитъ въ расслабленіе и цѣломудренныхъ, какъ солнечный лучъ топить воскъ.

И у себя, въ присутствіи ли благосклоннаго супруга, или въ отсутствіе его, не дѣлай домашнихъ попокъ. Если чреву положена мѣра; то, можетъ быть, возобладаешь надъ страстями. Невоздержнаго же чрева и я боюсь, боится и супругъ твой.

На щекахъ твоихъ не должно быть ни похотливыхъ движеній, ни гнѣвныхъ тресетаній. Это постыдно для всякаго человѣка, особенно же для женщины, и дѣлаетъ лице безобразнымъ.

Уши свои укрась не жемчугомъ, но привычкою внимать добрымъ рѣчамъ, а для худыхъ рѣчей за-

мыкать ихъ ключемъ ума. И отверстія и замкнутыя уши твои да будутъ цѣломудренными слушателями.

Пусть дѣвственная стыдливость въ присутствіи супруга разливаетъ у тебя подъ вѣждами чистый румянецъ. Покрывайся румянцемъ, когда смотрятъ на тебя другіе; а сама старайся ни на кого не смотрѣть, и къ землѣ опускай брови.

Если у тебя не обузданъ языкъ; всегда будешь ненавистна мужу. Продерзливый языкъ причинялъ часто зло и невиннымъ. Лучше молчать, когда и самое дѣло вызываетъ на слово, нежели ли говорить, когда и время не даетъ мѣста нескромному слову. Твое слово да остается предметомъ желаній.

Ноги, идущія борзо, ненадежные свидѣтели цѣломудрія; и въ самой походкѣ бываетъ нѣчто наглое.

Выслушай и сіе: не предавайся неукротимой плотской любви, не во всякое время ищи удовольствій супружескаго ложа; убѣди супруга оказывать уваженіе къ святымъ днямъ; потому что образу великаго Бога свойственно покорствовать законамъ, хотя самъ безплотный Сынъ далъ нашему роду брачный законъ, созданію руки Своей оказавъ ту помощь, что, когда одни отходятъ, а другіе приходятъ, длится поколѣніе, и измѣняющійся человѣчскій родъ уподобляется рѣкѣ, которая и не стоитъ на мѣстѣ, по причинѣ господствующей смерти, и всегда полна въ слѣдствіе новыхъ рожденій.

Но для чего мнѣ говорить подробно о всемъ? Могу дать тебѣ, дорогая моя, совѣтъ, но и его гораздо лучше есть у тебя Θεодосія — этоть Хиронъ между замужними женщинами. Она для тебя —

живый образец всякаго слова и дѣла; она приняла тебя отъ отца, и образовала въ тебѣ добрыя нравы. Это единоутробная сестра неукоризненнаго архіерея, Амѣлохія, громозвучнаго вѣстника истины, моего украшенія, котораго вмѣстѣ съ непорочною Ѳеклою препроводилъ я къ Богу.

А если и отъ моей сѣдины приняла ты какое нибудь высокомудрое слово; то повелѣваю соблюдать его въ сокровенностяхъ сердца. Симъ пріобрѣтешь благоволеніе у супруга, добраго градоправителя; и если бы сталъ онъ превозноситься, превзойдешь его славою.

Вотъ мой тебѣ даръ! А если нуженъ даръ лучшій; то желаю тебѣ стать многоплодною нивою чадамъ чадъ, чтобъ большимъ числомъ людей пѣснословимъ былъ великій Богъ, для Котораго родимся на свѣтъ, и къ Которому шествовать отсель — положенъ намъ законъ.

НА ЛИЦЕМЪРНЫХЪ МОНАХОВЪ.

Одинъ неразумный человекъ, живущій роскошно, богатый и высокоумѣрный, вздумалъ недавно утверждать, что я роскошествую. Сверхъ всего прочаго говорилъ онъ и то, что я богатъ; потому что свободенъ отъ дѣлъ, имѣю у себя садъ и небольшой источникъ. За то, отвѣчалъ я ему, умалчиваешь ты, несчастный, о слезахъ, объ уздѣ, наложенной на чрево, о язвахъ на колѣнахъ, о бѣдѣ. Ибо всѣмъ

этимъ умерщвляютъ плоть свою монахи, именно же монахи истинные (а неискусныхъ кинемъ мы воронамъ). Но сколько, думаешь ты, дѣла душѣ, которая воюетъ съ тѣломъ и ополчается противъ міра?

Послушайте, міролюбцы, которые такъ много и такъ не надолго кичитесь, послушайте, что говорятъ монахи! «Вы пріобрѣтаете, богатѣете, вамъ предоставлено супружество, дѣти и всѣ удовольствія, какія только приносятъ суша и море. А у насъ есть, можетъ быть, источникъ, или малый садъ, или прохладный вѣтерокъ, или древесная тѣнь — самыя малодѣйныя достоянія. Если и это называете роскошію; то христіанамъ не должно уже и дышать». — Пусть жалуются на это одно! Одинъ законъ, одинъ Богъ, одно званіе; Христу угодно, чтобы всѣ, соувлекшись плоти, одинаково спаслись. Но вы нудите насъ къ совершенству, какъ будто не обязавшихся служить чѣмъ либо людямъ. А если обязались мы служить только Богу, самъ Онъ знаетъ это. Ты же недостойнъ судить меня, хотя я и худъ; потому что раны твои хуже моихъ.

Какъ мраченъ и блѣденъ ты, юноша! Ходишь безъ обуви съ распущенными волосами; едва можешь выговорить слово; хитонъ свисъ у тебя съ пояса, или черная хламида чинно влачится по пяткамъ. Если все это ради вѣры, то о семъ должна свидѣтельствовать цѣлая жизнь. А если только одна картина: то пусть хвалить сіе другій! Послѣ этого «никто, по твоему, не берись за плугъ, или за заступъ, никто не плати податей, никто не заботься о пропитаніи родителей; но были бы у тебя густая борода и волосяная одежда, которая бы нати-

рала шею, и тогда предлагай новые догматы! А если говоришь противъ правилъ языка, и мечешь во всякаго камнями; ты — Ангелъ, у тебя и волосы имѣютъ не малую силу. Ведеть ли кто теперъ нечистую жизнь, или преданъ любостыжательности, или имѣетъ обогрѣнную кровію руки, или далъ въ себѣ мѣсто многочисленному легіону; не измождай своихъ членовъ, не изнурай себя ни слезами, ни трудами (все это баснь); но переворочай книги (*), и собравъ всѣ реченія, стань ересеначальникомъ; этимъ загладишь всѣ грѣхи».

Всего лучше утруждать дебелую плоть возможными способами: молитвою, постомъ, заботами, бдѣніями. Ибо чистому свойственно дѣлаться еще болѣе чистымъ, а порочному должно истреблять въ себѣ хотя часть грѣха. Если же кто лицемѣритъ: мнѣ пріятно въ немъ то, что утруждаетъ свою плоть, и въ этомъ несетъ наказаніе за обманъ. Утучненная плоть и расширѣвшее чрево не могутъ пройти сквозь узкія врата.

(*) Леувклай читаетъ βιβλος, а не βίβος какъ у Биллія.

НЕ ДОЛЖНО КЛЕВЕТАТЬ НА ЖИВУЩИХЪ ЧИСТО ПО ТОМУ, ЧТО ИНЫЕ ПАДАЮТЪ.

1.

Что говоришь? Многие чисты и цѣломудренны, не таятъ въ себѣ никакой скверны и никакого порока: но одинъ худъ между честными, и многимъ служить укоризной; поэтому для чего не вступившимъ въ бракъ двамъ жить вмѣстѣ съ мужчинами? Пощадите языкъ свой, о завистливый родъ! Не всѣ слышномъ худы, не всѣ и добронравны. Надобно уступить нѣчто и природѣ. Если когда и погибалъ кто изъ ревнителей чистоты; ужели сіе перенесете на всѣхъ? У каждаго свое тѣло.

2.

Здѣсь Лука въ Денница былъ Ангелъ: но съ его надевіемъ ничто не умалилось въ Ангельской благодати. И Иуда—не укоръ ученикамъ потому, что палъ. А ты за не многихъ оскорбляешь всѣхъ чистыхъ. Справедливо ли это? —

3.

Къ совершившимъ благополучное плаваніе не присоединяй претерпѣвшихъ кораблекрушеніе, и съ жившими хорошо не ставь въ одинъ рядъ ползнувшихъ въ жизни. У добрыхъ и у худыхъ не совпадаютъ между собою предѣлы. Замѣчаю одно то, что падшіе погибали. Ты, ни мало не упоминая о тѣхъ, которые совершили теченіе успешно, име-

нуешь однихъ падшихъ. А я именую преусиѣвшихъ. Ты выставишь на видъ самыхъ породныхъ: потому что самъ худъ; а яставляю добродѣтельныхъ. Отдѣльно ставъ ведущаго жизнь непристойно и цѣломудреннаго. Изъ-за одного худаго не почитай всѣхъ скверными. Лучше тебѣ уважать чистаго, нежели цитать ненависть къ порочному.

УВѢЩАНІЕ КЪ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ.

Скажи мнѣ, другъ, ужели тебѣ служанка кажется чѣмъ-то превосходнѣйшимъ, нежели супруга? По крайней мѣрѣ, не такова моя мысль. Ибо подлинно всѣ мы узники плоти, и Божественная частица примѣшена въ насъ къ худшему. Что же лучше? Отвлечь ли несчастную душу отъ плоти, или привязать къ ней еще тягчайшими узами?

И ВЪ ШУТКѢ ДОЛЖНА БЫТЬ СТЕПЕННОСТЬ.

Шутить и сѣдина; но ея шутки—степенныя шутки. Она ко Христу примѣшиваетъ дѣтскую невинность. И смѣясь съ какою-то важностію, услаждаю тѣмъ сердце. Но прочь отъ меня Геликоны и Дафны, и неистовства треножниковъ!

НА ТѢХЪ, КОТОРЫЕ ПРИ ГРОБАХЪ МУЧЕНИЧЕСКИХЪ ПРЕДАЮТСЯ РОСКОШИ.

1.

Ежели искуснымъ въ пляскѣ пріятны борьбы; то и побѣдителямъ въ борьбахъ будутъ пріятны забавы—потому что одно другому противоположно. А если ни любителямъ плясокъ не нравятся борьбы, ни борцамъ—забавы: то какъ же въ даръ мученикамъ приносишь ты серебро, вино, яствы, и отрыжку? Ужели праведенъ тотъ, у кого полонъ карманъ, хотя бы онъ былъ и самымъ неправеднымъ человекомъ?

2.

Скажите мнѣ, мученики, дѣйствительно ли вамъ угодны народныя стеченія?—Что пріятнѣе этого?—Чѣмъ же услаждаетесь вы? Добродѣтелю; потому что многіе могутъ сдѣлаться здѣсь лучшими, если чувствуется добродѣтель. Справедливо это сказано вами. А пьянство, а служеніе чреву, конечно, пріятны другимъ. Добрымъ подвижникамъ чужда изнѣженность.

3.

Въ честь демоновъ пиршествовали тѣ, которые въ прежнія времена заботились приносить демонамъ пріятное, а не чистыя жертвы. Мы, христіане, освободились, наконецъ, отъ этого, и своимъ добрымъ подвижникамъ установили духовныя собранія. Но теперь послушайте, любители пиршествъ; меня смущаетъ страхъ, что и вы подражаете демонскимъ обрядамъ.

Не обманывайтесь, добрые, будто бы подвижники восписывают похвалу чреву. Это уставы собственныхъ вашихъ гортаней. А я знаю одно только чествованіе мучениковъ—удалить отъ себя, что позорить душу, и истреблять въ себѣ тучность слезами. Свидѣтельствуюсь вами, добрые подвижники и мученики, что воздаваемая вамъ чествованія обращены въ поруганіе этими чревоугодниками. Вы не требуете ни трапезы, издающей пріятный запахъ, ни поваровъ. Они же въ награду за добродѣтель приносятъ отрыжку.

ЗЛОСЛОВЯЩЕМУ.

1.

Много худаго говоришь ты обо мнѣ, любезнѣйшій. Если самъ ты совершенъ: то, можетъ быть, и повѣрю тебѣ. А если ты очень худъ; то прошу тебя говорить обо мнѣ всегда и еще хуже. Это можетъ сдѣлать меня совершеннѣе всѣхъ; прекрасно быть въ ненависти у порочныхъ.

2.

Много худаго говоришь ты обо мнѣ, любезнѣйшій; а зло дѣлаешь себѣ самому. Для меня врачевствомъ въ этой бѣдѣ служить такое разсужденіе. Если великій Богъ благоволитъ къ тебѣ: то въ иномъ благоволитъ и ко мнѣ. А если прогнѣвается на тебя; то во сколько строже будетъ судъ!

3.

Много худаго говоришь ты обо мнѣ, любезнѣйшій. Если говоришь справедливо, то виновенъ я, который далъ поводъ твоему языку. А если несправедливо и ложно: что мнѣ до твоихъ рѣчей? Говори даже всякому: за это, безъ сомнѣнія, большее наказаніе получишь отъ Бога.

ЮЛІАНУ.

Тотъ же пророкъ наводнилъ жаждущую землю дождемъ, который связалъ ее. А другой изъ водъ исхитилъ цѣлый міръ. Иной помогалъ въ болѣзняхъ, иной спасалъ отъ враговъ; иной снѣдію съ неба питалъ великій народъ. Тебѣ же, именитый Юліанъ, вложилъ Богъ въ руки сперва вѣсы правосудія, а теперь вѣсы для уравнинія податей—вѣсы неуклонныя, необманчивыя, вѣрные, достославныя. Но и ты, доблестный мужъ, пощади у меня бѣдныхъ, пощади своимъ писаломъ тѣхъ, которыхъ изнурила болѣзнь, пожирая у нихъ бѣдную плоть, пощади, — и ты будешь вписанъ въ небесную книгу. Богъ воздастъ людямъ тою же мѣрою, какою сами отмѣриваемъ здѣсь челоуѣкамъ. Подай помощь смертному; потому что всѣ мы имѣемъ смертное тѣло. Лазарь у дверей твоихъ; дай ему чужія крошки. И Христосъ сталъ челоуѣкомъ, когда налагалась подать. Уважь перепись, современную Христу. Уважь мать свою, эту нищепитательницу, эту благочестивую кровь. Уважь домъ, который умѣетъ благово-

лить къ страждущимъ членамъ. Уважь, другъ, и мое богатство, которое охотно принесъ я въ даръ, и все отдалъ нищимъ, желая стать крестоносцемъ. Пристань есть общее достояніе мореходцевъ; и эта часть имущества есть общее пособіе нуждающимся. Здѣсь мое имущество, а твое писало. О если бы намъ обоимъ получить равную мзду за нищепитаніе! Да напишетъ такъ царь! Тебя надѣлил великій Богъ многими дарами, какіе даны не многимъ изъ живущихъ на землѣ. Ты производишь отъ священной крови, имѣешь даръ слова, богатство, имущество, прекрасную наружность, ты свѣдуешь въ томъ, чтобъ производить судъ по авзонскимъ законамъ. Однако же всего болѣе прославишь себя, если подашь Божію руку симъ непогребеннымъ мертвецамъ.

ФИЛАГРІЮ НА ЕГО ТЕРПѢНІЕ.

У древнихъ въ великой славѣ Епиктетъ, въ великой—Анаксархъ. Одинъ, когда сокрушали его, не обращалъ вниманія на славу; другой, когда толкли руки его въ ступѣ, кричалъ: выбивайте мѣшокъ. Но ты, Филагрій, терпишь долговременныя страданія въ тѣлѣ, которое пожираетъ болѣзнь, и душа твоя никогда не поражается этимъ.

2.

Если бы тѣло твое, Филагрій, не было такъ болѣзненно, то я не замѣтилъ бы всей силы твоей

добротѣли. А теперь оно истреблено болѣзнями, а ты непоколебимъ. Какъ справедливо то, что Богъ посылаетъ добрымъ болѣзни вмѣсто врачевства!

3.

Болѣзнь пожрала тебя, Филагрій, и закрыла твои глаза; но душа твоя отъ страдацій стала свѣтлѣе. Хотя знаю, превосходнѣйшій, что ты свѣдуешь во всякой мудрости; однако же ни о чемъ другомъ не могу сказать, чтобъ оно было превосходнѣе этого.

4.

Слышишь, Александрія! Филагрій утратилъ красоту лица, которая была не хуже его золотой души, а юнаго Кесарія похитила зависть. Ты никогда не пошлешь уже такихъ цвѣтовъ къ доброконнымъ Каппадоціанамъ.

СИГАНТІЮ ПУСТЫННИКУ.

Съ радостію шелъ я, надѣясь угасить пламень желанія, какое имѣлъ насладиться твоею божественною бесѣдой. Когда же ясно увидѣлъ, что водоемъ безводенъ, потому что не было удобопіемаго для меня источника: тогда возвратился съ великою скорбію, приобрѣтя одно, — что же именно? большую жажду. Помолись однако же, чтобъ могъ я свидѣться съ тобою въ другой разъ, и угасить великій пламень, занявъ отъ тебя, и тебѣ сообщивъ, сколько нибудь божественныхъ мыслей.

СТРОИТЕЛЮ ДОМА ГИГАНТІЮ.

Иный соорудилъ вавилонскія стѣны, по которымъ могли ѣздить колесницы; другой воздвигъ египетскія пирамиды, а кто-то цѣпшій перешель черезъ море и хорошо оснащенные еракійскіе корабли перевезъ по сушѣ. А я, всколебавъ возвышенность и небольшіе пригорки Гигантіевою рукою, имѣю у себя орошенный водою садъ.

КЪ НЕМЕСІЮ.

Немесій, око правосудія и краснорѣчія, ты, который прежде былъ славенъ у царя тѣмъ, что умѣлъ давать великую силу древнимъ и авзонскимъ законамъ, при алтаряхъ правосудія обличая неправое дѣло собственными словами противника, а на послѣдокъ возсіяваешь на высокомъ мѣстѣ правителя у боголюбезныхъ Каппадокіянъ, показывая имъ начатки своего правовѣденія! Другіе стали бы превозносить твою славу въ стихахъ и громозвучныхъ пѣснопѣніяхъ, изливая изъ устъ то пламенное краснорѣчіе, которое тебѣ свойственно, въ которомъ ты всѣхъ далеко оставилъ за собою; потому что, если бы кто захотѣлъ подробно описывать твои доблести, онѣ, какъ токъ великой рѣки, раздѣлившейся на многія вѣтви, составили бы достаточный предметъ для многихъ рѣчей; другіе же, избравъ рѣзцемъ или отливъ въ горнилѣ изъ мѣди твой ликъ, о мужъ обильный словомъ, поставили бы на градскихъ стогнахъ безмолвнаго Немесія, чтобы про-

славить тѣмъ свои города; потому что городамъ доставляетъ славу и самый образъ добраго правителя, видимый потомками. А меня великій Богъ содѣлалъ вѣдущимъ небесное и земное; у меня умъ, при озареніи великаго Духа изслѣдывая самыя глубины, паритъ выше всего; и потому буду говорить, что только прилично сказать священнодѣйствующему, громозвучному вѣстнику истины, ученику тѣхъ, которые не на твердость доводовъ полагались, не силою богатства надмевались, но, не будучи дотолѣ славными, уловили міръ въ вождѣльныя Божіи мрежи, чтобы всякій сознался, что чрезъ нихъ дѣйствовала сила Бога-Слова. Но и ты удостоенъ вниманіемъ мою пѣснь; ты долгое время услаждалъ слухъ пріятными, но суетными пѣснопѣніями, въ которыхъ, какъ у любодѣйныхъ женщинъ, привлекательность поддѣльна; теперь приклони не надолго слухъ свой къ моимъ словамъ, въ которыхъ неувядающую и неизмѣняемую красоту составляетъ мысль, яснымъ свѣтомъ озаряющая чистыя очи. Ибо, если бы Христосъ свыше уязвилъ и пронзилъ насквозь сердце твое Своею животворящею стрѣлою; то, разсмотрѣвъ внимательно ту и другую любовь, узналъ бы ты, сколь пріятно поражаетъ жало стрѣлы Царевой.

Сѣдая моя голова и согбенныя члены склонились уже къ вечеру болѣзненной жизни. Много скорбей встрѣчало мое сердце, а между ними много и кратковременныхъ наслажденій; но я не видалъ еще славы, которая была бы выше и прочтѣ славы — приближаться къ Божеству пренебеснаго Бога. Одна слава была для меня пріятна — приобрести познанія,

какія собрали Востокъ и Западъ и краса Эллады — Аѳины; надъ сѣмъ трудился я много и долгое время. Но всѣ сѣмъ познанія, повергнувъ долу, положилъ я къ стопамъ Христовымъ; они уступили Слову великаго Бога; Которое столько же затмѣваетъ Собою всякое извѣтіе и многообразное слово ума человѣческаго, сколько высокошественное солнце затмѣваетъ собою прочія звѣзды. Посему уважь мои слова; это и для тебя будетъ лучше.

Человѣку, который есть Божіе созданіе, прекрасный и нетлѣнный образъ небеснаго Слова, который духовенъ, способенъ къ духовному вѣдѣнію и превыспренъ, — человѣку, говорю, не позволительно и не свойственно, вопреки справедливости, преклоняться предъ суетными идолами, предъ ничтожными, составленными изъ тлѣннаго вещества, изображеніями рыбъ, земныхъ животныхъ и воздушныхъ птицъ, — предъ сими произведеніями человѣческой руки, погибающими отъ ржавчины и моли, — произведеніями изъ веществъ, которыхъ одна часть чествуется, а другая брошена съ презрѣніемъ. Онъ не долженъ поклоняться небеснымъ тѣламъ, которыя, при всей великой своей красотѣ, не боги, но произведенія Бога Творца; не долженъ поклоняться ни лунѣ, ни солнцу, ни звѣздамъ — сѣмъ украшеніямъ неба, ни самому небу, этому необъятному круговращающемуся тѣлу, украшенному многими внутренними красотами, этому безмолвно вѣщающему и вмѣстѣ велегласному проповѣднику того искусства, которое воздрузило и гармонически связало сію вселенную, чтобы человѣкъ въ видимомъ постигалъ невидимое. Ибо кто видитъ великолѣпный домъ,

тогъ представляеть себѣ и соорудившаго домъ; и корабль есть не говорящій провозвѣстникъ о строителѣ корабля.

А ты, дѣлатель боговъ, отецъ новыхъ небожителей, ты съ ненавистными чествованіями преклоняешь уже колѣна и предъ беспильными демонами, называя ихъ злыми и добрыми, тогда какъ всѣ они злы, непріязненны доброй твари, завистливы, бѣсолюбивы, свирѣпы, услаждаются плотами и туками жертвъ, погрязли въ нечистотахъ. Ихъ, послѣ долговременнаго владычества на землѣ, изгналъ Своею честною кровію Христосъ—Слово великаго Бога, когда въ человѣческомъ образѣ явился неодолимый Богъ. Онъ прекратилъ преступныя кровопролитія, и показалъ намъ умную жертву, дотолѣ сокровенную и явленную не многимъ. И не дивись сему! Часто и я, Христово достояніе, едва произносилъ досточтимое Имя, какъ демонъ съ шумомъ убѣгалъ далеко прочь, скорбя и исповѣдуя могущество Царствующаго въ горнихъ. То же самое происходило, когда описывалъ я въ воздухѣ, по видимому исчезающее, знаменіе великаго креста. И такое изображеніе дѣлалось побѣднымъ памятникомъ, какъ древле руки великаго Моисея.

Желалъ бы я взойти на верхъ высокой башни и возгремѣть въ слухъ всѣмъ жителямъ земли: «Смертвенные челоѣки! строители того, что не существуетъ! долго ли вамъ обольщаться и обольщать ложными, наяву видимыми грезами, и безъ цѣли блуждать по землѣ? Суемудрые служители идоловъ! покровителями своихъ страстей умыслили вы поставить непотребныхъ боговъ, лжецовъ, челоѣкоубійцъ,

строптивыхъ, клятвопреступниковъ, хищниковъ, андрогинновъ, прелюбодѣевъ, мужеложниковъ. Смотри, во сколько видовъ превращался самый первый изъ нихъ, чтобъ удовлетворить своему распутству. Онъ бывалъ воломъ, лебедемъ, золотомъ, змѣею, мужемъ, медвѣдемъ; принималъ на себя всякій видъ, какого требовалъ немощный ребенокъ—нетерпѣливый Эротъ, какъ увѣряютъ сами творцы этихъ безсильныхъ боговъ. Но не довольно сего; вы и собственныя страсти свои чувствуете жертвами, и для каждаго порока есть у васъ особый заступникъ, чтобы всякій грѣхъ не только оставался ненаказаннымъ, но даже почитался добрымъ дѣломъ, потому что оказавшій ему почестъ угождаетъ тѣмъ Богу. Разсмотри и другое полчище пресловутыхъ помощниковъ—этихъ иоифаловъ рогатыхъ, не имѣющихъ шеи, до половины тѣла—змѣй, звѣрообразныхъ, совмѣщающихъ въ себѣ члены различныхъ звѣрей, достойныхъ снѣха чудищъ!—О если бы они увидѣли у себя такихъ дѣтей, какихъ чтутъ боговъ! О если бы сдѣлались они такими же помощниками для своихъ друзей, или сами встрѣтили такихъ же помощниковъ, когда угрожаетъ имъ врагъ, какихъ помощниковъ своимъ порокамъ имѣютъ въ сихъ богахъ! Но для чего тебѣ описывать сіе подробно, и изъ священныхъ устъ источать такія мерзости? Одно важнѣе всего; но это, какъ гвоздемъ, скрѣпляется словомъ.

Мы, при помощи высокихъ книгъ и божественныхъ пророковъ, а на послѣдокъ богодухновенныхъ учениковъ Ходатая Христа, у которыхъ умъ испи-санъ свѣтозарнымъ Духомъ, и которые чистымъ сердцемъ видѣли великаго Бога (а это единствен-

ный способъ постигать невидимое Божество), — мы стали свѣдущи въ небесномъ, просвѣщены самимъ Богомъ, и восходимъ выше и выше, сколько намъ, однодневнымъ тварямъ, возможно восходить здѣсь къ Богу; ибо глазъ, и при самомъ остромъ зрѣніи, не легко проникаетъ сквозь облака. Но большее вѣдѣніе предоставлено намъ въ послѣдствіи; ибо тѣмъ и награждается желаніе, что достигаетъ желаемой цѣли. И которые изъ васъ столько же стали внимательны къ нашему ученію, сколько прежде были къ вашимъ баснямъ и гибельнымъ чествованіямъ, тѣ трекратно и четырехкратно блаженные смертные; потому что не единомышленны на злое, но подвергли его законному наказанію; и тѣхъ, кого вы чествуете алтарями, благозвучными народными гимнами, пресловутыми гекатомбами, не рѣдко предавали они въ снѣдь долголѣтнимъ вооронамъ.

Если же вашимъ богословамъ (потому что и у васъ есть, точно есть, истолкователи священныхъ пѣсней) угодно утверждать, что, хотя все это — пустая пѣснь, по законамъ пріятнаго сладкогласія, мѣрнымъ словомъ изложенная, игривая баснь, однако же и въ этомъ, подъ роскошною видимостію, скрывается болѣе важная мысль, усматриваемая разумными, и имѣющая двѣ стороны, какъ и двулицый Ермъ, который однимъ лицомъ смотритъ впередъ, а другимъ назадъ: то замѣть, что и противъ сего есть у меня неотразимый, какъ думаю, доводъ. И въ нашихъ писаніяхъ двоякій есть смыслъ, одинъ внутренній — досточтимаго Духа, а другой внѣшній; оба же Божественнаго начертанія. И одинъ

внятенъ не многимъ, а другой многимъ на тотъ, думаю, конецъ, чтобы преимущество имѣли мудрые, или чтобы съ трудомъ приобретаемое тверже соблюдалось; ибо что скоро приобретается, то непрочное. Впрочемъ въ нашихъ Писаніяхъ тѣло и само свѣтло, и облакаетъ собою боговидную душу; это двойная одежда—багряница, просвѣчивающая нѣжною сребровидностію. Но у насъ ничего нѣтъ срамнаго, что закрывало бы собою Бога. Стижусь въ помощь Божеству употребить баснь. Кто велитъ тебѣ, спѣша въ Итаку, плыть мимо утесовъ Сциллы, или мимо грозной и гибельной Харибды, гдѣ до окончанія плаванія можешь погибнуть? Кто заставляетъ тебя, идя къ источнику чистаго Божества, останавливаться среди тины, гдѣ, пока вязнешь въ тинѣ, утечетъ отъ тебя чистая струя?

Обрати вниманіе и на это мудрое слово. Большая часть людей худа, и безъ путеказателя склонны къ пороку; не многіе же идутъ къ совершенству. Остановить потокъ—для меня трудно; а дать ему течь по скату — весьма легко. Если же сдѣлаешь боговъ покровителями разврата; то, прежде нежели разумнымъ словомъ своимъ разсѣешь мракъ непроницаемой басни, погубишь ты читателя басенъ, стремящагося къ свѣту. Но къ чему мнѣ другія доказательства? Хотя ты и столько уменъ, что въ состояніи оспорить другаго; однако же увѣришься, если можешь, отъ моего довода. Ежели басни въ вашемъ ученіи составляютъ сущность; то бросьте ихъ наземь. Что за пріятность жертвовать своимъ достоинствомъ въ честь невѣроятнаго срама, и безчестить Бога — родителя и путеводителя жизни? А

ежели баснь не составляет сущности, и любящій баснословить подобно старухамъ, которыя забавляются за любимыми чашами въ бессонныя ночи, самъ себѣ на глаза налагаетъ покрывало; то да падеть это во глубину моря, какъ и погибло уже многое изъ такихъ бредней. Ибо Христось содержитъ все до самыхъ предѣловъ міра, совокупивъ во едино Своими дланями, которыя нѣкогда распростеръ Онъ на преславномъ крестѣ.

Если же кажется тебѣ неприличнымъ, что пришелъ ко мнѣ Богъ чрезъ непорочную Матерь по новымъ законамъ дѣвическаго и безмужнаго рожденія, избавляя отъ страданій меня, низложеннаго грѣхомъ, что Онъ умеръ, приложился къ мертвецамъ, а потомъ всталъ: то, любитель приличій, воздающій чествованіе чистымъ богамъ, рожденнымъ отъ чистыхъ боговъ, если не слыхалъ ты прежде, по крайней мѣрѣ нынѣ выслушай отъ меня слово, какое вдохнулъ мнѣ Христось, мой Богъ, непреложный въ словѣ.

Многіе держатся и такого ученія, что изъ лона дѣвическаго прозябъ Божій человекъ, котораго Духъ соорудилъ храмомъ великаго Бога, воздвигая чистый храмъ; потому что Матерь есть храмъ Христовъ, а Христось есть храмъ Слова. Ибо послѣ того, какъ губительный змій подвергъ наше естество горькому преступленію, положено было рожденіемъ Божественнаго человекъ уврачевать грѣхъ и низложить ужасную державу пребеззаконнаго змія. Для сего сей Божій человекъ прошелъ сквозь утробу, и почтилъ одну половину нашего рожденія, а другой не коснулся, такъ какъ родила неискусо-

мужная Дѣва. Но когда Духъ создалъ и обожилъ Его во утробѣ, по исполненіи же времени извелъ на свѣтъ; тогда пріи́лъ на Себя грубую плоть и наполнилъ храмъ чистымъ Божествомъ Царь—Слово. Но тотъ и другой, и Божій человекъ и Царь—Слово, стали для меня единымъ Богомъ. Ибо смертное не уступило своего мѣста наполнившему оное Безсмертному. Умеръ же Онъ по собственной волѣ, не надолго сложивъ въ могилу Свое членосоставное тѣло, чтобы, вставъ по возвращеніи изъ мертвыхъ, воскресить умершихъ, и привлечь ихъ къ Себѣ, какъ магнитъ камень привлекаетъ твердое желѣзо. Ибо всецѣлаго меня, со всѣми человѣческими свойствами, воспринялъ на Себя Христось, принявъ плоть, рожденіе, мой образъ, поруганіе, гробъ, славу, воскресеніе.

Такъ говорю, чтобы остановить неудержимое стремленіе вашего слова, когда вы, покрытые срамомъ, вынуждаете меня на страшную пры, и предъ собою не видите пучины грязи, а у меня замѣчаете капли. Но если желаешь знать истинное ученіе, приклони слухъ свой. Знаю, что сказанное мною будетъ неприятно для многихъ; потому что многіе не имѣютъ здраваго разума, но, увлекшись суетными мнѣніями, вознерадѣли объ истинѣ: однако же скажу, не скрывая, несомнѣнное ученіе, хотя паче всего желаю сребровидной жизни.

Кромѣ гнуснаго порока нѣтъ ничего неблагоприличнаго; единственное же совершенство—добродѣтель. Все прочее занимаетъ средину между добромъ и зломъ, и зависитъ отъ нашего произволенія оно благопотребно для добрыхъ, и на оборотъ весь-

ма неблагоприлично для злыхъ. Сюда же отношу я и тайну моей вещественности—то, что съ моими членами соединенъ безсмертный образъ. Не по ненависти Богъ создалъ человѣка, который есть свидѣтель Его Божества, дольний царь и слава горняго Царя. Не по любви также Божіей дано человѣку бѣдственное рожденіе. Или прекрати слово, но откажись, что имѣешь понятіе о Божествѣ. Ты говоришь: если Христосъ произошелъ на свѣтъ не чрезъ чистую утробу, то нечистъ; потому что для нечистаго не вмѣстимо чистое. Но положи, ежели тебѣ угодно, что рожденіе есть нѣчто нечистое. Однако же всякому здравомыслящему извѣстно слѣдующее. Къ кому ни коснется солнечный лучъ, всякому приносить онъ свѣтъ; къ чему ни примѣшается пріятность благоухающаго мѹра, все то немедленно начинаетъ благоухать. Но ни къ солнцу, ни къ мѹру не прикасаются никакія скверны. Такъ Богъ, прішедшій чрезъ чистую Матерь, не только Самъ не осквернился во утробѣ, но и ее очистилъ. Такъ и умерши, сокрушилъ Онъ державу смерти, и не только Самъ ничего не потерялъ отъ смерти, но и ее истребилъ. Таково мое ученіе; а твой неукротимый языкъ, если прежде былъ неукротимъ, теперъ да укротится!

Теперь вѣщаетъ мой Христосъ; но и ты, возбуди языкъ свой къ благоговѣйному вѣщанію.

«Настала весна, а зима прошла, и наступило ясное благовѣдріе. Приступите же, и насытитесь отъ Меня безмѣрнымъ свѣтомъ. Долго ли быть вамъ связанными въ темныхъ пещерахъ? Наступило уже время, въ которомъ издавна далъ вамъ обѣтованіе

світлий Духъ. Приступите, вкусите жизни, но приимите и новое очищеніе » !

Умолкните стихотворцы ! перестаньте и вы, неистовые демоны, воодушевлять къ самымъ беззаконнымъ пѣснопѣніямъ ! Пусть Орфей водить за собою звѣрей ! Пусть Аскреянинъ Исїодъ поетъ своему Персею ! пусть славный Омиръ воспѣваетъ Трою и бѣдствія ! Пусть Мусей и Линъ, прославившіеся пѣснопѣніями въ глубокой древности, у боговъ получаютъ мѣрамъ стиха ! А трояко-доблественный Ермій и противъ воли да спомоществуетъ моей пѣсни, и Сивилла въ стихахъ своихъ да чувствуетъ крестъ ! Разиме стрѣлами великаго Божества, хотя и ближе другихъ (не отрицаю сего) подошли они къ истинѣ, однако же не по Божію вдохновенію, но потому что заглядывали въ наши книги, а сами частію вовсе пребывали лишенными свѣта, частію же не надолго усматривали мелькнувшую молнію, и тотчасъ погружались снова во мракъ.

Посему уступите мнѣ, и наконецъ образумьтесь. Пусть Фивъ прорицаетъ смерть небывалыхъ боговъ ! Само-Отець, не зачатъ, безматеренъ Тотъ, Кто сокрушилъ во мнѣ злую силу, воспѣвъ послѣднее (Матѣ. 26, 30.). А кастальскій источникъ, и Дафна, и прорицалища дуба, да низринутся во прахъ, не имѣя цѣны даже и для глупцовъ ! Да падетъ египетскій демонъ, пустословащій богъ, Аммонъ ; да падутъ также Вранхиды и надменный Епидаврянинъ ; да исчезнутъ и скрытые и видимые очами обряды, и мерзости знаменитой у древнихъ элевзинской ночи, и приводящій въ бѣшенство, раздрающій звукъ фригійскихъ свирѣлей, и дяктейскіе

корибанты, въ полномъ вооруженіи предающіеся неистовству, и вакханты, ходящіе по горамъ вокругъ Семелина сына, и злые призраки ночной Гекаты; да исчезнутъ жестокости во храмъ Миеры, неслыханныя дотолѣ оргіи, завыванія галлейской Кибелы, всѣ мерзости распутства, какія производятся въ честь оплодотворяющаго Нила, жалобныя мычанія Изиды и Озириса, сухой пенъ Серались — съ зловредною о немъ баснею, откормленный быкъ Аписъ и безумный Мемфисъ, и ты, жалкая Лакена, извѣдывающая крѣпость юношей, которые, окружая твой жертвенникъ, съкутъ другъ друга бичами, и гетскій Замоксисъ, бросающій стрѣлы въ толпу; страшныя для чужеземцевъ жертвоприношенія у Тавровъ; богъ прекраснаго Просимна, обнимающій деревяннаго Фала; сладострастное торжество и торгъ въ честь Киприды; Линдъ, сопровождающій свои священнодѣйствія ругательствами! Все приведено въ бездѣйствіе кровію великославнаго Христа, Который вмѣстѣ (что составляетъ величайшее изъ чудесъ) и перворожденъ и новорожденъ.

О тебѣ, Эмпедокль, жерло огнедышащей Этны засвидѣтельствовало, что ты надмевался напрасно и былъ смертенъ; выбросивъ мѣдныя туфли легкомысленнаго бога, оно опозорило тебя предъ всѣми смертными, когда желалъ ты прославиться своимъ несчастнымъ скачкомъ! Перестаньте баснословить, Иракль, Эмпедотимъ, Трофоній, и ты, невѣроятная гордыня тщеславнаго Аристея; вы смертны, а не блаженны, — это видно изъ вашихъ страданій; и только тѣмъ, что не падолго сокрывались отъ взора

людей, также давностию обмана, при помощи своихъ басенъ, восхитили вы непринадлежащую вамъ славу! Но Христось не малочисленными прославленъ устами: Его слава съ теченіемъ времени не, истребилась, какъ дымъ, мгновенно разсѣваемый въ воздушныхъ пустотахъ; потому что немедленно падать — это законъ для славы брэнной. Но Христось всегда и у всѣхъ славенъ; слава Его съ продолженіемъ лѣтъ будетъ возрастать непрестанно болѣе и болѣе; а нѣкогда (въ чемъ я увѣренъ) на цѣлую землю наложить она свои узы: ибо такъ предречено, и предсказанное идетъ уже къ своему исполненію. Впрочемъ сіе предоставимъ волѣ великаго Бога! А я изрекаю то, чему научилъ меня Христось, Свѣтъ мой, показывая всѣ основанія нашего ученія, Божество, Божію тварь, и кормило всего, которымъ Слово великаго Бога непрестанно приводитъ въ движеніе міръ; и изрекаю сіе кратко въ не многіе стихи (таковъ у меня обычай) заключивъ обширное слово; все же прочее отсылаю за Гадесь.

А ты, превосходящій изъ друзей, Немесій, прійми сей даръ моей дружбы, даръ пріятнѣйшій другихъ даровъ, заимствованный изъ моихъ только стиханій, и у меня единственный! Это не пѣснь сладкопѣвнаго лебедя, оплакивающего смерть свою, когда вѣтеръ приражается къ его старческому крыламъ; это не жалобное пѣніе соловья, когда зима налагаетъ узы на всѣхъ, а вмѣстѣ и на поющихъ птицъ; но сладкопѣніе Христоносныхъ устъ, настраиваемое самимъ Богомъ. Прійми теперь отъ меня сей даръ за всѣ благодѣянія, какими почтилъ ты

мою сѣдину, мою дружбу, мою болѣзнь, и мое крылатое слово — эту и твою славу, почтилъ (что всего удивительнѣе и дороже) еще прежде, нежели видѣлъ меня своими очами. Ибо у людей уваженіе свидѣтельствуется только въ глаза.

Если послѣдуешь симъ совѣтамъ и дашь вѣтриламъ моимъ свободное плаваніе; то трекратно блаженъ ты, что имѣешь такое руководство и такую цѣль. А ежели не покоришься имъ, и завистникъ, который не хочетъ, чтобы хотя одинъ человекъ былъ благоуспѣшенъ во всемъ, такъ сильно обаялъ тебя своимъ лукавымъ окомъ; то и тогда да сопровождаетъ тебя сей добрый памятникъ Григоріевъ. Можетъ быть, въ послѣдствіи одобришь мое слово и изъ малой искры возгнетешъ въ себѣ высокій пламень. И тогда кто нибудь скажетъ: «Вотъ великодушный Немесій, который у Каппадокіянъ держалъ вѣрныя вѣсы правосудія! Онъ пошелъ отъ насъ не съ обманчивымъ серебромъ и золотомъ, не съ благородными крылатыми конями, имѣющими отличную славу; потому что онъ неуязвимъ былъ богатствомъ: но вмѣсто всего пріобрѣлъ великую и свѣтлую жемчужину — Христа». А симъ богатствомъ (похваляюсь этимъ) мои соотечественники Каппадокіяне превосходятъ всѣхъ. О если бы ты, какъ теперь написанъ въ моихъ книгахъ, такъ вмѣстѣ съ нашими сталъ написанъ и въ книгѣ небесной!

МАКСИМУ.

Что́ это? И ты, Максимъ, смѣешь писать? Писать смѣешь ты? Какое безстыдство! Въ этомъ уже превзошелъ ты и псовъ.

Вотъ духъ времени — всякій смѣлъ на все! Подобно грибамъ, вдругъ выбѣгаютъ изъ земли и мудрецы, и военачальники, и благородные, и епископы, хотя и не потрудились прежде на свою долю надъ чѣмъ нибудь добрымъ. Что́ жъ выходитъ изъ этого? Добродѣтель унижается, не беретъ преимущества предъ необразованностію; потому что дерзость пользуется ненаказанностію, едва броситъ нѣсколько какихъ ни есть словъ. Кидайся внизъ головою всякій и не учась, стрѣлай изъ лука, занесясь на крыльяхъ подъ самыя облака; довольно захотѣть, а знать дѣло — вовсе не нужно.

Видно, и ты у насъ вдругъ получилъ вдохновеніе отъ музъ, какъ говорятъ иные о древнихъ мудрецахъ? Видно, и тебя привела въ изступленіе какая-то лавровая вѣтвь? Или нечаянно ты напился прорицательныхъ водъ, и началъ потѣмъ источать стихи, не наблюдая даже и стихотворнаго размѣра? Какія невѣроятныя и неслыханныя доселѣ новости! Сауль во пророкахъ; Максимъ въ числѣ писателей! Кто́ жъ послѣ этого не пророкъ? Кто сдержитъ свою руку? У всякаго есть бумага и трость; и старухи могутъ говорить, писать, собирать вокругъ себя народъ. А ты не побоялся возбуждать и рукоплесканія. Въ числѣ слушателей не много бываетъ

мудрыхъ, но много Максимовъ и слабоумныхъ. Нужно понравиться послѣднимъ, а мудрецамъ можно пожелать добраго пути, послѣ того какъ пообстригутъ и посожмутъ ихъ насмѣшники. А если нужно отмстить (мудрому на все надобно быть отважнымъ); будь смѣль! Пусть знаютъ Максима по дерзости. И мы въ правѣ посмѣяться! Чтò нынѣ этого легче, какъ смѣяться, и смѣяться много? Будь витіей; а на оскорбителей — псомъ. Въ такомъ случаѣ никто не возьметъ надъ тобою преимущества.

Опять воскликну, и воскликну не разъ: о рѣчи! Этимъ истощу свою скорбь, но истощу не вполнѣ. Писать смѣешь ты? Скажи же: гдѣ и у кого научился? Чьей руки дѣло — этотъ даръ — писать? Но вчера было не то; ты радъ былъ и тому, что узкій плащъ и непрестанно лающіе жизнь и правы доставляли тебѣ скудный кусокъ. А рѣчи для тебя тогда были то же, чтò для осла лира, для вола—морская волна, для морскаго животнаго — ярмо. Теперь же ты у насъ Орфей, своими перстами все приводящій въ движеніе, или Амфіонъ, своими бряцаніями созидающій стѣны. Таковы-то нынѣ псы, если захотятъ позабавиться! Вѣрно, смѣлость эту вдохнули въ тебя старыя няньки, твои помощницы, за одно съ тобою слагающія рѣчи; для нихъ ты лебедь, для нихъ музыкальны издаваемые тобою звуки, когда подобно зефиру, текутъ съ крыльевъ, пріятно распростираемыхъ короткими вѣяніями.

Но чтò и противъ кого пишешь ты, песь? Пишешь противъ человѣка, которому такъ же естественно писать, какъ водѣ течь, и огню грѣть. Не буду говорить, чтò пишешь противъ того, кто, сколько воз-

можно человѣку, ничѣмъ тебя не обижалъ, хотя и много былъ оскорбленъ. Какое безуміе! Какая невѣжественная дерзость! Коня вызываешь, дорогой мой, помѣряться съ тобою въ бѣгу на равнинѣ; безсильной рукою наносишь раны льву. Развѣ допустить, что у тебя одно было въ виду: ты надѣялся, что, и оскорбляя, не будешь удостоенъ словомъ. Это одно и кажется мнѣ въ тебѣ умнымъ. Ибо кто при здравомъ смыслѣ захочетъ связываться со псомъ?

ОТЪ НИКОВУЛА СЫНА КЪ ОТЦУ. (а).

Если родилъ ты меня, отецъ; не велико благодареніе. Ибо для всѣхъ, и для людей, а равно и для безсловесныхъ, отъ начала положенъ одинъ законъ—покаяться любви. По волѣ же премудраго Слова, и раждаемымъ и раждающимъ должно влечить однодневную жизнь, а умирая, продолжать ее въ своихъ прозябеніяхъ.

Но ты, родивъ, вскормилъ меня! Впрочемъ и у сильной коровы скачущій телець упираетъ головою въ сосцы; и она, по сладостной необходимости, переноситъ это безпокойство. И птица надъ милымъ гнѣздомъ, вокругъ неоперившихся птенцовъ, не даетъ крыльямъ покоя; туда и сюда за кормомъ порхаешь эта тощая и давно не ѣвшая

(а) За Никомуломъ отцемъ была въ супружествѣ Алипіана, дочь Горговія, сестры св. Григорія Богослова.

кормилица. И родителей и дѣтей связала природа узами любви, пріискавъ то врачество для родителей, что тяжелыя скорби облегчаютъ они усладою любви. Поэтому и разсерженная мать за юную телицу, и собака за милыхъ ей щенятъ, и птица за птенцовъ, объявляютъ страшную войну; пестрая рысь съ яростію бросается изъ древесной чащи; сильный вепрь приходитъ въ бѣшенство; лѣсомъ встаетъ у него щетина, сверкаютъ глаза, паръ валитъ отъ зубовъ, изощраемыхъ одинъ о другой, и челюсти пѣною брызжутъ, когда идетъ онъ отмстить за дѣтей, или встрѣтить смерть. Это внушаетъ имъ горячая любовь по незаученымъ законамъ. Осы, сидя на камняхъ, какъ скоро видятъ, что приближается кто нибудь, хотя и не замышлявшій зла новорожденнымъ ихъ дѣтямъ, всѣмъ ополченіемъ высыпаютъ вдругъ изъ камней, шумятъ предъ лицомъ у путника, и поражаютъ его немилосердными жалами. И въ морскихъ глубинахъ есть законъ любви, если справедливо рассказываемое о дельфинѣ, этомъ царѣ обитателей моря. Если какой нибудь морской звѣрь приближается къ его неукрѣпившимся еще въ силахъ дѣтищамъ; дельфинъ расширяетъ свой зѣвъ, и какъ снѣдь пожирая собственное порожденіе, прѣчетъ его въ своей внутренности, чтобы не дать въ добычу звѣрю, и дотолѣ не изрыгаетъ изъ себя этого невѣроятнаго бремени, пока не избѣгнетъ страшной угрозы могучаго врага; тогда только безъ мукъ рожденія возвращаетъ изъ утробы свой плодъ.

Посему, добрѣйшій родитель, не говори мнѣ ни о рожденіи, ни о маломъ количествѣ пищи, которую даешь ты и своимъ рабамъ, и своимъ воламъ.

Я, какъ человѣкъ, какъ сынъ добраго отца, желаю имѣть что нибудь лишнее передъ ними. Извини же, если не потаю, но скажу какое нибудь и оскорбительное слово.

Не по моей волѣ родилъ ты меня, и родивъ, воскормилъ по необходимости. А если бы, родивъ, покинулъ одного на свѣтъ; это значило бы, что родилъ ты смертнаго на мѣсто смертнаго. Не желаю я ни золота, ни серебра, ни шелковыхъ нитей, ни блеска переливающегося внутри драгоценныхъ камней, ни большаго участка доброкласной земли, волнуемой подобно равнинамъ Египта, ни множества рабовъ, ни четвероногихъ. Другимъ предоставляю заботиться о знатномъ супружествѣ, о томъ, чтобы привести въ домъ госпожу — это почетное бремя; другіе пусть домогаются престола, который, попирая не многихъ, самъ попирается многими, и часто людьми худыми, — что всего болѣе возмущаетъ сердце. Всякій кичится чѣмъ нибудь своимъ; но всѣ мы низки, не имѣемъ ничего вѣрнаго на завтрашній день, жаждемъ забавъ, которыя для насъ чужды и пролетаютъ мгновенно. Погибай же все то, что приноситъ вихрь горькой жизни, которымъ здѣсь и тамъ клубится невѣрный для всякаго прахъ! Все это видѣлъ я своимъ слабымъ умомъ, а то же слышалъ и отъ мудрыхъ, и еще больше свѣдѣній принесетъ мнѣ время, которое всѣ называютъ учителемъ однодневныхъ тварей. Въ замѣнъ всего желаю теперь, родитель, одного, именно — быть сильнымъ въ словѣ. Прекрасна пламенная сила краснорѣчія въ рѣчахъ народныхъ, судебныхъ и похвальныхъ; но прекрасно также

имѣтъ умъ обогащенный исторією ; потому что исторія—кладчина мудрости, умъ многихъ. Но не маловажна и грамматика , которая превосходно споспѣшествуетъ благородному языку Эллады, сглаживая слово и умягчая варварскіе звуки. Не маловажны и состязанія логическаго искусства , которыя закрываютъ сперва истину, пока, чрезъ возможное превращеніе понятія, не поставятъ ея въ полномъ свѣтѣ. Не маловажна и та наука, посредствомъ которой усовершенствовавшіеся мужи образуютъ въ чловѣкѣ добрыя нравы, какъ творогъ, который принимаетъ видъ плетенаго сосуда. Не маловажно и то , что мудрые мужи парящимъ умомъ, посредствомъ остроумныхъ изысканій, обозрѣвая каждый свою область, открыли въ глубинахъ, и предали книгамъ. Они уразумѣли природу вещей и воздушныхъ, и земныхъ, и морскихъ, и небесныхъ , а сверхъ всего постигли мысль неизреченнаго Бога, постигли, какъ Богъ управляетъ вселенной, къ чему ведетъ ее, и какой конецъ положенъ для цѣлаго міра , исполненнаго многихъ красотъ. Они изучили, уразумѣли то, что выше разумѣнія смертныхъ. Но, изучивъ сіе въ юности, предавъ мысль свою Божественнѣйшему Духу, буду изыскивать слѣды сокровенныхъ красотъ, непрестанно восходить къ свѣту , и Божественныя внушенія прійму мѣриломъ жизни, чтобы, и помощникомъ, и сопутникомъ, и вождемъ имѣя Христа, съ легкими надеждами вознестись мнѣ отсель, сподобиться жизни чистой и непрекращающейся , не издали, какъ бы въ зеркалѣ и въ водѣ, видѣтъ слабья изображенія истины , но созерцать чистыми очами самую истину, въ которой первое и послѣднее

есть Троица, единосущное Божество, единый Свѣтъ въ трехъ равно Божескихъ Сіяніяхъ. Посмотри на великаго дѣда моего по матери: украшенный многообразными свѣдѣніями обо всемъ, собранными со всѣхъ концевъ земли во время пребыванія у многихъ народовъ, послѣднимъ ключемъ своего ученія содѣлалъ онъ Христа и высокую жизнь, къ которой и я, родитель, простираю взоры. И хотя они не достигаютъ еще до такой высоты; однако же благоразумному человѣку свойственно — мѣрять жизнь свою великими мѣрами. Лучше быть вторымъ между великими, нежели первымъ между нищими, какъ лучше летать ниже высоко парящаго орла, нежели разсѣкать воздухъ выше вьющихся по землѣ мотыльковъ.

Вотъ чего желаю, родитель; исполни мою надежду. Умоляю тебя, и касаюсь твоей браны (2 Цар. 20, 9.). Умоляю тебя, воспользуемся временемъ, которое можно ловить, пока приближается, и котораго напрасно станемъ искать, когда оно пройдетъ. Свое есть время—садить садъ; время — воздѣлывать землю; время — отрѣзать вервь кораблей мореходныхъ; время—звѣроловамъ ловить звѣрей на горахъ; время—и для войны. Цвѣты родятся весенней порою. Такъ и людямъ есть приличное время учиться, когда пламенная любовь согрѣваетъ душу, когда внутренности сердца не избородили еще многообразныя начертанія, но украшаютъ его однѣ новописанныя красоты. Юноша самъ для себя полагаетъ въ землю и добрый и худой корень жизни. Это особенно и надобно имѣть во вниманіи.

Убѣдилъ ли я? Или къ сказанному присовокупить еще болѣе убѣдительное слово? Высоко цѣню твое краснорѣчіе, родитель, въ которомъ ты превосходенъ, потому что у тебя не отстаютъ другъ отъ друга и языкъ, и слухъ, и быстрая мысль, слѣдуешь ли законамъ рѣчи немѣрной. или мѣрной, и, что составляетъ верхъ чуда, все это бываетъ у тебя безъ большихъ усилій. Знаю, что ты предстоялъ великимъ царямъ и пріобрѣталъ почести съ храбрыми, когда бывалъ въ рядахъ ихъ, когда стремительнымъ копьемъ своимъ разилъ Ахименидовъ. Знаю, что ты возвеличенъ богатствомъ, и родомъ, и умомъ, что наружностію и величіемъ уподоблялся древнѣйшимъ Эакидамъ, или Этолійцу Мелеагру. Но всего болѣе прославило тебя твое краснорѣчіе; оно пріобрѣло тебѣ твердую, непоколебимую, нестарѣющуюся, неизмѣнную, непрестанно съ годами возрастающую славу.

И я желаю имѣть отцево наслѣдіе; оно для меня то же, чѣмъ было для Спартанцевъ копье, для Пелопсовыхъ потомковъ—Пелопсово плечо, для царей скипетръ и для коренныхъ Кекропидовъ (а)—вплетаемый въ волосы кузнечикъ, какъ сынъ земли. И наружностію походить на отца—составляетъ уже славу.

Уважь мое желаніе; оно невинно. А я видалъ, что иной родитель уступалъ и худымъ желаніямъ дѣтей, какъ врачующій болѣзни къ полезному примѣшиваетъ пріятное, чтобы пріятнымъ прикрасить врачевство и изгнать большее зло—недугъ зломъ

(а) Аэиантъ.

меньшимъ. Видалъ, что иной и не знакомый съ мудростію соглашается не рѣдко на просьбу сына желающаго учиться, и въ угодность своему порожденію уступаетъ добрымъ его желаніямъ, хотя они чужды ему самому. А я прошу тебя, родитель, уступить и подать руку сыну, который желаетъ превосходнѣйшаго. Но если бы сталъ я увеселяться худымъ, исключи меня изъ числа своихъ дѣтей, какъ сына, который признанъ незаконнорожденнымъ по испытанію въ водахъ благороднаго Рейна (а), или какъ птенца, котораго солнечный лучъ показываетъ не настоящимъ порожденіемъ чистыхъ орловъ. Окажи, превосходнѣйшій, милость, которая будетъ милостію сколько сыну, столько и отцу, потому что отъ сына опять перейдетъ къ родителю. Ибо слава дѣтей вмѣняется въ честь родителямъ, равно какъ и слава родителей — въ честь дѣтямъ. И награда имъ общая и безславіе общее.

Иные, по легкомыслію, полюбивъ непрестанныя пляски, убійственную борьбу съ людьми и губительными звѣрями, цѣлую жизнь свою провели на поприщахъ, чтобы снискать благоволеніе у согражданъ и оспорить у другихъ славу, которая не надолго прогремитъ въ народныхъ устахъ. Иные истощили и жизнь и богатство на борцовъ, которые напрасно изнуряютъ себя на песчаномъ поприщѣ, и на ѣздоковъ, которые въ виду раздѣливших-

(а) По германскому обычаю, мужъ, подозрѣвавшій жену въ невѣрности, рожденнаго ею младенца погружалъ въ воды Рейна, въ увѣренности, что законнорожденный младенецъ не потонетъ, а незаконнорожденный немедленно пойдеть ко дну.

ся на части зрителей и съ обѣихъ сторонъ потрясающихъ восклицаніями воздухъ, рвутся другъ друга превзойти неразуміемъ. Иные ищутъ разнообразія забавъ въ позорѣ мужей и женъ, въ поддѣльныхъ пощечинахъ шутамъ, которые изъ разверстаго рта вмѣсто воплей издають громкій смѣхъ. Таковы занятія этихъ безумцевъ; такъ они, шутя, проводятъ бездѣльную жизнь! Чему учились, тому и другихъ учать. И имъ однимъ наградою за злыя дѣла не острый мечъ, но выгоды и богатство, потому что услуживаютъ страстямъ. А между безразсудными не трудно взять верхъ наиболѣе злонаправленнымъ. Такъ поступаютъ сіи люди, и что худо пріобрѣли, то хуже расточаютъ. Впрочемъ ихъ ожидаетъ праведный судъ.

Тебѣ же да даруетъ Богъ, чего желаешь, какъ чловѣкъ добродѣтельнѣйшій, то есть, подать руку помощи дѣтямъ и оказать добро всякому, кому только нужно. Но другимъ отдай излишнее, а мнѣ предоставь то, что дѣлаетъ чловѣка счастливымъ. Я желаю не многого, но чтобы самому стать достойнымъ многого, и не слишкомъ далеко отстать отъ родителей. Что за пріятность имѣть у себя обезьяну—это безобразіе въ чловѣческомъ видѣ, разукрашенную золотыми петлями? Нарядъ не измѣняетъ смѣшной и глупой наружности. Что за радость ослу носить на себѣ таланты золота? Осель, хотя и золотомъ увѣшанъ, не перестаетъ кричать по-ослиному. Какая польза, ни къ чему негодный для сражающихся свинцовый мечъ спрятать въ серебряныя ножны? А таковъ и чловѣкъ, который превозносится одною внѣшностію.

Въ заключеніе слова выслушай слѣдующее; и Богъ да будетъ свидѣтелемъ сказаннаго; ибо и Богъ есть Слово, царствующее надъ смертными. Съ моей стороны, родитель, будутъ дарованія, нравъ, неутомимый трудъ и постоянное совокупленіе во едино дней и ночей; все же прочее да будетъ отъ тебя: Богъ и время, и лучшая надежда, и совѣты товарищей, непрестанно поощряющіе на доброе. Ибо и дровосѣку придаетъ большую силу топоръ. Не бойся ни моря, ни дальняго пути; не жалѣй ни имущества, ни всего прочаго, что можетъ споспѣшествовать къ стяжанію высокой добродѣтели. Похваляюсь, что я для тебя дороже большаго имѣнія, потому что я у тебя первородный, и первый названъ отцевымъ пменемъ, если это, какъ думаю, имѣетъ какую нибудь пріятность для родителей. Но если владѣетъ тобою любовь къ имуществу, или, ежели любовь твоя къ сыну походить болѣе на женскую, материнскую, подобна огню, который вдругъ воспламеняетъ солому и тотчасъ угасаетъ; то въ такомъ случаѣ, не охотно, правда, однако же тобою самимъ вынужденный къ этому, скажу, что никакъ тебѣ, родитель, не припишу имени чадолюбиваго отца. Напротивъ того, отецъ мой, будь для своего сына не человѣкомъ, но Богомъ. Не заграждай источника, который готовъ произвести изъ себя большую рѣку; не дай померкнуть въ свѣтильникъ свѣту отъ недостатка елея; не дай засохнуть растенію отъ того, что не напаяется росопосными влагами. Открой родникъ, поддержи свѣтъ, ороси дающее побѣги растеніе.

И ты, матеръ моя, помоги просьбамъ моимъ,

чтобы мнѣ было за что возблагодарить васъ обоихъ и именовать родителями не одного моего перстнаго состава (какъ говорятъ иные, замѣчая, что родители заботятся только о плоти), но и бессмертной души.

ОТЪ НИКОВУЛА ОТЦА КЪ СЫНУ.

Желая быть сильнымъ въ словѣ, желаешь ты, сынъ мой, прекраснаго. И самъ я услаждаюсь словомъ, какое Царь Христосъ далъ людямъ, какъ свѣтъ жизни, какъ преимущественный изъ даровъ, ниспосланныхъ намъ съ небснаго круга; потому что и Самъ Онъ, превозносимый многими именованиями, ни однимъ не благоугождается столько, какъ наименованіемъ: Слово. Но выслушай мою рѣчь. Совѣтъ отеческій есть самый лучший, и сѣдина имѣетъ преимущество предъ юностію. Время родило исторію, а исторія родила высоко парящую мудрость. Посему уважь слова мои; это для тебя же лучше.

Во всемъ прочемъ, сынъ мой, будь превосходнѣе отца. Отецъ радуется, когда добрый сынъ беретъ надъ нимъ преимущество, и радуется больше, нежели когда самъ превосходитъ всѣхъ другихъ. Это согласно съ Божескими законами, которыми великій Отецъ связалъ вселенную, и, изъ любви къ Своему достоянію, неизблемо утвердилъ Словомъ. Но желаю, сынъ, чтобы ты удерживалъ въ себѣ отцево свойство — имѣлъ больше стыдливости, нежели сколь-

ко теперь обнаруживаешь ее предъ родителями. И я былъ сынъ добраго отца; но изъ моихъ устъ никогда не выходило такого слова; даже и на языкѣ не держалъ я чего либо подобнаго, потому что и Богу не угодны такія рѣчи.

«Если родиль ты меня, отецъ; не велико благодарѣніе. Ибо произвелъ ты меня на свѣтъ, угождая не мнѣ, но своей похоти и своей плоти. А потомъ и вскармилъ! Что жъ? Воскормилъ, кого родиль.»— Какое неблагодарное слово, разрушительное для міра, оскорбительное для великаго Рожденія! Природа взаимною любовію связала родителей и дѣтей, чтобы трудъ, какому требуютъ рожденные, не утомлялъ родителей, и чтобы не для смерти мы рождали, оставляя родившихся безъ попеченія. Посему, какъ справедливо сказалъ ты, родители ведутъ сграшную войну за дѣтей, не щады и жизни. Такъ поступаютъ осы, рсы, воны, вепри, рыбы, птицы, а преимущественно предъ всѣми человѣческой родъ. Если не покоримся этимъ законамъ; вся жизнь наша пронадесть по-напрасну. Но кто же обниметь сына, кто порадеетъ ему лучшаго, кто дастъ свое согласіе, когда онъ хочетъ учиться, или желаетъ чего либо другаго, кто отдѣлитъ ему надлежащую часть имущества, если все, что сынъ получаетъ отъ отца, есть долгъ, а не милость, и если сынъ, не получивъ ничего, можетъ нарушить законъ стыда, а получивъ, въ правѣ имѣть и языкъ и умъ неблагодарный?

Смотри же, чтобы иный разумный человѣкъ не возразилъ тебѣ: Не человѣческой только мы — родъ,

но и Божій, и Божій прежде, нежели человѣческій. Отцы для дѣтей вторичныя только орудія рожденія отъ Христа великаго Бога. Христосъ взялъ землю, но даровалъ ей умъ, и произвелъ единый родъ, смѣшанный изъ того и другаго, произвелъ земнаго царя, который — тѣло, когда зломудреть, и сопритченъ къ богамъ, когда благочестивъ, который туда и сюда порывается многими бѣдствіями, чтобы при большемъ числѣ золь имѣть намъ неоторимое сердце. Но никто еще не терялъ до того здраваго смысла и не увлекался кипучестію юной крови, чтобы изъ богоборныхъ устъ его исторглось такое злое слово: « Не по моему желанію сотворилъ Ты меня. А когда сотворилъ, не дивно, что и почтилъ. Если же, создавъ, оставляешь меня; это значить, что смертнаго создалъ на мѣсто смертнаго. Дай мнѣ премудрость, дай богатство, потому что далъ Ты это многимъ; дай величіе и красоту, первенство въ городахъ, все разящій мечъ, крѣпость тѣла не уступающаго болѣзнямъ, и все прочее, чѣмъ люди измѣряютъ великое счастье. Иначе не стану чтить Тебя ни жертвами, ни обѣтами. Ибо не мнѣ оказалъ Ты благодѣяніе, когда связалъ во мнѣ душу и тѣло, но Самъ желая славы, привелъ въ бытіе меня, какъ и все иное, чтобы имя Твое, Блаженный, славилось и между земными ». Но такія рѣчи предѣставимъ людямъ богоненавистнымъ и неразумнымъ, которые, ставъ рабами виновника зла, богатство почитаютъ богомъ. А мы за все, и за благое и за бѣдственное, будемъ пѣснословить великаго Бога, что свойственно сынамъ достойнымъ любви. Послѣ же перваго Царя прославлю и земныхъ родителей, ко-

торые озаряли меня свѣтомъ, чрезъ котсрыхъ и въ моемъ сердцѣ возсіяла, и всѣмъ открылась, во едино сочетавающаяся Троица. Умолчу о великомъ кругѣ міра, о широкомъ небѣ, въ которомъ сіяютъ два свѣтлыя ока; о хребтѣ моря (что для меня чудно) и ліющагося и не выливающагося изъ своихъ предѣловъ, а наносящедокъ и о землѣ, о теченіи рѣкъ, о вдыхаемомъ нами воздухѣ, о временахъ года, о пріятности цвѣтовъ, о природѣ челоуѣка и чернотыхъ, о всемъ, что Богъ предложилъ въ трапезу очамъ моимъ. Все сіе отецъ мой передалъ мнѣ отъ великаго Отца.

Посему не этимъ долженъ ты вознаградить за сіе родителя, не отважностію, потому что отважность, преступивъ мѣру, дѣлается дерзостію. Иначе какой нибудь болѣе раздражительный отецъ отъ моего лица скажетъ тебѣ подобное слѣдующему слово: «если природа позаботилась о дѣтяхъ, вложивъ родителямъ любовь къ нимъ; то природа же возбранила любить не любящихъ». Лучше отъ отца перенести худое, нежели видѣть доброе отъ чужаго. И челоуѣку лучше всего смотрѣть только изъ рукъ отцевыхъ. А если отецъ бѣденъ, скуденъ умомъ, изнемогъ тѣломъ; что будешь дѣлать? Не замѣнишь ли ему своею рукою жезла? Не возмешь ли и ты меня къ себѣ на плеча и не понесешь ли вонъ изъ города, какъ сынъ Анхизовъ унесъ своего родителя отъ враговъ? Или скажешь: «для чего ты произвелъ меня на свѣтъ? и за что требуешь моей услуги»? Дай голосъ рыбамъ и птицамъ воздушнымъ, всему, что дышитъ и пресмыкается на землѣ. Делфинъ не скажетъ: «Для чего Ты, Царь, сотворилъ

Зрн
—

меня сыномъ моря? Мнѣ не хотѣлось бы вести непрестанно странническую жизнь въ соленой влагѣ, вдыхать влажный, и видѣть помраченный воздухъ. Лучше хочу работать, какъ волъ, настись на горахъ, имѣть широкія плеча, какъ быстроногій конь вести жизнь вмѣстѣ съ человѣкомъ, нежели царствовать надъ всѣми скользящими по водамъ рыбами». Воли не мучатся желаніемъ ходить по морямъ. И злая змѣя, съ усиліемъ изгибаясь на своемъ чревѣ, не скажетъ: «Для чего Ты заставилъ меня грысть персть на землѣ? Мнѣ хотѣлось бы ходить въ прямомъ положеніи; а Ты опредѣлилъ мнѣ пресмыкаться на чревѣ». Воронъ не пожелаетъ летать подобно орламъ и помѣняться своею наружностію съ царемъ пернатыхъ. Но всякій любитъ ту стезю жизни, какая ему назначена. И скудельное произведеніе никогда не скажетъ скудельнику: «для чего ты немилосердо трещишь надо мною своимъ жесткимъ колесомъ?»

Все это говорилъ я тебѣ, любезнѣйшій сынъ, чтобы научить покорности твоей умъ, заставить тебя на всѣхъ взвѣшивать слова свои и не давать имъ свободы, отсѣкать все лишнее, ограничиваться же достаточно, не предаваться потоку молодости, но удерживать его стремительность. Когда говоришь; *З.м* гораздо лучше многое затаить въ себѣ, нежели пустить на воздухъ какое нибудь неприличное слово. Никакой пѣтъ бѣды, если останется слово не вымолвленнымъ; — это не эхидино порожденіе; оно не проторгнетъ чрева, и не угрызетъ матери въ отмщеніе за губительнаго отца.

Теперь устрашу твою любовь словомъ своимъ, и

родительскою снисходительностію развѣю на воздухъ сыновнюю дерзость. Не одна дорога жизни, сынъ мой; потому что и природа не у всѣхъ одинакова. У однихъ она добра, у другихъ хуже и болѣе походить на природу безсловесныхъ, а у иныхъ опять какая-то смѣсь и добраго и худаго; какъ и земледѣлецъ троякаго свойства находитъ землю: или плодоносную, или бесплодную, или такую, которая вмѣстѣ съ пшеницей произращаетъ и тернія. Три есть пути, и три цѣли. Одинъ путь низменъ, пробить слѣдами многихъ, широкъ, мягокъ, но приводитъ къ жалкому концу, къ стремнинамъ, къ мрачнымъ пропастямъ, къ страшному тартару, гдѣ огненные рѣки, казнь погибшихъ душъ и непрекращаемое мученіе. Другой путь негладокъ, крутъ, сухъ, тѣсенъ, излучистъ, съ обѣихъ сторонъ окруженъ повсюду стремнинами, и проходимъ не многими; но ведетъ къ благому концу, къ звѣздному небу, къ великой славѣ, безплотнымъ красотамъ, къ самой чистой, ничѣмъ не омраченной, благой истинѣ и даже къ высочайшему, не имѣющему предѣловъ, Свѣту. Третій путь лежитъ въ срединѣ между первыми; онъ средній и по воздаянію; не очень трудеенъ, и весьма не много приноситъ славы—это свѣтъ слившійся съ черною ночью, такое смѣшеніе, которое у мудрыхъ называется сумракомъ. Путемъ удобнымъ идутъ всѣ тѣ, у кого умъ развращенъ, лжецы, челоуѣкоубійцы, прелюбодѣи, клятвопреступники, андрогинны, отцеубійцы, хищники, чревоугодники, которые уподобляются не наполняемымъ морямъ, живутъ смертію, любятъ собственную гибель.

Однимъ врагамъ можно пожелать такой жизни. Добрымъ же путемъ идутъ тѣ, у кого жизнь не на землѣ: это трблаженныя люди, которые во плоти живутъ превыше плоти, не связаны супружествомъ; это презрители міра, небожественныя, нестяжатели, единоризцы; они плачутъ, спятъ на голой землѣ, едва переводятъ дыханіе, не исполняютъ требованій чрева, не имѣютъ надъ собою крова, въ одномъ поставляютъ славу — вмѣнять ни во что всякую здѣшнюю славу, и богатство, и нищету, взирать же къ единому Богу. Предъ ними-то поникаю долу, боюсь и трепещу ихъ, какъ царствующаго въ горнихъ Бога, когда приближается Онъ къ человѣкамъ. Ибо всѣ они возиши гораздо превыше смертныхъ. А мы идемъ среднимъ путемъ; не услаждаемся пороками, но едва касаемся и божественнаго; у насъ заботы о супругѣ, о вожделѣнной славѣ, о дѣтяхъ, объ имуществѣ; для насъ дорого все, что приходитъ въ руки.

Конечно, что въ этой жизни для меня самое главное — слово, это для обладающаго симъ даромъ нерасхищаемое богатство, некрадомое, доброе стяжаніе, хотя я и не все еще извѣдалъ, какъ бы хотѣлось, не обтекъ еще на полныхъ вѣтрилахъ цѣлаго моря наукъ. Я не вѣрю твоимъ словамъ, и похвалы твои меня не плѣняютъ, потому что всякая похвала отъ роднаго не вѣрна. Однако же преимущественно предъ всѣмъ другимъ уважаю тебя, о слава краспорѣчія! Ибо даръ слова служитъ основаніемъ моей жизни; имъ отличенъ я отъ звѣрей, воздвигъ города, избрѣлъ законы, воспѣваю велико-славнаго Бога, превозношу до небесъ свѣтлую до-

бродѣтель, укрошаю бѣдственное для меня могущество ужаснаго грѣха, раздѣляю міры, міръ небесный и этотъ міръ идущій къ разрушенію, различаю душу и тѣло, какъ изображеніе и изображаемое, какъ качества двоякаго рода жизни, и двойкій конецъ жизни живыхъ и гибнущихъ. Сему научилъ меня Богъ, въ семь подкрѣпило меня слово мудрыхъ, въ семь утвердила вѣра, представляя письменное доказательство, какъ въ послѣдніе дни прославлены будутъ доблести добрыхъ, а безславіе порочныхъ начертано на безсмертныхъ столпахъ.

Быть сильнымъ въ словѣ— и живущему одиноко не скучная жизнь, и домогающемуся знаменитости славный вѣнецъ, не весенний подобный цвѣтамъ, сорваннымъ по утру и увядающимъ прежде, нежели кончится день. Быть сильнымъ въ словѣ— великое врачевство отъ страстей; спмъ укрошаю воспламяющій гнѣвъ—это омраченіе ума, симъ усыпляю скорбь и полагаю мѣру веселію, не сокрушаясь слишкомъ въ обстоятельствахъ затруднительныхъ, и не надмеаясь благополучіемъ, но одно употребляя въ помощь противъ другаго, то есть, надежду—противъ скорбей, и страхъ—противъ благоденствія. Даръ слова и царей руководить, и народъ привлекаетъ, процвѣтаетъ въ народныхъ собраніяхъ, царствуетъ на пирахъ, утишаетъ брани, дѣлаетъ человека кроткимъ, нѣжными и ласковыми рѣчами умягчая всякаго, сколько бы кто ни былъ упоренъ, подобно тому, какъ сила огня смягчаетъ желѣзо. Думаю, что Орфеевы гусли не иное что были, какъ даръ слова, пріятностію звуковъ увлекавшій всѣхъ, и добрыхъ, и худыхъ; а также и Амфіонова лира

дѣлала покорными камни, то есть, упорныя и каменные сердца. Даръ же слова разумѣю и подѣтъмъ врачевствомъ, которое далъ Лаертову сыну его спутникъ, когда шелъ онъ къ Цирцеѣ, чтобы могъ онъ оказать помощь своимъ товарищамъ, обращеннымъ въ свищей, и самъ не дошелъ до необходимости ѣсть свиной кормъ. Даръ слова вижу и въ томъ, что растворила Ононова супруга, Египтянка Полидамна, и подала Еленѣ, какъ добрый гостинецъ—безпечальность, негнѣвливость и забвеніе всѣхъ бѣдствій. А иной, не разъ, по милости Божіей, избавляясь отъ гибельной брани и отъ свирѣпыхъ волнъ моря, спасалъ это одно вождельное стяжаніе, и имъ увеселялся болѣе, нежели другой многочисленными благами. Ибо даръ слова дѣлаетъ человѣка почтеннымъ въ кругу людей, какъ можешь заключить изъ примѣра Одиссея. Безъ одежды, съ сокрушенными членами и бѣдственнымъ скитальцемъ спасся онъ изъ моря; но какъ скоро въ умной рѣчи изложилъ свою просьбу, уважила его царица и дѣва, и представила Феакіянамъ и царю Алкиною, какъ чужеземца, претерпѣвшаго кораблекрушеніе, заслуживающаго предпочтеніе предъ всѣми другими. Даръ слова одерживалъ верхъ и надъ завистію, которая на многихъ смотритъ злыми глазами; потому что зависть любитъ нападать не на совершенныхъ, но на тѣхъ, которые возгордились неожиданно.

О даръ слова, чтобы восхвалить тебя, потребенъ особенный даръ! И какъ бы я желалъ, чтобы мое слово равнялось твоимъ благимъ вѣщаніямъ! Но я одно уловилъ, другое нащелъ для себя не по силамъ;

иное же подсказалъ мнѣ языкъ любезнаго сына, изъяснивъ поспѣшныя желанія своею сѣдиною украшенной юности, что еще болѣе возбуждаетъ мое сердце.

Положившись на свои собственныя и родительскія молитвы, усердно, неуклонно и съ лучшими надеждами стремись, сынъ, куда желаешь; да будетъ у тебя тотъ же добрый спутникъ, который былъ у твоего отца. Ибо и на нашу жизнь призираетъ Божіе око. Восхитилъ ли тебя аттическій соловей, или знаменитый городъ пріятной Финикіи—обитель авзонскихъ законовъ, или великій градъ Александровъ, откуда ивній, нагрузивъ корабли великимъ богатствомъ, поспѣшаетъ въ свое отечество; всякая страна да протекаетъ быстро подъ твоими поспѣшающими стопами, и произращаетъ подъ ними прекрасныя цвѣты; да шумятъ предъ тобою привѣтливо рѣки, и всякое море легкими дыханіями вѣтровъ да приноситъ корабль твой въ пристань; дельфинъ, въ свѣтлыхъ волнахъ едва зыблущейся морской поверхности извивая хребетъ змѣящимися кругами, да скачетъ по водамъ, ставъ путеводителемъ твоей жизни, какъ нѣкогда на хребтѣ своемъ носилъ онъ знаменитаго пѣвца. Для самыхъ наставниковъ да будешь ты окомъ краснорѣчія; да считаютъ они сына моего между первыми и любятъ его наравнѣ съ своими дѣтьми. А сладкую чашу наукъ жадный умъ твой да исчерпаетъ до самаго дна. Рука твоя да пишетъ золотыя письма на гибкихъ досечкахъ, и соты да каплютъ съ твоего свитка. А если весеннею порой, когда дыханія вѣтерковъ такъ усадительны для человѣка, или когда солнце бро-

саешь сверху огнистые лучи, сидя подь древесными вѣтвями и углубившись мыслию, будешь трудиться надъ сочиненіемъ; то стрегоущіе кузнечики и поющія птицы да сообщаютъ бодрость твоимъ тѣлеснымъ силамъ своими сладкозвучными пѣснями, вызывая на состязаніе въ пѣснопѣвіи. Но какъ бистроногого коня, по природѣ горячаго, этими любимыми звуками сдѣлаю тебя еще болѣе быстрымъ въ бѣгу и еще болѣе жаждущимъ великославной побѣды, или поступлю, какъ престарѣлый борецъ, который на поприщѣ въ Пизѣ отдаетъ разумные приказы знаменитымъ борцамъ. Ибо желаю видѣть сына на этомъ поприщѣ съ оливною вѣтвію. И какъ приказываешь, ничего не пощажу, ни имущества, ни труда, къ какому обязаны родители, ни всего прочаго, что способствуетъ смертнымъ къ приобрѣтенію великихъ доблестей; потому что благоразумная бѣдность лучше порочнаго богатства. Не загражду источникъ, который заключаетъ въ себѣ великую рѣку; не померкнетъ свѣтъ въ свѣтильникѣ отъ недостатка елѣя; и лѣторасль возрастетъ напоиваемая присно-живыми водами.

Слѣдующая же пѣснь да будетъ тебѣ отъ меня напутствіемъ. Вождемъ и въ словѣ и въ жизни своей имѣй Христа — Слово, Который превыше всякаго слова. Не дружись съ человѣкомъ порочнымъ и негоднымъ: зараза проникаетъ и въ крѣпкіе члены. Добродѣтели своей не сообщишь ты другу, а срамота его жизни падетъ и на тебя. Избери себѣ товарищемъ цѣломудріе, и имъ однимъ увеселяйся, чтобы преступная любовь не изгнала изъ тебя любви добродѣтельной. Одно предпочитай превосход-

ству въ словѣ—мудрый навѣкъ всегда быть совершеннымъ. Когда же высокій свой умъ наполнишь всѣмъ, чего желаешь, и станешь возвращаться домой; да будетъ у тебя видимымъ для всѣхъ вождемъ тотъ же, кто и теперь, при твоёмъ отправленіи изъ дома, сопутствуетъ тебѣ въ дорогѣ. Родителямъ же да будутъ наградою—твоя любезность и твое доброе имя.

Сего желаю тебѣ, любезный сынъ. А если хочешь идти и дальше Гадеса; то и туда вождемъ твоимъ да будетъ Богъ. Ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что человѣкъ мудрый, непрестанно изслѣдывающій глубины наукъ, подъ руководствомъ мужей совершенныхъ, подобныхъ избранному тобою изъ нашей крови, — ничего, говорю, нѣтъ невѣроятнаго, сынъ, что такой человѣкъ достигнетъ конца высочайшаго блага.

КЪ ВИТАЛІАНУ ОТЪ СЫНОВЕЙ.

О отецъ мой, котораго Богъ даровалъ мнѣ здѣсь въ бога, Богъ несотворенный въ бога сотвореннаго и нетлѣнный — въ тлѣннаго, чтобы и земные имѣли честь и славу! Ибо какъ Царь Христосъ, Который по великимъ совѣтамъ Своимъ править міромъ, есть общій всѣхъ Родитель и наилучшій Пастырь; такъ и отецъ для своихъ дѣтей есть богъ. Выслушай же съ божескимъ милосердіемъ мое превосходное слово;

потому что милосердо выслушивать свойственно великому Богу. Богъ не презираетъ человѣка, за котораго Онъ умеръ, котораго совоскресилъ съ Собою, и къ которому придетъ опять, придетъ — обличить всѣхъ въ послѣдній день.

За что наложилъ ты острые зубы на дѣтей своихъ? Для чего вторглась въ домъ твой злорадная месть? Какая злобная Эринна изгнала изъ него счастье? Безъ сомнѣнія, ты произошелъ отъ добрыхъ родителей, и самъ не послѣдній въ людяхъ; и о тебѣ, конечно, радѣетъ Богъ, Который любитъ любящихъ Его, ненавидитъ же злыхъ; ибо такой законъ былъ доселѣ у Бога. Но не могу понять, отъ чего ты терпишь бѣдствія, постигающія людей богоненавистныхъ, и такъ сказать, самъ себя поражаешь ударами? Для другихъ природа изобрѣла непредвидѣнная скорби жизни, и тѣмъ и другимъ тревожа родъ человѣческой. Никто не знаетъ, какъ прекратится великое тревоженіе многостранной жизни, какая пристань укроетъ въ себѣ мой черный корабль. Безпредѣльное море погубило инаго, или и живаго бросило на сушу, но бѣднякомъ и скитальцемъ, не имѣющимъ ни покрова, ни одежды, сдѣлало того, кто прежде благоденствовалъ; а что везъ съ собою, все то поглотила соленая влага. Другой сражался и палъ на войнѣ, или плѣнникомъ достался въ убійственныя руки враговъ. Иной всего, что имѣлъ, лишенъ властелиномъ, который въ одинъ день можетъ сдѣлать человѣка и низкимъ и счастливецемъ. У того немилосердые разбойники отняли все среди дня, а у этого хитрые воры похитили все во тмѣ. У другихъ же тлетворная

болѣзнь пожрала члены. Но твоего спокойствія благоволилъ Богъ не возмутить ни чѣмъ исчисленнымъ мною; и да продолжитъ Онъ взирать на тебя благоволительнымъ окомъ, ограждая и внутреннее и внѣшнее твое благоденствіе! Но тебѣ, который не знаешь никакого бѣдствія, давъ силы, не соблаговолилъ Богъ даровать одного, именно, чтобы ты помогалъ своимъ дѣтямъ, соблюдая ихъ какъ зѣнцу подѣ благооокруженными вѣждами. Не благоволилъ для того, чтобы никто изъ совершающихъ плаваніе жизни не могъ сказать: «я одинъ избѣжалъ всѣхъ злополучій и скорбей жизни». Что замыслилъ нѣкогда ты, самосскій царь, Поликратъ? Убоявшись того, что счастье течетъ къ тебѣ неудержимо, бросилъ ты въ море любимыи свой перстень, желая удовлетворить тѣмъ зависти. Однако же перстень получилъ ты обратно, а смерти не избѣжалъ. Но съ насъ не брала еще никакой дани зависть; потому ни мало не удивительно, если навела она какой-то мракъ на домъ нашъ. Ибо дѣйствительно какой-то мракъ, или какая-то мгла, стоитъ у насъ между дѣтьми и превосходнѣйшимъ родителемъ. И какой пѣвецъ, искусный въ сложеніи пѣснопѣній, оплачетъ сіе?

Подумаешь, что мы своими страданіями доставили древнимъ поводъ къ баснѣ. Нѣкто, влюбившись въ собственный свой образъ, бросился въ источникъ; его погубило зеркало, въ которомъ увидѣлъ свою прекрасную наружность. Не бывало челоуѣка, который бы возненавидѣлъ собственную плоть свою; однако же слышалъ я и то, что одна мать, въ припадкѣ безумія, умертвила своего любимаго сына.

Она убила его какъ дикаго звѣря, потому что звѣремъ казался ей сынъ; но когда пришла въ разумъ, оплакивала уже не звѣря, но сраженнаго руками ея сына. А другая матеръ вонзила мечъ въ собственныхъ своихъ дѣтей ; потому что была раздражена любовію ихъ отца къ наложницамъ. И одного звѣролова на горахъ, вмѣсто быстрого оленя, растерзали скорые псы, которыхъ любилъ онъ. Непусти же родитель, чтобы и тебя причислилъ къ симъ несчастнымъ какой нибудь пѣвецъ, воспоминающій злодѣянія родителей и воспѣвающій бѣдствія междуусобной брани и вражды между кровными.

Сего боюсь я. Хотя есть и моя вина; однако же виновенъ и родитель. Даже родитель тѣмъ виновнѣе, что меня съ братомъ превосходитъ и сѣдиною и честностію нравовъ. А если и нѣтъ его вины; то все же на него падеть жалкое безславіе, которое не рѣдко и добраго человѣка низлагаетъ на землю. Ибо хотя многимъ извѣстна истина, однако же не мало и такихъ, которые смотрятъ на людское мнѣніе. О семъ прошу тебя размыслить, родитель.

Какъ ни встревоженъ я, однако же, слѣдуя требованію природы, желаю, чтобы родитель мой во всемъ и передъ всѣми имѣлъ преимущество, и, пользуясь у людей доброю славою, восходилъ выше и выше. Но какъ же иный почтетъ тебя, родитель, человѣкомъ снисходительнымъ къ чужему, когда столько гнѣваешься на дѣтей, которыхъ самъ родилъ и нѣкогда просилъ у Царя Бога, желая держать ихъ на своихъ колѣняхъ, а когда явились мы на свѣтъ, почтилъ пресловутыми именами? Я—Петръ, а братъ мой—Фока, носимъ имена учениковъ Христовыхъ.

Но потомъ гнѣвъ, и все забыто. Какой отецъ, подобно тебѣ, превосходнѣйшій, бывалъ такъ милостивъ къ своимъ дѣтямъ новорожденнымъ, и такъ жестокъ къ дѣтямъ пришедшимъ въ возрастъ? Если бы позволительно было вступать въ состязаніе чело-
вѣку съ Богомъ, или дѣтямъ съ родителями; то, можетъ быть, нашелъ бы я какое нибудь слово въ облегченіе своихъ страданій. А теперь дозволю устамъ своимъ вымолвить только слѣдующее: худи ли мы, или хороши у тебя, отецъ, — отъ сѣмени колосья. Хорошъ я, или худъ, — твоя слава, и твой же позоръ. А всякому извѣстно то, что надобно доброга любить, худому же служить подпорой, потому что врачи даютъ лекарство не здоровымъ, а изнуреннымъ болѣзнію. Не о той птицѣ жалѣютъ, которая сидитъ на вѣтви, или летитъ по воздуху, но о той, которая выпала изъ высокаго гнѣзда, или пронзенная кривыми когтями плотояднаго коршуна отъ сильной боли бьетъ ногами по воздуху. И негоднѣйшаго сына удостоить своего нѣдра — это милость. А если удостоишь доброга; то вижу въ этомъ законъ для отца; потому что добродѣтельные и учужихъ пользуются благосклонностію. И Божеская милость не въ томъ состоитъ, чтобы приближать къ Себѣ добрыхъ, но въ томъ, чтобы снизойдти къ худому, и, поднявъ его съ земли, вознести высоко.

И Христось, когда приходилъ на землю, и водрузилъ въ Божествѣ своего человѣка, не за недавнихъ умеръ, но за тѣхъ, которые ниспали до земли и умерли въ Адамъ. Не слышишь ли о сынѣ ювѣйшемъ, какъ онъ, оставя отца и живя блудно, расточилъ все отцевское имѣніе: а когда голодъ

изнурилъ скитальца, возвратился въ домъ къ родителю и преклонилъ предъ нимъ колѣна; и отецъ немедленно сжалился надъ негоднымъ сыномъ, обвилъ руками его выю, пролилъ слезы и почиталъ сына пиршественною вечерею? И добрый пастырь овецъ, когда одна изъ нихъ отстала отъ стада, оставилъ всѣхъ прочихъ, а пошелъ по слѣдамъ заблудшей, и какъ скоро нашелъ ее блуждающею на горахъ или въ лѣсахъ, взялъ на свои рамена и съ радостію сопричислилъ къ любезнымъ ему десяткамъ. Таковъ великій законъ моего Христа, Который, отвергая высокоумныхъ, благоволяетъ ко всѣмъ униженнымъ.

Одно исповѣданіе грѣха часто спасало человѣка, горькими слезами омывало вины и очищало душу, очерненную пороками. Не рѣдко седмижды семь разъ умилоствивляется Царь къ беззаконникамъ, какъ слышу въ Божіемъ словѣ (Мате. 18, 22.), и какъ научилъ меня Духъ. Кто изъ людей хуже царя Манассіи? Какой изъ городовъ хуже великаго Нинова города? Что хуже несмытой руки мытаревой? Но Царь Христосъ умилосердился и надъ ними, когда восплакались они о грѣхахъ своихъ.

Но что говорить о Христѣ? для чего упоминать и о человѣческой любви, какую природа насадила въ родителяхъ къ дѣтямъ? И звѣри любятъ свое порожденіе, если слыхалъ ты о рысяхъ, о кабанахъ, о стадѣ круглоокихъ воловъ, какъ они трепещутъ за своихъ дѣтей и выходятъ на брань со звѣрями и съ непріязненнымъ для нихъ человѣкомъ. Ужели же въ тебѣ такой губительный гнѣвъ, какого нѣтъ ни въ людяхъ, ни въ звѣряхъ? Укроти свое разгнѣ-

вапное сердце; или тебя, любезный родитель, воскормили неприступные утесы и море, и оттого гнѣвъ сдѣлался въ сердцѣ твоёмъ тверже адаманта.

Другіе, и чужеземцы, и соотечественники, и люди богобоязненные, и безумцы, получаютъ себѣ утѣшеніе изъ твоего имущества. Домъ твой служитъ общимъ пристанищемъ для всѣхъ нуждающихся; трапеза твоя пріятнѣе Алкиноевой роши; много за нею друзей, много на ней и снѣдей, много всего, что живетъ въ воздухѣ и на землѣ, и что плаваетъ въ водахъ. А мы, не омытые, не одѣтые, окованные отъ стужи, изо дня въ день скитаемся здѣсь и тамъ по чужимъ дверямъ; и нѣтъ ни какого облегченія нашему бѣдствію. Съ того самаго времени, какъ ты прогнѣвался на насъ, родитель, сколько ни желаемъ, не видимъ лица твоего; и что особенно тягостно, въ этомъ не отказываешь ты часто рабамъ своимъ, хотя и бываешь на нихъ прогнѣванъ. Мы злосчастные сидимъ за скудною трапезой, и даже, подобно Лазарю, не похищаемъ малыхъ крупницъ съ роскошнаго стола, не пользуемся и тѣмъ, чѣмъ питаются псы. По твоей милости, многіе нами гушаются, не многіе же уважаютъ. Странное дѣло! отецъ хвалится безславіемъ сыновей, которыхъ одна небольшая горсть утѣшила бы въ горести. Помощники для насъ обоеихъ хуже самой скорби; а иные и не знаютъ, кто мы и чьи дѣти; ибо стыжусь и объявить о родителѣ. Двое, правда, благорасположены къ намъ; хотятъ ли они чрезъ это сами избѣгать несчастія, или найдти облегченіе въ своихъ бѣдстві-

яхъ, какія наведеть на нихъ злобный демонъ, и чужими напастями надѣются искупить собственную свою бѣду.

Скажу еще болѣе сильное слово; только будь милосердъ, родитель; дай намъ, по крайней мѣрѣ, эту отраду въ страданіяхъ — не отринь нашего слова. Къ другимъ своимъ дѣтямъ, родитель, ты столько благосклоненъ, сколько свойственно чело-вѣку, который Бога исповѣдуетъ своимъ Отцемъ. Это — не зависть; единоутробнымъ и не естественно завидовать. Дома въ теремахъ воспиталъ ты нѣжныхъ дочерей, обучилъ рукодѣльямъ предъ вступи-леніемъ въ замужство, съ помощію одной благородной женщины — этого Хирона въ женскомъ полѣ, образовалъ въ нихъ добрые нравы, далъ имъ добрыхъ мужей — людей именитыхъ въ гражданскомъ кругу, богатой рукою отдѣлилъ имъ часть своего имущества. А насъ, которыхъ произвела на свѣтъ тебѣ та же и наилучшая мать — эта благочестивая жена, достойная удивленія всѣхъ земнородныхъ, о которой, представляю себѣ, и доселѣ ты, любезный родитель, часто проливаешь слезы, насъ — своихъ первородныхъ (что весьма важно для отцевъ) гонишь изъ своего дома и столько же ненавидишь, сколько дочерямъ показалъ свое благорасположенное сердце.

Скажу; и не желалъ бы, правда, однако же вывести слово наружу, чтобъ не разрывало оно меня, затаившись въ сердцѣ. Былъ бракъ и брачная вечеря; все было полно веселія; тамъ были брачные дары, пріятственныя рѣчи, пріятныя забавы. Много было родныхъ, не мало сосѣдей; люди высокихъ чиновъ

при царскомъ дворѣ украшали собою брачную тразею; были и досточестные іереи, которые соединяли чету молитвами своими и вѣнцами. Вокругъ прекраснаго юноши толпились товарищи, и величали жениха, уподобляя его красивой лѣторасли; а жены наряжали черноокую дѣву къ священному браку; отецъ восхищался дѣтьми. А насъ, какъ будто мы походимъ на дикихъ звѣрей или на вепрей, или по дѣйствию жестокаго демона погубили человѣческій видъ, насъ заперли въ домъ вдали отъ сестры; и тамъ мы оплакивали свое вступленіе въ скорбныя воды жизни.

Лучше бы мнѣ не зачатъ въ матерней утробѣ, или умереть недоношеннымъ въ мукахъ рождающей! А если вступилъ уже я во врата жизни и привлекъ въ себя роковой духъ; то лучше было бы, если бы первый мой плачь сталъ слезою смерти, и не встрѣтилъ я такихъ бѣдствій! Всего же болѣе огорчило меня одно. Я, искусный пѣвецъ, желалъ воспѣть бракъ и брачное ложе родной сестры, и своими брачными пѣснями утолить гнѣвъ отца; но, всегубительный демонъ! и это не было мнѣ дозволено, какъ человѣку ни къ чему негодному. Другой воспѣвалъ мою красу, эту черную ночь изъ-подъ золотистыхъ кудрей восходящую на серебряныхъ ланитахъ; другой славилъ мою вечернюю звѣзду, другой величалъ мою зарницу; и еще какой-то не добрый пѣвецъ. А я лежалъ безмолвный, презрѣнный, покрытый облакомъ сѣтованія, не могъ быть и эхомъ, которое послѣдніе слоги разноситъ по высокимъ утесамъ, когда Панъ поетъ на горахъ пастушескія пѣсни. Оплачу кончину моихъ перво-

родныхъ пѣснопѣній, и не буду больше пѣть. Прощайте многозвучныя книги! прощайте музы! Чтò за радость, если пѣснь моя не касается родительскаго слуха, если и Орфеево какое нибудь пѣснопѣніе не привлекаетъ къ себѣ издали ни камней, ни звѣрей, ни птицъ на одризскихъ утесахъ? Воспользуйся отъ меня и этимъ, злобная зависть; пусть прекратятся мои пѣсни! А тебѣ, превосходный родитель, да не воздастъ за сіе ни Богъ, ни кто либо изъ друзей!

Но вотъ еще какой тревожитъ меня страхъ. Если не любишь насъ, добрѣйшій; то не любишь и дочерей, хотя и носишь ихъ теперь на рукахъ и стараешься возвысить. Насъ лишилъ ты своего дома и любезнаго лицезрѣнія, а ихъ сдѣлалъ для всѣхъ ненавистными. Ибо Царю родителей — Христу не угодно, чтобы отецъ къ одному былъ благосклоненъ, а къ другому худо расположенъ; и Сынъ Безначальнаго не рѣдко превращаетъ всѣмъ, гнѣвъ Свой съ отца переноситъ на дѣтей, и обременяетъ несчастіями любимыхъ. Но да падетъ сіе въ глубину моря, да не коснется нашего дома, за настоящими скорбями да не послѣдуетъ новая скорбь! довольно и того, что старшихъ дѣтей твоихъ гонитъ Эринна.

Но противъ тебя, родитель, раздражены всѣ и родители и дѣти за то, что имѣешь неумолимое сердце. Ибо убиваетъ жизнь негодованіе отца, котораго соединили съ дѣтьми и естественный союзъ и любовь, раздѣлила же злая вражда. Конечно, великое къ намъ сожалѣніе питаютъ въ сердцахъ всѣ тѣ, которые сдѣлали, или потеряли, что нибудь до-

стойное Бога ; особливо же скорбять іерей, которыхъ ты ущедряешь дарами и чествуешь въ своемъ домѣ, но безчестишь заочно, а иногда и въ лице, какъ скоро обращаются они къ тебѣ не съ одними ласковыми совѣтами и не съ благосклоннымъ только взоромъ, но и съ жесткими словами. Таковы, во первыхъ, Григорій, который жизнью соотвѣтствуетъ своему имени и проповѣдуетъ устами сочетанное Божество, а потомъ Воспорій и Амфилохій, которые одарены великой душою. У нихъ и мучительное чувство болѣзней уступаетъ молитвамъ, чествованію Троицы и жертвамъ ; а у тебя ни мольбы, ни жертвы не преклоняютъ сердца. Ты не приносишь сего въ даръ и добропобѣднымъ мученикамъ. Хотя изъ года въ годъ ущедряешь ихъ богатой и не знающей счета рукою, созидаешь въ честь ихъ алтари, приносишь дары, устраиваешь пиршества, лики, предлагаешь многія чаши усладительнаго питія и мягкія ложа, однако же въ этомъ нарушаешь Божій законъ. Ибо лучше, принося малость, посвящать Богу сердце, нежели чествовать Его всѣми жертвами, но имѣть оскверненный умъ. Нѣтъ дара, который былъ бы достоинъ Бога, хотя соберешь все, что приносятъ людямъ земля, небо и море ; потому что все это — Божіе. А что же смертный найдетъ кромѣ сего ? Одна душа есть чистая жертва ; а въ этомъ и бѣдный часто идетъ наряду, и даже упреждаетъ избилующаго всѣмъ.

Уважаю, родитель, и это великодушное намѣреніе, которымъ ты, по Божію внушенію, поставилъ себя выше многихъ. Для жалкихъ смертныхъ не то одно рожденіе, которое ведетъ начало отъ плоти и

крови, и по которому люди являются на землѣ, и исчезаютъ вскорѣ. Правда, что оно самое первое; но потомъ есть еще рожденіе чистаго Духа, когда нисходитъ озареніе на омытыхъ водою. Но есть и третіе рожденіе, которое слезами и скорбями очищаетъ въ насъ образъ Божій, очерненный грѣхомъ. Первое изъ сихъ рожденій имѣешь ты отъ отцовъ, другое — отъ Бога, а въ третьемъ самъ ты себѣ — родитель, и служишь для міра прекраснымъ свѣтиломъ; потому что расторгъ мірскія узы, вѣбренія поставилъ свою ногу, избѣгъ огня, угрожающаго Содому, съ низкихъ равнинъ укрылся въ возлюбленный Сигоръ, не озираешься на испепеленные города, на всѣ свои стяжанія прибрѣлъ одну добрую жемчужину, поселясь въ пустынь, совокупилъ во едино Христа и чистый свой умъ, распростеръ облако надъ земнымъ міромъ, отъ котораго самъ отрѣшился, воздвигъ стѣну между нимъ и собою; прекратилъ наглость чрева — этой ненаполнимой пропасти, презрѣлъ высокія сѣдалища, надмевающія челоуѣка, повергъ долу кичливую гордость и тщеславіе высокоумія. Одна для тебя слава — великій Богъ и благочестивые, которые для тебя дороже кровныхъ по плоти. Все уступило кресту, къ которому пригвоздилъ ты разбойника, т. е. міръ. Всеночными гимнами и дневными пѣсноуѣніями славословишь ты Трисіанное озареніе небснаго Духа. Все это прекрасно, родитель, и близко уже къ еовершеннѣйшему предѣлу; предѣлъ же сей, по моему мнѣнію, — умосозерцаемый, а не въ зеркалѣ видимый, Богъ.

Остался въ тебѣ только одинъ гнѣвъ — эта при-

ятная для тебя отравя, и сѣдаетъ душу твою, какъ непримѣтная ржа—твердое желѣзо. Такое несчастіе постигло тебя по злобѣ вѣроломнаго змія; онъ и прародителей, чрезъ малое вкушеніе, изринулъ изъ рая и отдалилъ отъ Бога, отъ Котораго самъ отпалъ. Но укроти страшный гнѣвъ свой, родитель! И у насъ есть Царь — Христосъ, въ благоволеніи Котораго самъ ты имѣешь нужду. Будь неразумнымъ дѣтямъ своимъ такимъ же отцемъ, какимъ желалъ имѣть къ себѣ Бога во время скорбей, если бы когда нибудь встрѣтилась съ тобою не легкая печаль.

Не ты одинъ, родитель, произвелъ на свѣтъ подобныхъ себѣ, не тебя одного печалить непокорныя дѣти. Случалось не рѣдко видѣть, что отецъ снисходить и къ грубымъ порокамъ неупутнаго сына. Иной, не зная мѣры въ игрѣ, а иной, предавшись пагубному пьянству и позорной любви, расхитили домъ; другой дошелъ и до того, что обращается къ отцу съ укоризненнымъ словомъ, и даже руки у него поднимаетъ Эрианна. Однако же добрый отецъ оставилъ гнѣвъ и на такихъ дѣтей; потому что владычица—нужда не училась писаннымъ законамъ. И она безъ труда врачуетъ въ родителяхъ гнѣвъ на сыновей. Многое, видя, не видятъ, потому что не желаютъ видѣть; многое падаетъ имъ въ уши, но они не слышатъ, чтобы обличеніемъ не вызвать дѣтей на страшную дерзость, и не заглушить въ нихъ стыда — этого добраго помощника родителямъ. Ибо отъ оскорбленія рождается дерзость, а отъ благосклонности — осмотрительность, особливо же въ дѣтяхъ, которые имѣютъ въ виду близкую

славу, покарятся не насилію руки, но узамъ убъ-
жденія.

Какъ огонь въ соломѣ, такъ и досада въ отцѣ на
дѣтей, держатся не долго. Гнѣвъ воспламенитъ языкъ,
а жалость еще прежде его угаситъ. Языкъ вымол-
вилъ укоризненное слово, а умъ изрекаетъ уже
утѣшеніе, подаетъ руку, чтобы поддерживать бремя,
и самъ оплакиваетъ причиненную скорбь. Давидъ,
одинъ изъ знаменитѣйшихъ царей въ Авраамовомъ
потомствѣ, ко всѣмъ былъ милостивъ, а къ дѣтямъ
своимъ до того снисходителенъ, что подавлялъ въ
себѣ гнѣвъ и досаду даже на отцеубійцу. Вотъ до-
казательство! Когда возмутьившійся противъ царя
въ тѣнистомъ лѣсу погибъ отъ сучка и лошака;
Давидъ не только слезно оплакалъ его, какъ добраго
сына, но наказалъ, какъ убійцу, возвѣстившаго о
смерти.

А ты, увлекшійся недобрымъ совѣтомъ, что ви-
дѣлъ, или что потерпѣлъ отъ насъ худаго, и пи-
таешь въ сердцѣ своемъ неукротимый гнѣвъ? Мы
не отнимали у тебя, государь, отцовской власти,
не похищали ни колосьевъ съ твоего поля, ни во-
ловъ, или овецъ, или коней изъ твоихъ стадъ; мы
не доходили до такого безумія, чтобы осквернить
твое ложе (это ненавистно!) или вступить въ ковар-
ные замыслы съ людьми тебѣ непріязненными. Если
отецъ гнѣвается за что либо подобное сему; нечего
и сказать напротивъ: но въ твоихъ сыновьяхъ одинъ
порокъ; мы оказались хуже тебя — совершеннѣй-
шаго родителя; а ты никому не уступаешь пер-
венства ни въ наружномъ видѣ, ни въ величїи. У
насъ не свободно течетъ слово, и на языкѣ лежатъ

узы. Или мы погрѣшили въ этомъ ; или ты, наилучшій, не захотѣлъ дать дѣтямъ совершеннѣйшей природы.

Здѣсь положимъ конецъ слову. Царь — Отецъ и всевышній Сынъ, подай руку и благоволи содѣлать милостивымъ ко мнѣ родителя ! Вотъ касаемся брады твоей, родитель, объемлемъ у тебя колѣна, какъ у Бога; да узримъ же и лице твое, какъ Божіе. Не супружества, не приличнаго богатства, не высокаго дома просимъ у тебя ; дай только руку и воззри благосклонно.

И ты, матеръ моя, которая, какъ видалъ я во снѣ, и отцу моему являясь въ сонныхъ видѣніяхъ, утоляешь гнѣвъ его своими моленіями, напоминаешь ему о своей любви и согласномъ супружествѣ ! упроси своего супруга стать милостивымъ къ дѣтямъ твоимъ. Есть мѣра въ наслажденіи пѣніемъ, есть мѣра и въ жестокой брани.

И если убѣдилъ я тебя, родитель ; то довольно для насъ понесенныхъ бѣдствій. А если не внемлешь мнѣ ; то и у дѣтей есть Богъ. Будемъ скитаться, какъ и прежде. Твоя постраждетъ слава, если останемся непризрѣнными, если умремъ. О если бы хотя по смерти нашей пролиты были о насъ слезы благосклоннаго отца !

КЪ СЕЛЕВКУ (*).

Прекрасному и доброму сыну Селевку, отрасли благороднаго корня, приказывая радоваться, самъ желаю порадоваться на твою жизнь, похвалиться твоими свѣдѣніями и нравами.

Во-первыхъ, имѣй страхъ Божій и любовь къ Богу; потому что Богъ для всякаго благомыслящаго есть начало и конецъ цѣлой жизни. А во-вторыхъ, сынъ мой, выработай свой нравъ, чтобы онъ былъ кротокъ, смиренъ, воздерженъ, твердъ, приятенъ, независтливъ, правдивъ, мужественъ, мудръ, степененъ, трудолюбивъ, постояненъ, цѣломудренъ. Вотъ украшеніе и для юныхъ и для старыхъ—обогашаться не имуществомъ, а добрыми нравами! Добрые нравы—это твоя собственность; а имѣніе—вещь обманчивая: оно издѣвается надъ недугомъ богатолюбія, и любитъ улыбаться то одному, то другому, подражая обычаю невѣрной блудницы, которая разными способами обманываетъ многихъ любителей, съ однимъ сближается, другаго убѣгаетъ, тому и другому показываетъ свою привязан-

(а) Сіе посланіе приписывается св. Амфилохію Епископу Иконійскому, и въ древнихъ спискахъ имѣетъ надпись: *отъ Амфилохія къ Селевку*. Но помѣщено здѣсь на томъ основаніи, что Биллій и Леуенклай помѣщаютъ оное въ числѣ сочиненій св. Григорія Богослова, находя самый слогъ посланія весьма близкимъ къ Григоріеву, и опираясь на отысканную ими въ древнемъ спискѣ: *καὶ ταῦτα, δοκεῖ μὴ τῷ Θεολόγῳ τυχεῖνεν φρενός, ὡς παρὰ Ἀμφιλοχίου γραφέντα.*

ность, и ни къ одному не имѣть искренняго расположенія. Богатство по природѣ своей не имѣть въ себѣ никакой твердости; оно уподобляется бурнымъ волнамъ моря, которыя въ непрестанномъ своемъ стремленіи то надуваются, то опадаютъ. Поэтому, сынъ мой, богатѣй непрестанно добрыми нравами, и будетъ у тебя сокровище, котораго не расхищаютъ вору, на которое не устремляются доносчики, котораго не вычерпываютъ своими руками притѣснители, не истребляетъ оружіе варваровъ, на которое, оставаясь въ обителяхъ безплотныхъ, безопасно соблюдается въ сокровищницахъ души, и его не поддаетъ стремительная сила огня, не покрываетъ волна глубокаго моря.

Сберегая это богатство, въ собственномъ смыслѣ тебѣ принадлежащее и сродное, не доускай его до ржавчины упражненіемъ въ наукахъ, занимайся стихотворными книгами, историческими писаніями, краснорѣчивыми произведеніями витій, тонкими разсужденіями философовъ. Но со всѣмъ этимъ обращайся благоразумно; съ мудростію собирай отсюду полезное, съ разсудительностію избѣгай всего, что въ каждомъ писателѣ есть вреднаго, подражай работѣ мудрой пчелы, которая садится на всякой цвѣтокъ, но весьма умно беретъ съ каждаго только полезное. У ней наставницею сама природа; а у тебя есть разсудокъ. Обильно пожинай, что можетъ доставить пользу; а если что приноситъ вредъ, замѣтивъ дурное, лети скорѣе прочь; потому что умъ человѣческій быстропарящъ. Посему, что ни написано въ похвалу добродѣтели—у воспѣвающихъ ее и напротивъ того оуждающихъ порокъ, то изучай

тщательно, затверживай мысль и красоту реченія. А что суесловили они о богахъ, какія по наученію демоновъ написали нескромныя басни, достойныя смѣха и слезъ сказки, того бойся, какъ силковъ и сѣтей. Когда же будешь читать то и другое, и смѣшныя сказанія о богахъ, и прекрасныя разсужденія; тогда презри боговъ сластолюбцевъ, уважь же разсужденія, и какъ бы съ одного растенія, обойди терны, сорви розы. Вотъ наилучшее для тебя правило, какъ читать языческія писанія! На какія же писанія прилично тебѣ обратить все свое вниманіе, о томъ скажу послѣ, а сперва намѣренъ предложить тебѣ слѣдующее.

Молодому человѣку всѣми мѣрами должно бѣгать бесѣдъ съ людьми порочными, и не искать въ нихъ услажденія. Много людей, которые походятъ на шелудивыхъ, или другою какою болѣзнію зараженныхъ, животныхъ. Они вводятъ въ искушеніе простодушныхъ юношей; будучи опытны въ хитрыхъ обманахъ, хотять и имъ передать всѣ свои пороки, какъ болѣзнь, чтобы закрыть грѣхи свои участіемъ въ нихъ многихъ. Остерегайся ихъ; ибо, по слову Павла, *тлятъ обычаи благи бѣсѣды злы* (1 Кор. 15, 33.). Да, тебѣ строго надлежитъ соблюдать слѣдующее правило: имѣй отвращеніе отъ непристойныхъ пѣсней, какія поются въ театрахъ, въ звѣринцахъ, на конскихъ ристалищахъ; гнушайся неприятнымъ зрѣлищемъ страданій, житейскими суетами, гидрою наслажденій, неблагоприличными наставленіями людей развратныхъ, для которыхъ одно только отвратительно—цѣломудріе. Служители ихъ позора имѣють искусство гор-

даться поруганіями, — это лицедѣи смѣшнаго; они привыкли къ пощечинамъ; еще прежде волосъ бритвой обрили у себя стыдъ; стали складочнымъ мѣстомъ всякаго распутства и срама; для нихъ обратилось въ родъ искусства — въ глазахъ у всѣхъ и терпѣть и дѣлать все непозволенное. А иные изъ нихъ (еще болѣе жалкій народъ) поругали въ себѣ славу мужей, извращеніями членовъ извративъ самую природу; это изнѣженные мужи, мужеобразныя жены, а если говорить правду: ни мужи, ни жены; потому что однимъ быть перестали, а другимъ не сдѣлались, и какъ по нравамъ уже не то, чѣмъ они должны быть по природѣ, такъ по природѣ не могутъ быть тѣмъ, чѣмъ желали бы стать по своей превратной волѣ; это какая-то загадка распутства, какая-то нерѣшенная задача страстей — мужи въ женскомъ, а жены въ мужескомъ образѣ. Что же сказалъ бы иной о заразительности срамныхъ пѣсень, о стихахъ ослабляющихъ добрую настроенность сердца, о свирѣляхъ, о пляскахъ блудныхъ вакханалій, за которыя у этихъ жалкихъ людей назначаются даже награды? Чего достойно все это? Похвалъ ли, зрѣнія и восхищенія, или слезъ и рыданій? У нихъ самовластвуешь смѣхъ, естество предается поруганію, воспламеняется разнообразный огонь сластолюбія; воздвигаются зрѣлища для позорныхъ дѣлъ, не тайно безчинствуютъ пороки, но предлагаются награды за худыя наставленія. Ты же гнушайся симъ, не опозоривай дѣвъ, бѣгай всякаго растлѣнія очей, и дѣвы да соблюдутся у тебя невинными.

Но еще болѣе убѣгай кровавыхъ зрѣлищъ, пред-

ставляемыхъ тѣми чревоугодниками, у которыхъ богъ—чрево. Какъ рабы чрева, этого гнуснѣйшаго изъ недуговъ, они служатъ злымъ его велѣніямъ. А чрево, жестокой властелинъ прочихъ членовъ, засѣдая внутри, предаетъ ихъ дикимъ звѣрямъ и съ жадностію пожираетъ добытую за нихъ цѣну. Такъ прозорливое чрево мучительно вторгаетъ въ горнотани звѣрямъ родные свои члены. А сидящіе зрители безчувственны къ симъ страданіямъ; и если человѣкъ спасается отъ звѣрей, издають вопли, какъ будто больше самихъ звѣрей обманулись въ ожиданіи и просидѣли понапрасну. Но какъ скоро человѣкъ пойманъ звѣремъ, испускаетъ жалобныя крики, отчаянно вопить и лижетъ персть, — во взорѣ каждаго изъ зрителей пропадаетъ всякая жалость. И едва увидятъ они потоки крови, съ удовольствіемъ поднимаютъ громкія рукоплесканія; радуются при видѣ того, о чемъ надлежало плакать; принимаютъ живое участіе въ звѣряхъ, и который изъ нихъ поймаетъ человѣка, того поощряютъ на большую жестокость, раздражаютъ его гнѣвъ, какъ будто сами насыщаются вмѣстѣ съ звѣрями, и за одно съ ними пожираютъ человѣческую плоть. И такой горькой конецъ жизни находятъ для себя эти злые продавцы собственныхъ членовъ, сперва рабы сладкаго куска, и потомъ сами—снѣдь звѣрей, люди ненавистные въ жизни, жалкіе въ смерти. Члены же ихъ иные погребены въ звѣряхъ, другіе безжалостно растерзаны зубами, а иные полурасторгнутые и разбросанные съ разнообразными содраганіями какъ будто вскакиваютъ, ищутъ еще случая убѣжать и представляются бѣгущими. Не оскверный же ока

своего мерзостями жестокихъ зрѣлищъ, не смотри на обнаженные тѣла умирающихъ людей, на пресытившихся ими звѣрей, на эти ходячіе гробы, и на собратій твоихъ, поверженныхъ на землю.

И зрѣлище конскихъ ристалищъ, которое кажется для многихъ не столько жестокимъ, также есть болѣзнь и язва для души. Оно дѣлитъ между собою города, возбуждаетъ народъ къ мятежу, научаетъ бранямъ, изощряетъ языкъ на злословіе, разсыкаетъ на части гражданскія собратства, вооружаетъ одно семейство противъ другаго, опозориваетъ старцевъ, ввергаетъ въ бѣшенство юношей, воспламеняетъ вражды между искренними друзьями, попираетъ законы, отваживается на зло, которое еще горестивѣе исчисленныхъ, то есть, въ пособіе неистовствующимъ призываетъ чародѣевъ споборствовать побѣдѣ, и одну болѣзнь питаетъ новою болѣзнію. Ибо какъ скоро разгорячатся и дойдутъ до жаркаго спора, тотчасъ бѣгутъ къ чародѣямъ; а тѣ обращаются къ лукавству демоновъ, и съ ихъ помощію производятъ паденія, сокрушенія, убійства; такъ какъ полчище бѣсовъ радуется нашимъ бѣдствіямъ. Изъ этого ясно видно, что зрѣлище конскихъ ристаній, по видимому кроткое, пагубно для душъ, потому что доводитъ до споровъ, до драки, а сверхъ того причиняетъ явный ущербъ имуществу. И сколько домовъ разстроило оно мгновенно! Сколько богатыхъ заставило просить милостыню! Сколько городовъ, прежде благоустроенныхъ, разорено имъ до основанія! Отъ него буйный мятежь обогрѣлъ руки народа кровію властителей, силою оружія доводилъ города до безлюд-

ства, предавалъ ихъ въ добычу огню и мечу, наказывая за убійства убійствами и за кровопролитіа кровопролитіями. Посему какой цѣломудренный человекъ сдѣлаеть предметомъ зрѣлища не быстроту коней, но состязаніе чародѣевъ, мятежь поражающій убійства, язву городовъ ?

Но ты вмѣсто сего увеселяйся науками, съ помощію которыхъ, что всего предпочтительнѣе, образуются нравы. Когда же умъ твой, какъ на поприщѣ, достаточно извѣдаетъ силы свои въ различныхъ произведеніяхъ словесности; тогда займи его богодуховенными Писаніями, собирая великое богатство двухъ Заветовъ, одного ветхаго и другаго всегда новаго; ибо Заветъ, написанный послѣ перваго, есть новый, и не будетъ имѣть по себѣ третьяго. Охотно посвяти имъ все свое вниманіе; изъ нихъ научись, какъ образовать въ себѣ добрые нравы, какъ чествовать единаго истиннаго Бога, Который есть вѣчная Единица и Троица, Отецъ съ Сыномъ и со Пресвятымъ Духомъ, Троица раздѣльная въ Лицахъ, Единица естествомъ. Посему не сливай Упостасей численно, и обратно, покланяясь Богу, не разсѣкай естества. Одна Троица, одинъ Богъ Вседержитель. Такова преутонченная тайна благочестія! И путь истины дѣйствительно тѣсень — это стезя сжатая и окруженная стремнинами. Кто поскользнулся съ нея въ ту или другую сторону, тотъ падалъ въ глубокія пропасти заблужденія. Такъ случилось съ Савелліемъ, который приближается къ Иудеямъ, и съ Аріемъ, который подражаетъ идолослужителямъ; одинъ сливаетъ упостасъ Лицъ, другій злочестиво дѣлитъ сущность. Но ты неуклонно

держишься средняго пути; раздѣляй, сколько нужно, и сочетавай, сколько позволительно; потому что Троица сочетается неслитно, а также и Единица дѣлится неразсѣкаемо; ибо естество неразсѣкаемо, а Упостаси вѣчно пребываютъ совершенно неслитными. Будь и ты хранителемъ сихъ догматовъ, и какъ искреннимъ исполнителемъ заповѣдей, такъ мудрымъ во всѣхъ таинственныхъ созерцаніяхъ, непрестанно преуспѣвая, и никогда не надмевайся. Въ такомъ случаѣ процвѣтетъ въ тебѣ вѣщная благодать.

Смотри! вѣрный Моисей, сей Божій человекъ, образецъ добродѣтельной жизни, обучившійся первоначально всей египетской мудрости, хотя воспитанъ былъ въ нѣдрахъ богатства, однако же добровольно предался бѣгству, сталъ бѣднымъ, и египетскую роскошь промѣнялъ на рабскую трапезу пастырей въ пустынѣ, славѣ мучителей предпочитая скорбную жизнь; пока не былъ признанъ достойнымъ совершенныхъ видѣній, пока не узрѣлъ величайшую тайну Ангела, явившагося въ огнѣ горящей купины. А потомъ удостоенный того, чтобы первому изъ жившихъ тогда слышать гласъ Божій, и пріавъ власть, избавляетъ уже отъ рабскаго ига стениащій народъ, и по Божію опредѣленію дѣлается начальникомъ всего племени. Но, достигнувъ и такой высоты, не превозносится, а называетъ себя *худогласнымъ и косноязычнымъ* (Исх. 4, 10), говоритъ, что онъ немощенъ, чтобы, думая о себѣ смиренно, пребыть крѣпкимъ. блюди въ себѣ и ты образецъ такой жизни, образуй себя по подобію Моисея. И свѣдѣнія свои въ эллинской словесно-

сти, какъ судія, который произноситъ приговоръ по закону, покори (тѣмъ и прилично) въ служеніе свободѣ истинныхъ догматовъ и премудрому умозрѣнію Писаній. Ибо самая справедливость требуетъ, чтобы духовная мудрость, какъ горняя и происшедшая отъ Бога, господствовала надъ ученостію дольною, какъ надъ служительницею, которая должна не надмеваться напрасно, но приобщаться къ скромному служенію. Ибо дольная мудрость да будетъ рабою мудрости Божественной!

Но впрочемъ, особенно тебѣ, надлежитъ знать и то, что не всякая книга, имѣющая достоуважаемое имя Писанія, несомнѣнно такова. Ибо есть, точно есть и лжеименныя книги; и изъ нихъ нѣкоторыя составляютъ нѣчто среднее, и какъ сказалъ бы иной, смежны съ словомъ истины, а другія подложны и крайне сомнительны, какъ монеты поддѣльнаго чекана и состава, которыя, хотя имѣютъ на себѣ царскую надпись, но, по причинѣ подмѣси худшаго вещества, не соотвѣтствуютъ надписанной цѣнѣ. Посему наименовую тебѣ каждую изъ богодухновенныхъ книгъ, и чтобы раздѣльнѣе узнать тебѣ сіе, переименую сперва книги ветхаго Завета.

Пятокнижіе заключаетъ въ себѣ: Твореніе, Исходъ, въ срединѣ Левитскую книгу, за нею Числа, потомъ Второзаконіе. Къ симъ книгамъ присовокупи Иисуса и Судей, потомъ Руоу, четыре книги Царей, двѣ книги Паралипоменонъ. За ними слѣдуетъ Ездра первый, и потомъ Ездра второй. После сего наименовую тебѣ пять книгъ стихотворныхъ: вѣнчаннаго за подвиги въ разнообразныхъ страданіяхъ Іова, книгу Псалмовъ—благопотребное вра-

чество для души, три книги Соломоновы : Притчи мудраго, Екклесіастъ и Пѣснь Пѣсней. Къ симъ книгамъ присовокупи двѣнадцать Пророковъ : перваго Осію, втораго Амоса, потомъ Михея, Іоила, Авдію и Іону — образъ Его тридневнаго страданія, послѣ нихъ Наума, Аввакума, девятаго Софонію, потомъ Аггея, Захарію и двуименнаго Ангела Малахію. Послѣ нихъ обрати вниманіе на четырехъ Пророковъ : свободно вѣщающаго, великаго Исаію, сострадательнаго Іеремію, таинственнаго Іезекіиля и послѣдняго Даніила, мудрѣйшаго и словомъ и дѣлами. Къ симъ причисляютъ нѣкоторые Есеирь.

Теперь уже мнѣ время сказать и о книгахъ Новаго Завѣта. Принимай четыре только Евангелія : Матѳея, потомъ Марка, къ нему присовокупи третьяго Луку, Іоанна же считай по времени четвертымъ, а по высотѣ догматовъ первымъ; ибо справедливо наименую его сыномъ громовымъ: онъ всѣхъ громче возгремѣлъ о Божіемъ Словѣ. Принимай и вторую книгу Луки, книгу вселенскихъ дѣяній Апостоловъ. Послѣ сего присовокупи сосудъ избранія, проповѣдника языковъ, Апостола Павла, который премудро написалъ Церквамъ четырнадцать посланій : одно къ Римлянамъ, къ которому должно присовокупить два посланія къ Коринѳянамъ, одно къ Галатамъ, одно къ Ефесеямъ, послѣ сего одно къ живущимъ въ Филиппахъ, потомъ одно написанное къ Колоссянамъ, два къ Θεссалоникійцамъ, и два къ Тимоеею, еще къ Титу и къ Филимону, къ каждому по одному посланію, и одно къ Евреямъ. Иные посланіе къ Евреямъ называютъ подложнымъ, но говорятъ несправедливо;

потому что въ немъ подлинная благодать. Что же еще остается? Соборныхъ посланій принимать должно, по словамъ однихъ, семь, а по словамъ другихъ, только три: одно Иаковлево, одно Петрово и одно Иоанново; нѣкоторые же принимаютъ три Иоаннова посланія, два Петрова, и сверхъ того седьмое посланіе Іудино. Подобнымъ образомъ Апокалипсисъ Иоанновъ иные причисляютъ, а многіе называютъ подложнымъ.

Таковъ да будетъ нелживѣйшій канонъ богодухновенныхъ Писаній. Если будешь повиноваться имъ; то избѣжишь сѣтей міра, а суету надеждъ повергнешь долу, и щедрою рукою станешь разсѣвать нищимъ скоротечное богатство, въ ожиданіи несомнѣнной жатвы; потому что посѣваемое здѣсь вносится въ небесную сокровищницу. Послѣдуй же Христу, премудрому Божію Словоу. И ты, преблаженный, преисполненный всѣхъ утѣшеній, для многихъ, и старыхъ и юныхъ, явишься звѣздой; потому что благочестивая жизнь сіяетъ паче звѣздъ. Ликъ Пророковъ, Мучениковъ, Апостоловъ, тебя, какъ собственный членъ ихъ сонма, окружить и увѣнчать съ побѣдными рукоплесканіями; и ты, стяжавъ нескончаемую славу, возрадуешься какъ ликовствующій среди Ангеловъ вѣнценосецъ.

Будь здоровъ, и помни написанное. Привѣтствуй отъ меня тетку свою Олимпіаду — сей одушевленный образъ честности, чистоты и подвижничества, сію печать вѣры.

Если бы ты, Селевкъ, пожелалъ знать число посылаемыхъ къ тебѣ ямбовъ; то да будетъ тебѣ извѣстно, что ихъ три ста, столько же десятковъ и

три единицы. Ибо желаю, сынъ, чтобы всегда была для тебя вождельяна Троица.

ДВѢНАДЦАТЬ ПАТРИАРХОВЪ.

Отъ великаго отца Иакова произошло двѣнадцать Патриарховъ: Рувимъ, Симеонъ, Левій и съ ними Иуда; потомъ рожденные отъ наложницъ: Данъ, Нефеалимъ, Гадъ и Асиръ; а потомъ опять благородно рожденные отъ супруговъ: Иссахаръ, Завулонъ, Иосифъ и послѣдній Веніаминъ.

ЕГИПЕТСКІЯ ЯЗВЫ.

Всегда перечисляй въ умѣ казни зломудреннаго Египта, и трепещи великой Божіей силы. Воды этой земли сперва побагровѣли въ *кровь* (Исх. 7, 19.), а потомъ воскипѣли губительными *жабами* (8, 5. 6.). Въ-третьихъ, воздухъ и земля покрылись *скинпами* (8, 17.). Въ-четвертыхъ, явились внезапно *песѣи мухи* (8, 24.). Въ-пятыхъ, истребительная смерть постигла четвероногихъ животныхъ (9, 6.). Шестая скорбь — *гнойные струны* на тѣлахъ чловѣческихъ (9, 10.). Въ-седьмыхъ, шелъ градъ вмѣстѣ съ огнемъ — этотъ дождь изъ несоединимыхъ стихій (9, 23. 24.). Въ-осьмыхъ, саранчею истреблено все прозябающее изъ земли (10, 14. 15.). Въ-девятыхъ, ночь покрыла египетскую землю (10, 22.). Десятая казнь — смерть первородныхъ (12, 29.).

МОИСЕЕВО ДЕСЯТОСЛОВІЕ.

Сии десять законовъ Богъ нѣкогда начерталъ на каменныхъ скрижаляхъ, а ты напиши у себя на сердцѣ.

Не знай инаго Бога; потому что чествованіе возможно только одно — единаго Бога.

Не ставь ничтожнаго кумира и бездушнаго подобія.

Никогда не воспоминай напрасно имени великаго Бога.

Храни всякую субботу, и выпревнюю, и прикровенную.

Блаженъ, если родителямъ приносишь благодарность, если, гдѣ нужно, бѣгаешь оскверненія рукъ челоуѣкоубійствомъ, чужаго брачнаго ложа, злонамѣреннаго воровства, ложнаго свидѣтельства и желанія чужой собственности — этой искры, воспламеняющей смерть.

ЧУДЕСА

ПРОРОКОВЪ ИЛИИ И ЕЛИССЕЯ.

Многочисленны чудеса Илии Тесвитянина. Сперва его питали враны, потомъ самъ не многими остатками елея и муки богато напиталъ сарептскую вдовицу, у которой и сына воскресилъ изъ мертвыхъ своими дыханіями. Онъ удержалъ, и потомъ ниспослалъ, дождь отъ Бога, попавивъ жертву необычайнымъ огнемъ, при необычайныхъ священнодѣйствіяхъ. Потомъ безъ пищи провелъ многіе дни, обратилъ въ пепель двоихъ пятидесятниковъ, пере-

шелъ Иорданъ, разсѣкши его милотію, на огненной колесницѣ взошелъ на небо, а Елисею ниспослалъ вмѣстѣ и даръ и благодать.

Разсмотри и Елисеевы чудеса. Онъ перешелъ Иорданъ, разсѣкши его милотію, посредствомъ выпанной соли содѣлалъ источники дающими плодородіе, а дѣтей-ругателей истребилъ звѣрами, жаждущему воинству извелъ токи водъ изъ Едома; потоками елея освободилъ отъ долговъ вдовицу; а Соманитянинъ сперва даровалъ, а потомъ воскресилъ, сына; у дикихъ зелій отнялъ смертоносную силу, и скудною пищею спасъ многихъ отъ голода; очистилъ отъ проказы Неемана Сиріянина, а Гіезію послалъ сію болѣзнь; потомъ сдѣлалъ, что сѣкира всплыла изъ глубинъ Иордана на его поверхность; омрачивъ зоры Сиріанъ, предалъ ихъ врагамъ; предсказалъ обиліе пищи войску; и мертвый воскресилъ мертваго близъ лежащими своими костями.

РОДОСЛОВІЕ ХРИСТОВО.

Писалъ о Христѣ великій Матѳей, писалъ и превосходнѣйшій Лука, и одинъ внесъ въ книги одно, а другой — другое родословіе. Оба сіи родословія низводитъ Христа до крови первозданнаго. Но почему же одинъ Евангелистъ ограничился большимъ, а другой — меньшимъ числомъ праотцевъ? Рѣка родовъ до царя Давида у обоихъ Евангелистовъ не раздѣльна, а потомъ течетъ двумя потоками, которые напоследокъ сливаются, идя, какъ къ безбреж-

ному морю, ко Христу. А чтобы увидѣть тебѣ это, выслушай мое слово.

Давидовы сыновья были Соломонъ и Нафанъ. Одинъ изъ нихъ, какъ токъ великой рѣки, струилъ царственную кровь, а другой — кровь святыхъ и свѣтоносныхъ іереевъ. Христосъ же сталъ тѣмъ и другимъ, и великимъ Царемъ и Архіереемъ. Посему Матѳей написалъ Духомъ Божиимъ потомковъ Соломоновыхъ, а Лука обратился къ Нафану. Но изъ двухъ этихъ родовъ, въ одномъ потокъ вышелъ длиннѣе, а въ другомъ короче; что и не удивительно: ибо не въ собственномъ смыслѣ одинъ другаго короче, а только число родовъ въ нихъ не равно. А такимъ образомъ раздѣлившееся въ началѣ потомъ слилось въ одно.

Но рѣши мнѣ этотъ вопросъ: какимъ образомъ Іосифъ произошелъ отъ двухъ отцевъ? — Узакононено было Моисеемъ: ежели Еврей умиралъ, не оставивъ послѣ себя сѣмени; то, чтобы память его не истребилась между людьми, одинъ изъ братьевъ, или ближнихъ родственниковъ умершаго, обязанъ былъ, взявъ любезную его супругу и имѣніе, возстановить сѣмя и домъ умершему. А потому и о Богочеловѣкѣ открылъ я слѣдующую сокровенность. Матѳанъ, который велъ родъ отъ Соломона, былъ женатъ на Есѳанѣ; но по смерти его Есѳану имѣлъ женою Нафановъ потомокъ, по имени Мелхій. И она родила сыновъ—одному Іакова, а другому Ілію. По смерти же Іліи, поелику у него не осталось рода, и домъ и супругу его немедленно взял себѣ рожденный не одному съ нимъ отцу Іаковъ, и родилъ брату доблестнаго сына—Іосифа. Такъ Іосифъ

былъ сынъ Іакова, а Законъ приписывалъ его Иліи. И одинъ изъ Евангелистовъ, Матѳей, указалъ на естественное происхожденіе, а другой Лука, — на законное. Посему и ты перестань возмущать прекрасное согласіе Евангелистовъ.

«Какимъ же образомъ Богъ, явившійся на землѣ, ведетъ родъ Свой отъ Давида царя? Отъ смертной матери произошелъ безсмертный Богъ? Какъ же отъ Іосифа? Онъ былъ сынъ Дѣвы: и по Маріи потомокъ Левинъ; потому что Маріамъ была отъ Аароновой крови; о чемъ свидѣтельствуемъ намъ Ангелъ. Возвѣщая Богоподобной Маріи о рожденіи Предтечи великаго Свѣта, обѣихъ матерей возвелъ онъ къ великому Аарону. Колѣна же царское и священническое между собою не смѣшивались.»

Неправда! Колѣна были раздѣлены, но и смѣшивались многократно. Еще въ древности дочь великаго Аарона ввелъ въ знаменитый свой домъ Наассонъ; а онъ былъ шестой отъ Іуды. Послѣ же, когда ассирійскимъ оружіемъ истребленъ городъ, и все потрясено владычествомъ Вавилонянъ, не строго уже соблюдалась несмѣшиваемость колѣнъ. Такъ Христосъ возводится къ царямъ и по матери, и, какъ просилъ я замѣтить, по мнимомъ отцѣ. При Августѣ царѣ, когда облагали всѣхъ податями, и каждый въ отечественномъ своемъ городѣ записывался въ перепись, въ Давидово отечество — Виолеемъ, который принялъ въ нѣдра свои великаго Христа, вскорѣ приходятъ записаться и обрученная жена и цѣломудренный Іосифъ, потому что оба одного были племени. И здѣсь при ясляхъ матеръ

Дѣва родила Царя всего міра. Такимъ образомъ и по отцѣ возводится Онъ къ царямъ.

Великій Лука вель родословіе въ обратномъ порядкѣ отъ Христа къ Адаму, Адамъ же ко мнѣ пришелъ для Христа. Божією рукою приведенъ въ бытіе первый челоуѣкъ Адамъ; отъ Адама же произошелъ Сиѣъ, отъ Сиѣа Енось, отъ сего четвертый Каинанъ, отъ Каинана Малелеиль, отъ Малелеила Іаредъ, родившій сына Еноха, который живый взятъ на небо. Отъ Еноха же былъ Маѣусаль, который родилъ сына Ламеха, и это отецъ Ноевъ. Симъ былъ сыномъ сего Ноя; отъ Сима произошли Арфаксадъ, Каинапъ, Салà; а сына Салы именуютъ Евромъ, а сынъ Евера — Фалекъ; отъ Фалека произошелъ Рагавъ, а этотъ родилъ Серуха, который родилъ Нахора. За сими слѣдовалъ Авраамъ, сынъ Өарры, сына Нахорова. Авраамовъ же сынъ Исаакъ родилъ Іакова, а Іаковъ Іуду. А Іуда отъ Өамары родилъ Фареса, Фаресъ Есромъ, Есромъ Арама (а), и этотъ Аминадава, и Аминадавъ Наассона, Наассонъ же Салмона, Салмонъ Вооза; отъ Вооза произошелъ Овидъ, Овидъ родилъ Іессея, и отъ сего произошелъ великій Давидъ. Сыномъ Давидовымъ былъ Наѣанъ, который родилъ сына Матѣана (б), и сей Маинана, Маинанъ Мелеая, а сей Еліакима, Еліакимъ Іоаннана (в), Іоаннанъ Іосифа, Іосифъ Іуду; отъ сего родился Симеонъ, отъ Симеона Левій, отъ Левія Матѣанъ (г), отъ Матѣана Іоримъ, отъ Іорима Еліезеръ, отъ Еліезера Іосафъ (д), отъ Іосафа

(а) Есромъ Іорама, Іоранъ Арама. (б) Матѣая. (в) Іоанна. (г) Матѣатъ. (д) Іосій.

Иръ , отъ Ира Елмодъ (е), а у сего былъ сынъ Косамъ, у Косама Аддй, у Аддйа Мелхй; отъ Мелхйа произошелъ Нирй, отъ Нирйа Салаѳилъ, Зоровавель, Рисай, Ионапъ, Иуда, Осокъ (ж), Семей, Матѳей (з), Мааѳъ, Наггей и Елимъ (и). Отъ Елима произошелъ Наумъ, Амосъ, Маттаѳей, Иосифъ, Ианнай, Мелхй, Левй, Матѳанъ (і), Илй, Иосифъ.

Такъ Лука ; а какъ же великій Матѳей ? Отъ Авраама до Давида согласно съ сказаннымъ выше. А тамъ , гдѣ Лука першелъ къ священническому поколѣнью , Матѳей ставитъ родъ царей. Теперь скажемъ, сколько ихъ было , и какъ именовались сыны Давидовы : Соломонъ, Ровамъ, Авйа, Аса ; отъ Асы произошелъ Иосафатъ, а седьмой былъ Иорамъ ; потомъ Озйа, Иоамъ, Ахазъ, Езекия, Манассйа, Амонъ, Иосйа ; а послѣ сего Иехонйа , котораго отвели плѣнникомъ въ Вавилонъ, Салаѳилъ, Зоровавель, Авудъ, Елиакимъ, Азоръ ; отъ Азора Садокъ, отъ Садока Ахинъ (к), отъ Ахина Елудъ, отъ Елуда Елиезеръ (л), отъ Елиезера Матѳанъ, отъ Матѳана Иаковъ , самый же послѣдній, чинимый отецъ Христовъ, Иосифъ.

ДВѢНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВЪ.

У Христа великаго Бога двѣнадцать учениковъ : Петръ, Андрей, Иоаннъ, Иаковъ, пятый Филиппъ, шестой Варѳоломей, потомъ Матей, Тома и Иаковъ

(е) Елмодавъ. (ж) Иосифъ. (з) Маттаѳей. (и) Елимаъ.

(і) Матѳанъ. (к) Ахимъ. (л) Елиезаръ.

Алфеевъ, Иуда, Симонъ, и другой Иуда, о которомъ лучше бы не упоминать.

ХРИСТОСЪ НА КОРАБЛѢ.

Нѣкогда Христосъ на кораблѣ покоился естественнымъ сномъ, а море колебалось отъ бурноносныхъ вѣтровъ, и пловцы въ ужасѣ вопіяли: пробудись, Спаситель, и помоги гибнущимъ! Царь, воставъ, повелѣлъ утихнуть вѣтрамъ и волнамъ. Тогда бывшіе на кораблѣ уразумѣли въ семь чудъ чудодѣйствующаго Бога.

ЧУДЕСА ХРИСТОВЫ ПО ЕВАНГЕЛІЮ ОТЪ МАТѢЕЯ.

1.

По Матѣеевой книгѣ таковы чудеса, которыя совершилъ Царь Христосъ, вступившій въ единеніе съ человѣческою плотію.

Во-первыхъ, избавилъ отъ лютой болѣзни — проказы (8, 1—4.). Во-вторыхъ, укрѣпилъ члены сотникова раба (8, 5—13.). Въ-третьихъ, рукою Своею угасилъ жаръ въ тещѣ Петровой (8, 14. 15.) Въ-четвертыхъ, утишилъ великое волненіе и вѣтры (8, 23—27.). Въ-пятыхъ, послалъ бѣсовъ въ свиней въ Гергесинахъ (8, 28—32.). Въ-шестыхъ, отяжелѣвшій членами взялъ одръ свой (9, 2—7.). Въ-седьмыхъ, Христосъ остановилъ источникъ кровей въ прикоснувшейся къ Нему кровоточивой (9, 20—22.).

Въ-осьмыхъ, дщерь князя возвратилась на свѣтъ (9, 18—25.). Въ-девятыхъ, Онъ даровалъ свѣтъ слѣпцамъ (9, 27—29.). Въ-десятыхъ, нѣмой, по изгнаніи бѣса, сталъ говорить (9, 32. 33.). Въ-одиннадцатыхъ, Христось разрѣшилъ отъ узъ сухую руку въ субботу (12, 10—13.). Въ-двѣнадцатыхъ, освободилъ отъ бѣса глаза и слухъ (12, 22.). Въ-тринадцатыхъ, наполнилъ двѣнадцать коробовъ, насытивъ пятыю укруклами пять тысячъ мужей (14, 16—21.). Въ-четырнадцатыхъ, взошелъ по водамъ на корабль, и волнующееся великое море покорилося Его стопамъ (14, 24—33.). Въ-пятнадцатыхъ, изгналъ Онъ духа изъ Хананеянки, склоняся на усильныя мольбы ея матери (15, 22—28.). Въ-шестнадцатыхъ, исполнилъ семь кузововъ отъ семи хлѣбовъ, между тѣмъ какъ число насыщенныхъ было четыре тысячи (15, 32—36.). Въ-семнадцатыхъ, преобразился въ Божественный образъ и просіялъ предъ учениками паче солнца (17, 1—8.). Въ-осмнадцатыхъ, по просьбѣ отца, освободилъ отъ бѣдъзны его любезнаго сына, который страдалъ въ новомѣсячїа (17, 14—18.). Въ-девятнадцатыхъ, на пути, даровалъ свѣтъ очамъ іерихонскихъ слѣпцовъ, сидѣвшихъ при дорогѣ (20, 29—34.). Въ-двадцатыхъ, возвратилъ зрѣніе очамъ и разрѣшилъ разслабѣвшїа колѣна (21, 14.), изринувъ изъ храма всякую скверну (21, 12. 13.); на пути же изъ Виванїи совершилъ величайшее чудо — немедленно изсушилъ смоковницу, которую нашелъ безплодною (21, 18. 19.). Потомъ излилась глубокая тма со креста, когда отходилъ Свѣтъ (27, 45.); раздралась широкая завѣса храма (27, 51.); поколеба-

лась земля, разсѣлись въ землѣ камни, и пробужденные мертвецы оставили гробы (27, 52. 53.). Наконецъ и Самъ, въ третій день отверзши гробъ (28, 1—7.), явился вскорѣ возлюбленнымъ Своимъ (28, 16. 17.) въ Галилеи.

ЧУДЕСА ХРИСТОВЫ ПО ЕВАНГЕЛІЮ ОТЪ МАРКА.

2.

Маркъ, повѣривъ слову великаго служителя—Петра, написалъ для Авзонянъ слѣдующія чудеса Божіи. Бѣсъ (1, 23—26.), горячка (1, 30. 31.), проказа (1, 40—45.) и ослабленіе членовъ (2, 3—12.) уступили слову Христову; потомъ сухая рука распростерлась (3, 1—5.). Еще Христось укротилъ силу вѣтровъ или моря (4, 36—41.); Ему покорился легіонъ (5, 1—20.); Онъ остановилъ кровавый токъ (5, 25—34.); напиталъ многихъ пятью хлѣбами (6, 35—44.). Потомъ связалъ море и ходилъ по водамъ (6, 47—51.), изгналъ бѣса изъ Финикіянки (7, 25—30.) — въ знаменіе Тирянамъ и Сидонянамъ; исцѣлилъ глухо-нѣмого (7, 31—37.); еще напиталъ тысячи семью хлѣбами (8, 1—9.); и слѣпой увидѣлъ свѣтъ (8, 22—26.). Потомъ яросіало лице Его (9, 2—8.); изгнавъ бѣса, разрѣшилъ узы языка (9, 14—27.); и Вартимей, слѣпецъ изъ Іерихона, увидѣлъ свѣтъ (10, 46—52.). А когда Христось, взалкавъ, нашелъ смоковницу безплодную,

единымъ словомъ предалъ ее смерти (11, 12—21.);
еще исцѣлилъ слѣпыхъ и хромыхъ близъ храма.

ЧУДЕСА ХРИСТОВЫ ПО ЕВАНГЕЛІЮ ОТЪ ЛУКИ.

3.

Лука, повѣривъ слову великаго служителя Христова Павла, описалъ слѣдующія четырнадцать Божіихъ чудесъ: Бѣсъ (4, 33—35.), горячка (4, 38. 39.), проказа (5, 12—14.) и ослабленіе членовъ (5, 17—25.) уступили Слову, и сухая рука распростерлась (6, 6—10.). Потомъ содѣлалъ здоровымъ сотникова раба (7, 2—10.); вдовѣ въ Наинѣ далъ сына, воскресеннаго изъ мертвыхъ (7, 11—15.); словомъ Своимъ очистилъ отъ грѣховъ женщину, которая помазала муромъ чистыя ноги Его (7, 37—50.); усмирилъ вѣтры (8, 22—25.) и великій легіонъ (8, 27—39.); остановилъ теченіе крови (8, 43—48.); возвратилъ къ жизни дочь Іаирову (8, 41—56.); пятью хлѣбами и двумя рыбами напиталъ въ пустынѣ пять тысячъ мужей (9, 12—17.); явилъ блистаніе Своего лица (9, 28—36.); изгналъ злаго бѣса изъ юнаго отрока (9, 38—42.), и другаго бѣса, связывавшаго языкъ (11, 14.); а также исцѣлилъ еврейскую женщину, скорченную лютымъ недугомъ (13, 11—13.); освободилъ отъ воднаго бремени (14, 2—4.); очистилъ десять прокаженныхъ, изъ которыхъ одинъ былъ Самарянинъ (17, 12—19.); даровалъ свѣтъ сидящему при дорогѣ

слѣпцу изъ Іерихона (18, 35—43.). А также Лука описалъ и тѣ знаменія, какія видѣли во время смерти Христовой, и когда Христосъ изъ мертвыхъ явился Своимъ возлюбленнымъ.

ЧУДЕСА ХРИСТОВЫ ПО ЕВАНГЕЛІЮ ОТЪ ІОАННА.

4.

Въ священной Іоанновой книгѣ найдешь не многія чудеса, но многія рѣчи Христа Царя. Былъ бракъ, и виночерпцы растворяли вино изъ воды (2, 1—10.). Христосъ сказалъ, и страждущій сынъ царедворца исцѣлялъ (4, 46—53.). Сказалъ, и взялъ одръ свой не избѣгшій отъ узъ въ купѣли (5, 1—9.). Потомъ совершилъ чудо пяти хлѣбовъ (6, 1—13.); потомъ ходилъ по кипящему морю, и спасъ учениковъ (6, 17—27.). Исцѣлилъ слѣпаго отъ рожденія, помазавъ ему брѣніемъ очи (9, 1—41.). Четвертый былъ уже день, и Лазарь возбужденъ изъ гроба (11, 1—44.). Напослѣдокъ и Самъ Христосъ Царь, Который умеръ за мертвецовъ, и возсталъ, чтобы оживить ихъ, открыто бесѣдовалъ съ Своими друзьями (20, 21.).

ПРИТЧИ ХРИСТОВЫ ПО ЕВАНГЕЛІЮ ОТЪ МАТѢЯ.

Вникни и въ загадочный смыслъ прикровенныхъ Христовыхъ словъ, что значать: домъ построенный

на сыпучемъ пескѣ (7, 26. 27.), одинаковое сѣмя, но не одинаково падшее на землю (13, 3—8.); и доброе сѣмя, къ которому примѣшались сѣмена вражескія (13, 24—30.); дерево изъ малаго горчичнаго сѣмени (13, 31. 32.); а также закваска сокрытая въ мукѣ (13, 33.); поле, покупаемое ради сокровищъ (13, 44.); драгоценная жемчужина, которую купецъ приобрѣлъ за все, что имѣлъ (13, 45. 46.); неводъ, извлекшій изъ моря всякаго рода рыбъ (13, 47. 48.); подъятая на рамена заблудшая овца (18, 12. 13.); царь немилосердый къ служителю, который былъ милосердъ къ своимъ должникамъ (18, 23—34.); послѣдніе получившіе плату равную съ первыми (20, 1—15.); два сына посланные въ виноградникъ, ни въ чемъ между собою несходные (21, 28—30.); виноградари, предавшіе смерти наслѣдника (21, 33—40.); гости собранные съ распутиѣ на пиръ въ брачномъ чертогѣ (22, 1—13.); неусыпныя дѣвы съ свѣтильниками (25, 1—12.); господинъ раздѣлившій рабамъ по неравному числу талантовъ (25, 14—30.); козлища поставленныя напротивъ овецъ (25, 32. 33.)!

ПРИТЧИ ХРИСТОВЫ ПО ЕВАНГЕЛІЮ ОТЪ ЛУКИ.

Лука упомянулъ о слѣдующихъ притчахъ: о положившемъ надежное основаніе на камнѣ (6, 47—49.); о томъ, кто больше получаетъ благодѣяній и больше любитъ (7, 41—43.); о сѣмени, которое пало на четыре рода земли (8, 5—15.); о путникѣ,

который попался въ руки разбойникамъ (10, 30—36.). Потомъ нѣкто, безвременно пришедши къ дверямъ, просить и получаетъ не худое (11, 5—8.); нечистый духъ вселяется съ другими семью духами (11, 24.); богатый, обрадовавшись множеству плодовъ, предается напраснымъ надеждамъ, не зная, гдѣ будетъ (12, 16—21.). Послѣ сего и то, что, ожидая возвращающагося съ брака Христа, должно бодрствовать, и какъ можно лучше пользоваться служеніемъ Ему (12, 36—40.); и то, что бесплодная смоковница облагается навозомъ (13, 6—9.); закваска (13, 20. 21.); нищія на бракъ (14, 16—24.); радость о найденной драхмѣ (15, 8—10.), и о найденной овцѣ (15, 3—7.); отецъ сжалившійся надъ падшимъ сыномъ (15, 11—34.); домостроитель, который, благоразумно окрадывая господина, каждому изъ должниковъ его прощаетъ нѣкоторую часть долга (16, 1—8.); Лазарь и богачъ (16, 20—31.); докучливая просьба вдовицы (18, 2—5.); мытарь и кичливость фарисея (18, 10—14.); равный раздѣлъ десяти минъ (19, 12—27.); злонаправные земледѣлатели, убійцы своего господина (20, 9—16.).

ПРИТЧИ ХРИСТОВЫ У ЧЕТЫРЕХЪ ЕВАНГЕЛИСТОВЪ.

Боюсь, чтобы, основаніе жизни положивъ на песокъ, не разрушиться мнѣ отъ рѣкъ и вѣтровъ.

Боюсь, чтобы, подобно сѣмени, которое пало на сухую и бесплодную землю, и мнѣ, прозябнувъ

скоро, еще скорѣе не засохнуть, когда ударятъ въ меня солнечныя лучи и легкія напасти, или не быть съѣдену птицами и подавлену терніями.

Боюсь, чтобы сѣятель негодныхъ плевелъ и завистливый врагъ, во время моего сна, не подмѣшалъ худаго сѣмени, и чтобы мнѣ, когда на прозябшія вмѣстѣ и добрыя и худыя растенія наложу руку прежде, нежели они выколосятся, не погубить съ плевелами и добраго растенія; потому что многіе имѣютъ опытную руку и умѣютъ истреблять одни плевелы тамъ, гдѣ добродѣтель и порокъ, обитая попеременно, стали между собою близкими, и гдѣ худое вырастаетъ вмѣстѣ съ добрымъ.

Хвалю малое горчичное сѣмя, которое, при всей своей малости, весьма скоро разрастается въ дерево, и достигаетъ такой высоты, что дѣлается пріютомъ для птицъ небесныхъ.

О если бы и мнѣ, возлюбивъ красоту Твою, драгоценная и знаменитая Жемчужина, стать великимъ купцомъ, и продавъ все, что у меня есть, до послѣдняго хитона, получить въ замѣнъ дорогое стяжаніе, и сдѣлаться богатѣе всѣхъ, когда пріобрѣту единственную изъ всѣхъ драгоценность, или сокровище сокрытое на полѣ въ земныхъ глубинахъ!

Знаю и то, что цѣлый міръ вовлеченъ въ мрежу, когда ловцы челоуѣковъ, исполняя велѣнія Христа Царя, обложили его своею сѣтлю, чтобы плавающихъ въ горькихъ волнахъ сей жизни исторгнуть изъ глубинъ моря и представить Христу. Но когда будешь произносить судъ о сей ловитвѣ, и пойманное дѣлать на части, меня не отбрасывай вдаль,

какъ одну изъ негодныхъ рыбъ, но вложи въ сосуды на сбереженіе для Царя.

О если бы мнѣ въ великій, прекрасный и цвѣтущій Божій виноградникъ взойти съ ранняго утра и понести большій предъ другими трудъ, а награду и славу получить наравнѣ хотя съ послѣдними! Зри Чему завидовать, если Богъ равняетъ съ трудами и одно желаніе трудиться?

Отецъ посылалъ въ виноградникъ сыновей, чтобы позаботились о немъ, и сначала послалъ старшаго. Онъ охотно принялъ приказаніе, но не исполнилъ отцова желанія, какъ обѣщалъ. А младшій сынъ отказался исполнить приказаніе, однако жъ исполнилъ. По моему мнѣнію, лучше, да и родителю былъ бы пріятнѣе обоихъ такой сынъ, который бы и принялъ приказаніе, и исполнилъ надежду.

Но тѣ, которые уготованы огню, убьютъ наследника внѣ виноградника.

Вотъ и брачный пиръ, который учреждаетъ добрый отецъ, веселясь о наилучшемъ сынѣ. О если бы на сей вечери было мѣсто и мнѣ, и всякому, кто со мною единомысленъ! Но внѣ пира останется тотъ, кто брачному веселію предпочитаетъ или село, или пару новокупленныхъ воловъ, или жену. Боюсь и того, чтобы изъ среди пирующихъ, которые одѣты по-брачному, одного меня, у котораго осквернены одежды, не связали по рукамъ и по ногамъ, и не изринули изъ брачнаго чертога далеко и отъ друзей и отъ брачнаго пира.

Когда же десять чистыхъ дѣвъ, бодрствуя, съ вожженными свѣтильниками и съ недремленными

очами ожидаютъ вождѣннаго Жениха—Царя Бога, чтобы имъ свѣтлыми выйдти во срѣтеніе Приходящему съ веселіемъ; тогда не поставь меня въ числѣ бѣдныхъ умомъ и юродивыхъ дѣвъ, чтобы мнѣ, уже въ самое пришествіе Христова, отягченными отъ сна очами замѣтивъ едва мерцающій блескъ свѣтильниковъ, слишкомъ поздно не пожелать для себя канель елѣя свѣтлой жизни, и запертыя двери не преградили мнѣ входа на бракъ, гдѣ Слово, великими узами любви сопрягаясь съ чистыми душами, даруетъ имъ дерзновеніе и славу.

Когда же, Царь мой, возвращаясь съ брака, прійдешь внезапно и къ ожидающимъ и къ неожиданнымъ: о если бы мнѣ тогда оказаться въ числѣ ожидающихъ, и заслужить похвалу, какъ доброму служителю, имѣвшему страхъ, снисходительному къ подначальнымъ и правдивому раздавателю житѣтвердаго слова!

И въ грозный день, при разлученіи овецъ и козлищъ—людей благочестивыхъ и неприподобныхъ, не поставь меня на странѣ козлищъ, но вели стать мнѣ съ овцами по правую руку, по лѣвую же руку да останутся одни худшіе!

Гжели есть во мнѣ какой свѣтоносный свѣтильникъ, да свѣтитъ онъ внѣ, поверхъ свѣщника! Но хорошо и то, чтобы иное видѣлъ во мнѣ одинъ Богъ, Который окомъ Своимъ всѣхъ назираеть.

О если бы мнѣ всегда и больше всего любить Бога, посылаетъ ли Онъ что нибудь горькое, или доброе; потому что все для меня прекрасно!

Но если на меня, по выходѣ изъ великаго Хри-

стова града, нападуть разбойники; то не попусти мнѣ погибнуть отъ убійственныхъ рукъ.

И если извлечешь изъ меня духъ жизни, то врагъ да не нападетъ на меня съ своимъ множествомъ , какъ на человѣка ни къ чему негоднаго!

Не губи , о Царь , бесполезной смоковницы , но подожди еще плода; не поѣдай меня , но приложи попеченіе обновить мои силы!

Обрѣтя драхму , овцу и совершенно погибшаго сына, одну на землѣ , другую въ горахъ , а третьяго у ногъ , въ жалкомъ состояніи возвратившагося въ отеческій домъ , причти меня опять , о Царь , къ числу Твоихъ сыновъ , овецъ и драхмъ!

Поелику Царь добръ къ моимъ немощамъ; то да не буду и я немилосердымъ истязателемъ подобныхъ мнѣ рабовъ! И хорошо, если бы у меня достало благоразумія тайно убавить нѣчто изъ ихъ долговъ , чтобы въ послѣдствіи имѣть себѣ помощь при нуждѣ!

Желалъ бы я быть Лазаремъ и здѣсь , и въ будущей жизни; потому что другой былъ высокоумренъ здѣсь , а тамъ сталъ безчестенъ , и за пресыщеніе мучится во пламени.

Не буду высокоумнымъ ; ибо я — негодный мытарь , и слезами привлеку къ себѣ милосердіе ; а фарисеи пусть будутъ унижены!

Если же изнуренную вдовицу отошлю когданибудь отъ дверей своихъ ни съ чѣмъ , или изъ собственныхъ рукъ , вмѣсто желаннаго хлѣба или вкусной рыбы , подамъ комунибудь камень или страшную змѣю , прикрывая привѣтливостію вражду ; то и самъ да получу такое же воздаяніе отъ Бога!

Если у меня къ однимъ кладовымъ приложена уже печать, а другія наполняетъ быстролетная надежда, то ночь да истребитъ меня и мои пустыя грезы!

Нѣтъ, нѣтъ, не желаю того, чтобы талантъ, какой ввѣрилъ мнѣ Богъ, удѣлившій другимъ большую благодать, и поровну всѣмъ раздѣленная мина, то есть, даръ естественнаго слова, остались въ рукахъ моихъ не употребленными въ дѣло; напротивъ того пушу ихъ въ обращеніе, и лучше получить мнѣ за сіе славу, чѣмъ подвергаться строгому наказанію и позору.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ, СЛЕГКА НАЧЕРТАННЫЯ.

Богъ есть сущность и первая доброта.

Миръ — сопряженіе скоропреходящаго и умопредставляемаго. А то, что каждую вещь дѣлаетъ такою, или инаковою, есть *природа*.

Природа невещественная—*Ангель*, первая тварь.

Но что такое Ангелы, уклонившіеся отъ добраго? Это *демоны*. Первый изъ нихъ, бывшій нѣкогда Денницею, есть изобрѣтатель и начальникъ безобразной тмы.

Вещество же—основа для образовъ, вторая тварь.

А *красота* въ веществѣ—видъ вещества, облеченнаго въ образъ.

Взаимный предѣлъ скоропреходящаго и умопредставляемаго есть *небо*.

Природа звѣздъ—круговращающійся огонь.

А свѣтъ есть воспламененное озареніе и въ душѣ разумъ. *Тма* бываетъ двоякая, какъ отсутствіе двоякаго озаренія.

Вѣкъ есть протяженіе, непрестанно протекающее не во времени.

А время—мѣра солнечнаго движенія.

Земля есть отвердѣніе вещества, окружаемаго небомъ.

Огонь есть естество горящее и стремящееся вверхъ.

Вода—естество текучее и падающее книзу.

Воздухъ — наполненіе пустоты и вдыхаемый потокъ.

Я человекъ — Божіе созданіе и Божій образъ.

Тѣло—вещество и протяженная дебелость.

Стихія есть первоначальная часть тѣла.

Душа — природа оживляющая и движущая; съ моей же душою срастворены разумъ (*λόγος*) и умъ (*νῦς*).

Жизнь есть сопряженіе души и тѣла; равно какъ *смерть* — разлученіе души съ тѣломъ.

Умъ — это внутреннее и безграничное зрѣніе; а дѣло ума—мышленіе и отпечатлѣніе въ себѣ мыслимаго. *Разумъ*—разысканіе отпечатлѣній ума; его ты выговариваешь посредствомъ органовъ голоса.

Ощущеніе есть какое-то принятіе въ себя внѣшняго.

Память есть удержаніе въ себѣ отпечатлѣній ума, отложеніе памяти — *забвеніе*; а отложеніе забвенія есть опять какая-то память, которую называю *воспоминаніемъ*.

Подъ *хотѣніемъ* разумѣю наклоненіе ума и встрѣчу чего-то такого; что въ нашей власти; но инаго и хотѣть не должно.

Движеніе, куда я хочу,—это *свобода*.

Усиленное такое движеніе называю *рвеніемъ*; а непроизвольность есть насиліе воли.

Подъ *сужденіемъ* разумѣю различеніе предметовъ.

Вожделѣніе есть пожеланіе или прекраснаго, или непрекраснаго; а вожделѣніе воспаленное и не удержимое—это *любовь*.

Раздраженіе есть внезапное воскипѣніе въ сердцѣ; раздраженіе продолжительное — это *гнѣвъ*; а раздраженіе, въ которомъ человекъ помнитъ зло, и замышляетъ самъ сдѣлать зло, есть *памятозлобіе*.

Терпѣливостію называю перевариваніе въ себѣ скорби; а спокойно встрѣчать обиду означаетъ *негнѣвливость*; древніе обыкновенно называли это *кротостію*.

Навыкъ къ добродушію почитай *добродѣтелию*, и обратно, навыкъ къ худому—болѣзнію, противоположно добродѣтели. И первую признавая даромъ Божіимъ, а послѣднюю—своимъ изобрѣтеніемъ.

Красота есть соразмѣрность во всемъ; а *гнушность*, по моему разсужденію, есть поруганіе красоты.

Мужество есть твердость въ опасностяхъ; *дерзость* есть смѣлость, гдѣ не надлежало бы отваживаться; а какое-то сжатіе сердца, когда надлежало бы на что отважиться, есть *робость*.

Не поддаваться удовольствіямъ—это есть *цѣломудріе*; а поддаваться удовольствіямъ — это называю *распутствомъ*.

Не домогаться того, чтобы имѣть у себя больше другихъ—это *справедливость*; а выступать изъ предѣловъ равенства—это *несправедливость*.

Благоразуміе есть опытность въ дѣлахъ.

Подъ *мудростію* разумѣй созерцаніе сущаго.

Простота есть какой-то навыкъ быть недѣятельнымъ къ злу. А *двоедушіе* есть коварство нрава.

Удовольствіе есть какая-то разнѣженность души.

Скорбь есть грызеніе сердца и смущеніе; а *забота*—это круженіе; высшая же ея степень — *безпокойство*.

Разсужденіе есть противоположеніе сужденій о томъ, что дѣлать.

Рѣшеніе есть установленіе опредѣленій ума въ одномъ.

Отринутіе же опредѣленій ума почитаю *безпечностію*.

Зависть есть сокрушеніе о благоуспѣшности ближнихъ; а *злорѣчіе* сверхъ того и вредить изъ зависти. Но упрекать людей порочныхъ есть похвальная страсть.

Стыдъ есть какое-то сжатіе сердца отъ страха подвергнуться позору; а презрѣніе стыда есть *безстыдство*.

Прилежаніе есть какая-то стойкость въ предположенномъ; ослабленіе этой стойкости называю *нерадѣніемъ*. *Лѣнность* же есть неподвижность къ чему бы то ни было.

Ревность есть то подражаніе, то какая-то скорбь о томъ, что вѣжность тайно питають къ постороннему любимому предмету; древніе называютъ это *ревностию*.

Хвастливостію называю надменіе сердца, а *кичливостію* — воспламененіе сердца, производимое легкомысліемъ. *Горделивый*, по моему мнѣнію, любить выказывать себя передъ другими. А *спльсю* называю самоуслажденіе.

Имѣть *смирennemудріе* значить не думать о себѣ и того, чего бы заслуживалъ: притворно выказывать свое смирennemудріе есть *насмѣшка*.

Щедрость — когда просто даетъ кто другому деньги; а *расточительностію* называю пожираніе денегъ; *скудость* же есть бережливость на деньги.

Пышность есть блистательность въ дѣлахъ; а *щепетливость* — и о маловажномъ думать много.

Великодушень, кто все переноситъ съ благодушіемъ; а не переноситъ и малости — знакъ *малодушія*.

Любочестіе есть умѣренное желаніе чести; а *суетность* простирается далѣ мѣры; желаніе же пустыхъ отличій есть *тщеславіе*.

Казаться такимъ или такимъ есть *слава* (*δόξα*); а иное дѣло — *мнѣніе* (*δόξα*), то есть, наши представленія о вещахъ.

Обида есть неблагогородный поступокъ, или неблагогородное слово челоуѣка непріязненнаго. Злорѣивый старается остыдить. Порицаніе друга, не подвергающее наказанію, есть *упрекъ*. Обвиненіе же въ чемъ нибудь заслуживающемъ наказаніе есть *жалоба*. Если жалоба несправедлива, то дѣлается *клеветою*. А если принесена еще тайно, то назову ее *лбедою*. Какой нибудь безотчетный упрекъ есть *хула*. А *злозязыченъ*, кто противъ всѣхъ вооружаетъ свои уста.

Обходительность есть развязность въ бесѣдѣ; а *ловкость обращенія* — развязность, кромѣ слова, въ движеніяхъ; *глупость* же есть неумѣнье сказать кстати слово.

Смѣхъ есть судорожное движеніе щекъ и трепетаніе сердца.

Неумѣренное употребленіе вина назову *пьянствомъ*; непристойное состояніе упившагося есть *опьянѣніе*; а *похмѣлье* — неприятое слѣдствіе вчерашняго упоенія.

Убийство бываетъ двоякое, — или тѣла, или образа Божія; а въ томъ и другомъ случаѣ разрушается вождельнная гармонія.

Блудъ и *прелюбодѣліе* также бываютъ двоякаго рода: это или какое-то похищеніе чужимъ тѣломъ или и демономъ, когда любовь, какою обязаны мы къ Богу, питаемъ ко врагамъ Божиимъ. Но кто и золото чтитъ, есть также *идолопоклонникъ*.

Если пріобрѣсти что нибудь для души есть *польза*; то лишить ее чего нибудь есть *вредъ*.

Жалость есть состраданіе къ несчастію; а *милосердіе*, когда оказываемъ какое нибудь благодѣяніе страждущему.

Извѣстный навикъ въ дѣлахъ есть *нравъ*; а *поведеніе* — такой образъ дѣйствованія, въ которомъ выказывается нравъ.

Обученіе есть образованіе дѣломъ и словомъ.

Совершенное слово врачуетъ злыхъ; а *несовершенное* губитъ и добрыхъ.

Подъ *созерцаніемъ* разумѣй размышленіе объ умопредставляемомъ; а *дѣятельность* есть нѣкоторое

дѣйствованіе, относящееся къ тому, что обязаны мы дѣлать.

Навыкъ есть какое-то постоянное качество, а произведеніе навыка называю *дѣйствованіемъ*.

Искусство есть заведенный порядокъ дѣйствованія по опыту; а такой навыкъ, отъ котораго и отступить не возможно, называется *знаніемъ*.

Что само не ради чего нибудь, тогда какъ другое ради сего, то называю *концемъ*; а *цель* есть то, чего домогаемся при концѣ.

Подъ *прошеніемъ* разумѣй испрашивание необходимаго; *подъ молитвою* — испрашивание лучшаго; *подъ обѣтомъ* — обѣщаніе умилолюбивительной жертвы; а *умилолюбивительная жертва* есть даръ, приносимый въ честь.

Похвала есть доброе слово о чемъ нибудь моемъ. *Хвала* есть благоговѣйная похвала Богу. *Пѣснь*, какъ думаю, есть мѣрно сложенная хвала. Псаломъ въ соединеніи съ пѣніемъ дѣлается *псалмопѣніемъ*.

Говорить о чемъ нибудь дѣйствительномъ, какъ оно есть, — это *нелживость*; а говорить не такъ, какъ оно есть, это *ложь*; говорить же вопреки есть *словопреніе*, и что хуже этого въ жизни?

Клятва есть увѣреніе, при посредникѣ Богѣ. И соблюденіе того, въ чемъ клялся, есть *вѣрность клятвы*.

Подъ словомъ *набожность* разумѣю и почитаніе демоновъ. А *благочестіе* есть поклоненіе Троицѣ. *Отреченіемъ* отъ Бога будетъ, какъ унижать Одно изъ Трехъ Лицъ, такъ и не чтить соестествія въ Богѣ.

Вѣра бываетъ двоякая: одна по убѣдительности

слова, а другая по какому-то на все готовому согласію. И первая есть *правильная*; потому что начальникомъ слова—само Слово.

Надежда есть общеніе съ отсутствующимъ предметомъ; а прекращеніе такого общенія называю *отчаяніемъ*.

Любовь, по моему опредѣленію, есть единомысліе; а *любовь къ Богу*—вмѣстѣ и путь къ обоженію.

Независть есть какое-то отвращеніе, порождающее вражду.

Лицемеріе есть скрытая горечь.

Любить челоѣка значитъ воздавать честь Создателю; *служить нищимъ* значитъ воздавать честь Обнищавшему ради насъ.

Тотъ *страннолюбивъ*, кто себя самого признаетъ странникомъ.

Безмятежность жизни есть вождельный миръ, особливо же миръ душевный, то есть, утишеніе страстей.

Вражда, по моему мнѣнію, есть разномысліе и раздоръ. А вражда и война — изобрѣтатели золь.

Чистота есть общеніе съ Богомъ.

Сквернымъ и *скверною* почитай грѣхъ.

Очищеніе есть омовеніе нечистотъ; а *нечистотою* почитаю и отпечатлѣніе въ себѣ худаго.

Бракосочетаніе есть законный, плотскій союзъ.

Дѣвство есть ишествіе изъ тѣла.

Тотъ *монахъ*, кто живетъ для Бога, и притомъ для Него единаго; а *монастырь*, по моему мнѣнію, есть учрежденіе, которое вмѣетъ цѣлю спасеніе.

Грѣхъ есть уклоненіе отъ добраго, не допускаемое ни закономъ, ни природою.

Законъ есть судебное опредѣленіе того, что мнѣ дѣлать, а *заповѣдь* есть Владычнее повелѣніе.

Преступленіе есть худой поступокъ при существующемъ законѣ. Подъ *беззаконіемъ* разумѣю неподчиненіе законамъ.

Первый законъ есть іудейство; а *второй* — таинство страданія. Одинъ прикровенъ и истребляетъ служеніе демонамъ; а другой — ясенъ, и разрушаетъ гаданія.

Вочеловѣченіе Христово есть новое созданіе меня челоуѣка; потому что Богъ во плоти пострадалъ моимъ страданіемъ. Онъ вполне воздалъ за всѣ мои долги; по милости къ Евѣ родился отъ жены, но отъ Дѣвы; ибо и первое Его рожденіе есть отъ единого Отца; и Безсупружннй произошелъ отъ безсупружннхъ. А *перепись* была во образъ послѣдовавшаго Божія вписанія. *Повитіе пеленами* — въ замѣнъ Адамовой наготы. *Избїеніе младенцевъ* — это отмѣненіе младенческихъ прообразованій. *Идущая звѣзда* — это поклоненіе твари. *Приходящїе волхвы* — это вступленіе язычниковъ въ Церковь. *Крещеніе Христово* было очищеніемъ водъ для меня. *Духъ* — это засвидѣтельствованное родство. *Постъ* — умашеніе на борьбу со врагомъ. *Искушеніе* было извѣданіемъ хитрости Божіей. *Терновый вѣнецъ* и *облеченіе въ порфиру* — это отнятіе державы у врага въ открытой борьбѣ. *Крестъ* — это побѣдное знаменіе; и деревянннй — въ знаменіе древа. *Гвозди* — это пригвожденіе моего грѣха. *Распростертыми руками* Христосъ все объемлетъ. А *вкусеніе желчи* противоположно Адамову вкушенію. *Одинъ изъ разбойниковъ* спасся — это увѣровавшій Адамъ; а другой

былъ худъ, хотя и пригвожденъ ко кресту. *Тма* отъ шестаго часа — это плачь о Страждущемъ. *А распаденіе камней* побораетъ камни. *Воскресеніе мертвыхъ и вшествіе* во градъ — это преставленіе умершихъ въ горняя. *Кровь и вода*, вмѣстѣ истекшія изъ ребра, — это двоякое крещеніе купѣли и страданія, когда принесетъ опасности время гонимый. *Мертвость Иисусова* есть истребленіе мертвости во мнѣ. *Воскресеніе Христово* изъ мертвыхъ — мое освобожденіе изъ ада. *Восшествіе Христово въ горняя* и меня возводитъ горѣ.

Разсмотримъ теперъ и то, что за симъ слѣдуетъ.

Народъ—это собраніе богочтителей.

Храмъ — это освященное мѣсто очищенія для народа.

Даръ Богу—это очистительныя жертвы.

Богоріимная трапеза — это чистое хранилище даровъ.

Священство—это освященіе мыслей, приближающее челоуѣка къ Богу, и Бога къ челоуѣку.

Таинство есть неизглаголанное богочестіе.

Подъ благодатнымъ дарованіемъ разумѣю Божественное даваніе Духа.

Пророчествомъ называю проповѣдь о сокровенномъ.

А *Евангеліе*—это проповѣдь о новомъ спасеніи.

Апостольство же есть содѣйствіе проповѣди.

Оглашеніе, преподаваемое юнымъ, есть вѣдѣніе слова.

Покаяніе — обращеніе къ лучшему.

Заклинаніе — изгнаніе демоновъ.

Купѣль есть печать второй жизни.

Просфоры—общеніе Божія воплощенія и Божіихъ страданій.

Знаменіе есть чудное событіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ.

Огненные языки—присутствіе Духа.

Человѣкъ душевный далеко несовершенъ; *человѣкъ плотскій* крайне преданъ страстямъ; а *человѣкъ духовный* не далекъ отъ Духа.

—Кто *антихристъ*? Звѣрь, исполненный яда, *человѣкъ* многомоцный.

А что такое *отступленіе* (2 Солун. 2, 3.)? Это недавній, всѣхъ злѣйшій отступникъ, или господствующее нынѣ ученіе, разсѣкающее Бога.

Послѣ него Христосъ опять прійдетъ во славу Отца и съ тѣломъ, чтобы видѣли Его богоубійцы. Послѣ него воскресеніе, или сопряженіе сложнаго. Послѣ него скончаніе, — разрушеніе существующаго, а можетъ быть, и нѣкое измѣненіе въ лучшее. Послѣ него судъ и страхъ.

Что же такое *судъ*? Собственная и внутренняя тягота, или легкость совѣсти, и приравненіе жизни къ закону.

А бодрость жизни, по моему мнѣнію, есть *блаженство*.

Что же такое *царство*? Созерцаніе Бога, Его словословіе и пѣснопѣніе совокупно съ Ангелами.

Тма, уготованная самымъ злымъ, — это отпаденіе отъ Бога. А *червь* и *огнь*—потребленіе вещественной страстности. Если же и иное что лучшее; то и сіе не внѣ возможнаго Богу.

А что такое случай, Промыслъ, судьба?—*Случаемъ* было бы нѣчто совершившееся само собою, безъ вся-

каго къ тому основанія. *Промысль* есть кормило, которымъ все приводитъ въ движеніе *Богъ*. *Судьба*, какъ я самъ себя представляю, есть цѣнь *Божіихъ* предначертаній.

Таковы мои опредѣленія въ первомъ ихъ очеркѣ!

НАДПИСИ.

1.

Ко храму Иліи, называемому Вдовимъ.

Вотъ, странникъ, сидонская Сарепта; вотъ башня той вдовицы, которая страшнолюбовно приняла къ себѣ пророка Божія, *Илію* Освятинина, когда голодъ опустошалъ города, и у нея было не много елѣя въ чванцѣ, и только горсть муки скрывалась въ водопосѣ! Но все это безъ бережливости отдавъ пришельцу, открыла она въ даръ своемъ какой-то источникъ, изъ котораго напился ея домъ. *Илія* не только напился ея сына, пока онъ былъ живъ, но и умершаго воздвигъ отъ мрака смерти. И мать, которая оплакивала свое безнадіе, снова стала матерью безъ новыхъ болѣзней рожденія.

2.

Къ церкви, которая изъ идоляскаго капища обращена святымъ Григоріемъ въ храмъ Божій.

Древній былъ я городъ, который наполняли демоны, а теперь, возставленный руками Григорія, содѣлался храмомъ Христовымъ. Удалитесь отъ меня, демоны!

НАДГРОВІЯ :

Софисту Проэресію.

Не много величайся, послѣ этого, Кекропсовъ городъ! Небольшого пламенника не возможно сравнивать съ солнцемъ ; и другому смертному нельзя спорить въ краснорѣчіи съ Проэресіемъ, который вѣкогда приводилъ въ потрясеніе міръ новорождающимися рѣчами. Аттика произвела вновь возгремѣвшій громъ. А весь сонмъ высокоумныхъ софистовъ уступилъ Проэресію. Уступилъ ; однако же зависть и Проэресія покорила смерти. Не славны теперь стали Аѣины ; бѣгите, юноши, изъ Кекропсова города!

Грамматику Ѳеспесію

Увы ! увy ! Ѳеспесій , и ты умеръ ; завистливая смерть и тебя сокрыла въ могилу ! Но слава и умершаго Ѳеспесія не умретъ ; такъ обильно источалъ ты новорождающихся рѣчи ; и Аттика взываетъ : «кто теперь поддержитъ славу моея мудрости» ?

МАРТИНАУ.

1.

Передъ тобою горы и море, нечестивецъ ! Пользуйся равнинами, засѣянными пшеницей, и стадами четвероногихъ. Таланты золота и серебра, драго-

цѣнные камни и тонкія шелковыя нити — все это жизнь приноситъ въ даръ живымъ. А умершимъ остается не много камней, и тѣ имъ дороги. Но ты и сюда заносишь руку, несчастный, не страшась, что иной, по твоимъ же законамъ, но болѣе правдивыми руками, можетъ разорить и твою могилу.

2.

Когда Мартиніанъ вступилъ въ общую всѣхъ матеръ—землю, тогда восплакали всѣ города Авзоніи; обитатели всей Сициліи и широкихъ предѣловъ земли остригли себѣ волосы : потому что удалилась отъ людей сама Θεмида. Но мы, вмѣсто тебя объемля твою славную могилу, всегда будемъ показывать ее приходящимъ, какъ нѣчто священное.

3.

Послушайте, Христовосцы и вы, которымъ извѣстны права живыхъ и честь, подобающая умершимъ! Все я оставилъ — царскій дворъ, отечество, родъ, славу. Увы! увy! во всемъ имѣлъ я преимущество; однако же теперь почтенный всѣми Мартиніанъ сталъ небольшою горстію праха. Уроните же слезу на мою могилу, но не налагайте на нее руку!

4.

Я—гробница заключаю въ себѣ благороднаго Мартиніана, стихотворца, витію, судію, превосходнаго во всемъ, побѣдоноснаго на моряхъ, воинственнаго на сушѣ. Но прочь отъ могилы, пока не потеряли чего худаго!

5.

Не объявляйте войны умершимъ, злодѣи; много и живыхъ. Не объявляйте войны умершимъ. Я — Мартиніанъ приказываю это всѣмъ живымъ! Не справедливо завидовать мертвымъ въ томъ, что есть у нихъ нѣсколько камней.

6.

Счастливый, въ доброй старости, безболѣзненно, занимая первое мѣсто при царскомъ дворѣ, достигнувъ высоты священной мудрости, умеръ я, если вы слышали о какомъ нибудь Мартиніанѣ. Но прочь отъ моей гробницы; не заносите на меня неприязненныхъ рукъ!

7.

Отойди, отойди прочь! ты предпринимаешь не добрый трудъ — потревожить камни и мою могилу. Отойди! Я—Мартиніанъ приносилъ пользу живымъ, и мертвый здѣсь имѣю не малую силу.

8.

Великая похвала Каппадокіанъ, пресвѣтлый Мартиніанъ, и могилу твою чтимъ мы смертные! Ты нѣкогда составлялъ силу градоправителей въ царскихъ твердыняхъ, а оружіемъ приобрѣлъ Сиканію и Ливію.

9.

Клянемся державою безсмертнаго и царствующаго въ горнихъ Бога, клянемся душами мертвыхъ и твоимъ прахомъ, знаменитый Мартиніанъ, клянемся

тебѣ, что на твой памятникъ и на твою гробницу никогда, никогда не поднимемъ руки, какъ на святыню.

10.

Римъ, цари мои и концы земли — вотъ памятники Мартиніану, которыхъ не разрушить время. Однако же боюсь за эту небольшую могилу, чтобъ ей не потерять чего нибудь; потому что у многихъ руки не святы.

11.

Вотъ надгробный камень славнаго Мартиціана, если слыхалъ ты о римскомъ правителѣ изъ благородныхъ Каппадокіянъ, который украшался добродѣтелями всякаго рода. Но, чти прахъ его, облобызайте памятникъ и могилу.

12.

Никогда не поднималъ я руки на умершихъ и не искалъ себѣ приобрѣтеній въ гробницахъ; кланусь въ этомъ правосудіемъ и умершими. Поэтому и ты не занеси желѣза на мои камни; а если занесешь, да падеть это на твою голову! Вотъ о чемъ просить тебя Мартиніанъ. Если слава моя дорога тебѣ; то пусть всегда стоитъ моя гробница!

Л и в и и.

1.

Одно зданіе; по внизу могила, а вверху храмъ; гробница храмоздателямъ, храмъ добропобѣднымъ

мученикамъ. И храмоздатели покрыты уже сладостнымъ прахомъ,—а это ты, Ливія, блаженная супруга Амфилохіева, и ты, прекраснѣйшій изъ сыновей, Евфимій! Пріймите же ихъ, Свидѣтели истины; пріймите и тѣхъ, которые еще остались въ живыхъ!

2.

Лучше бы жить тебѣ, Ливія, и твоимъ любезнымъ чадамъ! Лучше бы достигнуть тебѣ вратъ старости! Но теперь еще прекрасную, еще блистающую цвѣтами юности, сокрушила тебя преждевременная смерть. А супругъ твой, Амфилохій, вмѣсто доброй и разумной супруги, увы! увы! имѣетъ передъ собою жалкую гробницу.

3.

Увы! увы! и Ливію покрываетъ прахъ. Никогда не подумалъ бы, что эта женщина была смертная, смотря на ея наружность, кротость и цѣломудріе, которыми она превосходила весь полъ свой. Поэтому тебя и умершую почтили такимъ гробомъ трое твоихъ сыновей, и супругъ твой Амфилохій.

Е в ф и м і ю.

1.

Подлинно была чета, чета священная, въ двухъ тѣлахъ единая душа, и по крови, и по славъ, и по мудрости, по всему родные братья, два Амфилохі-

евы сына, Евфимій и Амфилохій — свѣтлыя звѣзды для всѣхъ Каппадокіянъ. Но грозно на обоихъ взира́ла зависть, и одного лишила жизни, а другаго оставила; но въ немъ уже одна половина Амфилохія.

2.

Витія между витіями, пѣвецъ между пѣвцами, слава отечества своего, слава своихъ родителей, едва достигшіи юношескихъ лѣтъ и не давно въ чертогъ свой призывавшіи любовь, умеръ Евфимій. Какая жалость! вмѣсто дѣвы нашель онъ себѣ гробъ, и за днями предбрачныхъ веселій наступилъ день плача.

3.

Двадцатилѣтній Евфимій столько знакомъ былъ съ эллинскою и авзонскою музою, сколько другой не ознакомился бы и съ одною изъ нихъ. Онъ сіялъ и красотою и благонаравіемъ. Но теперь сошелъ въ землю. Увы! увy! какъ скороспѣшна зависть въ разсужденіи добрыхъ!

4.

Свѣтло просіялъ людямъ Евфимій, но не на-долго; потому что и блескъ молніи бываетъ не продолжителенъ; просіялъ же вмѣстѣ и мудростію, и наружною красотою, и добросердечіемъ. Все это составляло прежде славу Каппадокіянъ, а теперь стало причиною слезъ.

5.

Плачьте, источники, рѣки, рощи, сладкопѣвныя птицы, съ вершины деревъ прекрасно поражающія

слухъ, вѣтерки, своимъ шелестомъ навѣвающіе тонкій сонъ, и цвѣтники собравшихся вмѣстѣ Харить! А тебя, прелестный садъ Евфиміевъ, сколько славнымъ содѣлалъ умершій Евфимій; потому что ты носишь его имя! Если бывалъ кто прекраснѣе всѣхъ юношей, такъ это Евфимій. Если есть какое поле прекраснѣе всѣхъ полей, такъ это его Элизій. Потому и собрался вмѣстѣ всѣ Хариты. Хотя покинулъ жизнь Евфимій; однако же оставилъ свое имя этому восхитительному мѣсту.

Амфилохію (а).

1.

И Амфилохіево любезное для насъ тѣло перешло въ величественную гробницу, а душа удалилась, отлетѣвъ въ блаженные обители. Чтò нужно для ближнихъ, всѣмъ владѣлъ ты, блаженнѣйшій, нашелъ ключъ разумѣнія для всякой книги, смертнымъ ли она писала, или пренебесна, а въ любезную землю сошелъ уже въ старости, оставивъ дѣтей, которыя лучше и родителей. Человѣку невозможно и пожелать большаго.

2.

Амфилохій, встрѣтивъ бодрю старость, охотно присовокупилъ свое тѣло къ тѣламъ супруги и сы-

(а) Сей Амфилохій былъ родителемъ святаго Амфилохія Епископа Иконійскаго.

повей. Онъ былъ счастливъ, благороденъ, силенъ въ словѣ, служилъ защитою для всѣхъ ближнихъ, благочестивыхъ, благородныхъ, ученыхъ; онъ былъ преобильнымъ раздавателемъ слова. Воззри же, другъ, на это надгробное писаніе одного изъ твоихъ товарищей. Все ты, о блаженный, общее врачевство нищеты, о крылатая рѣчи, о источникъ, изъ котораго всѣ черпали, все ты оставилъ съ послѣднимъ дыханіемъ. Но одна вѣчно цвѣтущая слава послѣдовала за тобою, восхищеннымъ отсель. Сіе написалъ Григорій, словомъ возблагодаривъ за слово, которому научился у тебя, Амфилохій.

3.

Амфилохій умеръ; рушился прекрасный храмъ витійства, какой еще оставался у людей. Восплакали Хариты, сошедши съ Музами, особливо же восплакало о тебѣ любезное отечество — Діокесарія.

4.

Малый я городокъ — Діокесарія; но алтарямъ правосудія дарованъ мною великій мужъ, Амфилохій. Онъ умеръ; умерли съ нимъ и пламенное краснорѣчіе и слава отечества, производящаго столь доблестныхъ мужей.

5.

Я, малый прахъ, вишь отечества содержу Амфилохія, великаго сына Филтатіева и Горгобінина, который пламеннымъ своимъ краснорѣчіемъ разилъ противниковъ, а по правамъ и сердцу былъ слаще меда.

6.

Въщайте теперь, витии ; я — могила заключаю въ себя уста великаго Амфилохія, связаннаго молчаніемъ.

7.

Вотъ гробница медоточиваго Амфилохія, который нѣкогда превоеходилъ всѣхъ Каппадокіянъ своимъ краснорѣчіемъ и добросердечіемъ:

Н и к о м и д у.

1.

Отшелъ отъ насъ ты, Никомидъ, моя слава. Какъ же докончатъ свою жизнь твои дѣти, — эта чистая чета? Чья рука довершитъ прекрасный храмъ? Чей умъ воспошлетъ къ Богу совершенную жертву? Съ тѣхъ поръ, какъ ты, блаженный, такъ скоро вступилъ въ общеніе съ пренебесными, чего не потерпѣлъ несчастный родъ человѣческій?

2.

Посмотри и на могилу Никомиды ; если слыхалъ ты о томъ Никомидѣ, который, соорудивъ храмъ великому Христу, сперва себя, а потомъ дѣвство чадъ своихъ, принесъ въ славную, чистую жертву : потому что ничего не нашелъ у себя лучшаго сей іерей и наилучшій родитель. За это и вступилъ онъ скоро въ общеніе съ великою Троицею.

3.

Наконецъ, Никомидъ, отошелъ ты въ славную жизнь; но очень скоро похищенъ отсель. Кто жъ далъ на это свой приговоръ? — Царь Христось, чтобы ты, вмѣстѣ съ священною четюю своихъ чадъ, съ небесъ правилъ твоимъ народомъ.

 КАРТЕРІЮ.

1.

Куда ты, любезнѣйшій изъ товарищей, достославный Картерій, отшелъ такъ поспѣшно, оставивъ на землѣ меня, обремененнаго трудами? Куда удалился ты, управлявшій кормиломъ моей юности, когда на чужой сторонѣ изучалъ я слово,—ты, который привязалъ меня къ жизни безплотной? Безъ сомнѣнія, для тебя всего вождѣннѣе Царь Христось, Которымъ теперь обладаешь. Молнія великославнаго Христа, превосходящійся ограда блигонравія, броды моей жизни, не забывай Григорія, котораго образовалъ ты въ добрыхъ нравахъ, что было уже давно, мой вождь къ добродѣтели, Картерій!

2.

Отъ чего, какъ у всякаго смертнаго, и у Картерія прекратились вы, источники слезъ, бездѣйственными стали вы, колѣна, и вы, руки, умиловлявшія Христа чистѣйшими жертвами?—Отъ того, что тамошнее ликостояніе пожелало имѣть новаго пѣснопѣвца.

3.

Скоро, Никоидъ, похитилъ ты у меня сердце мое, похитилъ Картерія, который за одно съ тобою подвизался въ благочестіи.

4.

О священная страна блаженныхъ Ксоловъ, какую опору имѣешь ты для себя, призвавъ къ себѣ крестоносца Картерія?

В а с с у.

1.

Вдали отъ отечества, разбойническою рукою умерщвленъ ты, другъ Вассъ, болѣе всѣхъ Христу угождавшій. Тебя заключаетъ въ себѣ не отечественная могила. Однако же великое имя твое осталось въ наслѣдіе всѣмъ Каппадокіанамъ; оно написано на такихъ столпахъ, которые лучше незыблемыхъ. Вотъ памятникъ, воздвигаемый тебѣ Григоріемъ, котораго ты любилъ!

2.

Ты, Вассъ, какъ Авраамъ, принялъ на лоно свое Картерія, несомнѣннаго сына твоего по духу. Но и я, хотя бы и сокрылъ меня одинъ гробъ съ моимъ родителемъ, неразлученъ буду съ вашимъ со товариществомъ.

Филтатию.

Эта священная земля скрываетъ въ себѣ тѣло Филтатія — великаго юноши, правителя великаго народа.

Евсевію и Василиссѣ.

Здѣсь лежатъ великославные Евсевій и Василисса, Христоносные питомцы боголюбезныхъ Ксоловъ, а съ ними и священное тѣло блаженной Нонны. Ты, который проходишь мимо сихъ гробовъ, вспомни о сихъ великихъ душахъ.

Елладію.

1.

Твой умъ, Елладій, всегда пребывалъ въ небѣ; на дольной же землѣ не утверждалъ ты и малаго слѣда, а потому и отошелъ такъ скоро съ земли. А прахъ твой объемлетъ единоутробный братъ твой Евламія.

2.

Я, обитель мучениковъ, заключаю въ себѣ юнаго, но великаго Христа и посѣдѣвшаго разумомъ Елладія. И не чему дивиться; потому что и онъ терпѣливо несъ скорби, подобно мученикамъ, когда угашалъ въ себѣ брань завистливаго противника.

3.

Едва дышалъ ты на землѣ, уступая нуждамъ плоти, большую же часть жизни имѣлъ уже горѣ, о великая слава Христова, Елладій! А если очень скоро разрѣшился отъ узъ; то и сіе — награда за твои труды.

ГЕОРГІЮ.

И ты здѣсь лежишь, любезное тѣло Георгія, который препослалъ ко Христу многія чистыя жертвы; а вмѣстѣ съ тобою, родная тебѣ сестра и по плоти и по духу, великая Василисса, имѣетъ общій гробъ, какъ имѣла общую жизнь.

ЕВПРАКСІЮ.

Я, великая арианская земля, заключаю въ себѣ Евпраксія, архіерея сей священной страны. Онъ былъ другъ, сверстникъ и сотруженникъ (а) Григорію; поэтому въ соседствѣ съ нимъ нашелъ себѣ и могилу.

(а) *Συνοδίτης*, какъ видно изъ Θεοδοсіева Кодекса lib. II. lex 57, есть слово тождезначительное съ *κοινοβίος*, общежительный монахъ.

МАКСЕНТІЮ.

1.

Благородной былъ я крови, служилъ при царскомъ дворѣ, высоко поднималъ тщеславную бровь. Все разсѣялъ Христось, когда призвалъ меня къ Себѣ. На многихъ стезяхъ жизни утверждалъ я стопу свою, волнуемый желаніями, пока не нашелъ надежнаго пути. Для Христа изнурялъ я тѣло многими скорбями, и теперь Максентій легкимъ воспарилъ отселъ горѣ.

2.

Въ трепеть приходитъ сердце мое, когда пишу имя твое, Максентій; ты шель путемъ жизни суровымъ, не человѣческимъ, высокимъ, неприятнымъ. И къ гробу твоему, превосходнѣйшій, не безъ трепета приближаться будетъ христіанинъ.

Двоимъ Евпраксіямъ.

Не въ послѣднихъ этотъ Евпраксій, а равно и другой; у обоихъ одно имя, и одно сердце; оба были превосходными служителями іерея Григорія. Ему же и нынѣ служба, тамъ предстоятъ.

П А В Л У.

1.

Неизвѣстенъ предѣлъ жизни; поэтому иди не на удачу, но стремись къ добродѣтели, чтобы обрѣсти тебѣ блаженство тамъ.

2.

Смотри, все прахъ и все обращается въ пепельъ ;
что ни есть въ мѣрѣ , все непременно прійметъ въ
себя могила. И продолжительная жизнь есть скоро
увядающій знакъ , не осуществляемое блаженство,
не отпечатлѣвшійся слѣдъ.

3.

О родительница , проливающая горькія слезы на
гробъ мой! на что ни посмотришь ты, приобретаешь
только новую болѣзнь сердцу.

4.

Могила полна слезъ , полна безмѣрной горести.
Кто ни заглянетъ во гробъ , соберетъ въ сердце
скорбь.

5.

Ты обращаешь взоръ свой на мое тѣло, разсмо-
три мои члены. Какъ молодую вѣтвь, скосила меня
смерть ; ненасытный тартарь отверзъ свою мрачную
обитель, и вовлекъ туда меня, Павла, срѣзавъ пре-
ждевременно, какъ нѣжный ростокъ. Всю красоту
юныхъ, какъ траву, пожинаетъ смерть своею косою;
ибо дѣйствительно она неизбѣжна.

6.

Смотри, куда идешь ? Остановись ! Смотри ! Ты
прикасаешься къ тлѣнію. Этотъ мѣръ есть прахъ,
облако, вѣтръ, пепель. Все, на подобіе воздуха, те-
четъ быстро, невозвратно.

7.

Земля сокрыла меня въ нѣдрахъ своихъ. Не могу
 внести ни одного слова; тлѣніе связало мнѣ
 разсыпало всѣ мои члены.

8.

Отецъ, отецъ, Богъ мой! Тебѣ принадлежитъ дѣ-
 ланіе каждого, Ты сотворилъ мои руки. Когда по-
 висеть меня клокочущій пламень всеочиститель-
 ный суда, тогда—увь мнѣ!—какъ не воспламенить-
 ся той сквернѣ, какую собралъ я себѣ; ибо дѣла
 мои—солома?

Григорію.

Дядя по матери, великій іерей Григорій, поле-
 жилъ здѣсь, у чистыхъ мучениковъ, юнаго, цвѣту-
 щаго, не достигшаго зрѣлыхъ лѣтъ Григорія; и пре-
 жнія надежды—имѣть кормителя въ старости, стали
 прахомъ.

Кесарію.

1.

Немилостивъ этотъ гробъ. Я никакъ не ожидалъ,
 чтобы первые стали хоронить послѣднихъ. Однако
 же онъ принялъ въ себя Кесарія, знаменитаго сына
 знаменитыхъ родителей, и принялъ прежде, нежели
 родителей. Какая въ томъ справедливость? — Не
 гробъ въ этомъ виновенъ; не упрекай его: это

дѣло зависти. Могла ли она терпѣливо видѣть, что юный премудрѣ старцевъ ?

2.

Правда, что ты, Григорій, имѣлъ такого сына, который и красотою и мудростію превосходилъ смертныхъ, и пользовался дружбой царя: однако же не думалъ я, чтобъ онъ вовсе не подвластенъ былъ неумолимой смерти. Но что говорить гробъ? Будь терпѣливъ! Хотя умеръ Кесарій; однако же вмѣсто любезнаго сына у тебя осталась великая его слава.

3.

Созрѣли уже мы для могилы, когда каменотесцы клали этотъ камень для нашей старости. Да, они клали для насъ; а камень достался, кому не слѣдовало, достался Кесарію, послѣднему изъ нашихъ дѣтей. Велико, велико наше горе, сынъ. Но прійми скорѣе насъ, поспѣвающихъ въ нашу могилу!

4.

Этотъ камень ставили родители для своего гроба, въ томъ чаяніи, что не велика уже о стается доля ихъ жизни. Но противъ желанія оказали они тѣмъ горькую услугу сыну Кесарію; потому что онъ прежде ихъ отрѣшился отъ жизни.

5.

Моя старость замедлила на землѣ; а любезнѣйшій изъ дѣтей, Кесарій, вмѣсто отца получилъ этотъ камень. Какой въ этомъ законъ? Какое правосудіе?

Какъ соизволилъ на сіе Ты, о Царь смертныхъ ?
Для одного такъ долга жизнь ! Для другаго такъ
поспѣшна смерть ?

6.

Не хвалю, не хвалю того, что ты, Кесарій, изъ
всѣхъ нашихъ достояній избралъ одинъ даръ, и
именно эту могилу. Какъ горекъ этотъ камень пре-
старѣлымъ родителямъ ! Такъ захотѣла зависть. И
сколько продолжительна стала наша жизнь отъ та-
кихъ горестей !

7.

И въ геометріи, и въ познаніи положенія небесъ,
и въ логическомъ искусствѣ состязаться, и въ грам-
матикѣ, и во врачебной наукѣ, и въ силѣ витійства,
одинъ ты, Кесарій, крылатымъ умомъ своимъ объ-
ялъ всю мудрость, какая доступна тонкому уму че-
ловѣческому. А теперь, увы ! увы ! подобно всякому
другому, сталъ ты горстію праха.

8.

Славный Кесарій, все ты оставилъ своимъ едино-
утробнымъ, и вмѣсто всего избираешь небольшую
могилу. Ни геометрія, ни звѣзды, которыхъ поло-
женіе зналъ ты, ни врачебная наука, ничто не за-
щищило отъ смерти.

9.

Прекрасенъ, славенъ, именитъ, первый во всякой
мудрости былъ ты, Кесарій, когда тебя, отличнѣй-
шаго изъ врачей, отпустили мы изъ отечества къ

царю. И увы! Изъ Вѣииніи пріяли обратно одинъ твой прахъ.

10.

Хотя избѣжалъ ты плачевной опасности во время ужасныхъ землетрясеній, когда городъ Никея сра-
вненъ съ землею; однако же утратилъ жизнь отъ жестокой болѣзни, и цѣломудренною юностію и му-
дростію преукрашенный Кесарій.

11.

Я—гробъ заключаю въ себѣ лучшаго изъ сыновъ Григорія и богобоязненной Нонны, благороднаго Кесарія, который отличенъ былъ по дару слова, высокъ при дворѣ царскомъ, и молніей осіялъ концы земли.

12.

Когда умеръ Кесарій, опечалился дворъ царскій; уныли духомъ Каппадокіяне, и погибло все, что оставалось еще у людей прекраснаго, даже и рѣчи облеклись облакомъ молчанія.

13.

Вотъ что пишетъ Григоріева рука: скорбя о превосходнѣйшемъ братѣ, проповѣдую смертнымъ возненавидѣть настоящую жизнь. Кто подобенъ Кесарію красотою? Кто своею мудростію въ такіе годы достигъ такой славы, какъ онъ? — Никто изъ обитателей земли. Но и Кесарій отлетѣлъ изъ жизни, какъ роза изъ терній, какъ роса съ древесныхъ листьевъ.

ГОРГОНИИ.

1.

Здѣсь лежитъ любезная дочь Григорія и Нонны, таинница пренебесной жизни, Горгонія.

2.

Нѣтъ Горгоніи: землѣ оставила она однѣ кости; все же прочее добропобѣдные мученики вознесли въ горнее.

3.

Имѣніе, и плоть, и кости — всё принеся въ даръ Христу, Горгонія оставила одного супруга, но и его не надолго, а теперь внезапно восхитила къ себѣ и славнаго Алпія. Блаженный супругъ и блаженнѣйшая супруга, отложивъ скверны въ купѣли, живите возрожденными!

О т ц у.

1.

Столѣтній, преступившій за предѣлы человѣческой жизни, сорокъ лѣтъ въ духѣ (а) и на престолѣ, кроткій, сладкорѣчивый, свѣтлый проповѣдникъ Троицы, Григорій вкушаетъ здѣсь тѣломъ глубокій

(а) Въ христіанствѣ.

сонъ; окриленная же душа его преселилась къ Богу. А вы, іереи, съ уваженіемъ лобызайте и его гробъ!

2.

Меня, которъй былъ дикою маслиною, великій Богъ призвалъ къ Себѣ, какъ не послѣднюю овцу поставилъ вождемъ Своего стада, даровалъ же мнѣ счастье отъ богомудраго ребра. Оба мы достигли блаженной старости. Возлюбленнѣйшаго изъ чадъ своихъ посвятилъ я Богу. А если кончина постигла меня — Григорія; это не удивительно: я былъ смертенъ.

3.

Если кто, какъ Моисей на горѣ, былъ тайнникомъ, внимавшимъ чистому гласу, такъ это умъ великаго Григорія. Его, стоявшаго нѣкогда вдали, благодать содѣлала великимъ архіереемъ, а теперь поставляетъ близъ Святой Троицы.

4.

Самъ я украсилъ храмъ Богу, и Григорія далъ чистой Троицѣ, чтобъ онъ былъ свѣтлымъ іереемъ, вѣстникомъ истины, громозвучнымъ пастыремъ людей, цѣломудреннымъ защитникомъ той и другой мудрости. Сынъ мой, старайся во всемъ прочемъ превзойти отца, а въ кротости будь его достойнъ; бѣльшаго и желать не возможно; руководясь ею, встрѣтишь, блаженный, глубокую старость.

5.

Здѣсь лежу я—сперва не овца Христова, потомъ превосходнѣйшая изъ овецъ, потомъ пастырь, а по-

томъ отецъ и пастырь пастырей, приводящій въ общеніе смертныхъ съ великимъ, безсмертнымъ Богомъ, Григорій, Григоріевъ родитель.

Счастливымъ, благочаднымъ, въ старости доброй умеръ я — Григорій, архіерей и отецъ архіерея. Чего же больше? Хотя и не рано пришелъ я въ многоплодный виноградникъ; однако же получаю мзду большую, нежели пришедшіе прежде меня.

7.

Я—Григорій, пастырь добрый, кроткими нравами воспитавшій Христу большую часть стада, хотя не святаго корня отрасль, однако же глава благоговѣйной супружницы и троихъ чадъ, управлялъ единоплеменною паствою, и отшелъ отсель, исполненный земныхъ и небесныхъ лѣтъ.

8.

Григорій, вземлемый отсель, (о чудо!) и благодать и свѣтозарность Духа повергъ на любимаго сына.

9.

Жемчужина не велика, но царствуетъ между дорогими камнями. Малъ и Виселемъ, но Христоносенъ. Такъ и я, Григорій, получилъ въ удѣлъ малую, правда, однако же прекраснѣйшую паству. Объ ней прошу и тебя, любезный сынъ, будь ея вождемъ.

10.

Пастырскую свирѣль вложилъ въ твои руки я, Григорій. А ты, сынъ, свирай на ней, какъ искусный пастырь; всѣмъ отверзай дверь жизни, и въ отеческій гробъ сойди созрѣвшимъ.

11.

Возсіялъ нѣкогда свѣтъ ученикамъ, предъ которыми Христось преобразился на горѣ; возсіялъ свѣтъ и уму чистаго Григорія, когда бѣжалъ онъ отъ идольскаго мрака. Поелику же очистился онъ вознесенными имъ жертвами; то и доселѣ предводитиъ народъ свой.

 МАТЕРИ СКОНЧАВШЕЙСЯ ВО СВАТИЛИЦѢ.

1.

Во всякомъ словѣ и дѣлѣ опорю для тебя, мать моя, былъ день Господень; всякій плачь чувствовала ты плачемъ, но уступала однимъ праздникамъ; свидѣтелемъ веселія и скорбей имѣла храмъ. Всякое мѣсто запечатлѣно твоими слезами, но единымъ крестомъ препобѣждались и слезы. Жертвопріемная Трапеза никогда не видала твоего хребта; чрезъ уста твои не проходило скверное слово; на нѣжныхъ ланитахъ твоихъ, таинница, не имѣлъ себѣ мѣста смѣхъ. Умолчу о сокровенныхъ трудахъ твоихъ, блаженная; они были внутренніе. А внѣшніе труды твои всѣмъ извѣстны; потому и тѣло свое оставила ты въ Божіемъ храмѣ.

2.

Какъ изнемогли прекрасныя колѣна Нонны! Какъ сомкнулись уста ея? Почему не проливаетъ она слезъ изъ очей? Другіе вопіють при гробницѣ. Сія Трапеза не имѣетъ уже плодоношеній великой руки;

пусто мѣсто, гдѣ стояла ея непорочная нога. Іереи не возлагаютъ на главу трепетной руки. Что будете дѣлать вы, вдовы и сироты? И дѣвство и благоустроенное супружество остригли себѣ власы. Украшавшаяся ими все отдаетъ землѣ послѣ того, какъ согбенное тѣло свое оставила во храмѣ.

3.

Премудра Сарра, которая чтить любезнаго супруга; но ты, матеръ моя, добраго супруга, который далекъ былъ отъ свѣта, уготовила къ тому, чтобы сталъ онъ сперва христіаниномъ, а потомъ великимъ іереемъ. Ты—Анна; ты и родила по молитвѣ любезнаго сына, и принесла въ даръ храму чистаго служителя Самуила. Но была и другая Анна, которая великаго Христа приняла на лоно свое. И славы обѣихъ сподобилась Нонна; напоследокъ же, молясь во храмѣ, сложила съ себя любезное намъ тѣло.

4.

Жерло огнедышащей Этны доказало о тебѣ, напрасно надмевавшійся Эмпедоклъ, что ты смертенъ. А Нонна не бросалась въ жерло, но, предъ этою Трапезой молясь однажды, восхищена отсель, какъ чистая жертва. И теперь стала опорой женъ, съ Сусанною, Маріамою и Аннами отличаюсь въ сонмѣ благочестивыхъ.

5.

Ираклъ, Эмпедотимъ, Трофоній, и ты невѣроятная гордыня тщеславнаго Аристеея, умолкните съ своими баснями! вы смертны, а не блаженны съ своими

страстями. Но Христоносная Нонна, служительница Креста, презрѣвшая міръ, съ мужественнымъ духомъ пройдя стезю жизни, теперь, какъ желала, треблаженная, воспарила въ пренебесный кругъ, со-влекшись тѣла во храмѣ.

6.

Призывая Григорія среди цвѣтущихъ виноградниковъ, выходила ты, мать моя, на встрѣчу возвращавшимся съ чужой стороны, и любезныя руки свои простирала къ возлюбленнымъ чадамъ, призывая Григорія. Кровь родительницы текла въ обоихъ сынахъ, но особенно въ томъ, котораго воспитала ты своими сосцами. Потому и почтилъ я тебя, мать, столькими надписями.

7.

Чадо сосцевъ моихъ, священная отрасль, Григорій, съ какою любовію къ тебѣ отхожу я въ небесную жизнь! Ты много потрудился, ухаживая за моею и отцевою старостію; это записано въ великой книгѣ Христовой. Послѣдуй же, любезный, за родителями; мы съ охотою, какъ можно скорѣе, прийдемъ тебя въ тотъ свѣтъ, въ которомъ сами.

8.

Иная изъ женщинъ заслуживаетъ славу домашними трудами, другая—любезностію, или цѣломудріемъ, иная же—дѣлами благочестія и умерщвленіемъ плоти, слезами, набожностію, попечительностію о бѣдныхъ. А Нонна славна всѣмъ. Она, если можно назвать это кончиною, и умерла во время молитвы.

9.

Я—гробъ заключаю въ себѣ Понну, наслаждающуюся пренебеснымъ свѣтомъ, присноцвѣтущую отрасль священнаго корня, супругу іерея Григорія, съ нимъ единоправную, мать благочестивыхъ чадъ.

10.

Молитва, вождельнныя воздыханія, безъ сна проводимыя ночи, и орошаемый слезами помостъ храма доставили тебѣ, чудная Понна, такую кончину, что во храмѣ приняла ты и опредѣленіе смерти.

11.

Окриленная душа Нонны воспарила на небо; а тѣло ея изъ храма перелагаемъ къ мученикамъ. Пріймите же, мученики, великую жертву, эту многопотрудившуюся плоть, приобщившуюся даже вашихъ кровей,—вашихъ, говорю, кровей; потому что продолжительными подвигами свергла она съ себя великую державу губителя душъ. Не въ тѣняхъ изображаемую жертву, не тельцовъ, не козловъ, не первородныхъ принесла въ даръ Богу Нонна. То предписывалъ Законъ древнимъ; потому что это одни образы. Она сама себя приносила въ жертву въ продолженіе цѣлой жизни, себя же принесла (замѣть это) и въ самой смерти.

12.

Пусть иной любитель чистоты оспариваетъ преимущество у Нонны; но не возможно состязаться съ нею въ молитвенной ревности. Доказательствомъ

этому конецъ ея жизни, прекратившейся среди молитвы. О воздыханія, слезы, всеощныя бодрствованія! О сокрушенные подвигами члены чудной Нонны! Во храмъ была она однажды, и храмъ положилъ конецъ ея старости, которой не могли преобороть труды.

13.

Молясь и взывая предъ пречистою Трапезою, скончалась Нонна; связаны стали и голосъ и прекрасныя уста старицы. Чтò жъ удивительнаго? Богу угодно было—пѣснословящій языкъ, когда произносилъ онъ хвалебныя слова, замкнуть ключемъ. И нынѣ на небесахъ усердно молится за насъ богобоязненная Нонна. А прежде своими молитвами для своихъ возлюбленныхъ чадъ утишила она море, и материнская любовь ея съ предѣловъ востока и запада свела вмѣстѣ покрытыхъ славою сыновей, когда не ожидали они такой встрѣчи. Прежде своими молитвами избавила она и супруга отъ жестокой болѣзни. Но чтò всёго удивительнѣе, молясь, внутри храма, кончила она жизнь.

14.

Какъ умерла она? Или какъ совершился славный конецъ моей матери?—Во время молитвы душа ея отлетѣла горѣ къ Богу.

15.

Здѣсь у молящейся нѣкогда Нонны душа оставила тѣло. Отсюда восхищена Нонна, оставившая тѣло.

15.

Неоднократно спасала ты меня отъ болѣзней, отъ страшныхъ смятеній, отъ ужасныхъ колебаній и отъ

свиряпо волнующагося моря; потому что Богъ былъ къ тебѣ милостивъ. Но спасите меня и теперь великими молитвами, о родитель, и ты, блаженная родительница, умершая въ молитвахъ!

17.

Нонна, свѣтлая Нонна! у тебя оставался еще голосъ, когда ты отъ чистаго сердца вознесла чистую жертву, все безъ изыятія вложивъ въ великія точила. А напослѣдокъ, восхищенная отселѣ, и этотъ голосъ оставила ты въ храмѣ.

18.

Не внѣ благоухающаго храма скончалась Нонна; но прежде гласъ молящейся восхитилъ отселѣ Христось; ибо она желала въ молитвахъ скончать сію жизнь, которая была чище всякой жертвы.

19.

Священная Нонна, ты, всю жизнь свою вознося въ даръ Богу, напослѣдокъ и душу предала въ чистую жертву. Ибо здѣсь, молясь, оставила ты жизнь, и эта Трапеза даровала славу смерти твоей, мать моя. Этой же Трапезы великимъ служителемъ былъ мой отецъ; предъ этою же Трапезой, молясь подлѣ супруга, и мать прекратила жизнь.

20.

Григорій и Нонна великославны. Молю Царя, чтобы и мнѣ имѣть такую же жизнь и такой же конецъ.

21.

« Много слезъ Ноннинныхъ привяла ты, возлюбленная Трапеза ; прійми теперь и душу, сію послѣднюю жертву »! Такъ сказала Нонна, и душа ея отлетѣла изъ тѣла, но желала взять съ собою и сына, который одинъ изъ чадъ ея остается еще на землѣ.

22.

Прежде воспарялъ отсюда умъ молящейся Нонны, а наконецъ и душа послѣдовала за восхищеннымъ умомъ. И вотъ молящійся мертвецъ возлежитъ предъ священной Трапезой ! Благочестивые, запишите это чудо для грядущихъ родовъ !

23.

Кто умираетъ, какъ умерла Нонна, предъ святою трапезой, держась за священныя дски ? Кто разстроилъ это положеніе молящейся Нонны ? Какъ долго хотѣла она пребыть здѣсь, и мертвая сохраняя благоговѣйный видъ !

24.

Молившейся здѣсь однажды Ноннѣ свыше сказалъ Богъ : прійди ! и она охотно отрѣшилась отъ тѣла, одною рукою держась за Трапезу, а другою молясь : « Будь милосердъ, Христе Царю ! »

25.

Какъ оставила ты своего Исаака, возлюбленная Сарра ? Или пожелала ты, Нонна, на Авраамовомъ

лонѣ срѣтитъ скорѣе богомудраго Григорія? Подлинно велико чудо — и умереть не внѣ храма, не вдали отъ жертвъ! Простите мнѣ, мученики! Не безъ боязни, но скажу, что возлюбленная Нонна не ниже васъ по своимъ подвигамъ и въ тайной и въ открытой брани. Потому и получила она такую кончину жизни, нашедши для себя одинъ конецъ и молитвы и жизни.

26.

Отъ благочестиваго корня происходила Нонна; была и плотію и матерью іерея; и тѣло, и жизнь, и слезы—все истощила въ даръ Христу, а напоследокъ отсюда восхищена, въ храмѣ оставивъ старческое тѣло.

27

Вѣра преложила Эноха и Илію, а изъ женъ — первую—матеръ мою. Сіе знаетъ эта Трапеза; ибо отсюда вмѣстѣ съ безкровными жертвами восхищена еще молящаяся тѣломъ, возлюбленная Нонна.

28.

Не болѣзнь, не подобная болѣзни старость, не скорбь сокрушили тебя, престарѣлая матеръ моя. Напротивъ того неуязвима и непреборима была ты, Нонна, и, молясь у подножія пречистой Трапезы, отдала гласъ свой Христу.

29.

Авраамъ и знаменитый Іеѳеай принесли Богу великія жертвы: одинъ принесъ сына, а другой —

дочь. Но ты, Нонна, принесла въ жертву чистую жизнь, а напослѣдокъ молитвенную душу—это угодное Богу заженіе.

30.

Единое сіяніе, единое величіе—Троица, къ Которой стремилась ты, Нонна, молящюся тебя восхитила на небо изъ великаго храма; и ты срѣтила конецъ, который сталъ чище самой жизни.

31.

Никогда ты, мать моя, не совокупляла чистыхъ устъ своихъ съ устами нечистыми, никогда чистой длани своей не давала рукъ безбожной; и въ награду за это кончила жизнь при возношеніи жертвъ.

32.

Лучезарный и пресвѣтлый Ангелъ восхитилъ тебя, Нонна, когда молилась ты чистая и тѣломъ и умомъ, и умъ твой восхитилъ, а тѣло оставилъ здѣсь во храмѣ.

33.

Этотъ храмъ не могъ удержать въ себѣ цѣлой Нонны; потому, когда душа удалилась, оставилъ въ себѣ одно тѣло, чтобъ душа, когда опять заключена будетъ въ тѣло болѣе чистое, вознеслась отсель и облеклась во славу вмѣстѣ съ потрудившеюся плотію.

34.

Здѣсь лежитъ Нонна, дочь Филтатіева. Гдѣ она скончалась?—Во храмѣ. Какъ?—Молясь. Когда?—

Въ старости. Какая прекрасная жизнь, и какая святая кончина!

35.

На огненной колесницѣ взошелъ на небо Илія ; а Нонну молящуюся пріялъ къ Себѣ великій Духъ.

Здѣсь глубокимъ сномъ почила возлюбленная Нонна, охотно послѣдовавшая за супругомъ Григоріемъ.

И ужась и радость вмѣстѣ! На небо восхищена отсюда среди молитвы оставившая жизнь Нонна.

Конецъ и молитвъ и жизни Нонниной! Сему свидѣтель—эта Трапеза, у которой поднята бездыханною вдругъ ставшая Нонна.

Вотъ могила цѣломудренной Нонны , которая прежде, нежели разрѣшилась отъ жизни, вступила уже въ небесныя врата!

Смертныхъ оплакивайте смертные; а кто, какъ Нонна, умеръ молясь, о томъ не плачу.

Прославляя непорочную жизнь Нонны, еще болѣе прославлю ея кончину; потому что она и скончалась во храмѣ молясь.

Здѣсь нѣкогда, молясь и повергшись на землю, скончалась свѣтлая Нонна; теперь же она молится, предстоя въ ликѣ благочестивыхъ.

Памятникомъ вождебной смерти для тебя, Нонна, служить эта Трапеза, предъ которою отрѣшилась ты отъ жизни, молясь въ послѣдній разъ.

Не много въ тебѣ, Нонна, оставалось дыханія жизни, и то отдала ты Богу, молясь нѣкогда здѣсь.

Всѣ препровождайте изъ храма богоподобную Нонну, препровождайте отсюда выносимую великую старицу!

Изъ чистаго храма восхитилъ Богъ на небо меня — Нонну, которая поспѣшаю приблизиться къ небеснымъ.

Изъ великаго храма выносимая Нонна говорила такъ: «за многіе труды приѣмлю еще большую награду.»

Здѣсь лежитъ Нонна—жертва любимой ею молитвы, Нонна, которая, однажды молясь, разрѣшилась отъ этой жизни.

Изъ великаго храма вознесена великая жертва— Нонна. Она разрѣшилась отъ жизни во храмѣ. Радуйтесь, благочестивые!

Сія Трапеза препослала отъ себя къ Богу богоподобную Нонну.

На общую гробницу своего семейства.

1.

Мученики, будьте милостивыми сообитателями, и въ лоно свое пріймите кровь Григорія, Григорія и великославной Нонны, — пріймите соединенныхъ вкупѣ и благочестіемъ и священными гробами!

2

Я—одинъ камень покрываю двоихъ знаменитыхъ Григоріевъ, родителя и сына; я — одинъ камень покрываю два равныя свѣтила, двухъ іереевъ. А этотъ камень заключилъ подъ собою благородную Нонну съ великимъ ея сыномъ Кесаріемъ. Такъ раздѣлили они между собою и сыновей и

гробы. Но у всѣхъ одинъ былъ путь — въ горнее; у всѣхъ одна была любовь — къ жизни небесной.

3.

Первый Кесарій — общая скорбь ; а потомъ Горгонія ; потомъ любезный родитель, и гораздо послѣ матеръ—о скорбная рука, о горькія письма Григоріевы ! Напишу напоследокъ и свою смерть.

Навкратію, брату Василя Великаго

1.

Однажды Навкратій, погрузившись въ рѣчный водоворотъ, въ глубинѣ отпутьвалъ отъ камня рыболовную сѣть; но сѣти отпутать не могъ, а самъ удержанъ ею въ водахъ. Скажи мнѣ, Слово, почему мрежи, вмѣсто рыбы, уловили рыболова? А я гадаю, что образецъ чистой жизни—Навкратій извлекъ для себя изъ водъ и благодать и смерть.

2.

Навкратій кончилъ жизнь въ пучинѣ завистливой рѣки, запутавшись въ веревкахъ погруженной во глубину мрежи. Научись изъ этого, что смертны забавы сей жизни, изъ которой исхищенъ этотъ молодой, высоко-несущійся конь.

3.

Навкратій, запутавшись въ веревкахъ рыболовной мрежи, отрѣшился отъ узъ сей жизни.

Еммелии матери св. Василия Великаго.

Кто бы сказалъ это? Умерла Еммелия, которая даровала міру свѣтъ столькихъ превосходныхъ чадъ, и сыновъ и дщерей, посягшихъ и непосягшихъ, которая одна въ человѣческомъ родѣ была и благочадна и многочадна! Ибо отъ нея произошли три славные іерея. Сама — супруга іерея, и ближніе ея, какъ воинство небесное. Прихожу въ изумленіе, видя многочисленное и знаменитое поколѣніе великой Еммелии, — это полное плодоносіе ея утробы. Почему, если Еммелию назову Христовымъ стяжаніемъ, благочестивою кровію; то скажу этимъ не много. Таковъ корень; такова священная награда твоему благочестію, о исполненная совершенствъ, — то есть, честь твоихъ чадъ, съ которыми ты имѣла одно стремленіе!

Макринѣ, сестрѣ св. Василия Великаго.

Я—прахъ покрываю собою свѣтоносную дѣву, если слыжалъ ты о Макринѣ, первородной дочери великой Еммелии. Она скрывалась отъ взоровъ всѣхъ мужчинъ, а теперъ въ устахъ у всякаго, и всѣхъ превосходитъ славой.

Θεοσεвіи, сестрѣ св. Василия Великаго.

И ты, Θεοσεвіа, дочь славной Еммелии, въ точномъ смыслѣ подружіе великаго Григорія, опора

жень благочестивыхъ , покрылась здѣсь священной землею ; отъ жизни же отрѣшилась въ зрѣлыхъ лѣтахъ.

Василію Великому.

1.

Прежде думалъ я, что одно и то же — жить тѣлу безъ души, и мнѣ безъ тебя, возлюбленный Христовъ служитель, Василій. Но перенесъ я разлуку, и еще живъ. Долго ли же медлить? Для чего не исхитишь меня отсель, и не введешь съ собою въ ликостояніе блаженныхъ? Не оставь же, не оставь меня! Клянусь могилой, что никогда, если бы и захотѣлъ, не забуду о тебѣ. Вотъ Григоріево слово!

2.

Когда Троица восхитила къ себѣ духъ богомудраго Василія, который охотно поспѣшалъ отсель; тогда все небесное воинство возрадовалось, видя его шествующимъ, а всякій городъ у Каппадокіянь возрыдалъ. Скажу еще больше: тогда и великій міръ воззвалъ: « не стало проповѣдника, не стало того, кто былъ узломъ, скрѣпляющимъ прекрасный міръ. »

3.

Цѣлый міръ — достояніе равномошной Троицы приведенъ въ необыкновенное колебаніе сопротивными ученіями. А уста Василіевы (увы! увь!) за-

ключены молчаніемъ. Пробудись, Василій, и остави бурю своимъ словомъ и своими священнодѣйствіями. Ибо ты одинъ показалъ намъ, какъ жизнь равную ученію, такъ и ученіе равное жизни.

4.

Одинъ Богъ царствующій въ горнихъ; и нашъ вѣкъ видѣлъ одного достойнаго архіерея. Это ты, Василій, громозвучный вѣстникъ истины; свѣтлое око христіанъ, озаряющее душевными доблестями, великая слава Понта и Каппадокіянъ! Умоляю тебя, и нынѣ предстательствуй и приноси свои дары за міръ.

5.

Здѣсь Кесарійцы положили меня, архіерея, Василія, Василіева сына, Григоріева друга. Сердечно любилъ я Григорія: да даруетъ ему Богъ, какъ благоуспѣшность во всемъ другомъ, такъ и то, чтобы скорѣе вступить ему въ нашу жизнь. Чтò пользы, оставаясь долго на землѣ, истаявать тому, кто ищетъ небеснаго дружества?

6.

Не многимъ дышалъ ты на землѣ, но все прифещъ и отдалъ въ даръ Христу, и душу, и тѣло, и слово, и руки, о Василій, великая слава Христова, опора іереевъ, опора истины, которую нынѣ всего болѣе стараются разсѣчь.

7.

Науки! общая обитель дружбы! Дорогіе Аѳины! раннія условія вести божественную жизнь! Знайте

это, что Василій на небѣ, чего желалъ, а Григорій на землѣ, и на устахъ носить узы.

8.

Свѣтоносный Василій, великая похвала Кесарійцевъ! Твое слово—громъ, а жизнь—молнія. Но и ты оставилъ священный престолъ! Такъ угодно стало Христу, чтобы, какъ можно скорѣе, присовокунить тебя къ сонму небожителей.

9.

Ты изучилъ всѣ глубины Духа и всю земную мудрость. Ты былъ живою жертвой.

10.

Восемь лѣтъ держалъ ты броды богомудраго народа. Это одно мало въ дѣлахъ твоихъ, Василій.

11.

Радуйся, Василій, хотя ты и разлученъ еще со мною! Таково тебѣ отъ Григорія надгробное писаніе!

12.

Вотъ слово, которое любилъ ты! Воздастъ тебѣ, Василій, долгъ дружбы и даръ для насъ многоплачевный.

Сію двенадцатицу надписей возлагаетъ Григорій на прахъ твой, Василій.

СЕБѢ САМОМУ.

1.

Во-первыхъ, Богъ даровалъ меня молившейся свѣтлой матери: во-вторыхъ, принялъ отъ матери, какъ угодный Ему даръ; въ-третьихъ, умирающаго меня спасъ пречистою Трапезой; въ-четвертыхъ, Слово даровало мнѣ обоюду острое слово; въ-пятыхъ, Дѣвство привѣтствовало меня въ дружелюбныхъ сновидѣніяхъ; въ-шестыхъ, приносилъ я единоподушныя жертвы съ Василіемъ; въ-седьмыхъ, Жизнеподатель исхитилъ меня изъ нѣдръ бездны; въ-осьмыхъ, очистилъ Онъ руки мои болѣзнями; въ-девятыхъ, юнѣйшему Риму возвратилъ я, о Царь, Троицу; въ-десятихъ, былъ поражаемъ камнями или друзьями.

2.

Эллада моя, и любезная юность и все, что пріобрѣлъ я, и самая плоть, какъ охотно уступили въ Христу! А если и матерняя молитва и рука отца содѣлали меня угоднымъ Богу іереемъ; то чему завидовать? Ты, блаженный Христе, прійми меня въ лики Свои, и даруй славу служителю твоему, Григоріеву сыну, Григорію!

3.

Здѣсь лежитъ любезный сынъ Григорія и Нонны, служителю Священной Троицы, Григорій, который мудростію уловилъ мудрость и въ юности еще имѣлъ одно только богатство — пренебесную надежду.

4.

Еще не много жилъ ты на землѣ, но все добровольно принесъ въ даръ Христу, а вмѣстѣ съ прочимъ и крылатое слово. Теперь, какъ великаго іерея, въ небесные лики прішло небо тебя, славный Григорій.

5.

Съ младенчества призывалъ меня Богъ ночными видѣніями, и я достигъ предѣловъ мудрости, и плоть и сердце очистилъ словомъ, нагимъ бѣжалъ изъ пламени сего міра, для родителя Григорія сталъ вторымъ по немъ Аарономъ.

6.

Чуднаго родителя носилъ я на себѣ имя; съ нимъ раздѣлялъ престолъ; съ нимъ раздѣляю и гробъ. Вспомни же, другъ, о Григоріи, о томъ Григоріи, котораго Христосъ далъ матери въ даръ, и въ котораго ночными видѣніями вліялъ Онъ любовь къ мудрости.

7.

Царь мой Христосъ, для чего Ты опуталъ меня этими сѣтями плоти? Для чего ввелъ меня въ эту противоборную жизнь? Произошелъ я отъ отца, имѣвшаго богоподобныя совершенства, и увидѣлъ свѣтъ по молитвамъ матери, которая была не мала предъ Богомъ. Она молилась, и съ младенчества посвятила меня Богу; горячую же любовь къ дѣвственной жизни вліяло въ меня ночное видѣніе.

Такъ благоволилъ о мнѣ Христосъ; а въ послѣдствіи обуреваемъ я былъ кипящими волнами, сталь добычею хищныхъ рукъ, изнемогъ тѣломъ, встрѣтилъ недружелюбныхъ Пастырей, испыталъ невѣроятное, поглощенный бѣдствіями, осиротѣлъ, лишившись чады. Вотъ жизнь Григоріева! А что будетъ послѣ, о томъ попечется Христосъ жизнедавецъ. Напишите сіе на камняхъ.

НА РАСХИЩАЮЩИХЪ ГРОБЫ.

1.

Когда тебя, лютый звѣрь, разоритель гробницы столько великолѣпной—произведенія многихъ рукъ, допустило внутрь себя это сокровенное убѣжище; тогда, скажи мнѣ, что ты увидѣлъ тамъ? Не гнилость ли, не черепы ли умершихъ, не остовы ли людей, нѣкогда существовавшихъ; такъ какъ сказываютъ, что тутъ были положены супругъ и супруга? И не распалась твоя плоть? Но что же ты нашель? Ничего, точно ничего. Впрочемъ преступленіе твое при тебѣ. Отойди, отойди отъ меня прочь! Ты будешь наказанъ за мертвыхъ; не приближайся же къ живымъ; хотя еще и не умерли мы, однако же боимся тебя.

2.

Этого разорителя гробницъ, опустошителя могилъ, который готовъ все сдѣлать для золота и рас-

копалъ сей гробъ, отличнѣйшій изъ всѣхъ памятниковъ, — его если убьютъ кто изъ обладателей сего гроба, ежели только и здѣсь обладатели, воздастъ тѣмъ должное наказаніе. Но что говорю: убьютъ? Развѣ низринуть въ стремнины. Что говорю: низринуть? Развѣ отсѣчетъ ему обѣ руки. Что говорю: отсѣчетъ? Развѣ трупъ его оставитъ безъ погребенія. Тогда только понесетъ справедливую казнь; впрочемъ останется еще ненаказаннымъ за то, что все это дѣлалъ ради блестящаго золота.

3.

Кто ты идущій къ моимъ костямъ съ землекопателемъ и съ руками, готовыми разорить мой гробъ? Увы! увy! несчастный! Ты не хочешь оказать уваженія и самой красотѣ этой гробницы. О, какъ ты достоинъ того, чтобъ подавили тебя собою обломки этой же гробницы!

4.

Былъ Фригіянинъ Мидасъ. Онъ просилъ, чтобъ все у него обращалось въ золото. И онъ получаетъ просимое, однако же умираетъ съ голода. Правда, что умираетъ, какимъ желалъ, т. е. богачемъ, но все же умираетъ. О, если бы то же самое постигло и тебя, раскопатель гробовъ, чтобъ всѣ научились уважать гробницы!

5.

Какъ? и на это наложили вы руки, злодѣи! И сюда завлекло васъ обманчивое золото?

лото, а только надежда найти золото. Такая страсть—достойное наказаніе злымъ!

6.

Въ этой гробницѣ нѣтъ золота. Если хочешь разбогатѣть, сдѣлайся начальникомъ разбойниковъ, — вотъ самая прибыльная жизнь! Но не трогай мертвыхъ; тебя и самого ожидаетъ какая нибудь могила.

7.

Обманулся я; ибо, копая эту могилу, думалъ, что ее уважатъ смертные. Но они сбѣжались и ко мнѣ мертвецу, какъ къ богачу; и поелику не было у меня ничего другаго, завладѣли моимъ гробомъ.

8.

Разрывай, разрывай гробницу! Очень знаю, что ты хочешь у мертваго найти золото; но ты себя самому роешь яму, въ которую со временемъ врипетъ тебя Божіе правосудіе. Если оно приходитъ поздно, то съ лихвою.

9.

Много потерпѣла гробница; а больше потерпѣлъ тотъ, кто раскопалъ ее. Гробница и не чувствуетъ того, что потерпѣла; а ты, поклонникъ золота, сталъ притчею для всѣхъ. Если умрешь, тебя не прійметъ могила.

10.

Погибни, погибни у людей, золото, которое научило богатыхъ строить гробницы! Свидѣтелемъ

сему и эта гробница, не похожая теперь уже и на гробницу. Помогите, люди; иначе комунибудь будетъ худо.

11.

Пусть обратится у тебя въ пепель то золото, которое окажется въ гробѣ! Это будетъ справедливымъ наказаніемъ тебѣ, который и въ гробахъ тревожишь давно умершихъ.

12.

Смотри, кого ты обидѣлъ и когдѣ обнажилъ, раскапывая гробы и перерывая прахъ? — Того, кто не можетъ сказать живымъ, ни что онъ терпѣть, ни много ли у него было золота въ гробѣ.

13.

Какой это Скиронъ, или Тифей, или исполинъ приходитъ грабить мертвыхъ и мою могилу? Что это? Гдѣ гнѣвъ, карающій раскопателей гробовъ? Пора уже молніямъ разить злыхъ.

14.

Помогите, мертвецы! Но какая сила у мертвыхъ? Помогите, сосѣди! Но кто же иный и погубилъ меня? Ты медлишь еще, Правосудіе? И гробу — губитель золото. Такъ я буду стоять до послѣдняго огня.

15.

Правосудіе, судіи, законы, судилище, и вы помогаете злодѣямъ! Иначе этотъ гробъ не былъ бы

разоренъ непрязненною рукою, которая и у давно умершихъ требуетъ золота.

16.

Воздѣланная земля даетъ плоды, песокъ—золото, шелковичный червь — тонкія нити, а гробница — прахъ. Если же у тебя и изъ костей добывается золото; то не оставляй ни одной кости въ землѣ: пусть изъ всѣхъ течетъ золото!

17.

Видно, человѣку наскучило уже проводить по землѣ борозды плугомъ, переплывать море, брать въ руки всенизлагающее копье, а только бы съ киркой и съ свирѣпымъ сердцемъ въ груди, входя въ гробницы отцевъ, искать тамъ золота, когда и мою красивую гробницу взрылъ какой-то нечестивецъ ради корысти.

18.

Семь на свѣтѣ чудесъ: стѣны, статуя, сады, пирамиды, храмъ, еще статуя и гробница. Осьмымъ же чудомъ была я—огромная, высокая, далеко вверхъ возносившаяся съ этихъ утесовъ гробница. Но первенствуя по славѣ у умершихъ, возбудила теперь ненасытность твоей неистовой руки, человѣкоубійца.

19.

Было время, что незыблемо стояла я — гробница, многимъ превышая вершину горы, какъ издали видный утесъ; а теперь поколебалъ меня ради золота домашній звѣрь, и я потрясена руками сосѣда.

20.

Кто расхитилъ эту могилу, которую со всѣхъ сторонъ объемлетъ собою вѣнецъ изъ четырехъгран-ныхъ камней, тотъ стойтъ, чтобъ его самого заклю-чить въ этотъ памятникъ, и отверстіе тотчасъ за-дѣлать надъ нечестивцемъ.

21.

Преступное дѣло видѣлъ я на дорогѣ—раскопан-ную могилу. Всему этому виною коварное золото. Но если и добылъ ты себѣ въ ней золото, то нашелъ худое. А если вышелъ изъ могилы ни съ чѣмъ, то понапрасну умышлялъ такое нечестивое дѣло.

22.

Сколько разъ смѣнялась при мнѣ человѣческая жизнь! однако же и я не избѣгла рукъ губителя сосѣда. Не убоившись ни Бога, ни святости умер-шихъ, немилосердо опрокинулъ онъ на землю ме-ня, величественно стоявшую здѣсь гробницу.

23.

Бѣгите всѣ прочь отъ этого злодѣя — опустоши-теля гробовъ, когда онъ такъ легко разорилъ та-кую громаду, а не самъ скорѣе ея раздавленъ! Дальше, дальше бѣгите отъ него! Этимъ угодимъ мы умершимъ.

24.

Увы! увy! смотря на этотъ высоковоздвигнутый, но уже разрушенный памятникъ, предвижу близ-

кое бѣдствіе, угрожающее раскопателямъ гробовъ и окрестнымъ жителямъ. Но врагъ не минуетъ казни, а наше дѣло—пролить слезы объ умершихъ.

25.

Величественъ гробъ Мавзоловъ. Но онъ въ уваженіи у Карянъ. Тамъ нѣтъ руки, разоряющей гробы. А я отличался своимъ великолѣпіемъ у Кападокіянъ, и смотри, что потерпѣлъ! Напишите на позорномъ столпѣ имя убійцы мертвыхъ.

26.

Подъ горою стояла стѣна, и потомъ она упала; изъ кучи же лежащихъ вмѣстѣ камней, какъ холмъ, возвысилась я — гробница. Но что это значило для златолюбцевъ? — Ничто. Они сокрушили меня до основанія.

27.

У мертвыхъ и памятники мертвы. А кто воздвигаетъ великолѣпную гробницу праху, тотъ пусть и потерпитъ за сіе; потому что этотъ человѣкъ не расхитилъ бы моего гроба, если бъ и съ мертвецовъ не надѣялся получить золота.

28.

Какой это памятникъ и чей? — Не знаю; на столпѣ не видно надписи; потому что опрокинуть онъ прежде гробницы. А какого времени?—Работа памятника старинная. Скажи же, чья зависть расхитила это?—Злодѣйскія руки сосѣда. Что хотѣлось имъ найти?—Золотую обводку.

29.

Кто ни будетъ проходить мимо моей гробницы, пусть знаетъ, что потерпѣлъ я эту обиду отъ новаго наслѣдника. Хотя у меня не было ни золота, ни серебра; однако же красота этихъ блестящихъ сводовъ подала мысль, что у меня есть и то и другое.

30.

Стань ближе и плачь, смотря на этотъ памятникъ умершаго. И я былъ нѣкогда великолѣпный; а теперь служу памятникомъ на гробъ бѣдняка. Не строй гробницы, другой смертный! Чему быть съ нею, кромѣ того, что будетъ разорена златолюбовою рукою?

31.

Вѣчность, заклепы угрюмой смерти, глубины мрачнаго забвенія, мертвецы! Кто и какъ смѣлъ поднять руки на мою гробницу? Какъ смѣлъ? И святость умершихъ не оберегаетъ ихъ?

32.

Я—гробница покрываюсь позорными ранами, вся изъязвлена, какъ человекъ на губительной битвѣ. Ужели это угодно смертнымъ? И какой противозаконный предлогъ! Изъ меня извлекаютъ мертвеца, какъ будто золото.

33.

Богомъ, покровителемъ странниковъ, умоляю всякаго, кто проходитъ мимо моей гробницы, сказать:

«да потерпѣть то же и самъ, кто сдѣлалъ это!»! Не знаю, какого мертвеца заключаетъ въ себѣ гробница; но, возліявъ на нее слезы, скажу: да потерпѣть то же и самъ, кто сдѣлалъ это!

34.

Покинувъ все, и земныя глубины и предѣлы моря, идешь ко мнѣ, желая найдти золото у моего мертвеца. У меня есть мертвое тѣло и гнѣвъ умершаго. Кто ни прійди, съ охотою отдадимъ это желающему.

35.

Если бы далъ я тебѣ золото одинъ-на-одинъ, не поберегъ ли бы ты взятаго у меня? А иначе я назвалъ бы тебя очень злонравнымъ. А если теперъ разрываешь могилу, гдѣ сокрытъ неприкосновенный залогъ, и дѣлаешь это для золота; то скажи, чего ты достоинъ?

36.

Зарывай въ землю живыхъ; ибо для чего зарывать мертвыхъ? Тѣ достойны могилы, которые допустили такъ жить тебѣ—поругателю отшедшихъ и златолюбцу.

37.

И ты, несчастный, тѣми же дланями дерзновенно будешь принимать таинственную Снѣдь, тѣми же руками будешь обнимать Бога, которыми раскопалъ мою могилу? Ужели праведнымъ нѣтъ никакого преимущества, когда и ты избѣгаешь вѣсовъ правосудія?

38.

Что́ это за вѣрность, о любезная земля, когда погубила ты по смерти того мертвеца, котораго ввѣрилъ я твоимъ нѣдрамъ? Не земля поколебала меня, но сокрушилъ злый человѣкъ, и ради корысти вторгся внутрь меня.

39.

Прежде были два убѣжища—Богъ и мертвецъ. Но Богъ милостивъ къ прибѣгающимъ къ Нему; а будетъ ли милостивъ мертвецъ, увидить это расхититель гробницъ.

40.

Тебя, конечно, будетъ мучить совѣсть; а я стану оплакивать умершихъ, оплакивать злодѣяніе твоей руки.

Перестаньте строить гробницы; перестаньте скрывать умершихъ въ земной глубинѣ: дайте мѣсто расхитителямъ гробовъ!

И это — хитрая выдумка погребателей—строить такіе памятники, чтобъ найдти златолюбивую руку!

Что́ тебя, ненасытный, навело на мысль домогаться такой бѣды для жалкой и непостоянной прибыли?

41.

Не нужны вы больше, столпы и гробницы — памятники мертвыхъ. Не буду уже возвѣщать объ умершихъ сооружеіемъ надъ ними памятниковъ послѣ того, какъ сосѣдъ разметалъ мою славную

могилу. Ты, любезная земля, принимай отъ меня мертвецовъ!

42.

Столпы, каменные въ горахъ могилы—трудъ исполновъ, не истлѣвающая память умершихъ! Пусть все это ниспровергнетъ всколебавшись земля, и тѣмъ поможетъ моимъ мертвецамъ, на которыхъ нападетъ губительная рука, вооружившись желѣзомъ.

43.

Когда ты, свирѣпый титанъ, раскапывалъ на горѣ знаменитую могилу; какъ осмѣлился посмотрѣть на мертвецовъ? И когда посмотрѣлъ, какъ наложилъ руки на кости? Или, можетъ быть, и удержали бы тебя тамъ, если бы можно было тебѣ имѣть одну съ ними могилу.

44.

Гробницы, сторожевыя башни, горы и мимоходящія, оплачьте мою могилу, оплачьте расхитителя гробовъ! А ты, эхо, повторяй съ окрестныхъ утесовъ послѣднія слова: «оплачьте расхитителя гробовъ»!

45.

Убивайте, расхищайте, злые рабы низкой корысти: никто уже не удержитъ вашего сребролюбія! Если ради золота и на это отважился ты, злоумышленный злодѣй; то на все наложишь свою хищническую руку.

46.

Этотъ человѣкъ изъ пустой надежды раскопалъ мою, дорогую для меня могилу,—единственное достояніе, оставшееся мнѣ по смерти. И его какой нибудь 'злодѣй' пусть убьетъ своими руками, и, убивъ, бросить вдали отъ гроба отцовъ!

47.

Кто разорилъ мою, дорогую для меня, гробницу, которая на вершинѣ высокой горы воздымалась, какъ гора?—Золото изострило мечъ у людей; золото погубило ненасытимаго плователя въ волнахъ весенняго потока; надежда получить золото разорила и меня—огромную и прекрасную гробницу. Для людей несправедливыхъ—все ниже золота.

48.

Не рѣдко путникъ предавалъ землѣ занесенное волнами тѣло мореходца; не рѣдко иный погребалъ умерщвленнаго звѣремъ и даже кого самъ убилъ на войнѣ. А я погребенъ былъ чужими руками, но съѣдъ раскопалъ мой гробъ.

49.

Какое ты зло, о коварное и немилосердное золото! И на живыхъ и на мертвыхъ заносишь неправедную руку. Кому подѣ сохраненіе отдалъ я свой гробъ и свои кости, тѣхъ-то злодѣйскія руки меня и погубили.

50.

Все кончилось: мы шутимъ и мертвецами; въ живыхъ никакого не стало уже уваженія къ умер-

шимъ! Посмотри на этотъ гробъ. Такъ былъ прекрасенъ, составлялъ чудо для мимоходящихъ, чудо для окрестныхъ жителей: но надежда получить золото и его погубила.

51.

Гдѣ ни умру я, умоляю васъ: бросьте тѣло мое въ рѣку, или псамъ, или отдайте въ снѣдь всепожаряющему огню. Это лучше, чѣмъ гибнуть отъ злолюбивыхъ рукъ. А ихъ-то и боюсь, смотря на этотъ гробъ, потерпѣвшій такое разореніе.

52.

Когда-то царь Киръ, ища золота, открылъ одну царскую гробницу, и нашелъ въ ней слѣдующую надпись: «раскрывать гробы — ненасытное дѣло руки». Такъ и ты не святыми тоже руками раскрывъ этотъ величественный надгробный памятникъ.

53.

Кто не добръ до живыхъ; тотъ, можетъ быть, окажетъ еще помощь умершимъ. А кто не помогаетъ умершимъ, тотъ никогда не поможетъ не умершимъ. Такъ и ты, когда расхитилъ гробы умершихъ, никогда уже не прострешь священной руки къ неумершимъ.

54.

Увѣряю тебя, что нѣтъ у меня ничего; лежу здѣсь бѣдный мертвецъ. Вотъ и въ этомъ гробѣ не было золота, но онъ раскопанъ. Златолюбцамъ все доступно. Бѣги отсюда, правосудіе!

55.

Если такой памятникъ воздвигъ ты умершему, это—еще не великое чудо. А если разорилъ такой памятникъ, то славень будешь у потомковъ, а иной причислить тебя къ великимъ злодѣямъ; потому что ниспровергъ ты гробъ, который приводитъ въ трепеть и убійць.

56.

Какъ на Родосцевъ дождемъ падало золото, такъ тебѣ изъ могилы приносится желѣзомъ золото, а съ нимъ и бѣда. Раскапывай же, раскапывай всѣ могилы; можетъ быть, какая нибудь изъ нихъ, обвалившись, задавитъ и тебя, а тѣмъ окажетъ помощь мертвецамъ.

57.

Я была гробница, но теперь уже не гробница, а куча камней. Такъ стало угодно златолюбцамъ. Гдѣ же правосудіе?

Увы! увy! сталъ я прахомъ, но не избѣжалъ злодѣйскихъ рукъ. Чтò хуже золота?

Боюсь за человѣческій родъ, если и тебя, гробница, осмѣлился кто-то непреподобными руками опрокинуть на землю.

Я—гробница, какъ башня, стояла горѣ; но человѣческія руки сравняли меня съ землею. Какой законъ позволилъ это?

Эта обитель принадлежала мнѣ умершему; но желѣзо проникло и въ мою могилу. Пусть и твоимъ домомъ овладѣетъ другой!

Заступъ нуженъ на нашия; но прочь отъ моей могилы, прочь! у меня нѣтъ ничего, кромѣ гнѣвныхъ мертвецовъ.

Если бы ждалъ я тебя, ненасытный опустошитель гробовъ; то здѣсь висѣли бы и колъ и колесо.

Для чего ты тревожишь меня — пустой гробъ? Однѣ только кости и прахъ скрываю въ себѣ для приходящихъ.

58.

Я—гробница выше всѣхъ гробницъ; но и меня на ряду съ прочими раскрыла рука убійцы! И меня ограбила рука убійцы! Смертные, не стройте больше надгробныхъ памятниковъ и не дѣлайте погребеній. Собирайтесь къ мертвымъ тѣламъ, псы! Собирайтесь къ мертвымъ тѣламъ, псы! А люди, эти искатели золота, изъ праха мертвецовъ извлекаютъ уже золото.

59.

Одинъ соорудилъ гробницу, а ты уничтожилъ ее. Пусть и тебѣ, если позволено, соорудить одинъ гробницу, а другой опрокинетъ ее на землю!

И на мертвецовъ уже наложили руки златолюбцы. Умершіе, бѣгите, если можно, изъ гробовъ.

Для чего тревожишь меня? Одни только хрупкіе черепы мертвецовъ заключаю я въ себѣ. Все богатство гробницъ—кости.

Бѣги отъ демоновъ, которые здѣсь поселились! А больше ничего нѣтъ во мнѣ—гробницѣ. Все богатство гробницъ—кости.

Если бы цѣлый гробъ былъ золотая обитель, и

тогда, златолюбецъ, не надлежало бы поднимать своей руки на умершихъ.

Всѣмъ владѣете вы, живые; а мнѣ умершему досталось не много камней, и они для меня дѣроги. Пощади же мертвецовъ!

Я—не золотая обитель; для чего же опустошаютъ и меня? У меня—гробницы, которую ты тревожишь, все богатство—мертвецъ.

Я—гробница была славою окрестныхъ жителей; а теперь стала памятникомъ самой злодѣйской руки.

Если у тебя слишкомъ златолюбивое сердце; выкапывай себѣ золото въ другомъ мѣстѣ, а у меня нѣтъ ничего, кромѣ перетлѣвшихъ погребальныхъ одеждъ.

Не оставляй мертвеца обнаженнымъ на показъ людямъ; иначе и тебя иной обнажить, а золото по большей части—только сонная греза.

Для смертныхъ не довольно стало налагать руку на смертныхъ. Напротивъ того снѣшите вы брать золото и съ мертвецовъ.

Окажите помощь и своимъ гробницамъ вы, которые видите этотъ разоренный памятникъ. Посмотрите, каковъ этотъ расхититель гробовъ!

Кто меня, съ давняго времени закрытаго неподвижными камнями, на показъ смертнымъ выставилъ бѣднымъ мертвецомъ?

Для чего ты, несчастный, разорилъ мою могилу? Да пресѣчетъ Богъ и твою жизнь, о златолюбивое чудовище!

Клянусь умершими, клянусь самымъ тартаромъ, никогда не обращать благожелательнаго взора на расхитителя гробовъ!

Горы и утесы, плачьте надъ моимъ гробомъ, какъ надъ однимъ изъ товарищей; всякій же камень да падеть на того, кто прикоснется къ тебѣ желѣзомъ!

Былъ я богатъ, а теперь нищъ; гробница огромна, а золота внутри нѣтъ. Пусть знаетъ сіе тотъ, кто готовитъ поруганіе неприкосновенному убъжищу мертвеца!

Хотя безъ отдыха будешь до основанія раскапывать мое подземное жилище; однако же концемъ всего этого будетъ для тебя одинъ трудъ. У меня нѣтъ ничего, кромѣ костей.

Разорайте, разорайте! гробница много даетъ золота любителямъ камней; а все прочее—прахъ.

Любезная земля, не принимай въ свои нѣдра, когда умереть наслаждавшійся выгодами отъ расхищенія гробовъ!

Приходило желѣзо наругаться надо мной, уже не живымъ, и съискать у меня золото, но нашло нищаго мертвеца.

60.

Тартаръ — для нѣкоторыхъ басня; ибо иначе этотъ человекъ не открылъ бы гроба. О правосудіе, какъ ты медлительно!

О правосудіе! Какъ ты медлительно! И тартаръ уже не страшенъ; ибо иначе этотъ человекъ не открылъ бы гроба.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТОЙ ЧАСТИ

ТВОРЕНІЙ СВ. ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА.

	<i>Стр.</i>
Пѣснь Богу.	1
Молитва ко Христу.	3
Молитва утренняя.	5
Молитва вечерняя.	5
Молитва на другое утро.	6
Молитва въ болѣзни.	6
Молитва шествующаго въ путь.	7
Плачь и моленіе ко Христу.	10
Плачь Григорія о себѣ самомъ.	14
Къ самому себѣ.	17
Къ душѣ своей.	19
Плачь о душѣ своей.	20
Упреки неразумнымъ стремленіямъ души.	22
На плоть.	24
На лукаваго.	26
О брани отъ бѣсовъ.	30
Разговоръ съ міромъ.	31
О бренности естества человеческого.	32
Жизнь человѣческая.	33
Покаянная пѣснь при концѣ жизни.	34
На болѣзнь.	35

II

	<i>Стр.</i>
О Промисль.	40
О вочеловѣченіи, 1-е.	44
— — — — 2-е, противъ Аполлинарія.	45
О подлинныхъ книгахъ Богодухновеннаго Писанія.	48
Похвала двѣству.	49
Советы двѣственникамъ.	78
Къ двѣамъ.	105
Монахамъ.	109
На цѣломудріе.	115
На любомудрую нищету.	117
На терпѣніе.	118
Счастіе благоразумія.	119
Пристрастіе.	120
Смерть любезныхъ.	—
Недобрыя друзья.	—
О смиренномудріи, цѣломудріи и воздержаніи.	121
На гнѣвливость.	154
На тѣхъ, которые часто кланутся.	173
Сравненіе жизни духовной и жизни мірской.	186
Къ душѣ своей	196
Мысли, писанныя четверостишіями.	200
Мысли, писанныя одностишіями.	209
На челоуѣка высокаго родомъ и худаго по нравственности.	211
На богатолюбцевъ.	214
На женщинъ, которыя любятъ наряды.	227
Советы Олимпіадъ.	240
На лицемѣрныхъ монаховъ.	245
Не должно клеветать на живущихъ чисто потому, что нынѣ падають.	248
Увѣщаніе къ духовной жизни.	249
И въ шуткѣ должна быть степенность.	—
На тѣхъ которые при гробахъ мучениковъ предаются роскоши.	250
Злословящему.	251
Юліану.	252
Филагрію, на его терпѣніе.	253

	<i>Стр.</i>
Сигантию пустыннику	254
Строителю дома Гигантию	255
Къ Немесію	
Максиму	269
Отъ Никовула сына къ отцу	271
Отъ Никовула отца къ сыну	280
Къ Виталиану отъ синовей	291
Къ Селевку	306
Двѣнадцатъ патріарховъ	317
Египетскія язвы	—
Моисеево десятословіе	318
Чудеса пророка Іліи и Елиссея	—
Родословіе Христово	319
Двѣнадцатъ Апостоловъ	323
Христось на корабль	324
Чудеса Христовы по Евангелію отъ Матея	—
— — — — — отъ Марка	326
— — — — — отъ Луки	327
— — — — — отъ Іоанна	328
Притчи Христовы по Евангелію отъ Матея	—
— — — — — отъ Луки	329
Притчи Христовы у четырехъ Евангелистовъ	330
Опредѣленія слегка начертанныя	335
Надписи	346
Надгробія: Софисту Прозресію	347
Грамматку Ѳеспесію	—
Мартиніану	—
Ливіи	350
Евфимію	351
Амфилохію	353
Никомиду	355
Картерію	356
Вассу	357
Филтатію	358
Евсевію и Василиссь	—
Елладію	—

	<i>Стр.</i>
Георгію.	359
Евпракію.	—
Максецію.	360
Двоимъ Евпракіямъ.	—
Павлу.	—
Григорію.	362
Кесарію.	—
Горгонію.	366
Отцу.	—
Матри скончавшейся въ святилищѣ.	369
На общую гробницу своего семейства.	379
Накратію, брату св. Василя Великаго.	380
Еммелин, матери св. Василя Великаго.	381
Макринъ, сестръ св. Василя Великаго.	—
Феосевин, сестръ св. Василя Великаго.	—
Василію Великому.	382
Себѣ самому.	385
На расхищающихъ гробы.	387

О П Е Ч А Т К И.

<i>стрн.</i>	<i>стрк.</i>	<i>напечатано :</i>	<i>должно читать :</i>
12	12	плящій	палящій
29	свз. 8	представителемъ	предстоятелемъ
40	13	движеть	движеть,
48	18	Иссуъ	Исусъ
49	5	перечисли	перечислю
57	12	земль	земли
96	17	земледельцемъ	земледвльцемъ
104	4	благотишіемъ	благотитшіемъ
131	19	Спеззиппъ.	Спеззиппъ?
141	посл.	чуждей	чуждой
153	13	путями	пути
178	15	упоминается	упоминаются
197	6 св.	вынуть	вынудить
223	посл.	заключеніи	заключеніе
269	14	занесись	заносись
283	1	озаряли	озарили
306	предпосл. <i>м</i>		<i>мо</i>
317	13	Божій	Божіей
319	свз. 6	визводитъ	визводятъ
352	9 свз.	писала	писана
356	10 свз.	блггоправія	благонравія
358	4 свз.	Христа	Христу

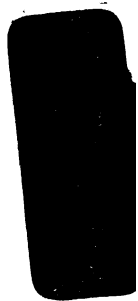

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

0036742465

09308040

DEMCO

